

ГЕНИИ ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ ЛЕНИН

ВЛАДИМИР
ПОЦЕЛУЕВ

«ВЕЧНО ЖИВОЙ»

ГЕНИИ

ВЛАСТИ

Владимир Поцелуев

ВЕЛИКИЙ ЛЕНИН

«Вечно живой»

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2014

- 69230 -

УДК 82-94
ББК 63.3(0)6
П 64

> а5

Разработка дизайна серии *Петра Волкова*
Оформление переплета и суперобложки *Юрия Щербакова*

В коллаже на переплете использованы фотографии:
Николай Петров / РИА Новости; Архив РИА Новости.

Иллюстрация:
Mmaxer / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Поцелуев, Владимир.

П 64 Великий Ленин. «Вечно живой» / Владимир Поцелуев. — Москва : Яуза : Эксмо, 2014. — 480 с. — (Гении власти).

ISBN 978-5-699-74860-0

«Если предложить хорошую цену, капиталисты продадут нам веревку, на которой мы их повесим», «Богатые и жулики – две стороны одной медали», «Интеллигенция – не мозг, а г... нации!», «Мы пойдем другим путем!» – так говорил В.И. Ленин. Хотя после его смерти прошло уже 90 лет, ожесточенные споры о «Вожде мирового пролетариата» и его роли в истории не стихают до сих пор. Ленина проклинают как «тирана и палача», «залившего кровью всю Россию». Его прославляют как гениального политика, отца-основателя СССР и великого пророка, чьи идеи особенно актуальны сегодня: ведь еще сто лет назад он предупреждал и о зверином оскале финансового капитализма, и о бесплодности «экономики по производству денег», этого «самопожирającego монстра», обрекающего мир на глобальные кризисы...

И в чем бы ни обвиняли Ленина заклятые враги, даже они вынуждены признать очевидный факт: он был великим политиком, ГЕНИЕМ ВЛАСТИ, оставившим неизгладимый след в истории не только России, но и всего мира!

УДК 82-94
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-699-74860-0

© Поцелуев В., 2014
© ООО «Издательство «Яуза», 2014
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Счастливых революций никогда не бывало.

Николай Бердяев.

Новое Средневековье.

Размышления о русской революции.

М., 1991. С. 35

Эта всеобщая обязательная, принудительная к употреблению ложь стала самой мучительной стороной существования людей в нашей стране — хуже всех материальных невзгод, хуже всякой гражданской несвободы.

Александр Солженицын.

Письмо вождям Советского Союза.

М., 1974. С. 39

ВВЕДЕНИЕ

Вот уже 100 лет водит народы России дух великого революционера-интернационалиста Владимира Ильича Ульянова, физическую оболочку тела которого можно еще лицезреть в Мавзолее на Красной площади столицы. «Ленин» — это не только алая надпись на черном граните, но и имя, с которым не одно поколение огромной страны трудилось, боролось и умирало. Монументы вождю стоят на центральных местах тысяч городов и селений, а его идеи, оформленные в учение марксизма-ленинизма, пытаются приспособить и в настоящее время.

Без сомнения, теория, созданная Ульяновым-Лениным, весьма привлекательна, ибо содержит в себе наиболее желанные мечты человечества. Однако реальные пути и практические методы их достижения противоречили главному — человеческому благосостоянию и даже самой человеческой жизни. Жизненная практика ленинской теории социалистического строительства оказалась несостоятельной, но оставшиеся ее апологеты пытаются отстоять «чистоту» ленинизма, уверяя, что его не так понимали и извращали. А разве можно было исказить ленинское теоретическое наследие, выходившее многомиллионными тиражами, пятью «полными» собраниями сочинений и ду-

блирующими 55 томов ленинских произведений отдельными изданиями.

Ленинизм стал государственной идеологией, особой формой сознания, ментальности, мировоззрения, верой в будущее, ради которых человеческое «я» превращалось в абстрактное «мы». Индивидуальный разум превращался во всеобщее послушание вождю, которого уже и не существовало, но его идеи интерпретировались в угоду властолюбивым лжепророкам.

«Основы ленинизма — тема большая. Для того чтобы ее исчерпать, необходима целая книга. Более того — необходим целый ряд книг», — утверждал И.В. Сталин в начале апреля 1924 г. в лекции «Об основах ленинизма», прочитанной в Свердловском университете. И был совершенно прав.

«Вся правда о ленинизме состоит в том, — пояснял Сталин, — что ленинизм не только возродил марксизм, но он сделал еще шаг вперед, развив марксизм дальше в новых условиях капитализма и классовой борьбы пролетариата»¹.

О «новых условиях» приходилось лишь догадываться, ибо еще не были написаны и растиражированы разъясняющие статьи и книги недоучившегося семинариста, ставшего профессиональным революционером, продолжателем «дела великого Ленина», об «особенностях развития капитализма в России» и «классовой борьбе пролетариата» в аграрной, богобоязненной, малограмотной стране. Вместе с тем Сталин дает четкое определение ленинизма, которое многомиллионными тиражами будет внедряться в сознание масс. Только 11-е издание книги И. Сталина «Вопросы ленинизма» вышло в Москве в 1939 г. тиражом 4 млн экземпляров. При элементарных математических расчетах получается: на 190 млн 700 тыс. населения СССР в 1939 г., с учетом 217 человек обоего пола с высшим и средним неполным образованием на 1000 человек, на каждого грамотного приходилось по книге.

«Что же такое, в конце концов, ленинизм? — ставил вопрос Сталин и отвечал: — Ленинизм есть марксизм

эпохи империализма и эпохи пролетарской революции. Точнее: ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности... Ленин же, ученик Маркса и Энгельса, подвизался в период развитого империализма, в период развертывания пролетарской революции, когда пролетарская революция уже победила в одной стране, разбила буржуазную демократию и открыла эру пролетарской демократии, эру Советов.

Вот почему ленинизм является развитием марксизма»².

Сталинское определение ленинизма соответствует весьма общему понятию роли Ленина в создании теории и становлении на практике социалистического строительства. В частности, Ленин не «подвизался в период развитого империализма», тем более для России. Об эпохе «пролетарской революции» говорить было преждевременно, ибо СССР был единственной страной «победившего социализма». Деление же демократии на «разбитую буржуазную» и «победившую пролетарскую» не соответствовало здравому смыслу. Серьезного научного внимания заслуживает уточнение Сталина, что «ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности», ибо оно стало общепринятым. Ленинизм стал государственной идеологией, базовой теорией практического строительства социализма, методологией исследований буквально во всех отраслях науки. Изучение ленинизма являлось обязательной учебной дисциплиной во всех вузах и техникумах. Он пронизывал всю жизненную структуру осоветизированных людей вне зависимости от их партийности и желания. Ленинизм стал главным принципом социалистического строительства, несоблюдение его влекло самое строгое наказание.

Таким образом ленинизм стал неотъемлемым не только для большевиков, но и всего многомиллионного населения многонационального Союза ССР. Сила ленинизма заключалась в политической эффективности, ибо идеи, вы-

двинутые Лениным, были близки и понятны большинству ущербного населения. Но ленинизм был очень опасен, ибо желанное предлагалось добыть в классовой борьбе путем диктатуры, которую не чувствует насильник, пока не станет очередной закономерной жертвой.

Жизненная практика правления большевиков-коммунистов показала неэффективность социалистического строительства, несостоятельность идей марксизма-ленинизма. Однако закономерное, но столь неожиданное крушение посредственно-привычного состояния жизни, распад СССР очень трудно понять и воспринять как должное. Целое поколение советских людей было воспитано на благородных мечтах и жесткой действительности, но вера в хорошее осталась и поныне.

Историки, политологи, философы, самая широкая общественность продолжают спорить о том, как гуманные идеи принесли страдания и горе строителям светлого будущего. Кто виноват, социалистические теоретики, вожди советского народа или независимые от людей обстоятельства?

Реальное содержание истории XX столетия нельзя оценить однозначно — божественным проклятием России или демонизмом партийных вождей, хотя и то и другое не отрицается. Оно прежде всего выражается в политическом авантюризме, неудачном экономическом курсе государственного развития, низком уровне благосостояния трудящихся, идейно-догматическом состоянии народа, резкой поляризации масс и руководителей, некомпетентности партийно-государственной элиты, неспособности ее организовать и убедить людей, а также нежелании какого-либо политического компромисса. Искать ответ необходимо в истоках формирования политики государственного управления, в идейных взглядах вождей России и прежде всего в ленинизме.

Актуальность проблемы исследования в том, что она как бы на слуху у всех, фактически представляет барьер, разделяющий общество на «пламенных ленинцев», «ярких сталинистов» и убежденных антикоммунистов. Но

никто из них не владеет неоспоримым материалом своей правоты, ограничиваясь лишь отдельными тенденциозными фактами и субъективным суждением. На наш взгляд, необходимо выяснить основу, единую для противоречивых оппонентов, ибо в ее истине перспектива идейного и экономического развития России, выявить соответствие ленинской теории и практики строительства социализма.

Вся жизнь советского общества ассоциировалась с именем Ленина — от идей, планов до побед, и никогда не упоминались поражения. Их просто «не существовало», а если их невозможно было скрыть, то их причиной объявлялись «враги народа», противники ленинизма — оппортунисты. Обожещенный Ленин рождал и культы соратников-последователей, которые постоянно подчеркивали неизменность курсу учителя, обильно цитируя его теоретические труды. Культ вождей в основном опирался на потребность стихийных революционных масс в харизматических личностях. Пантеон политических вождей стал необходимым элементом идейно-символической основы идеократического режима — мифа о героических революционерах, преобразующих все, даже против воли бога и самой природы. Н. Бердяев полагал, что в Ленине соединились традиции русской революционной интеллигенции в ее наиболее максималистических течениях и исторические традиции российской власти в ее наиболее деспотических проявлениях. И друзья, и враги видели в Ленине незаурядную, сильную личность, умного эрудированного человека, бескомпромиссного политического собеседника, жесткого партийно-государственного руководителя.

Феномен ленинизма практически неотделим от теории и практики большевизма, который давно стал предметом научных исследований как отечественных, так и зарубежных ученых. Однако в период советской истории анализ большевизма, впрочем, как и всей идеологии марксизма-ленинизма, проводился необъективно, без минимальной критической оценки даже явно догматического и преступно содеянного. Выработался и строго соблюдался жестокий политический каркас общественного мышления,

отход от которого карался не только местью Коммунистической партии, но и самыми строгими статьями Уголовного кодекса. Попытки критического анализа политического состояния советского общества соотечественниками, как правило, терпели фиаско, а критики оказывались в уголовно-исправительных лагерях строгого режима, в псих-лечебницах, в политической ссылке.

Обожествление Ленина шло не только за счет хвалебного воспевания его жизни и деятельности, но и за счет забвения его соратников, не говоря уже о политических оппонентах, оклеветанных и расстрелянных, имена которых даже не упоминались в академических и энциклопедических изданиях, так же как пропали настоящие фамилии революционных кумиров. До настоящего времени нет полного, объективного исследования и оппозиции Ленину, хотя в различных изданиях, вышедших в 90-е гг., есть упоминание об отдельных эпизодах борьбы за власть.

В эпоху современной многопартийности и политического плюрализма особо остро встал вопрос о роли личности в истории и особенно в повседневной жизни России. В партийных документах, в многообещающих выступлениях политических лидеров проводятся концепции благосостояния российского населения, защиты его прав и человеческого достоинства, мира во всем мире. С различных теоретических позиций предлагаются формы и методы практического решения столь важных проблем. Главная цель столь интенсивной борьбы сосредоточена на взятии власти, без которой, по единодушному мнению, невозможны радикальные улучшения общества. Однако, как показывает исторический опыт, не все благие намерения ведут в рай. А заманчивые идеи и пламенные речи революционеров и реформаторов не всегда выливаются потоками живительного дождя, зачастую превращаясь в испепеляющие все живое молнии и гром.

Всякое общество состоит из личностей, среди которых есть авторитеты, которые фактически управляют различными аспектами общественной жизни, ведут за собой массы. Общественная борьба за лидерство порождает новые

и более совершенные авторитеты, добрые дела которых украшают историю цивилизации. В то же время на фоне общественных желаний появляются и псевдоавторитеты, за ошибки которых страдает все общество. Естественно, от ошибок никто не застрахован, да и не всегда они трагичны. Человеку трудно признать свои ошибки, ибо его разум эгоистически находит различные оправдания, что еще больше усугубляет их последствия для окружающих. Беда заключается в том, что чем выше в общественном положении ошибающийся человек, тем больше страдает людей, и страдания усугубляются по мере дальнейших действий несменного лидера.

Таким образом, вопрос о роли личности и прежде всего о роли личностей верховного руководства страны в развитии общества наиболее значим как в политико-теоретическом, так и в историко-практическом отношении. Вследствие этого особое внимание нами обращено на личность основателя партии большевиков и советского государства — Владимира Ильича Ульянова (Ленина), о котором написано очень много, с явными приукрашениями его жизни и деятельности отечественными авторами и критически зарубежными историками. В основном эта литература имеет добротную, но весьма одностороннюю источниковую основу с обильным цитированием классиков марксизма-ленинизма. Авторы пытались оправдать необходимость классовой борьбы в общественном развитии; приоритет политики над экономикой; преимущество общественной собственности и планового ведения государственного хозяйства над частной собственностью и рыночными отношениями. Не подвергалась и толике сомнения правильность идей К. Маркса и Ф. Энгельса, Ленина и живых вождей РСДРП(б), РКП(б), ВКП(б), КПСС, которых представляли ревизионистами, отступниками после их смерти. Идеи и дело Ленина боготворили вне зависимости от жизненных реалий. Во всем столь однообразно мажорном представлении ленинской теории и практики социалистического строительства явно ощущалась партийно-государственная направленность, жесткий

идеологический контроль, определявшие псевдонаучность и зашоренность советских обществоведов.

Вместе с тем отечественные историки с особым энтузиазмом показывали истинный героизм простого народа, его веру в светлое будущее, которые со временем переходили в апатию, сарказм, недоверие к государственным руководителям и яростным беспринципным агитаторам «квасного патриотизма», некомпетентным проводникам коммуно-социалистической идеологии.

Тех же ученых, которые пытались представить критический анализ исторического прошлого, дать лишь отвлеченный, относительно реальный прогноз будущего социалистического развития, не просто громили хорошо организованные бездари, поддерживаемые партийным начальником, но и физически истребляли, превращая в безликую лагерную пыль.

Появилась обширная историография исследуемой проблемы, в которой особое место занимала «критика буржуазных фальсификаций». Сами же труды оппонентов были заключены в специальные хранилища крупнейших библиотек, доступные лишь ограниченному кругу ученых³. Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ различных монографий и мемуаров был почти невозможен.

Провозглашенная политика гласности открыла отделы специального хранения, отмена лицензирования печати дала возможность «прихода» научно-исторической литературы политических оппонентов. Проблема ленинизма в конце 80–90 гг. затронута отчасти в различных исследованиях философов, политологов, юристов и представителей других общественных наук. В исторической науке ее разработка лишь начата, но еще далеко не достаточно. Главной причиной интенсивности научных исследований историзма ленинской теории и практики социалистического строительства в России является: во-первых, закрытость наиболее секретных документов, а зачастую явное их уничтожение; во-вторых, еще есть сомнения, трудности и опасности в «развенчании» обоготворенного вождя и его всесильной партии.

Конец 80-х годов был характерен поиском компромиссов, т.е. признания частичных ошибок партийной элиты, излишней заорганизованности советского общества, бесконтрольности карательных органов, но принципиально основные позиции ленинизма по построению социализма сохранялись. Это несмотря на то, что массив научно-исследовательской, общественно-политической и учебно-методической литературы, которая на протяжении длительного времени, казалось, успешно служила нам для передачи от поколения к поколению скрижалями отечественной истории, обнаружил свою негодность. Выцветал не только радужно раскрашенный фактический материал, но главным образом классовые оценки и концептуальные схемы, методика самого преподнесения материала⁴. И все же, как бы ни желали изменить «многие оценки и концептуальные схемы» добросовестные коллеги, этого еще не позволяла партийно-государственная система власти. Да и как можно было обновить, заново переосмыслить тот или иной аспект отечественной истории, особенно истоки формирования государственной политики и личностей партийно-советских руководителей, при сохраняющихся в глубокой тайне многих секретных, особо секретных и секретных особой важности документах, да и монографиях зарубежных исследователей.

Таким образом, историография проблемы: а) специфично обширна, ибо те или иные исторические факты, события, суждения и выводы исследователей рассматриваются как с классовых позиций, то есть с точки зрения идейно-политической борьбы, непримиримости буржуазии и рабочих, так и с общечеловеческих позиций; б) весьма ограничена, свободно-творческой интерпретации нетрадиционных исследований еще крайне мало.

Характеризуя специфически обширную литературу, раскрывающую идейные истоки большевиков, борьбу за власть и установление «диктатуры пролетариата», необходимо отметить, что с точки зрения идеологии марксизм-ленинизм — это закономерный анализ происшедшего. Нормальным явлением можно считать включение в партийную

программу идей равенства, справедливости, братства и т.п. благородных помыслов человечества, родившихся вместе с ним и живущих поныне. Нет ничего предосудительного и в том, что большевики стремились к власти, ибо это цель любой политической партии. К тому же фундаментальные труды по истории КПСС оперировали многочисленным фактическим материалом, и эту заслугу исследователей невозможно отрицать. Вместе с тем выводы, представленные в советских изданиях, как правило, ортодоксально идеологизированы, за чем следил специальный партийно-цензорный орган — Главлит. В соответствии с «холодной войной» были отредактированы исследования западных историков и политологов, фактический материал которых был более критичный, нежели в советских изданиях.

Весьма благоприятное воздействие на историографию ленинского периода партийно-государственного руководства Советской Россией оказали перестроечный процесс конца 80-х гг. советского общества, отмена политического давления, гласность и снятие ограничения к доступу в архивы. На основе новых документов с точки зрения общепринятых общественно-демократических форм и методов научных исследований появились ранее неизвестные советским историкам труды их зарубежных коллег и дискуссионно-новаторские исследования, даже с несколько перехлестом критического анализа⁵. Подробный, детализированный анализ литературы и источников представлен в первой главе.

Разноплановость историографического анализа, отсутствие конкретного исторического исследования, раскрывающего исторические корни политики большевиков, диктуют необходимость фундаментального изучения проблемы соответствия ленинской теории и практики строительства социализма в России. Автор считает актуальным, правомочным и своевременным настоящее исследование, задачами которого являются:

1. Показать механизм формирования «партии нового типа», не скрывающей своих амбициозных целей по захвату государственной власти.

2. Доказать необходимость установления диктатуры партии.

3. Раскрыть формы и методы идеологического оболванивания народных масс, всеобщего террора.

4. Прояснить финансовую базу большевиков и их вождей, превратившихся в партийно-государственную олигархию.

Особое внимание автор уделил личностям революционеров и их оппонентов с глубоким убеждением в том, что их роль в истории весьма существенна. Автор рассматривает индивид вождя не только как цель исторического анализа, но и как средство, оказавшее волевое воздействие на основные процессы общественного бытия, которые изменили или значительно прокорректировали естественный ход истории.

Хронологические рамки исследования определены началом социально-экономического кризиса в России и партийной деятельности В.И. Ульянова и физической смертью В.И. Ленина (1893–1923 гг.), после которой нельзя было приписать что-либо лично вождю большевиков, но толковать ленинизм можно было по-всякому.

Книга построена по системно-структурным и сравнительно-историческим методам исследования, способным не только выявить и проанализировать основные направления ленинской революционной теории, формы и методы развития политики большевиков, но и сопоставить их теоретические взгляды с реальными делами социалистического строительства в Советской России. В работе использовались проблемно-хронологический, ретроспективный и системный подходы, что позволило более глубоко и фактологически раскрыть процессы логической взаимосвязи теории и практики ленинизма. Автор опирался на базисные философско-этические представления о взаимоотношениях личности и общества. В основе исследования лежат два взаимосвязанных принципа общественного историзма: персонцентризм и системоцентризм — с использованием сопоставительного научного анализа противоречивого документального материала, отражающего истину общественного сознания и бытия.

Впервые в комплексном, фактологически обоснованном и логически завершенном исследовании показан историзм ленинской теории и практики социалистического строительства в России. На основе общепринятых критериев человеческих отношений проанализированы основные постулаты революционной теории марксизма-ленинизма, роль Ленина и результаты созданной им большевистской партии и системы государственного управления.

Исследование показывает пагубные результаты нарушения традиционного общественного бытия, определяющей основой которого является производительная (экономическая) деятельность людей, а не их действия по распределению материальных благ, созданных другими. Раскрыт механизм катастрофы человеческого сообщества, уверовавшего в радужные обещания обоготворенных ими вождей. Положения и выводы, представленные в работе, могут быть использованы в фундаментальном пересмотре идеологизированных выводов научных исследований по истории XX столетия, учебном процессе, в разработке программ политических партий и общественных объединений.

Структура работы обусловлена тематикой, целью и задачами исследования: введение, четыре главы по три параграфа, заключение. Структурное построение акцентирует внимание на ключевых этапах революционной теории и деятельности Ленина, истории политики и практики большевиков.

Научный аппарат монографии не ограничивается указанием литературы источников частичного цитирования, использования статистических данных и документальных фактов. Он включает и список сопутствующей литературы, которая явилась дополнительным стимулом оформления научных открытий, умозаключений, предсказаний, за что я искренне благодарен коллегам — союзникам и противникам столь актуальной и многогранной проблемы, затронутой мною.

ИЗВЕСТНОЕ, ПРИДУМАННОЕ, ТАЙНОЕ

Основой предлагаемой вашему вниманию книги является обширная и разнообразная историография, затрагивающая исследуемую проблему. Автор концентрирует свое внимание на новейшей монографической литературе, в основном опубликованной в 90-е гг., которая подразделяется на критически-реставрационную и на оправдательно-реабилитационную.

Источниковая база исследования, включающая: 1) мемуары и эпистолярное наследие; 2) теоретические труды вождей и документальные источники их деятельности, — подразделяется на две группы документов: а) широкоизвестные и общедоступные; б) спецхрановские и пришедшие из-за границы, ранее недоступные и неизвестные.

Автор сознательно представляет обильное цитирование источников, что, по мнению соискателя, наиболее точно выражает сущность исследуемых вопросов, позицию субъекта и объекта ленинизма.

Перо, разящее, как штык

Одной из первых книг о роли Ленина в истории развития революционной теории и практики социалистического строительства в России стала рукопись русского историка Георгия Владимировича Вернадского «Ленин — красный диктатор». Книга, представившая взгляд ученого, не под-

верженного политическим устремлениям, была издана в США в 1931 г. В России же ее перевод вышел в 1998 году тиражом лишь 3500 экземпляров. Остановившись на основных вехах истории России конца XIX — начала XX веков, автор одним из первых пытался объективно изложить деятельность Ульянова-Ленина, проанализировать формирование теоретических взглядов основателя большевизма и практическое их внедрение в процессе социалистического строительства.

Вместе с тем работа нашего соотечественника, эмигрировавшего из Советской России в 1920 г., слабо документирована, к тому же не имеет научного оформления, даже ссылок на цитируемые произведения Ленина. Автор упускает несколько главных моментов, характеризующих Ленина как «красного диктатора»: 1) процесс установления диктатуры большевиков, 2) роль Ленина в централизации власти вождя, 3) финансирование партии и др.

Весьма своеобразной является книга профессора США Энтони Саттона, написанная в 1974 г., попавшая в Россию в 1998 г., — сенсационное и явно небесспорное исследование о финансировании ленинского переворота в России, материальной помощи большевикам в Гражданской войне и в укреплении власти Советского правительства во главе с Лениным.

Профессор Э. Саттон на основе рассекреченных правительственных архивов США, Канады и Великобритании доказывает, что без финансовой, дипломатической и политической поддержки, оказанной Троцкому и Ленину их мнимыми противниками, а на деле заинтересованными в революции союзниками — капиталистами Уолл-стрита, «большевики вполне могли быть сметены».

Опубликованные Э. Саттоном документы вскрывают истинные пружины механизма принятия определенными кругами США и их союзников решений, направленных на поддержку правительства Ленина. Анализ мотивов Уолл-стрита американский исследователь рассматривает с экономико-финансовой точки зрения, ибо деньги, по его убеждению, — «кровь общественной жизни». В связи с

этим особое внимание уделяется проблеме еврейского вопроса и «русской» революции, ибо любая революция расчищает пути к обогащению. По иудаизму же, главное не бессмертие души и загробный рай, а обретение финансово-материального изобилия и благополучия на земле.

Саттон вполне обоснованно подтверждает вывод российского философа В. Соловьева, что в XIX веке «иудейство... успело занять господствующее положение в наиболее передовых нациях» за счет ростовщичества — «презираемого занятия» христиан — и того, что «финансы и большая часть периодической печати находятся в руках евреев (прямо или косвенно)»⁶, и подчеркивает, что в хаосе России был заинтересован сионизм, объединенный в международные масонские ложи, обладавшие мощной, влиятельной финансово-политической силой, по мнению философа И.А. Ильина — «мировой закулисой». В соответствии с этим автор анализирует отношения идеологов социалистической революции в России: Троцкого с американскими и канадскими государственными деятелями; Ленина с германскими милитаристами; показывает результаты миссии американского Красного Креста и компании «Гаранта Трест» в России; рассматривается и проблема экспорта революции.

✓ Несмотря на ряд убедительных, документально аргументированных доводов, обобщений и выводов, монография написана безапелляционно резко, особенно в отношении буржуазных монополистов, идейных большевиков и всемогущих сионистов. «Существует обширная литература на английском, французском и немецком языках, — утверждает, и не без оснований, Э. Саттон, — отражающая тот аргумент, что большевистская революция была результатом «еврейского заговора», а более конкретно — заговора еврейских банкиров всего мира. В общем, в качестве конечной цели предполагается их контроль над миром; большевистская же революция была лишь одной фазой более широкой программы, которая якобы отражает многовековую религиозную борьбу между христианством и «силами тьмы»⁷.

По мнению Э. Саттона, «национал-социалист (например, фашист) и интернационал-социалист (например, коммунист) одинаково насаждают тоталитарные политико-экономические системы, основанные на неограниченной власти и принуждении индивидуума. Обе эти системы требуют монопольного контроля над обществом».

На наш взгляд, разница незначительна, ибо фашисты ратуют за националистические интересы, коммунисты за интернациональные. Первые строят диктатуру на псевдонациональной гордости и страхе национального (сионистского) порабощения, вторые — на страхе национального непримирения и фактического национального разобщения, дающего возможность управлять не основной нации, а претендующей на мировое господство меньшей (еврейской) нации.

«...к концу XIX века жрецы Уолл-стрита поняли, — считает Саттон, — что более эффективный путь к завоеванию непоколебимой монополии заключается в том, чтобы «пойти в политику» и заставить общество работать на монополистов под вывеской общественного блага и общественных интересов... Существовала и существует неразрывная, хотя и скрываемая взаимосвязь между международными политиками-капиталистами и международными революционерами-социалистами — к их взаимной выгоде. — 1) Капиталисты-монополисты являются злейшими врагами свободного предпринимательства, и 2) с учетом неэффективности централизованного планирования при социализме тоталитарное социалистическое государство является прекрасным рынком для его захвата капиталистическими монополиями, если им удастся заключить союз с представителями социалистической власти»⁸.

Выходит так, что, как только такого союза достичь не удалось, Советский Союз развалили, дестабилизировали весь общественный уклад жизни бывших социалистических республик, тем самым создав самые благоприятные условия для их монополизации, а точнее, разграбления и финансового закабаления.

«Короче говоря, — пишет Э. Саттон, — в этой книге предлагается история большевистской революции и ее последствий, но история, которая расходится с традиционно упрощенным подходом «капиталисты — против коммунистов»⁹.

Одной из фундаментальных, но неизвестной до недавнего времени для советской общественности книг является двухтомник Луиса Фишера, который надеялся, «что русский перевод моего труда, первоначально опубликованного по-английски, явится известным вкладом в дело объективного и тщательного изучения жизни Ленина и его места в истории в перспективе 100-летней годовщины со дня рождения основателя Советского государства». По мнению Фишера, «Ленин был человеком особого рода — помимо большой роли, сыгранной им в истории... В опубликованных работах, статьях, заметках и письмах Ленина и дневниках его сотрудников вырисовываются его политический профиль и весь ход революционного движения до 1917 г. и становление Советской России по 1924 г.».

Луис Фишер, проживший 14 лет в нашей стране, «попытался дать образ как самого Ленина, так и людей, с которыми он работал, и показать их взаимоотношения с подвластным населением»¹⁰. Очень трудно критически оценивать труд человека, стоящего на иных идеологических позициях, тем более не претендующего на исчерпываемость своей научно-популярной книги, но добросовестно ссылавшегося на исторические факты.

Исследованием формирования культа личности основателя большевизма и создателя огромной державы СССР явилась книга профессора Гарвардского университета Нины Тумаркин, в которой представлена не только политическая, но и психологическая, культурно-историческая, мифологическая подоплека культа Ленина. В монографии «Ленин жив! Культ Ленина в Советской России», вышедшей из печати в 1983 г., «сделана попытка показать и осмыслить литературные, визуальные и материальные воплощения политического мифа»¹¹.

Уделяя внимание истокам культа личности Ленина в России, месту Ленина «в большевистской мифологии», сохранению его мощей, ритуалу его похорон, сохранению его тела и посмертной канонизации личности Ленина и его учения, автор крайне мало анализирует формирование идеологии вождя большевизма и его практическую деятельность.

Одним из первых российских ученых, опубликовавших весьма критическое историческое исследование биографии и общественно-политической деятельности Владимира Ульянова (Ленина), явился Аким Александрович Арутюнов. В книге «Феномен Владимира Ульянова (Ленина)» на документальной основе, многое из которой впервые вводится в научный оборот, автор делает попытку раскрыть «сущность большевизма... методы и средства борьбы за власть». Арутюнов не без оснований считает, что «по масштабности и изощренности совершенных злодеяний Ленин далеко превзошел своих именитых предшественников. Такого страшного зла не причинил народам России ни один глава государства, ни один лидер реакционных партий»¹².

Наиболее полно политический портрет Ленина представил доктор философии, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, генерал-полковник в отставке, бывший член Государственной думы России Дмитрий Антонович Волкогон, который «сам долгое время был поистине огромным влиянием идей Ленина» и непосредственным проводником его идей, работал в Военной академии преподавателем философии, заместителем начальника Главного политического управления Советской армии. «Но глубокое ознакомление с доселе закрытыми архивами Политбюро, ЦК КПСС, другими неизвестными ранее материалами постепенно привело (на рубеже его 60-летнего жизненного пути. — В.П.) автора к глубоко осознанному выводу: в XX веке все главные беды России исходят от Ленина и созданной им организации...»¹³

Не вдаваясь в подробный историографический анализ книг Волкогонова, который неоднократно был проделан коллегами-историками и философами с диаметрально противоположными мнениями, необходимо признать: 1) основательную источниковедческую проработку темы; 2) научно-аргументируемые критические выводы автора; 3) взаимосвязь Ленина со своими соратниками и последователями.

Вместе с тем: 1) не проработаны некоторые вопросы автором (вероятно, от спешки в столь интенсивной деятельности)¹⁴, они логически уязвимы и небесспорны; 2) недостаточно четко исследована историческая ретроспектива формирования идей Ленина (в их явном противоречии) и деятельности «созданной им организации».

Идейно верящие в коммунизм и поныне считают предателями и отщепенцами тех, кто, и не без оснований, изменил тому, что сам и пропагандировал, кто, подобно Волкогонову, мямлил, что не знал «всей правды о Ленине, о большевиках, потому что ее якобы прятали в архивах...»¹⁵.

А разве это не так? Почему до сих пор мы по крупным получаем факты из неопубликованных 3724 ленинских документов, находящихся в секретных фондах? По мнению Жореса Александровича Трофимова, который «более тридцати лет занимается изучением жизни и деятельности В.И. Ленина, семьи Ульяновых», им написаны десятки книг, исследований, «громадная часть из 3724 неизвестных документов — это листовки, газеты, журналы, книги, выписки из них, которые вряд ли заслужили публикации в качестве «новых ленинских документов». И это пишет кандидат исторических наук в год 1997-й, когда не только А. Арутюнов, Д. Волкогонов, А. Латышев, В. Солоухин, А. Яковлев и др. лишь частично воспользовались неизвестными ленинскими документами, но и гораздо ранее их «Известия ЦК КПСС».

Ну а что касается самих трудов на основе неизвестных ленинских работ и с иной трактовкой общеизвестных фактов Ж. Трофимов, как и редактор его книги канди-

дат исторических наук В.А. Перфилов, «при поддержке членов ульяновского общества «За правду о В.И. Ленине и нашей истории», то это якобы «метаморфозы... мифы... пасквиль... спекуляция... злобные вымыслы о вожде... ложь да навет»¹⁶. В небольшой — 5 п. л., но гораздо более злобной, нежели критикуемый труд Д. Волкогонова — 60 п. л., брошюре Ж. Трофимов пытается доказать, что «опус Волкогонова так густо усеян ошибками, измышлениями и клеветой, что необходим разбор каждой его главы»¹⁷.

Вместе с тем критик не соизволил остановиться на конкретном разборе книг Волкогонова, упрекая его в бесчеловечности за то, что он назвал Ленина «антихристом XX века» и опубликовал снимок «обезумевшего от неизлечимой болезни человека». Действительно, снимок неприятный и неэтичный. Ну а разве этично было врать всему миру о состоянии Владимира Ильича, да к тому же выставлать немощного вождя на высшие партийно-государственные посты.

Аналогичной тактике в отстаивании Ленина придерживается и Владимир Акимович Чебыкин, утверждая, что «Волкогонов использует иезуитскую тактику: признает достоинства ленинского интеллекта только в тех пределах и только для того, чтобы опорочить его». Автор отрицает какую-либо критику в адрес Ленина, при этом в качестве доказательств ссылается на изданные ранее идеализированные воспоминания ленинских соратников, идеологизированные монографии. Зачастую использует абсурдный прием, выражающийся формулой «Этого не было, ибо этого не могло быть». Не отвечая фактологически, он упрекает Волкогонова, Афанасьева и др. в том, что раньше в своих трудах они ссылались на Ленина¹⁸.

Генрих Зиновьевич Иоффе предпринял попытку «дать историю русских революций (от февраля 1917 г. до весны 1918 г.) через характеристику личностей и деятельности трех главных политических лидеров эпохи: В. Ленина, А. Керенского и Л. Корнилова, олицетворявших собой три политические противоборствующие силы — левый радикализм, демократический центр и правые». Монография

Г.З. Иоффе отчасти «позволяет по-новому взглянуть на драматические события 1917–1918 гг., глубже понять причины, определявшие победу левого радикализма большевиков»¹⁹.

Фундаментальной явилась трилогия профессора русской истории Гарвардского университета Ричарда Пайпса, который попытался проанализировать политический строй в России от зарождения государственности в IX веке и до смерти В.И. Ленина²⁰. В ней ставятся вопросы: «Почему в России в отличие от остальной Европы, к которой Россия принадлежит в силу своего местонахождения, расы и вероисповедания, общество оказалось не в состоянии стеснить политическую власть какими-либо серьезными ограничениями? Почему не удалось создать государственную систему, ответственную перед народом и выражающую его интересы?»²¹

Необходимо отметить ряд особенностей, характерных для исследований Р. Пайпса, каждое из которых является самостоятельной, логически завершенной книгой. В то же время историческое изложение определенной проблематики делает их научным триптихом. «В отличие от большинства историков, ищущих корни тоталитаризма XX века в западных идеях, я, — утверждал Пайпс, — ищу их в российских институтах... В своем анализе я делаю особый упор на взаимосвязь между собственностью и политической властью»²². Пайпс считает, что «русская революция продолжалась целое столетие... По нашему мнению, — утверждал он, — кульминация приходится на четверть столетия, которое отсчитывается от начала широких волнений в российских университетах в феврале 1899 г. и заканчивается со смертью Ленина в январе 1924 г.».

Такая хронология малоубедительна, ибо даже выступления «декабристов» не внесли чего-либо революционно-го, а тем более февраль 1899 г. и январь 1924 г. Февраль и октябрь 1917 г., январь 1918 г. и март 1921 г. являлись ключевыми моментами революции в России, ибо большевики, не участвовавшие в свержении самодержавия, со-

вершив государственный переворот, даже в наиболее критические годы не упустили своей неограниченной власти.

На широком историческом фоне, с привлечением большого количества документов проанализированы основные аспекты деятельности российских социал-демократов в переломный период истории России — начиная с Кровавого воскресенья 1905 г. и включая свержение самодержавия в феврале 1917 г. — в монографии С.В. Тютюкина и В.В. Шелохая «Марксисты и русская революция»²³. Представлено оригинальное и «в чем-то субъективное видение истории большевистской и меньшевистской фракций РСДРП». Исследование лишено традиционно тенденциозного идеализирования ленинизма и большевизма. Тщательный деидеологизированный анализ разнообразных исторических источников, отечественной и зарубежной литературы, новых архивных материалов, дается сопоставительное сравнение позиций непримиримых большевиков и меньшевиков. Научная ценность проделанного исследования состоит в углублении предыстории Октябрьской революции 1917 г., показавшей на деле «силу» большевиков и соотношения ленинской теории и практики социалистического преобразования.

Многие ученые-историки, «твердо стоявшие» на позициях марксизма-ленинизма и рьяно защищавшие необходимость и правоту социалистического строительства, представляются сейчас жертвами политической конъюнктуры, которая «нежно выкручивала нам руки». В связи с этим весьма своевременна, интересна и небесспорна книга «История и конъюнктура», в основу которой положены статьи, опубликованные авторами в 1987–1990 гг. Ученые-историки Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов — авторы «исторических воспоминаний» — ставят задачу: «Понять механизм конъюнктурного давления на науку, чтобы хоть так защитить себя и своих читателей (в чем-то, может быть, и других предостеречь) от коварного плена узкопартийных пристрастий, превращающих поиски истины в «охоту за ведьмами»²⁴.

Историографический анализ своевременного труда Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова позволяет констатировать: во-первых, суждения авторов не лишены конъюнктуры; во-вторых, прослеженные ими «перестроечные изменения в массовом историческом сознании и профессиональной историографии ищут ответы на «проклятые» вопросы нашего прошлого...»²⁵, одними из которых являются исторические корни политики большевиков, ленинизм и другие «тенденции последних лет»²⁶.

«Любая революция, — считает доктор исторических наук, профессор В.В. Журавлев, — демонстрирует полный набор взаимоисключающих явлений и тенденций, на базе которых способны расцвести все мыслимые человеческие добродетели и пороки»²⁷.

Действительно, с такой констатацией можно согласиться, хотя революция — это конкретное действие, меняющее кардинально политическую власть.

«Революционный разряд страшной силы, — утверждает В.В. Журавлев, — был практически неизбежен, но большевикам, от этого никуда не уйдешь, удалось первоначально направить его (в русло) решения давно назревших и перезревших вопросов первостепенной социально-экономической важности: мир — народам, земля — крестьянам, заводы и фабрики — рабочим»²⁸.

Остановимся на этом, хотя и здесь предельно ясно: во-первых, никакой неизбежности «революционного разряда страшной силы» и не предвиделось. Шла закономерная, мирная политическая борьба за формы и методы государственного управления; во-вторых, большевики, никто этого не скрывает и даже не старается принизить значения, заявили о своем курсе, наметив вехами его развития — мир, землю, заводы, т.е. действительно вопросы первостепенной социально-экономической важности, тем самым оправдывали незаконность своего государственного переворота и увлекли за собой на революционные социалистические преобразования трудящиеся массы и даже некоторую часть интеллигенции и офицерского корпуса. Но как разрешились эти архиважные, основопола-

гающие вопросы и какова в этом роль стоявших у власти большевиков? Закономерно ли то, что произошло, или мешали субъективные обстоятельства? Вот в чем сущность проблемы.

В заключение Валерий Васильевич делает объективный вывод: «...большевики четко знали, на какие социальные силы — и прежде всего на радикально настроенные слои рабочего класса и деревенскую бедноту — может и должен опираться их режим. Они сумели мобилизовать эти силы, дав им конкретные, яркие, вдохновляющие лозунги. При этом, даже отторгая, например, левых эсеров, они взяли на вооружение все действенное, что было в программе и тактике этих рыцарей крестьянской демократии. Достаточно гибко реагируя на обстановку, они умело маневрировали, выдвигая на первый план то экономику, то политику, но не пуская ни те, ни другие процессы на самотек»²⁹.

С выводом профессора Журавлева мы солидаризируемся.

Иного мнения был кандидат исторических наук С.В. Леонов, утверждая, что «к 1917 г. у большевиков, равно как и в целом у российской социал-демократии, не было крупных заделов в разработке теории будущей государственной диктатуры пролетариата»³⁰.

Анализ ленинских работ, широко известных и в основном одобряемых соратниками, свидетельствовал об обратном. Они знали, что хотят, — взятия власти, представляли, как этого добиться, — путем завоевания большинства в Советах, вооруженного восстания и установления диктатуры, но не видели подходящего момента для решительного выступления. Об этом свидетельствовали события 3–5 июля 1917 г.

По мнению С.В. Леонова, высказанному несколько позже, «пока ни отечественная, ни зарубежная историография не могут дать аргументированные ответы на, казалось бы, очень простые, но принципиальные вопросы: каковы были истинные взгляды Маркса и Энгельса на государственность и демократию и кто был настоя-

щим марксистом — Ленин или меньшевики, К. Каутский? Была ли осуществлена в Советской России марксистская «диктатура пролетариата» или же это была извращенная «диктатура над пролетариатом»? Советская государственность явилась материализованной идеологией или же «производной обстоятельств», связанных с Октябрьской революцией и Гражданской войной? Была ли она действительно принципиально новой, возникшей в результате слома прежней государственности, или же она представляла собой продукт ее эволюции? Насколько отличалось советское государство от самодержавного...».

На наш взгляд, это не совсем так. Маркс и Энгельс достаточно ясно выразили свои взгляды на государственность и демократию, которые концентрированно выразили девизом мирового коммунистического движения «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Конечно, понимали взгляды Маркса и Энгельса по-разному. В данном случае количество еще не определяет качество, что и подтвердила история. Спорить о какой-либо диктатуре можно, но ясно, однако, что любая диктатура есть насилие, а насилие применимо лишь к преступникам, которых определяет независимый суд. И как следствие диктатуры, взятой за основу государственного управления, явилось и подавление буржуазии, и продовольственная диктатура, и Гражданская война, и военный коммунизм, и политические репрессии, и все то, что привело советское общество к краху, а коммунистические формы и методы построения «светлого будущего» к дискредитации.

С Леоновым можно согласиться лишь в том, что действительно будет интересным сравнение советского государства и самодержавного «и как оно вписывается в общероссийский контекст?». В том, чтобы приблизиться к ответам на эти вопросы, и заключается замысел монографии С.В. Леонова «Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг.»³¹, а также рукописи диссертации «Создание советской государственности: теория и практика (1917–1922 гг.)», представленной к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук в 1998 г.³²

«Заслуга» большевиков в создании тоталитаризма, считает доктор исторических наук Герман Антонович Трукан, уже достаточно изучена³³. В то же время он сам себе противоречит, посвящая отдельным, действительно достаточно изученным вопросам свой труд «Путь к тоталитаризму: 1917–1929 гг.»³⁴. Не вдаваясь в фактологический анализ революционной теории большевизма и даже не вступая в дискуссию с Лениным, Г.А. Трукан «сосредоточил внимание на невольном способствовании этому (т.е. созданию тоталитаризма. — В.П.) антибольшевистских лидеров России и Запада. Они тоже вместе с большевиками расчищали почву, на которой потом произрастал чертополох сталинского тоталитаризма...»³⁵.

По нашему убеждению, что мы и попытались обосновать, «чертополох» тоталитаризма, посеянный до, стал произрастать после захвата власти большевиками, а при Сталине были уже его плоды и обновленные селекционные семена. И совершенно справедливо, что без соответствующей почвы и ухода за ней никакие корни не дадут плодов. К тому же нужны кропотливый труд, неумолимое время и непреклонная вера.

Проблеме формирования советской политической системы посвятил ряд работ доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Ефим Гилевич Гимпельсон, более 30 лет изучающий период ленинского руководства Советской Россией. Особое внимание он уделяет вопросам экономической политики, роли рабочего класса в управлении советским государством, становлении однопартийной диктатуры. В работах Е.Г. Гимпельсона четко прослеживается эволюция столь актуальных вопросов, расширение источниковой базы, исследований, прогрессивность научных взглядов вне зависимости от политической конъюнкции³⁶.

Природу и последствия революционного насилия рассматривает Владимир Булдаков, который впервые концентрируется на «психопатологии русской смуты XX века»³⁷.

Из трудов зарубежных исследователей конца 80-х — начала 90-х гг. представляются оригинальными работы доктора исторических наук, научного сотрудника Государственного центра научных исследований Франции Клаудิโอ Сержио Ингерфлом, кандидата исторических наук (МГУ), доктора исторических наук (Сорбонна) Тамары Кондратьевой, Д. Штурман (Тиктиной) и др., в которых на основе произведений Ленина, его соратников и оппонентов делается попытка ретроспективного сопоставления национальных особенностей ленинизма, большевистских преобразований с якобинцами и современными реформами в России³⁸.

В то же время, признавая частичные ошибки исторического прошлого, представляя их как субъективные промахи и перегибы отдельных партийно-государственных руководителей, появляется ряд реставрационных изданий, носящих явно конъюнктурный характер, отстаивающих «чистоту» марксизма-ленинизма.

Оригинальной является брошюра Марка Васильевича Бойкова «Классики о классах. (Исправление по Марксу)», которая «представляет собой сборник больших и малых статей, написанных в разное время для газет, журналов и сборников и составленных в хронологической последовательности. В них ничего не изменено. Потому что истина не стареет, и от невостребованности актуальность ее только возрастает. Даже при наличии наивности».

«Отклоняли не за лживость написанного, — утверждает М.В. Бойков, — а именно за истинность, разоблачающую официальные идеологические позиции. Теоретическое разоружение партии (поймет читатель!), — уверен автор-правдоборец, — как и скрытое предательство марксизма, произошло задолго до Горбачева. Сам он стал лишь наиболее мерзостной их отпрыжкой: довел дело до предательства социализма»³⁹.

Столь обильное цитирование работ, представляющих «истину марксизма-ленинизма», дает какую-то гарантию рецензенту от обвинения его в непонимании общей кон-

цепции М.В. Бойкова, в которой «ничего не изменено». Не вдаваясь в схоластический спор, отметим лишь три позиции.

Во-первых, «мерзостная отрывка» является не делом предательства социализма, а показателем уже имеющегося факта заболевания общественного организма. По мнению Бойкова, «искажение, на котором мы стоим, идет от Иосифа Виссарионовича, разоблаченного Хрущевым только за чуть-чуть и не в главном»⁴⁰. Нетрудно догадаться, кому принадлежит «главное» разоблачение, хотя и явно запоздалое, как и для первой неопубликованной статьи 35-летнего автора, так и для 59-летнего теоретика-подпольщика марксизма-ленинизма. Хотя и здесь он может найти ответ в истине: «Лучше позже, чем никогда». Действительно так!

Во-вторых, Бойко не отрицает, а пытается доказать, и в некоторой степени довольно убедительно, что все, что было после Ленина, — это отход от теории и практики строительства коммунизма. Тем самым он призывает, да и не только он и в который раз, вернуться назад, к Ленину, ибо истину народного благосостояния открыл он — теоретик, учитель, практик, т.е. большевистский Христос.

В-третьих, подобного рода «научные труды», увидевшие свет благодаря «мерзкой отрывке», а поистине, при явном их подсвечивании угасающей «искрой» коммунистического светлого будущего, подтверждают актуальность, научную новизну и практическую потребность показа исторических корней политики большевиков, истины ленинизма, последователями которого продолжают оставаться рвущиеся к власти коммунисты. «То, что мы переживаем сегодня, — заявляет М.В. Бойков, — идет оттуда, из надломленного в своей сути социализма»⁴¹. И в этом мы согласны с ним и иже со товарищи.

«Не будем же отпевать то, что еще не родилось на свет»⁴², — считает кандидат исторических наук В.В. Дамье, имея в виду социализм. Да никто не «отпевает то, что еще не родилось», люди «отпевают» то, что было более 70 лет с названием «социализм». Ну а какой он есть на

самом деле, лишь можно гадать, но это не предмет исторической науки.

«Научно-теоретическое обеспечение нового социализма, под которым понимается социализм немногукладный, незататистический, небюрократический, государственно-самоуправленческий, планово-рыночный, последовательно демократический»⁴³, обеспечивает целый корпус специалистов, и не только самостоятельных, но и входящих в объединение «Российские ученые социалистической ориентации». По утверждению сопредседателя-координатора Центрального совета доктора юридических наук Бориса Петровича Курашвили, «РУСО существует третий год (т.е. с 1994 г. — В.П.), имеет более 70 региональных отделений, объединяет более 5 тысяч членов, от академиков и профессоров до ассистентов и студентов... Одна из уставных задач РУСО — разработка теории социализма... который впервые в истории утвердился в России, стал мировым явлением. И неожиданно рухнул...»⁴⁴. Б.П. Курашвили предлагает «в качестве оптимального выхода новый социализм».

«Сверхзадача» же книги Б.П. Курашвили, считает его коллега и единоведец, «боевой друг и побратим», сопредседатель-координатор РУСО, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РСФСР Иван Павлович Осадчий, — «это стать на какое-то время чем-то вроде систематизированного теоретического пособия для борцов за новый социализм»⁴⁵.

На наш взгляд, амбициозно, самонадеянно и малоубедительно звучит заявление Б.П. Курашвили о том, что «Россия ждет Евангелия социализма, и оно родится»⁴⁶, не поскупившегося и толикой марксистско-ленинской социалистической идеологии.

Проблема большевизма и реформации России рассматривается в работах известного политика и ученого Александра Николаевича Яковлева, бывшего члена Политбюро ЦК КПСС⁴⁷. В научно-популярном изложении академик «добровольно и осознанно принял на себя подвиг постановки и оглашения летального диагноза циничной системе порабощения человека, проросшей, в силу различных

исторических обстоятельств, на российской почве»⁴⁸. Вместе с тем некоторые сугубо политологические аспекты рассматриваемой проблемы нуждаются в документальном подтверждении и представлении их в исторической ретроспективе, ибо недостаточно «суммировать те мысли-прозрения и заблуждения, которые подверглись жестокой проверке жизнью...».

Мы единомышленны с Александром Николаевичем в том, что «для российского сознания, затуманенного гарью и дымом нетерпимости, особенно важно избавиться от мумий многочисленных догм, мифов и схоластических схем марксизма, прежде всего от тех, которые послужили идеологической основой режима моновласти, монособственности и моноидеологии»⁴⁹.

Неизвестным и не разработанным в российской и зарубежной историографии проблемам оценок русской эмиграции 20–30-х гг., истоков, сущности и последствий революционных событий 1917 г. в России; прогнозам и проектам будущего развития государственности посвящена монография Н.А. Омельченко «В поисках России...».

На основании широкого круга источников, на которые имеются ссылки в книге, автор исследует взгляды и воззрения видных деятелей русской эмиграции по вопросам:

Каковы особенности социально-экономического и политического развития России, сложная взаимосвязь которых явилась, по мнению большинства русских эмигрантов, причиной революционного крушения России?

Что обусловило победу большевиков в отсталой крестьянской стране?

Каким образом стало возможным установление в ней власти немногочисленной и малоизвестной партии революционного социализма?

Как объяснить длительность существования большевистского режима?

Почему «кучке насильников» не было оказано серьезного сопротивления со стороны угнетенного населения?»⁵⁰.

Ответы на эти вопросы, хотя порой противоречивые, помогают прояснить проблему ленинизма-большевизма,

причины установления и удержания государственной власти в России; выяснить историческое соответствие ленинской теории и практики строительства социализма.

Как бы подведением итогов историзма ленинской теории и практики строительства социализма в России, показом плодов исторических корней политики большевиков является двухтомная монография доктора юридических наук, профессора Юрия Исааковича Стецовского «История советских репрессий». В книге, основанной на критическом анализе рассекреченных документов и материалов практики карательных органов, «показаны масштабы, методы и корни репрессий. Рассматривается существо тоталитарного режима, его беспримерные жестокость, несвобода, подавление всякого инакомыслия, растление народа страхом и ложью».

Ретроспектива самого широкого круга репрессий рассматривается с гражданских позиций правоведа-практика и ученого. Фундаментальный труд впервые представляет опыт юридической экспертизы «выстраданного страной с октября 1917 г. до распада СССР». Позицию автора характеризует идея приоритетности прав человека, профессионализм критики, заинтересованность в диалоге.

Материал книги, представленный в проблемно-тематическом изложении, предворен лишь кратким историческим экскурсом с обилием примеров из жизненной и судебно-следственной практики, со ссылками на различные издания юридического характера и материалы периодической печати.

С рядом выводов автора вполне можно согласиться:

«Большевики преуспели в искусстве расчеловечивания и организации беспамятства...»;

«...амнезия исторической памяти обесмысливает жизнь человека и общества»;

«Репрессии свойственны насильственной природе коммунистического режима...»;

«Придя к власти незаконным путем, большевики установили режим, несовместимый с правом и свободой»;

«Произвол и насилие с самого начала исходили из центра через лозунги и призывы, указания и декреты».

И главный вывод: «Прошлое и нынешнее поправление прав человека имеет общие корни, и знание того, что пережито народом, — шаг к очищению нравственной атмосферы общества, шаг к покаянию и восстановлению ценности и достоинства личности»⁵¹.

Вместе с тем остается лишь сожалеть, что автор не историк, ибо труд его мог быть значительно углублен и расширен.

Весьма убедительной является монография Е.Г. Гимпельсона, в которой освещены процессы формирования советских руководящих кадров центральных и местных органов в 1917–1920 гг. Автор рассмотрел методы выдвижения и расстановки большевистских руководителей, социальное происхождение, уровень образования, культуры, компетентности управления. Проанализировано влияние чрезвычайной обстановки в России на качественный состав партийно-советских управленцев, злоупотребление властью, чекистский произвол, чиновничий бюрократизм. В кадровой политике большевиков, как в зеркале, отразились ленинские принципы партийно-советского руководства⁵².

После публикации моей книги «Исторические корни политики большевиков» (М., 1998. 268 с.)⁵³, вызвавшей большой интерес, я получил ряд замечаний, сущность которых сводилась к следующим положениям:

- 1) показаны не все корни большевизма;
- 2) проблема изложена популярно;
- 3) обильное цитирование;
- 4) «уж очень все печально и ужасно».

Я благодарен оппонентам, однако не совсем с ними согласен:

во-первых, в книге рассматривается период 1893–1923 гг. и основные, по мнению автора, корни ленинизма-большевизма;

во-вторых, К. Маркс был прав, напутствуя коллег: «Минимум научности, максимум популярности»;

в-третьих, обильное цитирование четко показывает позиции цитируемого. Представлены и субъективные

оценки автора по каждому затронутому в монографии вопросу;

в-четвертых, печальны и ужасны не корни большевизма, а его плоды. Ну а что касается «еелея», так никто не запрещает лить его и ныне, был бы прок, теория которого не расходилась бы с практикой.

Главное же, интерес самой широкой общественности к вопросам ленинизма подвиг меня на развитие проблемы, которая у всех еще на уме.

Уверенность в необходимости продолжения исследования и углублении избранной темы придала книга профессора Высшей школы общественных наук, члена Французской академии Алена Безансона «Интеллектуальные истоки ленинизма», опубликованная в Калман-Левью в 1987 г., 304 с., и переизданная в Москве 11 лет спустя. В книге представлены корни ленинизма «от французских якобинцев, левых гегельянцев, Маркса, славянофилов, Герцена, Чернышевского — до Нечаева и Ткачева, народовольцев и марксистов, Кронштейна и Плеханова. Автор обращается и к той реальности, в которую ленинизм воплотился, — то есть к семидесятилетнему периоду нашей истории». По утверждению Алена Безансона: «В сети, сплетенной Лениным, все используемые элементы доведены до крайности. То, что было фантазией или мечтаниями, стремится воплотиться в действительность»⁵⁴.

Представленный вниманию россиян труд французского ученого вызывает не только «академический» интерес, но и ущемляет национальную гордость отечественных обществоведов, критически и свободно мыслящих патриотов.

Своевременной и своеобразной явилась монография Елены Анатольевны Котеленец «В.И. Ленин как предмет исторического исследования», в которой «обобщаются итоги новейших российских и зарубежных исследований одной из самых масштабных и сложнейших фигур уходящего XX века. Специально анализируются феномен «антленинианы», политическое окружение и родословная

Ленина, становление его культа личности, взаимосвязь ленинизма и сталинизма».

Несомненно, что Ленин и его деятельность представляют «предмет исторического исследования», однако столь широкий спектр заявленных проблем снизил глубину столь важного в научном изучении и практическом применении вопроса. Так, проблема «антиленинизма», которую невозможно отрицать, преподнесена однобоко, без анализа трудов наиболее ярких критиков ленинизма, а термин «политическое окружение» Ленина не представлен четким определением автора. Не отрицая негативной политики Сталина, автор пытается отстоять «чистоту» замыслов и действий Ленина. Так, требования Ленина «непременно повесить» пензенских крестьян, прятавших хлеб от реквизиции его большевиками, оправдываются тем, что советская власть и Красная армия страдали от голода. Не согласна Елена Анатольевна и с тем, что «участь насмешек сопровождает ленинскую «кухарку», которой надо было научиться «управлять государством». «Сегодня же все более очевидно», по ее утверждению, «что без развитой способности к самоуправлению и контролю над «верхами» современное общество становится плутократическим источником всеобщей опасности». Пора бы смириться с тем, что «кухарка» не может «управлять государством», ибо как только она пытается это делать, то «горят котлеты», а деньги «утекают» за границу. «Странная судьба и у лозунга «учиться коммунизму», считает Котеленец и вновь находит объяснение, ибо «указание Ленина на необходимость овладения всем культурным богатством прошлого — это вовсе не специфически коммунистический, а естественный общечеловеческий лозунг, подсказанный скорее не Марксом, а системой классического образования». Очень печально то, что преподаватель кафедры истории России Университета дружбы народов ассоциирует ленинский лозунг «учиться коммунизму» с «системой классического образования»⁵⁵.

Представленная работа по новейшей историографии, несмотря на ее тенденциозность, является несомненным

вкладом в изучение ленинизма, а к позиции Е.А. Котелевца необходимо относиться с пониманием.

«Интерес к биографии и общественно-политической деятельности» Ленина подвиг Акима Арутюнова обобщить результаты своих предыдущих исследований в книге «Досье Ленина без ретуши». «Особое место уделено немецко-большевистским тайным связям накануне и в период Первой мировой войны, а также в годы советской власти». Автор привлек огромное количество документальных источников, ввел в научный оборот не использованные ранее архивные материалы, проделал критический анализ, пришел к аргументированно-убедительным выводам⁵⁶.

По мнению доктора медицинских наук Дмитрия Васильевича Колесова, «ленинизм — это весьма новаторская и творческая идея захвата и удержания власти, неразрывно связанная с практикой. За пределами этого в учении и деятельности Ленина почти ничего и нет». Оригинально, но в чем же новаторство и творчество Ленина в столь важном вопросе, которому посвятили жизни тысячи вождей, автор книги «В.И. Ленин: Учение и деятельность» раскрывает в анализе психологии общественных отношений и медицинском аспекте «роли личности в истории»⁵⁷.

Необычно, «впервые подходит с врачебным инструментарием к исследованию не медицинской проблематики, а комплекса исторических и общественных явлений», связанных с психологией личности большевистско-советских вождей, психоневрологии и психотерапии, рассматривает проблему рождения и распада СССР, в основе которого лежала теория и практика ленинизма, доктор медицины, профессор Ефим Салганик⁵⁸.

Весьма своеобразной и интересной является книга «Ленин без грима», который, по глубокому убеждению профессионального журналиста Льва Ефимовича Колодного, «толстым слоем нанесли на его лицо родственники, биографы и писатели, создавшие невиданный в истории культ Ленина»⁵⁹.

Подводя итог историографического обзора, содержания литературы, автор пришел к следующим выводам.

Историографию можно разделить на три группы: а) ортодоксально-традиционная, б) реставраторско-подновленная, в) перестроечно-новаторская.

Во всем корпусе проанализированной монографической базы отсутствует ясность основополагающей проблемы — историко-критический и сравнительно-сопоставительный анализ ленинской революционной теории и практики социалистического строительства в России, т.е. истории формирования и раскрытия сущности ленинизма.

О времени и о себе

Интересным и ценным, но очень сложным историческим источником являются воспоминания людей о себе, своем окружении и времени, которое как бы остановилось для авторов, хотя его стремительный бег неумолим. При желании автора разобраться в прошедшем спокойно и объективно неизменно создается эмоциональный фон мемуаров, что представляет исторический материал во многом субъективным. Субъективность усиливается естественным желанием вспомнить хорошее, в последний раз доказать свою правоту, внушить читателю свои взгляды на истину происшедшего, показать искренность и благородство своих помыслов, критически оценить действия оппонентов.

Трудно объективно анализировать личность лидера при его жизни. Те, кто рядом с ним, зачастую обворожены им или льстят ему, другие — боятся его немилости и мести. Те же, кто вне досягаемости кары руководителя, в своих суждениях необоснованно критичны.

Основополагающими вопросами научного анализа мемуарной литературы являются личность мемуариста, его жизненный путь, мировоззрение, а также время и место написания воспоминаний. Это позволяет определить, хотя и отчасти, компетентность в излагаемых событиях, цен-

ность источника, концепцию автора. Особое внимание обращается на исторические источники, использованные в воспоминаниях. Сопоставительный анализ воспоминаний проводится с документальными материалами, сведениями других мемуаристов, сообщениями средств массовой информации. Сравнительный анализ проводится по всем аспектам приведенных в воспоминаниях фактов, ибо человеческая память и духовная эмоциональность не могут служить критерием исторической истины. Вместе с тем ни один вид исторического источника не дает такого ярчайшего колорита описываемых личностей и событий, как мемуары.

Мемуарную литературу, отразившую деятельность руководителей большевистской партии и Советского государства, воплотивших в себе и проводящих на деле принципы ленинизма, можно сгруппировать в четыре блока: 1) сам о себе; 2) о нем — родные и близкие; 3) соратники и сослуживцы; 4) оппоненты и очевидцы.

Ленин мемуаров не писал. Он оставил большое теоретическое наследие, хотя во многом и противоречивое, но достаточно четко характеризующее его личность и жизнедеятельность. О нем же написаны буквально горы воспоминаний, в основном мажорно-хвалебные. А такие характеристики вождя, как «Ленин и теперь живет всех живых... Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить... Мы делу Ленина и Сталина верны...» и аналогичные, появились при Сталине, который, продолжая дело «великого Ленина», сам становился «величайшим», да и «беззаветная преданность ленинизму» всех последующих партийно-советских руководителей, способствовали возвеличанию вождя.

Обожествлению В.И. Ленина способствовали его соратники и преемники, проповедующие и проводящие в жизнь его идеи. Воспоминания об основателе большевизма, первом советском вожде в СССР проходили строгую цензуру, унифицировались и лишались даже намека на критику его жизнедеятельности.

В последние годы из-за рубежа стали «приходить» иные воспоминания о Ленине, из которых мы узнаем «земного человека», безжалостного борца, профессионального революционера, а также на какие деньги жила семья В.И. Ульянова, кто финансировал большевиков, почему идею о диктатуре пролетариата Ленин считал главной в революции и социалистическом строительстве, как он оказался в изоляции в подмосковных Горках и другие удивительные факты.

Весьма ценны воспоминания о Ленине отечественных и зарубежных писателей. Их личное восприятие главы Советской России житейски анализировалось и сравнивалось с существовавшей действительностью. В их представлениях Ленин был гением и злодеем, кремлевским мечтателем и авантюристом. В основном не зависимые от советского вождя и диктатуры партии суждения писателей правдивы и эмоционально человечны.

Критичные воспоминания и исследования, раскрывающие исторические корни политики и реальные деяния большевиков, руководимых В.И. Лениным, частично еще покоятся в архивах, бывших спецхранах, но постепенно появляются из печати⁶⁰. Наибольшую ценность представляют мемуары как соратников Ленина — Г. Зиновьева, Л. Каменева, Л. Троцкого, так и его политических оппонентов — Ю. Мартова, В. Чернова, А. Керенского, а также простых обывателей, обеспокоенных судьбой Отечества.

Весьма показательными воспоминаниями, а точнее, высказываниями о вожде являются выступления, статьи и приветствия соратников Ленина в честь его 50-летия. 25 апреля 1920 г. «Правда» сообщала своим читателям, что из-за недостатка места в газете она приводит лишь перечень многочисленных приветствий. Большая часть материалов была опубликована в различных сборниках, а некоторые были преданы более чем полувековому забвению, увидев свет лишь в 1990 г. в сборнике под символическим названием «Недорисованный портрет...»⁶¹. Он состоит из трех разделов. В первый вошла стенограмма «Коммунистического вечера, посвященного 50-летию со

дня рождения В.И. Ленина, в МК РКП(б)». Второй объединил статьи, опубликованные в газетах «Правда», «Известия» и «Коммунистический труд». Третий содержит небольшую часть приветствий, телеграмм, резолюций, направленных в адрес Ленина.

Среди поздравлявших почти все партийно-государственные руководители Советской России, среди которых и будущие «враги народа» Зиновьев, Радек, Бухарин, Троцкий и др., не высказавшие и нотки сомнения в гениальности своего вождя. Но даже восхваление Ленина из их уст было стражайшей тайной для потомков.

Необходимо подробно остановиться на анализе воспоминаний о Ленине и формировании его революционного мировоззрения одного из ленинских соратников с 1894 г., разошедшегося с ним по идейным соображениям. Один из лидеров меньшевиков, истинный демократ, особое внимание уделявший развитию легальных форм рабочего движения, Александр Николаевич Потресов написал воспоминания в 1927 г., уже будучи изгнанным из Советской России в 1925 г., и в 1934 г. 65-летним скончался за границей. Воспоминания были опубликованы в посмертном сборнике его сочинений, вышедшем в Париже в 1937 г. и лишь спустя 56 лет в России.

«Ленин, — вспоминал А.Н. Потресов, — вскользь чрезвычайно хвалебно отозвавшись о книге Плеханова-Бельтова («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшей в декабре 1894 г. — В.П.), с тем большей энергией, со свойственной ему ударностью направил свою критику против Струве».

Книга П. Струве «Критические заметки. К вопросу об экономическом развитии России», вышедшая в середине 1894 г., была раскритикована Лениным за уклон автора к буржуазному реформизму. «Но чем ярче, убедительнее выявлял он реформизм своего противника, — свидетельствовал Потресов, — тем ярче выступал вместе с тем и его собственный уклон — уклон в противоположную сторону».

Сквозь марксистскую терминологию просовывалась та тенденциозная концепция развивающегося капиталисти-

ческого общества в виде сплошной реакционной массы, которая была характерной основой для всех революционно-утопических течений.

«И тогда же в разговоре о нем, — вспоминал Потресов, — произнесено было слово «сектант». Да, сектант! Но сектант, прошедший серьезную марксистскую выучку! Сектант-марксист!»

«...мы все ценим Ленина, — вспоминал Потресов, — не только за его знания, ум, работоспособность, но и за его исключительную преданность делу, всегдашнюю готовность отдалиться ему целиком, нагружая себя сверх меры самыми неблагоприятными функциями и неизменно добросовестно их выполняя». И все же, по утверждению Потресова, «его исходное сектантство, так неприятно поразившее меня уже при первом моем с ним знакомстве, вопреки всем ожиданиям не только не исчезло ко времени нашей совместной работы в «Искре», а, наоборот, сделало дальнейшие шаги и предстало перед нами, его коллегами по редакции, в форме гораздо более конкретной, чем прежде, для нас как нельзя более тягостной».

«Ленин, — убеждался Потресов, — знал лишь две категории людей и явлений: свои и чужие. Свои, так или иначе входившие в сферу его организации, и чужие, в эту сферу не входившие и, стало быть, уже в силу этого одного трактуемые им как враги».

Характеризуя своих соратников, Потресов подчеркивал: «...Плеханова — почитали, Мартова — любили, но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собой, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с не меньшей верой в себя... Ленин без излишних слов неизменно чувствовал, что партия — это он, что он — концентрированная в одном человеке воля движения. И соответственно этому действовал».

Вот откуда в Ленине эгоизм революционера-большевика и безжалостное отношение к политическим оппо-

нентам — врагам партии, «врагам народа». От ленинских идей партийно-житейской мудрости, упавших на благодатную почву царизма, проходил «тот отбор человеческого материала, который под ферулой Ленина собрал так много энергичных, смелых и способных людей, наградив их, однако, в придачу к этим добрым качествам и недоброй моральной неразборчивостью, часто моральной негодностью и непозволительным авантюризмом. И в этой именно школе аморализма воспитывался ныне всесветно известный тип «большевика».

Вместе с тем Потресов сочувствовал коллеге, уверенно заявив: «...Болезнь и смерть избавили Ленина от печальной участи до конца расхлебывать эту кашу, заваренную им. Заваренную им не по Марксу, а именно во славу того аморализма, который представлялся ему таким практически целесообразным и который оказался в конце концов, несмотря на временные головокружительные успехи, таким непрактичным и страшным по своим последствиям». И далее подвел итог: «...История пережила все наши тогдашние опасения, превратив нашего аморального бывшего коллегу в рокового человека для России...»⁶²

Так пророчески для потомков и с ясной убежденностью для самого себя писал бывший соратник Ленина Александр Николаевич Потресов накануне «великого перелома» Сталина — продолжателя дела Ленина.

Анализ многих воспоминаний о Ленине приводится в основном по тексту книги по мере их фактологического использования.

Уникальным и более точным историческим источником, органически связанным с мемуарами, являются письма, записки и т.п. Эпистолярное наследие, которое, перефразируя образную и точную поговорку «Что написано пером, не вырубишь топором», написано рукой человека, и отказаться от него или сослаться на беспамятство просто невозможно. Письма показывают неформальные аспекты «большой политики», личные отношения большевистских руководителей, их пристрастия, логику

действий, формы и методы партийно-государственного управления.

При анализе эпистолярного наследия была выявлена его четкая группировка: во-первых, это личные письма к родным и близким; во-вторых, письма, записки служебного характера; в-третьих, все то, что писал народ своим руководителям.

Эпистолярный источник как литература, да и источниковый корпус в целом, имеет особенности в его использовании: а) широкодоступность, после тщательного цензорского отбора; б) ограниченность, связанная с началом публикации различных сборников писем, содержание которых подозревалося или просматривалось из других источников; в) недоступность ввиду того, что многое не приведено в порядок, необходимый для печати, не разобрано и не отсортировано, да и беспричинно еще закрыто. Пример — письма трудящихся М.И. Калинин и другим руководителям советских органов власти.

Традиционно в соответствии с цензорным отбором эпистолярное наследие опубликовано в собраниях сочинений партийно-государственных деятелей, в мемуарах, документальных сборниках. Письма Ленина к родным похожи на отчеты за одолженные у матери деньги. Короткие записки, любимая манера общения, со слов самого Ленина, очень конкретны, точно военные команды, приказы, требования «доложить об исполнении». Более душевный А.В. Луначарский не скрывает в письмах к жене сомнений в успехе революционных дел и подробно делится планами своих партийных товарищей.

С обоснованной критикой существующего режима большевиков выступал русский писатель В.Г. Короленко в доверительных письмах к наркому просвещения А.В. Луначарскому.

Опубликованное ранее эпистолярное наследие большевиков и их окружения проникнуто пафосом идейной искренности, уверенности в правоте своих деяний, ненависти к классовым врагам. Вышедшее из печати в период гласности, ранее скрытое в архивных спецхранах, цинич-

но и вульгарно по представляемой внешне «чистоте» революционного дела.

Особенно показательны богатые и разнообразные по содержанию, подобранные тематически сборники переписки большевистского руководства в период 1912–1927 гг., а также «Письма во власть 1917–1927 гг.», где подобраны заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям⁶³.

Недоумение, боль и тревога народа, наблюдающего за явным расхождением слов и дел своих вождей, постепенно перерастают в изменение сознания наиболее мыслящих людей, которые по мере своего прозрения погибают за критику или все более и более замыкаются, уходя в себя.

В сборнике «Голос народа» представлены письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг., в которых прослеживается ясное сознание ужаса от сотворенного большевиками государственного переворота, понимание причин Гражданской войны и невозможности достижения обещаемого «светлого будущего»⁶⁴.

Переписка большевистского руководства за 1912–1927 гг. раскрывает уровень отношений между лидерами партии. Особенно заметно возвышение в годы Гражданской войны Сталина и Троцкого, о чем свидетельствует полушутливое письмо Г.Л. Пятакова 13 октября 1919 г. «Его Высокопревосходительству Члену РВС Юж т. И. Джугашвили-Сталину. Осмеливаюсь всепокорнейше, почтительнейше и настоятельнейше просить Вас отдать нам Серго (Орджоникидзе. — В.П.). Пара дней совместной работы еще больше утвердили меня во мнении, что Серго должен быть в 13-й армии». В конце записки фамильярная подпись — «Егорка Пятаков». И другое доверительное письмо А.М. Назаретяна — руководителя Бюро Секретариата ЦК РКП(б) — в августе 1922 г. Г.К. Орджоникидзе, в котором он сообщает о значительных изменениях в деятельности руководящих партийных инстанций при Сталине, которые «ходят под Сталиным». Представлена и характеристика Сталина: «Он очень хитер. Тверд, как

орех, его сразу не раскусишь. Ильич имеет в нем безусловно надежнейшего цербера, неустрашимо стоящего на страже ворот ЦК РКП(б)»⁶⁵. О Ленине Назаретян известит Орджоникидзе в конце ноября 1922 г.: «Старик жив, здоров, иногда немного прихварывает». Знал ли истинное состояние здоровья вождя Назаретян или скрывал его, остается тайной, хотя по описанию интенсивной деятельности Сталина ясно, что Ленин отходит от дел.

Материал сборника, состоящий из определенной значимости каждого письма, «не претендует на то, чтобы осветить все вопросы деятельности советских вождей и борьбы в руководстве партии...». В научный оборот впервые вводятся материалы из фондов В.И. Ленина (Ф. 2) и его Секретариата (Ф. 5), Ф.Э. Дзержинского (Ф. 76), М.И. Калинина (Ф. 78), В.В. Куйбышева (Ф. 79), С.М. Кирова (Ф. 80), Г.К. Орджоникидзе (Ф. 85), коллекции документов И.В. Сталина (Ф. 558) и других Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

Все документы датированы и расположены в хронологическом порядке, без выделения различных видов корреспонденции (письма, записки и т.п.) за исключением телеграмм и разговоров по прямому проводу. Документы снабжены пояснительными замечаниями. В конце сборника представлено: указатель имен; список сокращений; избранная библиография: 1) публикации переписки руководителей РКП(б) — ВКП(б), 2) биографии и материалы к биографиям руководителей партии большевиков, что значительно облегчает и активизирует анализ имеющихся документов.

Идеи и директивы

Наиболее широкодоступными историческими источниками являлись и продолжают оставаться поныне тщательно отфильтрованные труды классиков теории социалистической революции — К. Маркса, Ф. Энгель-

са, В.И. Ленина⁶⁶, проповедников марксистско-ленинской идеологии и непосредственных руководителей социалистического строительства в Советской России⁶⁷. Вместе с тем труды многих соратников Ленина, ранее широко публикуемые, были изъяты из обращения⁶⁸ как наносившие вред чистоте советской идеологии по указанию продолжателя марксизма-ленинизма И.В. Сталина. Труды классиков марксизма-ленинизма и их последователей служили не только методологической основой всех научных исследований, но и практическим руководством всей общественной жизни огромного государства и перспективной строительства «светлого будущего».

Теоретические труды партийно-советских руководителей, представленные в тематических сборниках по различным направлениям государственного развития, ясно и четко показывают процесс формирования мировоззрения личности, трансформирующийся в государственную идеологию, зарождения и развития политики большевиков, претворения ленинской теории революционной борьбы и социалистического строительства в жизненную практику⁶⁹.

В конце 50-х — начале 70-х гг. по решению ЦК КПСС вышло Полное собрание сочинений В.И. Ленина в пятидесяти пяти томах, включая «как законченные работы, так и подготовительные материалы, письма, записки и т.д.»⁷⁰, которое фактически не является исчерпывающим. Хотя, по мнению официоза тех лет, «издание Полного собрания сочинений В.И. Ленина является выдающимся явлением в идейно-политической жизни Коммунистической партии, всего советского народа и международного коммунистического и рабочего движения»⁷⁰. В пятое издание вошло около 9000 работ Ленина, из которых «более половины были включены впервые». Советский период освещают работы, включенные в том с 34-го по 45-й, и переписка того же периода — с 50-го по 54-й том, 55-й том содержит письма к родным. Всего опубликовано около 4500 писем, записок, телеграмм, распоряжений, поручений и т.д., из которых около 3000 вошли в собрание сочинений впервые. Наряд-

ду с законченными работами опубликованы подготовительные материалы: планы, наброски статей, речей, брошюр, поправки к документам, различного рода заметки, конспекты и пометки на принадлежащих Ленину книгах и т.п.

В каждом томе имеется научно-справочный аппарат. В него входят: предисловия, в которых раскрывается идейное содержание произведений Ленина, вошедших в том; особенности исторической обстановки, время написания работ; списки работ Ленина, не разысканных доньше, с указанием источника сведений; списки работ, изданий и документов, которые, возможно, принадлежали Ленину или редактировались им; примечания, состоящие из фактических справок и пояснений; указатели литературных работ и источников, использованных автором; перечень имен и хронологических дат жизни и деятельности Ленина и его окружения.

К Полному собранию сочинений Ленина вышли две части справочного тома. Первый том включает предметный указатель, рубрики которого расположены по темам в алфавитном порядке. Во вторую часть справочного тома вошли 11 указателей: алфавитный указатель произведений, вошедших в ПСС; указатель псевдонимов В. Ульянова (Ленина); указатель упоминаемых в ПСС работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина; указатель имен, периодических изданий, географических названий, произведений художественной литературы и критики, пословиц и поговорок, революционных и народных песен, указатель слов и выражений, приведенных Лениным на латинском языке, и указатель иллюстраций.

Предметный указатель позволяет достаточно быстро и полно найти необходимые высказывания (цитаты) из произведений Ленина⁷¹. Издание пяти собраний сочинений ленинских трудов как бы дополняет 40 томов ленинских сборников, вышедших с 1924 года. Вместе с тем в бывшем Центральном партийном архиве находятся 3724 ленинских произведения и около трех тысяч документов, которые еще не опубликованы. Что же так долго

и тщательно нужно скрывать, даже вопреки инструкции по хранению архивных документов? Так можно прятать лишь истину, которая подрывает основы лжи.

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН) выпустили сборник неопубликованных документов Ленина. Тексты сопровождается справочный материал, уточняющий сведения об авторе, событиях и обстоятельствах неизвестности 420 документов 1891–1922 гг.⁷²

Весьма ценными историческими источниками являются тематические сборники произведений и извлечений из ленинских работ, документы Коммунистической партии, посвященные различным вопросам революционной теории и практики государственной власти, руководства социалистическим строительством. Особого внимания заслуживает сборник «В.И. Ленин. Об авторитете руководителя». Основатель Коммунистической партии России, руководитель первого советского правительства — Совета Народных Комиссаров — особенно ощутимо представлял на собственном опыте роль личности в истории. Ленин придавал большое значение идеям и действиям руководителя. В то же время он настаивал на беспрекословном, железном подчинении вождю, в данном случае себе, хотя и ссылаясь на «коллективные» решения ЦК или СНК, явно завышая их функции в руководстве советским государством. Ленин постоянно настаивал на предельной требовательности к партии, ее членам и политическим лидерам, считая, что «отсрочку и кредит от народа мы получили благодаря нашей правильной политике». Не вдаваясь в анализ «правильной политики» большевиков, ясно одно — «кредит от народа» они получили, и отрабатывать его нужно было пунктуальным выполнением своих обещаний. Однако не все обещания были выполнимы. Это привело к никчемности политического руководства большевиков, а посему необходимо было найти «причины», мешающие большевикам строить всеобщий рай для народа. И здесь благодатной почвой, бурно забиваемой

сорняком, явилось персонифицированное бичевание или возвеличивание, то есть традиционная политика диктатора для подданных — «кнут и пряник», что фактически затмевало несостоятельность руководства вождя и его свиты⁷³.

Ленин предупреждал партийно-советских руководителей о зазнайстве: «Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаваться». Он подчеркивал, что «самый худший у нас внутренний враг — бюрократ». Это действительно верно, ибо уже было проверено временем. Вместе с тем Ленин не выводит природу зазнайства и бюрократии, наивно утверждая: «От этого врага мы должны очиститься, и через всех сознательных рабочих и крестьян мы до него доберемся». А как только на место бюрократа ставился партийный вожак из рабочих или крестьян, он вновь превращался в зазнайку, бюрократа для народа и подхалима для начальника, ибо это хоть как-то, на какое-то время удерживало в кресле политически неграмотного и профессионально не подготовленного выдвиженца-руководителя.

Ленин понимал, что может «какой-то жалкий кустарь». Вместе с тем, бичуя «политкустаря», он не дает ответа о его живучести и должностной необходимости бюрократа. Хотя и здесь ясно, кто «козел отпущения». Ленин со свойственной ему настойчивостью говорит об авторитете партии, партийца, личности руководителя, считая, что «выработка хороших, надежных, испытанных, авторитетных «вождей» дело особенно трудное», но необходимое и главное.

На наш взгляд, выработка... «вождей» действительно «дело особенно трудное», и все же вождь должен расти на базе профессиональных (производственных и политических) знаний, ибо не только нужно призывать, но и показывать, как призывы претворять на практике.

Третью группу источников составляют письма, телеграммы, записки к своим родным, близким, соратникам и оппонентам, в которых коротко и ясно выражено мнение

Ленина по различным аспектам личной жизни и текущей политики и практики социалистического строительства. Эти источники отражают личность человека и партийно-государственного руководителя, сущность ленинизма.

Произведения Ленина раскрывают не только широкий кругозор его жизненных интересов, его многоликость, но и дилетантские, а порой и противоречивые суждения по ключевым вопросам революционной теории и практики строительства социализма. Хотя профессиональную некомпетентность и противоречивость взглядов вождя его соратники и почитатели пытались выдавать за еще не познанный ленинский гений величайшего мыслителя — «мудрый и прозорливый», «пророческий» и «непревзойденный». В 1925 г. соратник Ильича Григорий Зиновьев дает теоретико-практическое «введение в изучение ленинизма». А дальше все пошло-поехало как по маслу, в прямом и переносном смысле. За углубление, исследование, разъяснение, популяризацию и даже «исповедование» и «веру» в ленинизм полагались материальные льготы, на благодатной почве которых выросли мощная паразитирующая номенклатура и огромная научная армия обществоведов. И беда не в том, что они толковали ленинизм, а в том, что продолжают «отстаивать» явно утопическое и вредное, тем самым показывая свою «ученую» ограниченность и более того...

До сих пор находятся рьяные толкователи ленинизма, пытающиеся доказать «истинный» смысл высказываний вождя. Так, доктор философских наук В.В. Трушков опубликовал ряд книг и публицистических статей, «которые представляют собой попытку прочтения работ В.И. Ленина глазами участника перестройки...»⁷⁴. В очередной раз толкуются ленинские идеи как непререкаемая истина на все времена и для всех народов. Интересно, хотя и не очень, толкование его идей глазами его последователей. В устах таких людей Ленин выглядит гением, но определяет сущность ленинизма сама жизнь.

Оценивая значение исторических примеров и фактов, которые, «если взять их в их целом, в их связи, — по

определению Ленина, — не только «упрямая», но и, безусловно, доказательная вещь», можно согласиться с Лениным, хотя и почти невозможно «брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения», да и не нужно доказывать уже доказанное. И все же истина яснее не только при совокупности фактов, а при сравнении различного и противоречивого фактического материала.

Наряду с официально изданными миллионными тиражами и на многих языках трудами ленинских последователей — руководителей советского общества, есть их идейные творения, которые являются самой большой тайной, хотя и касаются судеб и жизней миллионов людей. До настоящего времени нет полных собраний сочинений никого из партийно-государственных руководителей Советской России. Многие высказывания просто утрачены, а некоторые сознательно упрятаны от потомков, дабы не дискредитировать ни власть, ни личность, ее представляющую⁷⁵.

Широко известные и общедоступные документы, изданные под идеологическим партийным руководством и неусыпным оком политической цензуры, подобраны тенденциозно, купированы, представлены не в полном объеме. Так, в опубликованных протоколах ЦК и Политбюро РСДРП(б) — РКП(б) отсутствуют документы, характеризующие наиболее острые периоды формирования политики большевиков: июль и октябрь 1917 г., май—сентябрь 1918 г. Не сохранился или еще не найден ряд документов оперативного характера, раскрывающих механизм принятия важнейших, судьбоносных решений. Протокольные записи скудно отражают важнейшую информацию. Столь существенные пробелы партийного делопроизводства вполне объяснимы постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 8 ноября 1919 г., в котором указывалось: «...в) излагать протоколы Политбюро возможно осторожнее и короче; г) решения по наиболее серьезным вопросам не заносить в официальный протокол, а т. Крестинскому отмечать их себе для памяти и личного исполнения».

Таким образом, руководящий орган большевистской партии не только нарушал программно-уставные положения об информированности членов партии о решениях Политбюро ЦК, но и скрывал антинародные решения правящей партийно-государственной элиты.

Наряду с протоколами Политбюро ЦК ценным источником являлись стенограммы заседаний ЦК и партийных съездов, даже несмотря на явную их редактуру, они дают большой фактологический материал, хотя и определенно классовой направленности⁷⁶.

Существенным дополнением раскрытия реальной обстановки принятия руководящих партийных решений стали документы ВЦИК и Всероссийских съездов Советов, декреты Советской власти и Собрание Узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР), программы российских политических партий, документы Всероссийской Чрезвычайной Комиссии РСФСР⁷⁷ и другие тематические сборники документов.

Резким диссонансом документам большевистско-советского руководства звучат решения, постановления, резолюции и т.п. документы их политических оппонентов — меньшевиков и эсеров⁷⁸.

Прежде чем непосредственно обратиться к анализу архивных материалов, необходимо отметить большой корпус исторических источников, опубликованных в различных изданиях. Наиболее ценными являются многотомные систематические и тематические издания. К сожалению, документы, включенные в них в доперестроечный период, прошли специальный цензорный отбор и отражают лишь гуманные методы партийного руководства социалистическим строительством, положительные стороны деятельности государственных руководителей. В последние годы увидели свет и негативные документы, хотя основная их масса находится еще в различных архивах.

Библиографической редкостью стала книга «Тайные страницы истории», в которую включены документы и материалы русского историка меньшевика Б.И. Николаевского, хранящиеся в Гуверовском фонде (Стэнфорд,

США). Архив представляет историю «Большевистского центра», «Ленин и большевистские деньги», «Германия и русские революционеры в годы Первой мировой войны».

Фактологические пробелы ранее опубликованных документов существенно дополняют хранящиеся в спецхранах документы, как правило, с грифом «секретно», «совершенно секретно» и «особой важности», частично уже опубликованные как отдельными изданиями, так и в периодической печати⁷⁹. Документы, характеризующие ленинизм — исторические корни политики большевиков, деятельность партийно-государственной персоны, откладывались не только и не столько в архивах руководимого ею ведомства, сколько в архивах партийных органов, так как все, что касалось властных структур, находилось в первоочередном внимании правящей партии, да и все номенклатурные работники, будучи членами РСДРП(б) — РКП(б), подчинялись ее Уставу и выполняли ее Программу.

Основным сосредоточением партийных документов является Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), бывший Партийный архив ИМЛ при ЦК КПСС, в котором отложились дела до 1952 г. Особую ценность в контексте представленного исследования представляют материалы, выявленные в фондах Ленина (Ф. 2, оп. 1, 2), о его деятельности (Ф. 4, оп. 1), его Секретариата (Ф. 5, оп. 2), ЦК РСДРП(б) — РКП(б) (Ф. 17, оп. 2, 3, 4, 65, 66), фондов СНК, СТО и Малого Совнаркома (Ф. 19, оп. 1–3), личных фондов М.И. Калинина (Ф. 78), Я.М. Свердлова (Ф. 86), А.В. Луначарского (Ф. 142); Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996; Архив Кремля. В 2 книгах. М., 1997; Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века. М., 1997; Октябрьский переворот. Факты и документы / Сост. Попов А. Под ред. и со вступительной статьей «Ход революции» Н. Рожкова. Пг., 1918; Л.Б. Каменева (Розенфельда) (Ф. 323), Л. Мартова (Ю.О. Цедербаум) (Ф. 362), А. Парвуса (А.И. Гельфанд)

(Ф. 299). Персональные фонды снабжены описями материалов, сгруппированных в тематические разделы, раскрывающие революционную и партийно-государственную деятельность (дела полиции, газеты, статьи, рукописи, книги, письма жены, детей, соратников и т.п.). Документы расположены в них хронологически.

Весьма информативным историческим источником, раскрывающим создание культа личности Ленина, являются обстоятельные, но во многом идеализированные «Материалы для библиографии Ленина. 1917–1923» (сост. Л.В. Булгакова. Л., 1924), а также библиографические выпуски «Ленинианы», издававшиеся в 1926–1930 гг. Институтом Ленина. Фактологическим является «Бюллетень Института В.И. Ленина при ЦК РКП(б)», выходивший с 1923 г., журнал «Известия ЦК КПСС» 1919–1989 гг.

Строжайшая секретность партийных тайн сказалась на разорванности архивных материалов, однако особых трудностей исследователь по общим проблемам ленинизма-большевизма, советской власти, личностям высших партийно-государственных деятелей не испытывал. Во-первых, уже многое из ранее тщательно скрываемого опубликовано. Во-вторых, сейчас многое доступно.

В строго охраняемых документах позор и стыд «принципиальных борцов за счастье народа», бесчестие и преступление перед обществом, обман и предательство займствованных из Библии божественных идеалов. Безжалостность и жестокость выдавались за необходимость и неизбежность классовой борьбы, за мир во всем мире и благополучие «светлого будущего». И все это выдавалось за идеи и дела «великого Ленина» и «самое верное учение — ленинизм».

Максимально используя опубликованные и архивные документы, автор не претендует на их полное освещение. Во-первых, это невозможно ни научно, ни даже физически, а во-вторых, это и не нужно, так как проблема ясна и документально обоснована. Хотя вопросов и дополнений еще много, что может быть предметом специального исследования и новой, более оригинальной книги.

Примечания

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1939. С. 2.

² Там же.

³ Жарков М.Г. Против буржуазных фальсификаций истории Октября. Минск, 1975; Марушкин Б.И., Иоффе Г.З., Романовский Н.В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977; Шишкина И.М. Правда истории и домыслы советологов. Ленинград, 1977; и др.

⁴ См.: Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. Сост.: В.К. Горев, В.Н. Донченко, С.А. Степанов. Под ред. В.И. Купцова. М., 1988. С. 5.

⁵ Вернадский Г.В. Ленин — красный диктатор. М., 1998.

⁶ Соловьев В. Статьи о еврействе. Иерусалим, 1979. С. 8.

⁷ Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998. С. 221.

⁸ Там же. С. 9–10.

⁹ Там же. С. 13.

¹⁰ Фишер Л. Жизнь Ленина. В 2-х томах. М., 1997. С. 3.

¹¹ Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997.

¹² Арутюнов А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992.

¹³ Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. В 2-х кн. М., 1994. Кн. 1, с. 478.

¹⁴ См.: Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М., 1992; Он же. Троцкий. Политический портрет. В 2-х кн. М., 1992; Он же. Семь вождей. Галерея лидеров СССР. В 2 кн. М., 1995.

¹⁵ Трофимов Ж.А. Волкогоновский Ленин. (Критический анализ книги Д.А. Волкогонова «Ленин»). М., 1997. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 17, 18.

¹⁷ Латышев А. Рассекреченный Ленин. М., 1996; Солоухин В. При свете дня. М., 1992; Вождь (Ленин, которого мы не знали). / Сост. Г.П. Сидоровнин. Саратов. 1991; Молчанов И. «Он ниспроверг себя...» 11 тезисов к годовщине смерти Ленина. «Независимая газета», 1994, 22 января; Яковлев А.Н. «По мощам и елей». М., 1995; Трофимов Ж.А. Волкогоновский Ленин. С. 2–96.

¹⁸ Чебыкин В.А. Фальсификация ленинского образа. Астрахань, 1995.

¹⁹ Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

²⁰ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993; *Он же.* Русская революция. В 2-х книгах. М., 1994; *Он же.* Россия при большевиках. М., 1997.

²¹ *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. С. 10.

²² Там же. С. 10–11.

²³ *Тютюкин С.В., Шелухаев В.В.* Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 4.

²⁴ *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: субъективные заметки. М., 1992.

²⁵ Там же. С. 35.

²⁶ См.: Октябрь 1917: величайшее событие или социальная катастрофа? М., 1991; Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. Научно-практическая конференция 5 ноября 1994 года. М., 1994; Историческое исследование в России: тенденции последних лет. / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996; *Герасименко Г.А.* Трансформация власти в России в 1917 году. «Отечественные записки». 1997. № 1.

²⁷ *Журавлев В.В.* Учит ли нас исторический опыт. «Кентавр», 1993, № 5. С. 69–70.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ *Леонов С.В.* Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920 гг.). Вопросы истории, 1990. № 12. С. 29; *Он же.* Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М., 1996; *Он же.* Создание советской государственности: теория и практика (1917–1922 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1998. С. 10.

³¹ *Леонов С.В.* Рождение советской империи: государство и идеология 1917–1922 гг. М., 1996.

³² *Леонов С.В.* Создание советской государственности: теория и практика (1917–1922 гг.). Автореферат... М., 1998. С. 10.

³³ *Трукан Г.А.* Была ли альтернатива большевистской власти? «Кентавр», 1993, № 5. С. 121.

³⁴ Там же, № 6. С. 110.

³⁵ Там же. № 5. С. 121.

³⁶ *Гимпельсон Е.Г.* Рабочий класс в управлении советским государством. М., 1982; *Он же.* Путь к однопартийной диктатуре. «Отечественные записки», 1994. № 4–5. С. 94–110; *Он же.* Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. М., 1995.

³⁷ *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

³⁸ *Ингерфлом К.С.* Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1988; *Кондратьева Т.* Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993; *Штурман Д.* О вождах российского коммунизма. В 2-х кн. Париж—Москва, 1993. Критически обоснованный анализ марксистских истоков ленинизма-большевизма дан в монографиях философов: *Ципко А.С.* Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М., 1991; *Лисичкин Г.С. К.* Маркс — злейший враг российских большевиков. Размышления о причинах кризиса в России. М., 1993, историографический анализ которых подробно см.: *Поцелуев В.А.* Некоторые проблемы кратологии в истории России — в кн. Россия и мировая цивилизация. М., 1996.

³⁹ *Бойков М.В.* Классики о классиках (Исправление по Марксу). М., 1997. С. 4.

⁴⁰ Там же. С. 5.

⁴¹ Там же. С. 125.

⁴² *Дамье В.В.* Либеральный социализм или экологическая катастрофа? «Кентавр», 1993, № 1. С. 19.

⁴³ *Курашвили Б.П.* Новый социализм. К возрождению после катастрофы. М., 1997. С. 2.

⁴⁴ Там же. С. 5.

⁴⁵ Там же. С. 6. В качестве «теоретического пособия для борцов за новый социализм» могут служить и другие книги и статьи. См.: *Курашвили Б.П.* Страна на распутье. М., 1990; *Он же.* Куда же идет Россия? М., 1994.

⁴⁶ Там же. С. 15.

⁴⁷ *Яковлев А.Н.* Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М., 1991; *Он же.* Горькая чаша: Большевизм и реформация России. Ярославль, 1994; *Он же.* По мощам и елей. М., 1995; *Он же.* Крестосев. М., 1999.

⁴⁸ *Яковлев А.Н.* Горькая чаша... С. 2.

⁴⁹ Там же. С. 4.

⁵⁰ *Омельченко Н.А.* В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). СПб., 1996. С. 265.

⁵¹ *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. М., 1997. С. 5, 6, 7.

⁵² *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы 1917–1920 гг. М., 1998.

⁵³ *Поцелуев В.А.* Исторические корни политики большевиков. М., 1998.

⁵⁴ *Безансон А.* Интеллектуальные истоки ленинизма. М., 1998.

⁵⁵ *Котеленец Е.А.* Ленин как предмет исторического исследования. М., 1999. С. 2, 121, 129.

⁵⁶ *Арутюнов А.А.* Досье Ленина без ретуши. М., 1999.

⁵⁷ *Колесов Д.В. В.И. Ленин: Учение и деятельность.* М., 2000.

⁵⁸ *Салганик Е.Л.* Выродок истории. Психологический анализ рождения и распада советской империи. М., 2000.

⁵⁹ *Колодный Л.Е.* Ленин без грима. М., 2000.

⁶⁰ *Андреев Л.* Верните Россию. М., 1994; *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990; *Он же.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990; *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1991; *Горький А.М.* Несвоевременные мысли. М., 1993; *Дан Ф.К.* Истории последних дней Временного правительства. Летопись революции. Т. 2., Берлин, 1923; *Ерманский О.А.* Из пережитого 1887–1921. М.—Л., 1927; *Зиновьев Г.Е.* Ленин. М., 1924; *Каменев Л.Б.* Великий мятежник. Харьков, 1925; *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1991; *Короленко В.Г.* Падение царской власти / Речь простым людям о событиях в России. Самара, 1917; *Куприн А.И.* См. Архив русской революции. Берлин, 1930. Т. 14; *Лацис М.* (Судрабс). ЦК в борьбе с контрреволюцией. М., 1921; *Локкарт Р.* Буря над Россией. Рига, 1932; *Люксембург Р.* О социализме и русской революции. М., 1924; *Мартов Ю.С.* Записки социал-демократа. Берлин, 1922; *Миллюков П.Н.* Воспоминания (1859–1919). 2 т. Нью-Йорк, 1955; *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991; *Подвойский Н.И.* Год 1917. М., 1958; *Преображенский Е.А. В.И. Ленин* (социологический набросок). М., 1924; *Раскольников Ф.* На флотах боевая тревога. М., 1957; *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958; *Станкевич В.Б.* Воспоминания. Февральская революция. М.—Л., 1926; *Суханов Н.Н.* Записки революционера. Кн. 1–2. М., 1993; *Троцкий Л.Д.* Ленин. Материалы для библиографии. М., 1924; *Он же.* Портреты революционеров. М., 1991; *Он же.* История русской революции. В 2-х т., М., 1997; *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1963, т. 1–2; *Чернов В.* Рождение революционной России. Прага, 1934; *Он же.* Конструктивный социализм. М., 1997; *Шингарев А.* Как это было. М., 1918; *Шляпников А.* Семнадцатый год. Кн. 1–2. М., 1993 (1927); *Шульгин В.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990; *Он же.* Что нам в них не нравится... Об антисемитизме в России. СПб., 1992.

⁶¹ Недорисованный портрет: 1920 год. 50-летие В.И. Ленина в речах, статьях, приветствиях (материалы публикуются впервые после 1924 года): Сборник / Сост. К.И. Буков и др. М., 1990. С. 112.

⁶² *Потресов А.Н.* Ленин. «Источник». 1993. № 4. С. 21–27.

⁶³ *Короленко В.Г.* Письма к Луначарскому. Париж, 1922. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927 гг. М., 1998. Пись-

ма во власть 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождам. М., 1996.

⁶⁴ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997. С. 110.

⁶⁵ Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. Сб. док. / Сост. Квешонкин А.В. и др. М., 1996. С. 110, 262, 269.

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 46 томах. М., 1955–1973; Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. В 55 томах. М., 1956–1966; Ленинские сборники. Кн. 1–40. М., 1924–1985.

⁶⁷ Свердлов Я.М. Избранные статьи и речи. М., 1944; Калинин М.И. Избранные произведения. В 4 томах. М., 1960; Сталин И.В. Сочинения. В 14 томах. М., 1953–1954.

⁶⁸ Троцкий Л.Д. Сочинения. М.—Л., 1924–1927; Каменев Л.Б. Великий мятежник. О В.И. Ленине. Харьков. 1925; Бухарин Н.Н. Избранные произведения. М., 1988; Он же. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989; Зиновьев Г.Е. Сочинения. 1–8, 15–16 тома. М., 1923–1929; Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990; Томский М.П. Избранные статьи и речи. М., 1928; Стучка П. Государство и революция. М., 1922.

⁶⁹ Берзин И.Б. Вопросы истории Великого Октября в сочинениях В.И. Ленина. М., 1987; Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. Об историческом опыте и его уроках. М., 1989; Каменев Л.Б. Диктатура пролетариата. Тифлис, 1921; Каменев Л.Б. Партия и троцкизм. Уроки партийной истории. М., 1924; Каменев Л.Б. 8 лет Октябрьской революции. М.—Л., 1925.

⁷⁰ См. Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1967. С. 17–18.

⁷¹ См. Алфавитный указатель произведений, вошедших в Полное собрание сочинений В.И. Ленина. М., 1966; Справочный том к Полному собранию сочинений, ч. 1. М., 1969; ч. 2. М., 1970.

⁷² Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. Об историческом опыте и его уроках. М., 1989. 288 с.; «Ленин о партии»; «Ленин о Советах депутатов трудящихся»; «Ленин о морали»; «Ленин о власти»; «Ленин и ВЧК». Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1972. С. 679.

⁷⁴ См.: Трушков В.В. Читая Ленина сегодня. М., 1988, 142 с. Ленин, о котором спорят сегодня / А.С. Абрамов и др. М., 1991.

⁷⁵ На 1 января 1990 года только произведения В.И. Ленина были изданы в СССР тиражом более 653 млн экземпляров на 125 языках (Волкогонов Д. Ленин... Кн. 1. С. 11).

⁷⁶ Протокол Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958; Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с

местными организациями (январь—март 1919 г.). Сборник документов. Т. 1–6. М., 1971; КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов. М., 1983.

⁷⁷ Протоколы заседаний ВЦИК рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. М., 1918; V созыв, М., 1918 и др.; Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1966; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1967; Рябинский К. Революция 1917. Хроника событий. М.—Л. 1926; Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1–12. Собрание Указов и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917–1924 гг.; Из истории ВЦК 1917–1921. Сборник документов. М., 1958; Красная книга ВЦК. М., 1989.

⁷⁸ Большевики. Документы и материалы. М., 1986; *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995; Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 1996.

⁷⁹ Сборник программ политических партий 1917–1957. Клайпеда, 1989; *Троцкий Л.Д.* Тайна сталинских фальсификаций. М., 1990; Архив русской революции. Т. 1–10. М., 1991–1993; История Отечества в документах. 1917–1993. Части 1–4. М., 1994–1995; Неизвестная Россия. XX век. Кн. 1–4. М., 1992–1994; История Отечества. XX век: Документы. Материалы. Комментарии. В 3 кн. Пермь, 1993; Был ли Ленин немецким агентом? Документы. СПб., 1994; Политическая история России. Хрестоматия. / Сост. Коваленко А.Ф. и др. (1914–1945); (1946–1995). М., 1995–1996; Хрестоматия по истории России первой половины XX века. / Сост. Хромов И.С. М., 1995; Хрестоматия по истории России. 1917–1940./; ВЧК-ГПУ. Документы и материалы. / Ред.-сост. Фельштинский Ю.М., 1993; *Николаевский Б.И.* Тайные страницы истории. М., 1995; Русская православная церковь и коммунистическое государство. / Отв. ред. Щапов Я.Н. Отв. сост. Васильева О.Ю. М., 1996; *Ю.К. Бегунов.* Тайные силы в истории России. Сб. статей и документов. СПб., 1996; Известия ЦК КПСС. 1919–1989; Источник и др. Открытый архив. Справочник опубликованных документов по истории России XX века. М., 1997.

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ В. УЛЬЯНОВА

Свободолюбивые мечты, идеи и борьба за свои права у русских, ставшие традиционными, восходят к далекой истории предков — восточных славян. Военно-демократический менталитет, сформировавшийся в процессе племенных объединений, стал разрушаться естественным ходом исторического развития. Формирование государственных структур общегития и сосредоточение власти в руках одного человека — вождя — процесс многогранный, имеющий ряд особенностей для России. Особое, наиболее жестокое содержание борьба за власть начинает приобретать в XX столетии. Это объясняется как социально-экономическими, так и политическими причинами общественного бытия. Во-первых, в связи с переходом экономики ко всеохватывающему промышленному производству. В социально не подготовленной самодержавной России возникает всеобщий кризис, выходом из которого является альтернатива — реформы или революция. Во-вторых, попытки выхода из кризиса усиливают общественную активность, в результате чего формируются политические партии, появляются яркие личности, выражающие интересы определенных групп населения. В-третьих, подавляющее большинство политических сил разрешение кризиса видело прежде всего в изменении структур государственной власти. А главное, появляется партия, основной задачей которой является кардинальное изменение властных структур общественного развития.

Складывались две противоположные силы, претендующие на власть: лидеры буржуазии, а также наиболее радикальные государственные деятели и теоретики из интеллигенции, отвергающие капиталистический путь развития России. Встают взаимосвязанные вопросы: как элита, имевшая в своих руках все рычаги государственного управления, была не только отстранена от власти, но и уничтожена физически? В чем была сила небольшой группы революционеров, сумевшей не только повести за собой большинство населения, но и сковать его идеологическим дурманом и партийным террором?

Создание «ленинской секты»

Кардинальные социально-экономические изменения, как правило, происходят по реформированию сверху или посредством революционных изменений. На наш взгляд, властное реформирование закономерно и в основном удачно, революционные перемены поспешны, не подготовлены естественным ходом развития и вследствие этого насильственны. Реформы длительны, революционные же преобразования почти моментальны, поэтому они более привлекательны для основной массы народа, во все времена истории ждущего еще лучшей жизни.

Реформы 60–70-х гг. в России значительно оживили страну. Однако на рубеже XIX—XX вв. она вновь стала ощущать тормоза своего развития — земля и крестьяне не были введены в капиталистический оборот, государственное управление оставалось в виде неограниченного самодержавия. Мелкособственническая сущность крестьянства и консервативность самодержавия сдерживали революционные новации, хотя и не бездействовали крестьянские идеологи и сторонники реформирования.

Возросшая экономическая мощь России (с 1897 г. рубль становится конвертируемой валютой, вводятся в свободный оборот золотые монеты) и социально-политическая нищета приводят к переориентации на новые

революционные силы, не обремененные собственностью, бесправно угнетаемые, но достаточно сплоченные в лице промышленных рабочих, представлявших в основном пролетариат. К тому же появилась весьма обнадеживающая революционная теория Маркса и Энгельса, являющаяся продуктом промышленной революции в Западной Европе, борьбы пролетариата за свои права. Анализируя период раннего промышленного капитализма, в основном английского и немецкого, Маркс выявил некоторые общественные закономерности, на основе которых поставил ряд конкретных задач в борьбе пролетариата с буржуазией.

Первым толкованием идей Маркса и Энгельса, практического воплощения их в России, по мнению Ленина, стала работа Г. Плеханова «Социализм и политическая борьба», опубликованная в 1883 г. Подвергая объективной критике народников, автор повторяет сомнительное утверждение Маркса о том, что промышленный пролетариат возьмет на себя инициативу борьбы за коммунизм.

Однако, на наш взгляд, политическое господство рабочего класса возможно было лишь путем его диктатуры, ибо общество экономически не готово к столь кардинальным переменам. Диктатура же не создает, а разрушает, что подтверждал и сам Плеханов, утверждая, что способ производства определяет весь строй данного общества, в том числе и характер его идей и теорий.

✓ Ошибочность первых русских социал-демократов состояла в том, что неизбежным условием переустройства общественных отношений, по их мнению, должно было быть завоевание рабочим классом политической власти, что было и заложено в проектах программ 1884 и 1888 гг. группы «Освобождение труда». Выдвигались главные средства политической борьбы: агитация и распространение среди рабочего класса социалистических идей; создание революционных организаций. Указывались и методы борьбы: «Не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят (рабочие. — В.П.) перейти в удобный момент к общему, реальному на него нападе-

нию...»¹ При подчеркивании роли интеллигенции в революционном движении, признавался и индивидуальный террор как одно из средств политической борьбы. Плеханов игнорировал роль крестьянства в общественном движении России, считая, что «главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства»².

Действительно, российского крестьянина больше занимали его хозяйственные заботы, в решении которых он проявлял жизненную мудрость. Что же касалось «умственной отсталости», то ее, на наш взгляд, можно было отнести к пролетарским и полупролетарским слоям города и деревни, т.е. деклассированным элементам, которых Плеханов причислял к союзникам рабочего класса. В дальнейшем Плеханов поймет, что пролетариат не может быть гегемоном, но это, по мнению Ленина, станет элементом оппортунизма в его идеях. Хотя в дальнейшем и Ленин признает, что рабочие не способны управлять государством.

Принимая теорию Маркса как универсальную, русские социал-демократы ошибались. Во-первых, Маркс не открывал все взаимосвязанные общественные законы, а во-вторых, его обобщения во многом исходили из специфики развития западноевропейского капитализма, во многом отличающегося от российского. Соратница «первого марксиста» России Вера Засулич убедительно полемизировала с К. Марксом, написав ему 16 февраля 1881 г.: «Россия единственная страна в Европе, в которой общинное земледелие сохранилось в широком национальном масштабе, но в то же время Россия существует в современной исторической среде, она... связана с мировым рынком, на котором господствует капиталистическое производство»³.

По поводу тревоги о дальнейшей судьбе общины в связи с развитием капитализма в России Маркс писал, что российские приверженцы его революционной теории неправильно поняли «Капитал», написанный для Западной Европы на английском материале. В России же, по его мнению, действуют другие законы, отражающие ин-

тересы крестьянской общины, которая составляла более 80% населения и являлась «точкой опоры социального возрождения России». По мнению Маркса, Россия должна идти по пути общинного социализма, минуя капитализм. К тому же Маркс не мог предвидеть действия конкретных личностей и групп революционеров. Хотя комплексное изучение произведений Маркса и Энгельса, сравнительно-сопоставительный анализ приводил к естественным эмпирическим и различным умозаключениям их почитателей, что вызывало споры с претензиями на «истинное» понимание марксизма. Плеханов и его соратники, исходя из позиций капиталистического развития России, полемику Засулич с Марксом оставили без внимания.

Так закладывались «основы социал-демократического миросозерцания», а точнее, марксизма в России. Русская социал-демократия, отмечал позже Ленин, существовала тогда без рабочего движения, «переживая как политическая партия процесс утробного развития»⁴.

«Процесс утробного развития» политической партии рабочего класса России решил ускорить молодой, энергичный, честолюбивый брат казненного террориста-народовольца Александра Ульянова — Владимир⁵, заявивший: «Мы пойдем другим путем». Первое «революционное» выступление Володи Ульянова состоялось в 1887 г. в Казани. В знак протеста против жестких условий университетской жизни он подал прошение на имя ректора «об изъятии» его из числа студентов. Власти не просто отчислили из числа студентов строптивого юношу, но и выслали его в родовое имение деревню Кокушкино, с надеждой приложения его энергии в делах праведных. Однако через год он пытается вернуться в ненавистный университет, но, получив отказ, готовится экстерном сдать выпускные экзамены, дополняя профессиональные науки изучением марксизма. За полтора года он самостоятельно освоил университетский курс, рассчитанный на четыре года обучения. В 1891 г. сдал экзамены на юридическом факультете. Защитив диссертацию в области права при Петербургском университете, стал работать помощником

присяжного поверенного в Самаре, куда в 1889 г. переехала семья Ульяновых. Однако несомненные способности незаурядного выпускника не были развиты на ниве юриспруденции. В конце 1893 г. Ульянов прибыл в Петербург, где занял место помощника присяжного поверенного. Это являлось лишь легальным прикрытием его революционной деятельности по изучению и пропаганде марксизма в кружках единомышленников и воскресных школах для рабочих. Несмотря на немногочисленность пролетариата в России ввиду ограниченного развития капитализма, Ленин настойчиво занимается созданием своей революционной теории и партийной организации.

В 1894 г. Ульянов в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов»⁶, вышедшей в трех выпусках, подвергает критике взгляды либеральных народников Н.К. Михайловского, С.Н. Южакова и С.Н. Кривенко. Виднейшие идеологи либеральных народников считали, что царское правительство должно было стимулировать не тяжелую промышленность и строительство железных дорог, а вкладывать средства в развитие кустарных промыслов и артелей. Такой путь экономического развития они считали социалистическим и единственно приемлемым для России. Они утверждали, что учение Маркса неприменимо к России, так как оно разрабатывалось на опыте развитых капиталистических стран, что вывод Маркса об исторической миссии пролетариата как могильщика буржуазии и создателя нового общества не подтверждается историей. Русскую социал-демократию они называли буржуазным течением, которое желает «плодить нищету», безучастно к горю народа.

✓ Молодой адвокат Ульянов пытается доказать правоту Маркса в том, что определяющим фактором естественно-исторического процесса является не познание его законов, а выделение из разных областей общественной жизни отрасли экономической посредством выделения из всех общественных отношений — отношений производственных как основных, первоначальных, определяющих все остальные.

По мнению Ульянова, марксистский критерий общественного развития есть классовые отношения вне зависимости от природных явлений, хотя, по утверждению Маркса, «бытие определяет сознание». Ульянов считал, что, несмотря на то что воля и действия людей обусловлены исторической необходимостью, они могут учитывать назревшие потребности общественного развития и воздействовать на него. Все это не противоречило человеческой логике, за исключением одного: кто определит «назревшие потребности» и как воздействовать на развитие общества. Хотя и на эти вопросы у марксистов был ответ. Необходимо было создать организацию единомышленников.

▽ Либеральные народники считали, что история развивается не как объективный и закономерный процесс, а идет случайными путями благодаря воле «критически мыслящих личностей». История человечества, по революционной теории народников, делается «героями», а народная масса остается инертной силой, «толпой», так что великий человек «не может не смотреть на нее сверху вниз, не может не сознавать, что дело в нем, в герое, между тем как толпа есть чуждая всякого творческого элемента масса, что-то вроде огромного количества нулей, получающих благотворное значение только в том случае, когда во главе их снисходительно становится добрая, «критически мыслящая единица».

Либеральные народники отдавали приоритет в развитии общества деятельности «критически мыслящих» личностей, марксисты — «решающей роли народных масс», не забывая о том, что массы состоят из личностей и роль некоторых из них может стать решающей. О подтверждении роли личностей свидетельствовали и настойчивые попытки создания политической партии.

Об угрозе появления культа личности, «партийных генералов» (номенклатуры) предупреждал еще Г.В. Плеханов. «Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему «Ура!», одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда

у нас действительно не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нее осуществится идеал персидского шаха»⁷.

О неизбежности диктатуры и культа партийных вождей говорил и «антигосударственник», теоретик анархизма Петр Кропоткин. «Каждый революционер, — утверждал он, — мечтает о диктатуре, как говорил Маркс, или диктатуре революционного штаба, как утверждают бланкисты...» По мнению Кропоткина, если власть будет осуществляться путем «создания всесильного, всемогущего государства, обращающегося с народом как с поденным и подвластным, управляя им при помощи тысяч и миллионов разного рода чиновников... И если... на другой день после революции народным массам будет дана возможность высказать свою волю, то это сделается лишь для того, чтобы народ избрал вождей, которые и будут думать за него и составлять законы от его имени... Вот тайная мечта 99% из тех, кто называет себя революционерами»⁸.

✓ Кропоткин считал, что в обществе два враждебных начала: «народное» и «начальственное», борьба которых и является двигателем исторического процесса. Поступательное развитие общества, по мнению «красного князя», осуществляется в форме революционных скачков и эволюционных процессов. Он был сторонником не стихийного бунта, а социальной революции, т.е. сознательных действий народа по претворению революционных мыслей. ✓

Более конкретно последствия марксистской идеологии государственного социализма предсказывал М.А. Бакунин в своей работе «Государственность и анархия». «По Марксу, народ не только должен его (государство. — В.П.) разрушать, напротив, должен укреплять и усилить и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей и учителей — начальников коммунистической партии, словом, г. Марксу и его друзьям, которые начнут освобождать его по-своему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивший все торго-

во-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и земледельческую, под непосредственной командой государственных чиновников, которые составляют новое привилегированное сословие»⁹.

Без сомнения, В.И. Ульянов знал мнения своих оппонентов по вопросам роли личности в истории, партийного лидерства и т.п., считая, что создаваемая им партия сумеет удержать демократические принципы своего руководства обществом. «Вообще русским коммунистам, последователям марксизма, — подчеркивал он, — более чем каким-нибудь другим следует именовать себя СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМИ и никогда не забывать в своей деятельности громадной важности ДЕМОКРАТИЗМА»¹⁰. Он считал, что «политическая деятельность социал-демократов состоит в том, чтобы содействовать развитию и организации рабочего движения в России, преобразованию его из теперешнего состояния разрозненных, лишенных руководящей идеи попыток протеста, «бунтов» и стачек в организованную борьбу ВСЕГО русского рабочего КЛАССА, направленную против буржуазного режима и стремящуюся к экспроприации экспроприаторов, к уничтожению тех общественных порядков, которые основаны на угнетении трудящихся».

Так были определены характер и основные задачи марксистской партии в России. По мнению ее создателя, «русский рабочий — единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России»¹¹. Такое несоответствие истине, на наш взгляд, даже несмотря на признание союза рабочих с сельским пролетариатом, могло привести к диктаторским функциям искусственно избранной части общества, даже без необходимого учета ее разнородности, психологии и т.п. моментов.

Незыблемой основой рабочей партии, по мнению Ульянова, должен быть марксизм, сочетающий научность с революционностью. Подчеркивалась необходимость единства теории и практики в деятельности социал-де-

мократов. Однако марксизм давал лишь общие аксиомы революционной борьбы, которые на практике могли истолковываться по-разному. Вне зависимости от объективного анализа развития капитализма в России молодой российский марксист упорно отстаивал учение Маркса и Энгельса о преходящем характере капиталистического способа производства, о социалистической революции и диктатуре пролетариата. Тех же, кто, ссылаясь на Маркса и Энгельса, признавал прогрессивную роль капитализма и предлагал использовать его потенциальные возможности для улучшения жизни, он считал проповедниками буржуазной идеологии «под флагом марксизма».

Одним из основателей теории «легального марксизма» был П.Б. Струве, который считал идеалом развития русского общества конца XIX века свободную капиталистическую Россию с выборными органами власти. В конце 1894 г. Струве опубликовал «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Автор заявил, что разделяет лишь некоторые основные вопросы марксизма. Реально оценивая состояние экономического развития России, Струве приходит к выводу-призыву: «...признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму»¹².

Взгляды Струве разделял Г.В. Плеханов. Примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определенным взглядам российских революционных теоретиков, он несколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Вместе с тем считал необходимым организовать политическое обучение соотечественников. В 1895 г. был образован «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», объединивший разрозненные марксистские кружки столичных социал-демократов.

Жаркая борьба по революционной тактике продолжалась. За ее развитием внимательно следила полиция, периодически нейтрализуя наиболее активных революционных теоретиков. В декабре 1895 г. был арестован В. Ульянов, приговорен к трем годам и сослан в Сибирь, где в

более спокойной и благоустроенной семейной обстановке мог обдумать главную цель жизни — создание революционной организации, которая воплотит на практике его идеи.

В конце 1895 г. шушенский затворник написал «Проект программы» будущей партии, а летом 1896 г. — «Объяснение программы» социал-демократической партии. В «Проекте программы» констатируется быстрый рост капитализма, который «означает громадный рост богатств и роскоши среди кучки фабрикантов, купцов и землевладельцев и еще более быстрый рост нищеты и угнетения рабочих. Вводимые крупными фабриками улучшения в производстве и машины, способствуя повышению производительности общественного труда, служат к усилению власти капиталистов над рабочими, к увеличению безработицы, а вместе с ней и к незащищенности рабочих»¹³.

В общем, все верно, ибо закономерно. Однако о какой степени нищеты идет речь? Деловой предприниматель всегда будет развивать свое дело за счет «улучшения производства и машин». О какой степени эксплуатации и «угнетения рабочих» можно говорить? Пролетарии добровольно продают рабочую силу и имеют право защищать себя от чрезмерного, противозаконного угнетения в судебном порядке, забастовками, различными формами экономического давления на предпринимателя. Но ссыльный революционер призывает к борьбе «против всех классов, живущих чужим трудом, и против всякой эксплуатации», которая «может окончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества...»¹⁴.

Такой призыв, на наш взгляд, игнорировал огромный слой населения, не производящий материальных ценностей, — интеллигенцию, служащих, священнослужителей и т.п. Необъяснимо и то, почему политическая власть должна перейти в руки рабочего класса, к тому же небольшой и нелучшей части общества. Передача же «всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки обще-

ства» вновь приведет к сосредоточению ее у профессиональных групп трудящихся, а точнее, она попадет в руки организаторов и, еще хуже, начальников производства, от которых вновь будет зависеть общество. Потеря же личной заинтересованности в улучшении производства приведет к падению производительности труда и обнищанию всего общества.

В «Проекте программы» давалось указание о том, что «движение русского рабочего класса по своему характеру и цели входит как часть в международное (социал-демократическое) движение рабочего класса всех стран». И это все в зависимости от наличия рабочего класса и его желания. «Русская социал-демократическая партия, — было записано в «Проекте программы», — объявляет своей задачей помогать этой борьбе русского рабочего класса развитием классового самосознания рабочих, содействием их организации, указанием на задачи и цели борьбы». По мнению шушенского теоретика, выходило, что «задачи и цели борьбы» определять должен не весь рабочий класс, а его партия. К тому же указания партии должны касаться всего российского общества и, более того, «движения рабочего класса всех стран».

В «Проекте программы» подчеркивалось, что «борьба русского рабочего класса за свое освобождение есть борьба политическая и первой задачей ее является достижение свободы». Однако при всей нацеленности на политические задачи проект программы в основном содержит экономические требования, вплоть до абсурдного ведения войны «со всеми стремлениями облагодетельствовать трудящиеся классы опекой неограниченного правительства и его чиновников и задержать развитие капитализма, а следовательно, и развитие рабочего класса»¹⁵.

Таким образом, зачатком пролетарской партии России явился «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», объединивший кружки марксистско-народовольческой идеологии.

В 1897 г. В.И. Ульянов подготовил «Задачи русских социал-демократов», опубликованные за границей 5 лет

спустя под именем Н. Ленин. Под новым псевдонимом был и официальный паспорт Владимира Ильича, который он «одолжил» у оставшегося в России 70-летнего Николая Егоровича Ленина.

Сибирская ссылка не позволила шушенскому затворнику принять личное участие в организационном съезде российских социал-демократов.

1–3 марта 1898 г. в Минске 9 делегатов от 6 организаций: петербургского, московского, екатеринославского и киевского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», «Рабочей газеты», Всеобщего еврейского союза в России и Польши и Бунда — решили создать Российскую социал-демократическую рабочую партию. Был избран ЦК в составе 3 человек (С.И. Радченко, Б.Л. Эйдельман и А.И. Кремер). Итак, во главе Российской СДРП не было представителя основного народа России — русского. К тому же, несмотря на интернационалистические основы РСДРП, съезд признал Бунд автономной организацией. Ни устава, ни программы партии принято не было.

В апреле 1898 г. Радченко, Кремер и Струве по решению съезда подготовили и опубликовали Манифест РСДРП, в котором особое внимание обращалось на политическую свободу. «Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение»¹⁶.

В 1899 г. В.И. Ленин закончил большой труд «Развитие капитализма в России», в котором попытался проанализировать экономическую основу российской рабочей партии, теоретическую базу ее программы, стратегии и тактики. Ленин попытался «дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплуатации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие»¹⁷. Идеиный спор революционных марксистов с либеральными народниками и «легальными марксиста-

ми» должен был разрешить проблему стратегии и тактики дальнейшей революционной борьбы. Это был вопрос о том, какой класс должен и может осуществить коренное переустройство общества.

Судьба капитализма в России, условия победы революции и дальнейшее ее развитие были в центре постоянного внимания Ленина. На большом фактическом материале он проанализировал развитие капитализма, показав конкретные проявления общих экономических законов в российской действительности. Раскрывая главные стадии эволюции русского капитализма, Ленин пришел к марксистскому выводу о неизбежной революционной замене капиталистического развития — социализмом. Он показывал наличие необходимых компонентов социалистических преобразований, одним из которых являлась концентрация производства, необходимая для государственного обобществления.

Однако в 1894–1895 гг. крупные предприятия (с числом рабочих 100 и более человек) составляли лишь 10,1% всех фабрик и заводов, что не было подавляющим среди всего населения России. Но на крупных предприятиях России было занято 74% всех фабрично-заводских рабочих, производящих свыше 70% всей продукции¹⁸. В конце XIX века были изданы специальные законы по обеспечению безопасности рабочих в горнозаводской промышленности, на железных дорогах и на предприятиях, особо опасных для жизни и здоровья рабочих. Детский труд до 12-летнего возраста был запрещен. Труд несовершеннолетних и женщин не мог быть использован между 9 часами вечера и 5 часами утра. Штрафы не могли быть выше одной трети заработка. Штрафные деньги поступали в фонд, предназначенный для удовлетворения нужд самих рабочих. В 1903 г. были введены цеховые старосты, избираемые рабочими, в 1906 г. законом были признаны рабочие союзы, в 1912 г. было введено социальное страхование. Главное — рабочие имели право на забастовку. Президент США 1909–1913 гг. У. Тафт в 1912 г. публично заявил: «Ваш император создал такое совершенное ра-

бочее законодательство, каким ни одно демократическое государство похвастаться не может».

Концентрация рабочих способствовала сплочению и организации революционной борьбы, увеличивала их силу и политическую активность в жизни страны. В итоге исследования Ленин констатировал, что «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»¹⁹.

На наш взгляд, Россия оставалась еще страной преимущественно аграрной и отсталой в технико-экономическом отношении по сравнению с передовыми капиталистическими странами. Ленин справедливо подчеркивал, что капитализм лишь создает материальные предпосылки и субъективные факторы пролетарской революции, перехода к социализму.

Общий вывод «Развития капитализма в России» состоял в том, что в России назревает народная революция, во главе которой стоит пролетариат, имеющий мощного союзника — многомиллионное крестьянство. Начавшаяся революция, по мнению Ленина, не ограничится свержением монархии — пролетариат свергнет и капиталистов, взяв в свои руки власть, приступит к социалистическим преобразованиям.

Без сомнения, труд Ленина является обобщающим и глубоким исследованием развития капитализма, в котором вскрыты не только закономерности капиталистического быта, но и специфические особенности его развития в России. Вполне правомочным явилась постановка вопроса о политической организации рабочего класса — создании партии. И все же ни идеальная социал-демократическая партия, ни универсальная революционная теория марксизма не могли заменить естественного социально-экономического развития России, численности рабочего класса, его общеобразовательного, культурного и профессионального уровня. Россия не была готова к революционным изменениям, тем более — социалистическим,

и даже создание партии не могло ускорить естественный процесс общественного развития.

Революционная рабочая партия, по мысли Ленина, должна была развить классовое самосознание пролетариата, основой которого должно было стать его стремление завоевать политическую власть и приступить к социалистическим преобразованиям общества. Таким образом, создание политической партии являлось закономерным результатом социально-экономического развития России, проявлением сплоченности рабочих. О создании РСДРП написано много, и наша задача лишь в том, чтобы отразить в этом процессе роль Ленина, его взгляды на «партию нового типа».

Ленин и его сторонники доказывали важность политической борьбы, завоевания власти, установления диктатуры пролетариата и проведения социалистических преобразований. «Мы думаем, — писал будущий создатель «партии нового типа», — что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются, в частности, к Англии иначе, чем к Франции, иначе, чем к Германии, иначе, чем к России».

«Самостоятельная разработка теории Маркса», на наш взгляд, не марксизм, а ленинизм, хотя этот термин сам Ленин никогда не употреблял. В то же время необходимо учитывать, что Маркс и Энгельс заложили такие «краеугольные камни», без учета которых невозможно построение социализма ни в какой стране. Таким образом, ленинизм — это соединение русского революционного наследия с марксизмом. Первостепенное значение в новом российском революционном течении главный его теоретик отводил программе организации и тактике действия ее членов.

Итак, что же Ленин приветствовал безоговорочно в марксизме? Пожалуй, одно: теорию классовой борьбы и проповедь пролетарской революции. Таким образом,

для Ленина «марксизм — не догма, а руководство к действию».

В 1899 г. Ленин разработал новый проект программы РСДРП, в основу которого лег проект группы «Освобождение труда» — «проект, нуждающийся лишь в частных редакционных изменениях, исправлениях и дополнениях». Несмотря на то что он издан 15 лет тому назад, он в общем и целом вполне удовлетворительно, по нашему мнению, — писал Ленин, — разрешает свою задачу и стоит вполне на уровне современной социал-демократической теории». В этом проекте точно указан тот класс, который один только может быть в России (как и в других странах) самостоятельным борцом за социализм, — рабочий класс, «промышленный пролетариат»; указана та цель, которую должен ставить себе этот класс, — «переход всех средств и предметов производства в общественную собственность», «устранение товарного производства» и «замена его новой системой общественного производства» — «коммунистическая революция»; указано «неизбежное предварительное условие» «переустройства общественных отношений» — «захват рабочим классом политической власти»; указана международная солидарность пролетариата и необходимость «элемента разнообразия в программах социал-демократов различных государств сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности»; указана особенность России, «где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства»; указана связь русского революционного движения с процессом создания (силами развивающегося капитализма) «нового класса промышленного пролетариата — более восприимчивого, подвижного и развитого»; указана необходимость образования «революционной рабочей партии» и ее «первая политическая задача» — «низвержение абсолютизма»; указаны «средства политической борьбы и выставлены ее основные требования»²⁰.

Таким образом, основные элементы программы рабочей партии, составленные группой заграничных револю-

ционеров, легли в основу проекта 29-летнего Владимира Ульянова.

Организации классовой борьбы пролетариата «на почве теории Маркса», которая, по мнению Ленина, «первые превратила социализм из утопии в науку»²¹, способствовала газета «Искра». Через газету русская социал-демократия призвана была «внедрить социалистические идеи и политическое самосознание в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением»²².

В противоположность Ленину так называемые «экономисты» Кричевский, Мартов (Цедербаум), Акимов и др. считали марксизм «примитивным», пользующимся «слишком схематичным представлением классового деления общества». Солидаризируясь с Марксом в том, что лишь экономические интересы пролетариата и буржуазии играют решающую роль в истории, «экономисты» утверждали, что борьба пролетариата за наиболее выгодные условия продажи рабочей силы составляет ее основу. Однако, по их мнению, пролетариат недостаточно развит и подготовлен к политической борьбе и, тем более, к руководству российским обществом. Организаторами политической деятельности они считали либералов, что соответствовало их ведущей роли в экономическом развитии страны.

А.А. Якубова и ее единомышленники, сгруппировавшиеся вокруг газеты «Русская мысль», также считали основной задачей рабочего движения экономическую борьбу с капитализмом, средством борьбы — стачку. По отношению к царизму — выдвигалось требование «законодательной защиты труда»²³. Для достижения своих целей они считали более эффективным не создание политической партии, а различные рабочие организации и профсоюзы.

«Экономистов» Петербурга поддержал «Союз русских социал-демократов за границей» во главе с Г.В. Плехановым. Их позиция, изложенная в журнале «Рабочее дело», состояла в постепенном, поступательном развитии рабочего движения, от борьбы рабочих за свои интересы на

отдельных предприятиях до всеобщих действий против царизма за улучшение фабричного законодательства. К тому же они не отстаивали руководящую и направляющую роль социал-демократических организаций в освободительном движении. По их мнению, русский рабочий еще не созрел для ведения самостоятельной политической борьбы и нуждается в руководстве либералами.

Понимая, что процесс экономической борьбы длителен, а главное, утомителен и не дает власти, Ленин радикально выступил против «экономистов», назвав их теорию извращением и опошлением марксизма в духе легального марксиста П. Струве и немецкого реформиста Э. Бернштейна. Не отрицая решающей роли экономических интересов в общественном развитии, Ленин считал ошибочным вывод о первостепенном значении экономической борьбы. Доказательства своих идей он пытался изложить в ряде работ, написанных в 1899–1902 гг. Самые существенные экономические интересы пролетариата, писал Ленин, можно удовлетворить только коренным политическим преобразованием, свержением монархии и буржуазии, установлением диктатуры пролетариата. Ленин вновь пытается доказать роль пролетариата в революционной борьбе, а точнее, он внушает пролетариату «его историческое предназначение как руководителя всех трудящихся», развивая его гегемонистскую идеологию, уверяя его в возможности сложнейшего управления обществом. Хотя вся теоретическая разработка ведущей роли рабочего класса проводилась без его участия.

Марксизм-ленинизм становится более понятен пролетариату, ибо утопические идеи всеобщего равенства, справедливости и т.п. вытекают из самой природы людей, в массе своей верящих в добро и мечтающих о своем благополучии земном и даже небесном. Подтверждением этому служит и неугасающая вера во Всевышнего, единая для всех мировых религий. К тому же большая часть людей желает быстрее исполнения своих желаний, не задумываясь о реальных мерах их выполнения — ма-

териальных затратах, ущемлении окружающих, моральных принципах и т.д.

Не вдаваясь в подробный анализ социал-демократической и социал-революционной теории, их идейных разногласий, которые Ленин считал идеологическими буржуазными извращениями и опошлением марксизма, можно констатировать плюрализм мнений по кардинальным вопросам социалистического движения. Наличие «твердых» и «мягких», ортодоксов и оппортунистов, догматиков и прагматиков как среди марксистов, так и среди других революционных идеологий и течений было вполне нормальным явлением общественной жизни. Вся эта борьба рождала наиболее рациональные формы и методы общественного прогресса. И никто не имел морального права на оскорбления и тем более физическое воздействие на своего политического оппонента. Нужна была широкая политическая дискуссия, в ходе которой не только бы выяснялись идейные позиции, формы и методы их практического внедрения различных сторон, но и происходила бы кристаллизация общественного мышления.

«Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», — так изложил свою революционную позицию Ленин в книге, вышедшей в конце 1902 г., в которой были поставлены три вопроса: «о характере и главном содержании нашей политической агитации, о наших организационных задачах, о плане построения одновременно и с разных концов боевой общерусской организации»²⁴. В принципе эти вопросы стояли перед всеми революционными организациями. Ленин рассматривал их неоднократно и все же в наиболее критический момент общественного движения посчитал, «что необходимо сделать попытку возможно более популярного, поясняемого самыми многочисленными и конкретными примерами, систематического «объяснения» со всеми «экономистами» по всем конкретным пунктам наших разногласий»²⁵.

Ленин считал несостоятельным и оппортунистическим отрицание «экономистами» научной обоснованности социализма «с точки зрения материалистического понимания

истории, его необходимость и неизбежность». Он упрекал их в том, что они не видят «растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий», а главное, объявляют «несостоятельным самое понятие о «конкретной цели» и безусловно отвергают идею диктатуры пролетариата. Он не понимал политических оппонентов, которые отрицали принципиальную противоположность либерализма и социализма, теорию классовой борьбы, считая, что она «неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства...». Ленина бесило то, что, по мнению «экономистов», «социал-демократия должна из партии социальной превратиться в демократическую партию социальных реформ». Такая «свобода критики», по мнению Ленина, «есть свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов».

Таким образом, критикуя своих оппонентов, Ленин отрицал их критику в отношении себя, апеллируя лишь к бесспорным идеям марксизма, «зоркого внимания к теоретической стороне революционного пролетариата», «самостоятельной выработки специфической социал-демократической политики, отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям»²⁶.

Ленин считал, что «социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть, оно могло быть привнесено только извне»²⁷. В этом Ленин противоречил Марксу, который утверждал: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»²⁸. И все же Ленин отстаивал: «Революционная опытность и организаторская ловкость — вещи наживные», считая, что именно это должно стать приоритетным в общественном преобразовании.

Принижением социализма считал Ленин мнения «экономистов» о том, что «политическая борьба рабочего класса есть лишь (именно лишь. — В.П.) наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы»

(программа «Раб. Дела», «Р.Д.», № 1, стр. 3). «Теперь перед социал-демократами стоит задача — как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер» (Мартынов в № 10, стр. 42). «Экономическая борьба есть наиболее широко применяемое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу» (резолюция съезда Союза и «поправки»; «Два съезда», стр. 11 и 17).

Ленин придерживался иного взгляда: «...экономическую борьбу следует вести как можно более широко». Он писал, что ею всегда следует пользоваться для политической агитации, но «нет никакой необходимости считать экономическую борьбу наиболее широко применимым средством для вовлечения массы в активную политическую борьбу»²⁹.

Итак, позиции ясны. Где истина? Истина — налицо. «Экономисты» стояли за эволюционный буржуазный путь развития, марксисты-ленинцы — за революционный захват власти и социалистические преобразования. Первые исходили из реальных проблем, вторые — перспективных, а точнее, догматических, ибо неразвитый капитализм даже при идеальной социал-демократической политике мог перерасти лишь в диктаторский социализм.

Ленин от имени выдуманного рабочего, якобы ведущего разговор с «экономистами», заявляет: «...мы не дети, которых можно накормить кашей одной «экономической» политики; мы хотим знать все то, что знают и другие, мы хотим подробно познакомиться со всеми сторонами политической жизни и активно участвовать во всяком и каждом политическом событии». Кто же этому мешал?

По мнению Ленина, интеллигенты-«экономисты», которые не давали рабочим политических знаний, не информировали их, «непременно в виде живых обликов того, что именно в данное время делает наше правительство и наши командующие классы во всех областях жизни». А главное в том, что интеллигенты преклоняются перед стихийностью и мало проявляют «своей активности»³⁰.

Вот так рассуждал сытый Ленин за рабочего, основной целью которого было заработать себе и своей семье на жизнь, а не слушать политические доклады, ибо от этого сыт не будешь, но злобы прибавится.

К тому же, по убеждению Ленина, «политическая деятельность имеет свою логику, не зависящую от сознания тех, кто в самых лучших намерениях вызывает либо к террору, либо к приданию политического характера самой экономической борьбе»³¹. Ленин усиленно подталкивал рабочий класс на позиции борьбы за демократию, а точнее — на политический бой с буржуазией и самодержавием за завоевание власти и установление своей диктатуры. «Авангардом революционных сил сумеет стать в наше время, — утверждал Ленин, — только партия, которая организует действительно внеародные обличения... вести эту всестороннюю политическую агитацию будет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск на правительство от имени всего народа, и революционное воспитание пролетариата, наряду с охраной его политической самостоятельности, и руководство экономической борьбой рабочего класса...»³²

Опасаясь жандармских репрессий, Ленин имел в виду: «Маленькое, тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных рабочих, имеющих доверенных людей в главных районах и связанных, по всем правилам строжайшей конспирации, с организацией революционеров...», которое может выполнить все функции профессиональной организации «так, как это желательно для социал-демократии»... А кто хочет широкой организации рабочих с выборами, отчетами, всеобщими голосованиями и пр. при абсолютизме — тот просто «неисправимый утопист»³³.

Действительно, широкая революционная партия, ведущая политическую борьбу за власть, была обречена, но небольшая профессиональная организация становилась заговорщической партией, хотя и способной перевернуть, по мнению Ленина, Россию. «...Главное внимание, — пишет Ленин, — должно быть обращено на то, чтобы подни-

мать рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы опускаться самим непременно до «рабочей массы», как хотят «экономисты»³⁴.

Таким образом рождалась партийная элита, из которой должен выделиться вождь.

Лидерство, по мнению Ленина, — необходимое условие для успеха революции. «Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения, — считал Ленин, — должны быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, — уверял Ленин, — обеспечено и нечто большее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это большее безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи»³⁵.

Ленин действительно точно подметил характерную черту русских, воспитанную веками, — круговую поруку. И все же он не прав, отстаивая сектантские методы создания революционной партии, члены которой должны были «вырабатывать из себя настоящих политических вождей». Именно посредством политической агитации они должны были поднимать народ на революцию.

Для массового тиражирования пламенных речей революционеров необходима была еженедельная газета. «Эта газета, — считал Ленин, — стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классово-вой борьбы и народного возмущения в общий пожар». Он с уверенностью революционного вожака уверял, что «по лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России»³⁶.

Столь откровенный призыв народа «к топору» был вызывающим, обнажающим революционную суть ленинско-

го мировоззрения, главной фигурой которого был политический дровосек и факельщик, а не безымянный русский Левша, Демидовы, Ломоносов, да и многие другие, умом и трудом прославляющие Россию. Конечно, труднее вырастить и поддержать ученого или мастерового, чем раздуть искру «народного» разбоя и государственного беспредела «политических вождей».

Ленин был глубоко убежден, что все социальные болезни России в плохой организованности ее политического и экономического управления, обюрократившихся государственных чиновников. Отчасти это было так, но ответ на вопрос «что делать?» Ленин явно идеализировал, считая, что от энергичных, овладевших марксистской теорией классовой борьбы концентрическими кругами будет распространяться организация всего российского общества. Ленинизм фактически развивал народническую теорию «героя и толпы», изложенную в «Исторических письмах» (1868–1869 гг.) П.Л. Лаврова, согласно которой исторический прогресс — это результат столкновения идей выдающихся личностей с обыденным сознанием народа. По мнению Плеханова, это не соответствовало марксизму.

В работе «Что делать?» Ленин вносит «ясность» и по поводу партийной газеты, подвергая осуждению утверждение «экономистов» о том, что «не газета может создать партийную организацию, а наоборот». Газета «Искра», в которой главным редактором был Ленин, охарактеризована была «экономистами» как газета, стоящая над партией, вне ее контроля и независимо от нее благодаря собственной сети агентов.

Вполне естественно, что, какую бы организацию газета ни представляла, без контроля со стороны этой организации или ее органов она в основном представляла мнение редакции и в большей степени ее главного редактора.

Ленин утверждал, «что нет иного средства воспитывать сильные политические организации, как посредством общерусской газеты». Естественно, имеется в виду «Искра», а не какая-либо другая газета, которая по праву могла претендовать на роль лидера, хотя газета — лишь

одно из средств воспитания и не может выполнять функции партийных организаций, а тем более органа по подготовке к восстанию.

«Проглядеть революцию, — утверждал Ленин, — всего менее рискует именно тот, кто ставит во главу угла всей своей и программы, и тактики, и организационной работы всенародную агитацию, как делает «Искра»³⁷.

Таким образом, работа Ленина «Что делать?» формулировала основные направления, формы и методы деятельности ленинской фракции, которая боролась за строго централизованную, хорошо законспирированную, малую профессиональную политическую партию, способную поднять пролетариат на борьбу с царизмом и капитализмом путем захвата государственного управления. Несколько позже Плеханов отметит, что «Ленин написал для наших практиков катехизис не теоретический, а практический, за что многие из них прониклись благоговейным уважением к нему и провозгласили социал-демократическим Соломоном»³⁸. Наступательная тактика революционной борьбы, изложенная Лениным в работе «Что делать?», встретила благодатную почву среди молодых социал-демократов, мечтавших об индивидуальном героизме на благо народа. Авторитет Ленина значительно вырос, он становился реальным кандидатом на пост руководителя партии на предстоящем съезде РСДРП.

Концепции Ленина по основным вопросам политической борьбы пролетариата повлекли за собой не только идейную поляризацию, но и практическое разделение РСДРП на II съезде в августе 1903 г., хотя главная задача съезда состояла в создании действительно революционной партии на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». К тому же искровцы, подготовившие съезд, владели большинством голосов — 33 из 47. «Экономисты» обвинили их в захвате власти на съезде, председателем которого был избран Плеханов, его заместителями Ленин и Красиков.

Съезд принял изменения в партийной программе, составленной на основе предложений Плеханова и Ленина, в политической части которой было записано:

«Российская социал-демократическая рабочая партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, конституция которой обеспечивала бы:

1. Самодержавие народа, то есть сосредоточение всей верховной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату.

2. Всеобщее, равное и прямое избирательное право при выборах как в законодательное собрание, так и во все местные органы самоуправления для всех граждан и гражданок...

3. Широкое местное самоуправление...

4. Неприкосновенность личности и жилища.

5. Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний, стачек и союзов.

6. Свободу передвижения и промыслов.

7. Уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан...»³⁹

Ну как обойтись без цитирования, когда все названные пункты партийной программы будут нарушены одним из ее создателей с первых дней захвата власти.

Однако большинство верило Плеханову, который все больше и больше представлял лишь фасад марксизма, щит ленинизма, еще не обнажившего революционного меча.

Раздел программы по аграрному вопросу, похожий на программу других социалистических и либеральных партий и групп, был выражен в весьма умеренных требованиях. Но по столь важному вопросу Ленин имел свой план, основу которого изложил летом 1903 г. в брошюре «К деревенской бедноте». Доминантой было разжигание классовой борьбы в деревне, исходя из трех категорий крестьян: бедные, средние, богатые. «Деревенской бедноте, — указывал Ленин, — сначала надо на помещиков

ударить и хотя бы только самую злую, самую вредную барскую кабалу с себя сшибить, — в этом многие богатые крестьяне и сторонники среднего класса тоже за беднотой пойдут». Затем беднота должна продолжить борьбу против богатых крестьян «с городским рабочим человеком»...⁴⁰ А в отношении «средних» крестьян Ленин начинает разбираться в 1918 г., когда Гражданская война затянется их в огненное сопло смертельного горнила.

По основному вопросу съезда — программе РСДРП — вновь разгорелась принципиальная борьба. Лидер «экономистов» Мартынов предложил добавить в формулировку «растет число и сплоченность пролетариата» слово «сознательность». Однако Ленин и его сторонники — В.Ф. Горин, Д.А. Толуридзе и др. — считали, что социалистическая сознательность не может быть стихийной, она лишь вносится рабочей партией. «Эта вставка, — говорил Ленин, — вносит ухудшение. Она создает представление, как будто стихийно растет сознательность. В международной же социал-демократии нет сознательной деятельности рабочих вне влияния социал-демократии». И все же логическая поправка была отклонена подавляющим большинством ленинцев.

Оспаривался Акимовым и пункт о диктатуре пролетариата. Большинство отстаивало мнение лидера о том, что необходимое условие социалистической революции «составляет диктатура пролетариата, т.е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров»⁴¹.

В стенографическом отчете второго съезда, изданном в Женеве, на странице 241, утверждает М. Геллер, занесено в протокол, что во время выступления делегата Попова, говорившего о вездесущем и всюду проникающем духе ЦК, Ленин поднял кулак и воскликнул: «Кулак!»⁴²

Дискуссионным стал вопрос о значении таких «демократических принципов», как всеобщее, равное и прямое избирательное право, и др. Позицию марксистов выразил Г.В. Плеханов. «...Успех революции, — заявил он, — высший закон. И если бы ради успеха революции потре-

бывалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться». Он подчеркнул, что пролетариат не только лишит избирательного права капиталистов, но и разгонит какой угодно парламент, если он окажется контрреволюционным.

Таким образом, развивались положения Маркса—Энгельса о классовой борьбе, классовом подходе к демократии, ибо «...пролетариату для овладения политической властью также нужны демократические формы, но они для него, как и все политические формы, только средство»⁴³.

Ожесточенная борьба шла и по вопросам Устава партии, а когда съезд принял решение о признании «заграничной лиги русской социал-демократии» единственной организацией РСДРП, а затем отклонил принцип федерализма в построении партии, «экономисты» и бундовцы покинули съезд. По мнению Мартова и его сторонников, партия фактически должна была слиться с рабочим классом. По Ленину же, партия была прежде всего орудием профессиональных революционеров, которые в основном были интеллигентами. В партийные организации на местах входило небольшое число рабочих, знакомых лишь с азами марксистско-ленинской теории классовой борьбы, но готовых на все во имя «светлого будущего».

Раскололась и фракция искровцев по поводу формулировки параграфа Устава относительно условий членства в партии. Ленин предложил формулировку, по которой: «Членом партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций». Мартов предложил, что «членом РСДРП считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций»⁴⁴.

Вроде бы разница небольшая, но весьма существенная. По Ленину, членом партии мог стать только тот, кто

принадлежал к партийной организации, обязан соблюдать железную дисциплину, подчиняться партийному центру. Ленин рассматривал членов партии как агентов конспиративной организации.

Согласно Мартову, членом партии мог быть любой человек, который сотрудничал с ней, даже не входя в партийную организацию. Он мог отказаться от секретных партийных инструкций и выступать критически легально.

За формулировку Ленина проголосовали 24 человека, за вариант Мартова — 9. Это было началом раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков. Плеханов, видя реальную расстановку сил, вероятно, считая некорректным усугублять разрыв искровцев, голосовал формально за Ленина, который все более и более выходил в лидеры нового наступательного революционного курса российских социал-демократов.

Важным вопросом, обсуждавшимся на съезде, стала проблема отношения к либерально-демократическому течению. Потресов считал возможным сотрудничество социал-демократов с ними. Плеханов и Ленин выступали против компромисса, отстаивая положение марксизма о том, что политические компромиссы возможны лишь тогда, когда они не затрагивают принципиальных основ гегемонии рабочего класса в обществе и его главной цели — построения коммунизма.

Таким образом 2-й съезд РСДРП фактически расколол партию под давлением ленинского большинства. К тому же и в состав ЦК было избрано большинство ленинцев. «Большевизм, — писал впоследствии Ленин, — существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»⁴⁵. Так была оформлена партия «нового типа», в основе которой лежали принципы превосходства политических вопросов над экономическими; строгой конспирации и железной дисциплины; инициативы руководящих органов; непререкаемости лидеру партии.

Позицию большевиков по созданию в России революционной партии рабочего класса, партии «нового типа»

изложил Ленин в книге «Шаг вперед, два шага назад», вышедшей в мае 1904 г. Главной задачей, поставленной Лениным, было подробное выявление смысла разногласий с наиболее видными российскими социал-демократами, противостоящими «большевизму», — Г.В. Плехановым, Ю.О. Мартовым, П.Б. Аксельродом, В.И. Засулич, П.Б. Струве и др., которых поддерживал лидер II Интернационала К. Каутский.

Уже в предисловии Ленин определил, что «большинство» есть революционное, а «меньшинство» оппортунистическое крыло РСДРП⁴⁶. По мнению Ленина, проявлениями организационного оппортунизма меньшевиков были:

во-первых, «жирондизм», или отказ от классовой «чистоты» новой партии, возможность участия в РСДРП представителей всех слоев населения. Ленин отстаивал идеологию «якобинства»;

во-вторых, «хвостизм» — отрицание роли партии «в применении к вопросам организации». «Мы, так называемое «меньшинство», — писал Л. Троцкий, — не выставляем организационных задач и думаем, что самые неотложные из них разрешаются попутно, в процессе политической борьбы»;

в-третьих, «барский, или интеллигентский, анархизм» — возражение против строгих уставных партийных рамок;

в-четвертых, «автономизм» — враждебное отношение к пролетарскому централизму. Меньшевики, выступая против бундовского федерализма, против автономизма «экономистов», отстаивали права местных организаций и одиночек.

По мнению Ленина, марксистская партия должна быть:

во-первых, не только частью рабочего класса, но и его передовым отрядом, боевым вождем всех трудящихся;

во-вторых, основной принцип построения партии — демократический централизм.

Это означало: работу партии на основе единого Устава; руководство сверху донизу; подчинение меньшинства

большинству; выборность руководящих органов снизу доверху; периодическая отчетность органов перед своими организациями. Подчеркивая значение централизма, Ленин писал: «...прежде наша партия не была организованным формальным целым, а лишь суммой частных групп, и потому иных отношений между этими группами, кроме идейного воздействия, и быть не могло. Теперь мы стали организованной партией, а это и означает создание власти, превращение авторитета идей в авторитет власти, подчинение партийным высшим инстанциям со стороны низших»⁴⁷.

Марксистская партия, считал Ленин, в руководстве беспартийными массами трудящихся должна иметь моральное и политическое их доверие, опираться на их поддержку, «требовать исполнения обязанностей члена партии не только от рядовых, но и от «людей верха»⁴⁸. Партия не должна скрывать правду и недостатки от масс, должна проводить активную «работу самокритики и беспощадного разоблачения собственных минусов...»⁴⁹.

Вместе с тем Ленин утверждал, что «чем меньше шаткости и неустойчивости будет внутри партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающее ее, руководимые ею элементы рабочих масс⁵⁰. ...У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации»⁵¹.

На наш взгляд, рамки «шаткости и неустойчивости» очень относительны и могут быть сужены до уровня культа партийного вождя. «Шаткость и неустойчивость» отражают объективное состояние партийных рядов, и, вполне естественно, рабочие массы идут за теми, политику которых считают более реалистичной и благовидной.

Дальнейшее разобобщение российской социал-демократии происходит под руководством Ленина в августе 1904 г. в Швейцарии на совещании 22 большевиков и в конце 1904 г. на трех конференциях РСДРП. Основным требованием большевиков стал созыв третьего съезда партии. «Фактически... — писал Ленин 3 февраля 1905 г. — оказалось две Российские социал-демократические рабочие

партии. Одна с органом «Искра», «официально» называемым Центральным Органом партии, с Центральным Комитетом, с четырьмя русскими комитетами из двадцати... Другая партия с органом «Вперед», с «Бюро русских Комитетов Большинства», с 14-ю комитетами в России...»⁵²

В открытом письме ЦК РСДРП, опубликованном в «Искре», Г.В. Плеханов обвинял В.И. Ленина в «бонапархизме» и требовал, чтобы ЦК отмежевался от него. Однако позицию Ленина поддерживали наиболее авантюристические и решительные люди, считавшие, что главное — захватить власть. Ленин как бы развивал эту идею, указывая, что главное — «удержать власть». На основе ленинской центристской концепции революционной партии поляризуются мнения деятелей российской социал-демократии. Мартов, Аксельрод, Плеханов, Троцкий и др. выражали сомнения относительно истинности марксизма Ленина, сравнивая его с Бакуниным, также сторонником централизма⁵³. Троцкий считал, что Ленин скорее якобинец, чем марксист, ибо «подобные методы приводят, как еще увидим, к тому, что партийная организация «замещает» собой партию, ЦК замещает партийную организацию и, наконец, «диктатор» замещает собой ЦК»⁵⁴.

Формирование большевизма шло не только вокруг марксизма-ленинизма, идей революционного успеха и перспективы социалистического переустройства, но и притягательностью личности Ленина. «Очарование это колоссально, — свидетельствовал А.В. Луначарский, — люди, попадающие близко в его орбиту, не только отдаются ему как политическому вождю, но как-то своеобразно влюбляются в него»⁵⁵.

Бежавший из киевской тюрьмы в Женеву Н. Вольский (Валентинов) в начале 1904 г. был принят в небольшую группу большевиков, живших, по образному выражению меньшевиков, «ленинской сектой», услышал о 33-летнем Ленине: «Старик мудр, никто до него так тонко, так хорошо не разбирал детали, кнопки и винтики механизма русского капитализма». Весьма лестная характеристика своего почитателя, так же как почти религиозная атмосфера

поклонения его идеям, смутила молодого революционера. Но через некоторое время ленинские чары овладели и Вольским. «Сказать, что я в него «влюбился», — вспоминал Валентинов, — немножко смешно, однако этот глагол, пожалуй, точнее, чем другие, определяет мое отношение к Ленину в течение многих месяцев»⁵⁶.

Без Ленина не могли жить многие его соратники. Некоторые, со временем «прозрев», отошли от него, подвергнув идеи и культ вождя резкой критике, что не приносило значения его личности и его работоспособности. И хотя в начале XX столетия с интервалом в несколько лет он написал основополагающие теоретические труды по стратегии и тактике большевизма, содержавшие многочисленные ссылки на Маркса и Энгельса, марксизм интерпретировался им от потребностей реальной практики и насущных проблем революционного движения в России, разрешаемых им самим и его партией «нового типа».

Итак, было сделано главное на пути завоевания власти — была создана революционная организация во главе с ее идейным, очень инициативным вдохновителем, учителем и вождем В.И. Ульяновым (Лениным).

БЛИЗОРУКОСТЬ БОЛЬШЕВИКОВ И ОПЕРАТИВНОСТЬ ДУМЦЕВ

Социально-экономический кризис в России был обострен войной с Японией. 3 января 1905 г. путиловские рабочие объявили стачку. 5 января Петербургский комитет РСДРП призвал рабочих города и губернии провести забастовку солидарности, в которой уже 8 января принимало участие более 200 тыс. рабочих. Однако инициативу рабочих волнений взял на себя священник Георгий Аполлонович Гапон, который предложил составить петицию-прошение к царю. Наряду с экономическими требованиями в петиции подчеркивалась вера во всемогущество государя: «Не откажи же в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества... а не повелишь — мы умрем здесь на этой площади перед тво-

им дворцом». Петиция отражала коллективное сознание рабочих, показывая, что они еще не овладели революционными теориями российских социал-демократов. Кровавое воскресенье 9 января развеяло веру в царя-батюшку, всколыхнуло всю Россию.

Весенние выступления крестьян еще более обострили общественное состояние в стране. Создавалась благоприятная обстановка деятельности социалистов по активизации революционного настроения народных масс. «В России еще нет революционного народа», — писал накануне 9 января Петр Струве — вождь русских либералов, которого высмеивал Ленин в январе 1917 г. в докладе о революции 1905 года. В то же время и не отрицал, что «9 января 1905 года революционная партия России состояла из небольшой кучки людей — тогдашние реформисты (точь-в-точь как теперешние), издеваясь, называли нас «сектой». Несколько сотен революционных организаторов, несколько тысяч членов местных организаций, полдюжины выходящих не чаще раза в месяц революционных листов...

«Однако, — констатировал Ленин, — в течение нескольких месяцев (после 9 января. — В.П.) картина совершенно изменилась. Сотни революционных социал-демократов «внезапно» выросли в тысячи, тысячи стали вождями, — преувеличивал Ленин, — от двух до трех миллионов пролетариев». Все это, по мнению Ленина, революционизировало «крестьянское движение... повело к солдатским восстаниям... Таким образом колоссальная страна со 130 миллионами жителей вступила в революцию, — утверждал Ленин, — таким образом дремлющая Россия превратилась в Россию революционного пролетариата и революционного народа»⁵⁷.

Почти действительно так, но не совсем. Во-первых, вожди в российской социал-демократии были не массовы, а штучны, да и то лишь обозначены позже. Во-вторых, действительно были крестьянские волнения, вовсе не организованные в «крестьянское движение», да и социал-демократы здесь ни при чем. Этого не могли сделать даже социал-революционеры, ибо по своей частно-капи-

талистической или мелкобуржуазной сущности крестьяне России еще верили в царя. В-третьих, хотя и были революционные выступления солдат и матросов, все же армия оставалась верна присяге императору России.

Революционная эйфория, застилающая реальную действительность, возбуждала Ленина, разжигая его воображение, активизируя деятельность. 12 апреля 1905 г. в Лондоне открывается третий съезд РСДРП под руководством Ленина. Меньшевики отказались от участия в нем. Главным вопросом съезда стало обсуждение подготовки вооруженного восстания. Проект резолюции о вооруженном восстании был написан Лениным. В резолюции, принятой съездом большевиков, подчеркивалось, что общедемократическое революционное движение в России привело к необходимости вооруженного восстания: «...осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного вооруженного восстания, органом которого явится Временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и создать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, учредительное собрание, действительно выражающее волю народа»⁵⁸.

В постановляющей части резолюции большевики фактически отказывались от подчинения Временному правительству: «Независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократов во Временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на Временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией (большевиками. — В.П.) пролетариата в целях охраны, упрочнения и расширения завоеваний революции»⁵⁹.

Вопрос о подготовке и проведении вооруженного восстания был явно преждевременным. Во-первых, рабочий класс России не представлял большинства населения страны. Во-вторых, даже беднейшее крестьянство не было революционно настроено. В-третьих, большевист-

ские организации не были готовы выступить с оружием в руках против самодержавия.

Вместе с тем в резолюции было верно констатировано, «что революционное движение в России до известной степени расшатало и дезорганизовало уже самодержавное правительство, которое оказывается вынужденным допустить некоторую свободу политического выступления враждебных ему классов»⁶⁰.

Действительно, самодержавие под действием большинства революционно настроенных политических сил вынуждено было пойти на ряд уступок. 6 августа Николай II подписал указ об учреждении новой Государственной думы. Это было совещательное собрание, в чьи обязанности входили лишь «предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений», не касаясь основных законов империи. Дума была лишена какой-либо инициативы и не имела права по вопросам бюджета. Выборы должны были проходить с учетом сословного и имущественного ценза, что сокращало участие в выборах представителей средних слоев населения и фактически лишало избирательных прав рабочий люд.

Указ от 6 августа вместо ожидаемого успокоения народных масс вызвал крайнее их возбуждение. В сентябре была достигнута договоренность Союза союзов и социал-демократов о проведении всеобщей стачки с целью давления на самодержавие. 12 октября была парализована железнодорожная сеть страны, остановились промышленные предприятия, типографии, отключили телефоны, электричество. 13 октября в Санкт-Петербурге был образован Совет рабочих депутатов, объявивший себя «единственным полноправным представителем трудящихся Санкт-Петербурга».

Учитывая революционный накал в стране, Николай II принял предложения председателя кабинета министров С.Ю. Витте даровать народу основные свободы и установить конституционный режим. «Я, — говорил Николай II Святополку Мирскому, — придерживаюсь самодержавия не для своего удовольствия. Я, — уверял император, —

действую в этом духе только потому, что я убежден, что это мне нужно для России, а если бы для себя, я бы с удовольствием от всего этого отказался»⁶¹. 17 октября царь подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», суть которого сводилась к трем обещаниям:

«Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты...

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, по мере возможности, соответствующей краткости оставшегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей».

Таким образом царский Манифест становился конституционной основой самодержавия. Несомненно, это была победа демократических сил, вместе с тем отношение к нему было различным.

Более жестко выступала крайне правая партия, националистическая по духу, придерживающаяся монархических и антисемитских взглядов, — «Союз русского народа» под предводительством А.И. Дубровина, В.А. Грингмута, В.М. Пуришкевича и др., которым покровительствовал сам царь. Троцкий выразил мнение социал-демократов фразой: «Пролетарий не желает нагайки, завернутой в

пергамент конституции», а меньшевик Г. Носарь (П. Хрусталев), стоящий во главе Петербургского Совета рабочих депутатов, продолжал активно призывать рабочих на борьбу вплоть до полной победы над самодержавием.

Поддержали Манифест представители торгово-промышленной буржуазии, объединившиеся в партию «Союз 17 октября» под руководством таких известных политических деятелей, как А.И. Гучков, М.В. Родзянко, М.А. Хомяков и др. Девиз октябристов — сохранение единства и нераздельности Российской империи, сильная монархическая власть.

В отличие от октябристов члены Конституционно-демократической партии (партии «народной свободы»), основанной также в октябре 1905 г., считали Манифест 17 октября началом политической борьбы. Ее лидеры П.Н. Милюков, В.Д. Набоков, А.И. Шингарев и др., представлявшие просвещенную буржуазию, среднее сословие, национальные меньшинства, считали, что «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией».

Большевики не только не верили обещаниям царя, но и бойкотировали выборы в Государственную думу, чем обеднили свою политическую деятельность, потеряв прекрасную возможность пропаганды своей революционной программы. Они были нацелены на более радикальные меры — захват власти путем вооруженного восстания. 18 октября 1905 г. большевистский ЦК РСДРП выпустил воззвание «К русскому народу», в котором говорилось, что «народу нужны не бумажные обещания, а надежные гарантии: немедленное вооружение народа, отмена военного положения, созыв Учредительного собрания, отмена сословного строя, введение 8-часового рабочего дня. Пока этих гарантий нет — борьба продолжается».

«Народ победил. Царь капитулировал. Самодержавие перестало существовать», — сообщал корреспондент «Таймс». «Мы имеем полное право торжествовать, — писал Ленин из Женевы. — Уступка царя есть действительно величайшая победа революции, но эта победа далеко еще не решает судьбы всего дела свободы». Ленин наста-

ивал на решительных действиях революционного народа, которому «остается решить много серьезнейших боевых задач, чтобы довести революцию до действительной и полной победы»⁶².

«Революция добьет врага и сотрет с лица земли трон кровавого царя...» — кипел в Женеве Ленин. «...Вы не одиноки, рабочие и крестьяне всей России!» — уверял из-за границы вождь, надеясь, что «если вам удастся свалить, добить и уничтожить тиранов крепостной, полицейской, помещичьей и царской России, то ваша победа будет сигналом всемирной борьбы против тирании капитала, борьбы за полное, не политическое только, но и экономическое освобождение трудящихся, борьбы за избавление человечества от нищеты и за осуществление социализма».

Призывать легче, чем «свалить, добить и уничтожить...», ибо это море крови, которая не могла служить «сигналом всемирной борьбы... от нищеты и за осуществление социализма»⁶³.

Особое внимание Ленин уделил Советам рабочих депутатов в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». В статьях «Наши задачи и Совет рабочих депутатов», «Умиравшее самодержавие и новые органы народной власти» и др. он теоретически разрабатывает вопрос о Советах как органах народной власти, раскрывает их сущность и задачи. В противоположность меньшевикам, считавшим Советы органами местного самоуправления или стачечными комитетами, Ленин рассматривал их «как органы восстания, как революционную, самую демократическую власть, способную объединить революционные силы страны и стать подлинным выражением народной воли».

На наш взгляд, нельзя согласиться с Лениным, ибо Советы рабочих депутатов не могли представлять «самую демократическую власть» в России, где рабочие не составляли простого большинства населения. С другой стороны, Ленин по-марксистски прав, отстаивая «самую демократическую власть» в форме диктатуры пролетариата, более определенно заявив: «Кто не за революцию,

тот против революции. Кто не революционер, тот черносотенец»⁶⁴.

8 ноября 1905 г. Ленин приехал в Петербург для организации вооруженного восстания, 26 ноября был арестован председатель Петросовета Г.С. Носарь. Президиум Совета в составе трех человек, в том числе Троцкий, взявший на себя обязанности председателя, принял решение ответить вооруженным восстанием. Петроградский Совет 2 декабря обратился к населению с «Финансовым манифестом», призывавшим «отказаться от взносов выкупных и других казенных платежей» и требовать при всех сделках выплаты золотом, что должно было вызвать финансовый крах самодержавия.

На следующий день по приказу министра внутренних дел П.Н. Дурново было арестовано около 260 депутатов, почти половина состава Петросовета. Под руководством А.Л. Гельфанда (Парвуса) собрался суррогатный Совет, который 6 декабря призвал начать через два дня всеобщую стачку. Однако этот призыв не дал результатов, несмотря на его поддержку Союзом союзов.

Значительно больших успехов достиг Московский Совет, хотя и образованный только 21 ноября из представителей трех основных социалистических партий, который решил вывести революцию из «буржуазной фазы». 6 декабря Моссовет вынес решение начать на следующий день вооруженное восстание с целью свержения царского правительства, созыва Учредительного собрания и провозглашения демократической республики⁶⁵. 7 декабря жизнь в Москве была парализована всеобщей стачкой, которой руководил Московский комитет большевиков, имевший боевую организацию во главе с Л.И. Кудрявцевым. 9 декабря по приказу московского генерал-губернатора Дубасова правительственные войска приступают к наведению порядка. Начинается вооруженное восстание. 16 декабря все районы Москвы, кроме Пресни, были заняты войсками и полицией. МК РСДРП совместно с представителями Московского Совета рабочих депутатов при-

нимают решение прекратить восстание с 18-го, а политическую стачку 19 декабря и выйти на работу.

В ответ на горестное признание Плеханова: «Не надо было браться за оружие», — Ленин заявил: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснять массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы»⁶⁶. Явно не соразмеряя соотношение сил, Ленин фанатично продолжал призывать на вооруженную борьбу против самодержавия. Большевистские листовки, прокламации, обращения 1904–1907 гг. настойчиво призывали рабочих на борьбу с самодержавием «за свободу» не только забастовками и политическими стачками, но и вооруженным восстанием, что было явно пренебрежительно. «Будем помнить, — настаивал Ленин, — что близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание, — с уверенностью заявлял вождь большевиков. — ...Массы должны знать, что они идут на вооруженную, кровавую, отчаянную борьбу. Презрение к смерти должно распространяться в массах и обеспечить победу»⁶⁷.

Ленин назвал декабрьское вооруженное восстание в Москве «генеральной репетицией» предстоящей социалистической революции. «Каждый месяц этого периода, — считал Ленин, — равнялся в смысле обучения основам политической науки и масс, и вождей, и классов, и партий — году «мирного конституционного развития»⁶⁸. По Ленину, не только победа или генеральная репетиция, но даже обучение «политической науке» на крови — это благо для народа, вне зависимости от мнения самого народа.

В «Докладе о революции 1905 года» Ленин писал, что «буржуазия любит называть московское восстание чем-то искусственным и насмехаться над ним. Напр., в немецкой так называемой «научной» литературе господин профессор Макс Вебер в своей большой литературе о политическом развитии России назвал московское восстание «путчем». «Ленинская группа, — пишет этот «высокоученый»

господин профессор, — и часть эсеров давно уже готовили это бессмысленное восстание»⁶⁹.

Действительно, вооруженное восстание, организованное большевиками, с точки зрения закона было путчем. Да и с точки зрения логического разума было бессмысленно. О малой эффективности революционной борьбы в отсталой России предупреждали Ленина многие западноевропейские деятели. Однако такое мнение вождь российских большевиков считал ошибочным. Он уверял, что «...русская революция — именно благодаря своему пролетарскому характеру в том особом значении этого слова... остается прологом грядущей европейской революции». Более того, Ленин писал, «что эта грядущая революция может быть только пролетарской революцией и притом в еще более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию»⁷⁰. Чего-либо существенного в качестве научного доказательства у Ленина не было, но вера и маниакальная навязчивость увлекали его окружение. Так Ленин становился вождем социалистической революции по принуждению своего желания, а не по существу положения. В 1924 г. после смерти вождя большевиков его соратник по Октябрьскому перевороту напишет, что Ленин «прожил эмигрантом тот период своей жизни, в течение которого он окончательно созрел для своей будущей исторической роли...». «Лозунг социалистической революции, — считал Троцкий, — он провозгласил, едва ступив на русскую почву».

На наш взгляд, «лозунг социалистической революции» у Ленина созрел действительно в эмиграции, а вот претворять его он начал явно в декабре 1905 г., и заблуждался Троцкий в перспективе дела Ильича, утверждая: «Формулы выдержали проверку...»⁷¹ Никаких реальных «формул» не было, была демагогия, обман, эксперимент. Формулировки типа: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и др., за исключением взятых из Библии типа: «Кто не работает, тот не ест» и пр., также не выдержали проверки, но претворение их в реальную практику жизни стоило неизмеримо дорого.

Революционный взрыв в России в 1905 г. произошел не столько от деятельности «Искры» и большевиков на местах, сколько из-за социально-экономического кризиса, падения жизненного уровня трудящихся и реакционной политики.

События 1905–1907 гг. в России общепринято называть революцией, хотя это не бесспорно. Во-первых, революция — это коренное, качественное изменение в жизни общества и государства, скачкообразный, резкий переход от старого общественно-политического строя к новому и прежде всего изменение существующей власти. Во-вторых, самодержавие не пало, хотя и вынуждено было пойти на существенные политические уступки — созыв Государственной думы, гласность политических партий и др., закрепленные в Манифестах царя в августе и октябре 1905 г. И, в-третьих, именно самодержавное правительство, жестко подавив революционное выступление, начинает коренные экономические преобразования, названные по имени председателя Совета министров Петра Столыпина — «столыпинские реформы».

Не потеряв надежды на захват власти, большевики, загнанные в подполье, в тюрьмы, ссылки и за границу, теоретизируют и выжидают критический момент в возмущении народных масс. Пытаясь окончательно сломить инакомыслие социал-демократов, Ленин настаивает на созыве партийного съезда, который должен был окончательно определиться в тактике большевиков, ибо большая часть его оппонентов считала революцию в России преждевременной, рассчитывая на конституционные меры борьбы за власть в союзе с самой широкой демократической общественностью, в том числе и с буржуазными партиями. Они предлагали реорганизовать нелегальную, заговорщическую структуру РСДРП...

Не вдаваясь в подробный анализ «ликвидаторов», так названного Лениным идейно-политического движения под руководством Дана, Мартова, Потресова, Мартынова, Аксельрода и др., необходимо отметить его новизну и перспективность демократических завоеваний по пути

«буржуазных» преобразований в России. К тому же в демократическую борьбу парламентскими методами вовлекались более опытные буржуазные представители, революционность которых Ленин отрицал категорически. «Организационное ликвидаторство, — признавал Ленин, — есть отрицание необходимости нелегальной, социал-демократической партии и связанное с этим отречение от РСДРП...»⁷²

Действительно, «ликвидаторы» предлагали новую организацию, представлявшую не столько орган революции, сколько орган конституционной социал-демократической деятельности. Ленина это не устраивало, ибо это не приводило к единоличной власти большевиков. Вследствие этого он начинает против них яростную борьбу, называя их «предателями интересов рабочего класса, пособниками буржуазии».

В это же время Ленин не мог не учитывать популярности идей «ликвидаторов», столь же яростно выступая и против «отзовистов», отрицавших демократический этап предстоящей революции и утверждавших, что предстоящая революция в России будет сразу иметь социалистический характер, что пугало большинство населения, дискредитировало большевиков.

В работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», написанной в 1920 г., В.И. Ленин подчеркнет: «...большевики не могли бы удержать (не говоря уже: укрепить, развить, усилить) прочного ядра революционной партии в 1908–1914 гг., если бы они не отстояли в самой суровой борьбе обязательности соединения с нелегальным участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, оставленных реакционными законами учреждений (страховые кассы и проч.)»⁷³. Однако это не совсем объективное признание Ленина и несколько запоздалое, ибо он как бы пытался оправдать примиренческие действия своих соратников Каменева, Зиновьева и др. во главе с «Иудушкой Троцким».

Период 1907–1910 гг. большевики называли периодом реакции, имея в виду действия царского правительства

П. Столыпина по наведению порядка в стране и проведению экономического реформирования. Торопливые желания экономической стабилизации, да и некоторые обострения столыпинского реформирования дают возможность нового витка политической активности большевиков.

В результате разногласий «твердого» и «мягкого» курса российских марксистов оформились две фракции РСДРП. Официальный развод российских социал-демократов произошел в январе 1912 г., когда по настойчивой инициативе Ленина в Праге состоялась общепартийная конференция большевиков, конституировавшая РСДРП(б). «Наконец удалось, — писал Ленин Горькому, — вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию и ее Центральный Комитет»⁷⁴.

Значительным стимулом действий социалистов стало участие России в мировой войне. Война не только истощала Россию, вносила дезорганизацию и хаос в слабую ее экономику, но материально и морально подавляла население страны, революционизировало наиболее нетерпеливых.

Ленин внес «существенную» лепту в обострение и без того сложной обстановки в России своим Манифестом, опубликованным 19 октября 1914 г. от имени ЦК партии большевиков: «Война и российская социал-демократия». Это была программа большевиков по отношению к войне. В противовес лидерам II Интернационала Ленин считал, что если войну не удалось предотвратить и она является фактом, то необходимо вести линию на обострение обстановки классовой борьбы в интересах революции. Ленин призвал превратить войну империалистическую в войну гражданскую, т.е. в войну между социальными группами населения, классами самой России. Каков же итог предвидел Ленин? В победе России просматривалась перспектива укрепления государственной власти. В ходе гражданской войны был возможным приход к власти большевиков. Непосредственными шагами по пути осуществления своей идеи Ленин считал отказ от гражданского мира; от голосования за военные кредиты и обязательный выход

представителей социалистических партий из правительства; создание нелегальных партийных организаций везде, где затруднена легальная работа; поддержку братания на фронте солдат воюющих армий, имевшего большое значение в пробуждении у них интернационального сознания и революционной активности.

По отношению к войне Ленин выдвинул в Манифесте еще один не менее оригинальный лозунг, суть которого выражалась в том, что «революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своего правительства». По мнению Ленина, военные неудачи, ослабляя правительство, способствовали развертыванию революционной борьбы, облегчали тем самым его свержение. Столь откровенно антипатриотические идеи, вполне естественно, во-первых, вызывали открытую неприязнь правящих кругов России; во-вторых, разобщали, противопоставляли, озлобляли и революционизировали народные массы; в-третьих, не могли остаться без внимания и материальной поддержки их проповедники со стороны Германии, заинтересованной в успехе большевистских идеологов, несших в стан противника явную смуту.

Пытаясь скорректировать свои расхождения с Марксом по поводу социалистической революции и ее победы, В.И. Ленин впервые в августе 1915 г. в статье «О лозунге Соединенных штатов Европы» на основе открытия, ставшего фактом, о неравномерности экономического и политического развития сделал вывод: «Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»⁷⁵. А несколько позже он добавит, что «социальный переворот не может быть объединенным действием пролетариев всех стран...»⁷⁶. В то же время Ленин пришел к окончательному заключению, что «социализм не осуществим иначе как через диктатуру пролетариата»⁷⁷, которая отпадет лишь с ликвидацией антагонистических классов, построением и упрочением социализма, исчезновением опасности восстановления капиталистических отношений.

Таким образом, Ленин уточнил марксизм в отношении «победы социалистической революции» и объединения «пролетариев всех стран», не скрывая, что построение «светлого будущего» возможно только посредством диктатуры пролетариата с вытекающими из этого весьма жесткими, если не сказать большего — кровавыми методами на неопределенную перспективу. Осталось доказать, что самым благоприятным местом для социалистической революции является Россия.

Вот как описывает обстановку тех трагических дней В. Шульгин: «Кто-то предложил в горячей речи, что всем членам Думы в это начавшееся тяжелое время нужно сохранить полное единство — всем, без различия партий, для того чтобы препятствовать развалу... необходимо избрать комитет, которому вручить «диктаторскую власть»... Диктаторская власть, — отмечал Шульгин, — есть функция опасности: так было — так будет... В сущности это было бюро Прогрессивного блока с прибавлением Керенского и Чхеидзе. Это было расширение блока налево...» В блоке были представители основных партий за исключением большевиков, которые мечтали о безраздельной власти, но взять ее еще не могли, просто еще не умели, вливаясь «живым, вязким человеческим повидлом» в Таврический дворец. «Бесконечная, неисчерпаемая струя человеческого водопровода, — с омерзением вспоминал В. Шульгин, — бросала в Думу все новые и новые лица... Но сколько их ни было — у всех было одно лицо: гнусно-животно-тупое или гнусно-дьявольски-злое... Увы, этот зверь был... его величество русский народ...

То, чего мы так боялись, чего во что бы то ни стало хотели избежать, уже было фактом. Революция началась»⁷⁸.

Однако никакой революции не замечал один из руководителей русского бюро ЦК РСДРП(б) А.Г. Шляпников, считавший, что «дадут рабочим по фунту хлеба, и движение уляжется».

И все же, пока революционная толпа была бесхозной, а социал-демократы в лице меньшевика Н.С. Чхеидзе и трудовика А.Ф. Керенского входили в Прогрессивный

блок, был «создан Комитет Государственной думы для поддержания порядка в столице и для сношений с учреждениями и лицами». Необходимо было прежде всего сбить агрессивно-революционный накал вооруженной толпы. Настал момент действовать объединившейся еще в конце 1916 г. оппозиции думских политических партий и монархии. Председатель Госдумы Родзянко телеграфирует царю 26 и 27 февраля о критическом положении в столице, подчеркивая, что «положение ухудшается. Надо принять немедленные меры, ибо завтра будет поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии». Восстанием был охвачен пока лишь Петроград. Основным возмутителем спокойствия царь считал Государственную думу, постановив с 27 февраля отложить ее заседания до апреля.

Таким образом, ни крайне левые, ни крайне правые не представляли опасности солдатской массы, объединившейся с петроградскими голодными рабочими. Ни Николай II, ни Ленин не видели революции в России. Под угрозой действием вооруженной толпы сановники и представители Комитета Госдумы уговорили царя отречься от престола.

2 марта 1917 г., в 15 часов 3 минуты, император России Николай II подписал акт об отречении от престола: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца... В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от престола государства Российского и сложить с себя Верховную власть...»⁷⁹

Отречение Николая Романова произошло в условиях, когда его семья оказалась в заложниках у мятежников. Дети в тот момент серьезно заболели один за другим. Царское Село было окружено восставшими частями, среди них были фанатики, горевшие желанием расправиться с императрицей-«немкой». Главное же, император понимал, что наведение порядка монаршей волей означало открытие второго фронта против своих подданных.

Из стенограммы разговора по прямому проводу генерала Рузского, командующего Северным фронтом, с Родзянко, председателем Государственной думы. Начало разговора — половина четвертого ночи 15 марта 1917 г.:

«Рузский: ...Имейте в виду, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно... Подумайте, что будет тогда с родиной нашей?

Родзянко: ...Переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех, и тогда все кончится в несколько дней, одно могу сказать: ни кровопролития, ни ненужных жертв не будет. Я этого не допущу...

Рузский: Дай Бог...»

Когда царю передали содержание этого разговора, Николай II сказал: «Я буду благодарить Бога, если Россия без меня будет счастлива...»

Оплеванное «красными» и «белыми» историками отречение отодвинуло Гражданскую войну на целый год. Немногие знали тогда, и немногие помнят сегодня, что до крупномасштабного военного столкновения оставались считанные часы. Ставшее расхожим мнение о том, что отречение Николая II погубило страну и открыло путь большевикам — это наш новый самообман. Не император отрекался от России, а она речами и действиями своих генералов, фабрикантов и политиков, охрипшими глотками контуженых солдат отрекалась от своего государя.

С красным бантом на кителе приехал в Царское Село генерал Корнилов, чтобы объявить императрице решение о ее домашнем аресте.

Павел Милюков, будущий министр иностранных дел Временного правительства, 1 марта заявляет: «Старый

деспот, доведший Россию до границ гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен». «Старому деспоту» было 48 лет...

Участие большевиков, вожди которых находились за границей, в тюрьмах и ссылке, в Февральской революции весьма относительно, ибо всеобщая стачка, демонстрации и даже решение членов ЦК, Петроградского комитета и Выборгского райкома большевиков о переводе стачки в вооруженное восстание не решали положение, а обостряли его, хотя «спонтанная активность низов» играла большую роль⁸⁰.

Разрешило обстановку отречение Николая II, а затем и Михаила Романовых от царского престола по настоятельной просьбе членов «Временного Комитета для восстановления порядка и для сношения с лицами и учреждениями» во главе с председателем IV Государственной думы М.В. Родзянко, отражавших интересы самых широких кругов русского общества, от либералов до монархистов, среди которых были такие крупные буржуазные предприниматели, как Гучков, Терещенко, Коновалов, Путилов и др., генералы Деникин, Алексеев, Крымов, представители высшей аристократии и даже родственники императора.

По воспоминаниям очевидцев, Николай II, выслушав мнение своего генеральского окружения, сказал: «Я решил. Я отрекаюсь от престола», — и перекрестился⁸¹. Вероятно, перекрестилась и вся Россия за исключением большевиков.

В процессе борьбы против монархии объединились «все партии, все классы, все национальности без различия веры, пола, языка, — писал М.В. Вишняк. — Но это продолжалось очень недолго»⁸². Это объяснялось тем, что Временное правительство было классово-односторонним и действовало на основе законов, защищающих частную собственность. Оно не поставило задач по изменению социально-экономической структуры и общественно-политического порядка в России, считая, что демократизация общественной жизни значительно активизирует населе-

ние, поднимет еще большую волну патриотизма в армии. Все это будет, по мнению правительства, способствовать достижению быстрой победы над Германией. И лишь после заключения мира все вопросы общественного реформирования, в том числе и формирования самого правительства, будет решать Учредительное собрание.

3 марта была опубликована программная декларация Временного правительства, а 6 марта оно выступило с обращением к гражданам России, заявив о стремлении довести войну «до победного конца» и неуклонно выполнять все договоры и соглашения, заключенные Россией со своими союзниками.

С одной стороны, это было весьма логично, ибо шла война и говорить о мире можно было лишь в принципе. Вопрос о земле должны были решать при условиях самого широкого участия крестьян, большинство которых воевало, и при территориальной стабильности России. Рабочий вопрос — 8-часовой рабочий день, повышение зарплаты, улучшение условий труда и т.п. — также не мог быть решен, ибо фронт нуждался в боеприпасах и вооружениях, поглощая почти весь государственный бюджет. К тому же конкретное решение столь актуальных вопросов, без сомнения, было неправомерно даже большинством Прогрессивного блока и могло привести к обострению политической обстановки в стране. С другой стороны, обостряющиеся экономические трудности, возросшая политическая активность народных масс, популистские лозунги и давление социалистов толкали Временное правительство на практические и конкретные действия, которые не вызвали его популярности.

8 марта оно заявило о принятии на себя всех внутренних и внешних финансовых обязательств царского правительства.

9 марта было издано распоряжение о привлечении крестьян к уголовной ответственности за участие в «аграрных беспорядках». Временное правительство распорядилось 12 марта передать государству кабинетские земли, а 16 марта — удельные земли. Временное прави-

тельство обещало поставить аграрный вопрос на решение Учредительного собрания. В целях подготовки материалов по земельному вопросу для Учредительного собрания постановлением от 21 апреля создавались главные губернские, уездные и волостные земельные комитеты.

По национальному вопросу Временное правительство исходило из идеи «великой и неделимой России», не отказываясь решать национальные проблемы Финляндии, Украины и др. на Учредительном собрании. 4 апреля опубликовало декрет о равноправии российских евреев.

12 апреля Временное правительство приняло закон о свободе собраний и союзов, т.е. ввело всеобщую гласность личности и организаций.

Таким образом, Временное буржуазное правительство было более прогрессивным, нежели царское, но его действия ограничивали война и отсутствие государственно-правовых механизмов исполнения принимаемых решений. По определению премьер-министра Г.Е. Львова, Временное правительство было «властью без силы». Оно должно было считаться с Советами, представлявшими «силу без власти». Действительно, после падения монархии в России сложилась своеобразная ситуация в форме двоевластия.

Вторую власть, без согласия которой блокировались распоряжения Временного правительства, представляли возродившиеся в ходе Февральской революции Советы. Петроградский Совет рабочих депутатов превратился в Совет рабочих и солдатских депутатов 1 марта, после создания в его составе солдатской секции. Председателем Петросовета был избран Н. Чхеидзе. Своим приказом № 1 по гарнизону Петроградского округа Совет рабочих и солдатских депутатов начинает фактически устанавливать Советскую власть с момента своего образования, т.е. с 1 марта 1917 г. Опасаясь компрометации себя в глазах трудящихся, руководители Петроградского Совета эсеры и меньшевики отказались от вхождения во Временное правительство, оставив за собой «контроль» за его деятельностью, игнорируя предложение большевиков соста-

вить социалистическое правительство только из представителей, входящих в Совет.

Существует мнение о том, что Петросовет безоговорочно поддерживал Временное правительство. Это не соответствует истине. Из соглашения, заключенного между ними 2 марта, следовало, что Петросовет поддерживал только те пункты правительственной программы, которые отвечали интересам демократии, и «в той мере, в какой нарождающаяся власть будет действовать»⁸³. В дальнейшем это найдет выражение в коалиционных правительствах. «Временное правительство, — писал 9 марта военный и морской министр Гучков начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву, — существует лишь, пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов»⁸⁴.

8 марта Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял решение об аресте семьи Николая Романова и о заключении бывшего императора в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Однако по распоряжению Временного правительства Николай II и его семья были отправлены сначала в Царское Село, а в августе 1917-го — в Тобольск, самое безопасное, по мнению Керенского, место в России.

Преобладающее влияние в Советах эсеров и меньшевиков ориентировало массы не на сиюминутную победу социализма, а на буржуазно-демократические преобразования. «Не повторим же ошибок 1905 г., — предупреждал меньшевик Н.Н. Суханов, — когда мы своими действиями отпугнули буржуазию и она стала искать союза с самодержавием»⁸⁵.

Февральская революция значительно повлияла на партийно-политическую систему России. Нелегальные партии вышли из подполья. Крайне правые, монархические и националистические черносотенцы фактически были разгромлены революционным напором огромной массы народа, вовлеченного в политическую жизнь страны. Тяжелый кризис переживали правоцентристские партии октябристов и прогрессистов. Даже самая круп-

ная и влиятельная либеральная партия конституционных демократов раскалывалась. На VII съезде кадетской партии в конце марта 1917 г. произошел отказ от ориентации на конституционную монархию, а на VIII съезде в мае 1917 г. кадеты высказались за республику.

Таким образом, расстановка политических сил после падения монархии в России представляла альтернативу: буржуазно-реформистский путь дальнейшего развития при коалиции основных политических сил или продолжение революции, взятие власти социалистическими партиями и установление диктатуры пролетариата.

Социалистические партии обладали фактической силой, ибо представляли большинство народных масс. Самая многочисленная партия социал-революционеров достигала весной 1917 года почти 1 млн человек. В ее ряды записывались целыми деревнями и ротами. Партия, лидерами которой являлись В.М. Чернов и Н.Д. Авксентьев, привлекала радикальной и близкой крестьянам аграрной программой, требованием федеративной республики, героически легендарным ореолом народных борцов против самодержавия. Эсеры выступали за народную революцию, социализацию земли, развитие кооперации и самоуправление трудящихся. Левое крыло эсеров под руководством М.А. Спиридоновой, Б.Д. Камкова, П.П. Прошьяна стремились к более решительным действиям по отчуждению помещичьих земель, «в сторону ликвидации войны» или изменению ее сущности. Они выступали против коалиции с буржуазными партиями и даже с кадетами.

Партия эсеров выступала в блоке с меньшевистским крылом РСДРП. Меньшевики хотя и уступали эсерам по численности, но по интеллектуальному потенциалу значительно превосходили их, осуществляя «идейную гегемонию» в блоке, даже несмотря на главенство в правительстве эсера Керенского. Меньшевики видели свою слабость в идейной разобщенности, хотя и не раз пытались объединиться. Меньшевики выступали за сотрудничество с либеральной буржуазией, считая преждевременными и пагубными крутые социалистические преобразо-

вания. «Что произошло бы у нас, — задавался вопросом Г.В. Плеханов, — если бы власть немедленно перешла в руки социалистов? Такой переход был бы не чем иным, как диктатурой «пролетариата и крестьянства». Наша трудящаяся масса еще не готова для такой диктатуры. Как заметил Энгельс, для всякого данного класса нет большего несчастья, как получить власть в такое время, когда он, по недостаточному развитию своему, еще не способен воспользоваться ею надлежащим образом: его ожидает в этом случае жестокое поражение».

Выступая за сотрудничество с либеральной буржуазией, меньшевики условно поддерживали Временное коалиционное правительство, которое постепенно будет социализироваться. «Мы должны критиковать буржуазию, — утверждал Плеханов, — мы должны всеми силами отстаивать от ее посягательств на интересы рабочего класса, но мы должны делать это разумно и целесообразно; мы должны вести свою пропаганду и агитацию так, чтобы под их влиянием народ не вообразил, будто ему не остается ничего другого, как теперь же попытаться сделать социалистическую революцию»⁸⁶.

Меньшевики-интернационалисты во главе с Л. Мартовым, «оборонцы» во главе с А. Потресовым, «революционные» во главе с И. Церетели, Ф.И. Даном (Гурвичем) выступали с позиций «революционной обороны», поддерживая лозунг «Война до победного конца!». Вследствие этого меньшевики и эсеры соглашались с Временным правительством и по решению других важнейших социально-экономических вопросов с учетом окончания войны и созыва Учредительного собрания. И все же с эсеро-меньшевистско-буржуазным блоком, с партией меньшевиков порвали плехановская группа «Единство», «Новожиженцы», меньшевики-интернационалисты во главе с Ю. Лариным (Лурье), небольшая, но влиятельная группа междрайонцев во главе с Л. Троцким.

Сила социалистических партий проявлялась в действиях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который оказывал сильный нажим на Временное

правительство, показывая его несостоятельность в решении коренных преобразований. Вместе с тем критика Петросовета должна была привести к более тесной коалиции с Временным правительством или к более решительным самостоятельным действиям. Умеренные Советы начинают революционизироваться по мере возвращения из ссылки наиболее активных деятелей российской социал-демократии, особенно большевиков, и ухудшения социального положения рабочих.

Из сибирской ссылки 12 марта вернулись в Петроград большевистские вожди Л. Каменев, М. Муранов, И. Сталин. В резолюциях ЦК РСДРП(б), принятых 5 и 13 марта, отмечалось, что большевики «не противодействуют власти Временного правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа...».

Более жесткой позиции по отношению к Временному правительству придерживалось Русское бюро ЦК (А. Шляпников, В. Молотов (Скрябин), В. Залуцкий), в резолюции которого 4 марта отмечалось: «Теперешнее Временное правительство по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений»⁸⁷. Главное же, по мнению бюро, состояло в том, чтобы продолжить борьбу за «создание Временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)».

Таким образом, крайне правые большевики под демократией подразумевали диктатуру многочисленной, но не самой лучшей части населения. Власть в руках трудящихся, по нашему мнению, возможна лишь в виде диктатуры, способной принуждать талантливых организаторов, деловых людей, творческих работников делать то, что необходимо для укрепления диктаторской власти.

Понимая резкость своей позиции, бюро ЦК большевиков вносит поправки, записывая в протоколе от 9 марта, что бюро, не считая важным поддерживать Временное правительство, в то же время не видит путей и активного

противодействия ему. А в проекте резолюции 10 марта речь уже шла о возможности «воздействия на Временное правительство»⁸⁸. Более жесткую позицию занимали большевики в отношении войны, заявив, «что основной задачей революционной демократии по-прежнему является борьба за превращение настоящей антинародной империалистической войны в войну гражданскую против своих угнетателей — господствующих классов»⁸⁹.

Таким образом, Русское бюро ЦК РСДРП выступало не только против империалистической политики Временного правительства, но и «оборончества» меньшевистско-эсеровского Петросовета, призывая к гражданской войне, которую Ленин считал естественным элементом классовой борьбы, утверждая, что социалистическая революция «не может не сопровождаться гражданской войной...»⁹⁰.

Постепенное сближение с левыми, интернационалистическими группами меньшевиков начинают новобранцы Русского бюро ЦК Каменев (Розенфельд), Муранов и Сталин, хотя и имевший лишь совещательный голос⁹¹, фактически захватившие редакцию «Правды». Из всех большевистских деятелей, находящихся тогда в России, Ленин выделял Каменева. В конце марта 1917 г. Ленин писал Я. Ганецкому из Цюриха в Стокгольм: «Каменев должен понять, что на него ложится всемирно-историческая ответственность»⁹². Однако эту ответственность Каменев понимал по-своему. В главном — в вопросе об отношении к политическим оппонентам: социалистическим партиям и группам, к Советам и Временному правительству — он расходился с Лениным, выступая более лояльно. Так, по отношению к войне большинство делегатов от 40 партийных организаций из многих городов России 27 марта поддержали Каменева, выступив против поддержки войны и против бескомпромиссного осуждения оборончества.

29 марта совещание большевиков обсуждало центральный вопрос — об отношении к Временному правительству. В докладе, с которым выступил Сталин, было подчеркнуто: «Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции, постольку ему поддержка, по-

скольку же оно контрреволюционно, поддержка Временного правительства неприемлема». Исходя из этого, Сталин предлагал выждать, «пока Временное правительство исчерпает себя, когда в процессе выполнения революционной программы оно дискредитирует себя», а «пока организовывать Центральный Совет рабочих и солдатских депутатов и укреплять его...». Резолюция совещания смягчала положение доклада, проводя точку зрения Каменева — «бдительного контроля над действиями Временного правительства в центре и на местах, побуждая его к самой энергичной борьбе за полную ликвидацию старого режима»⁹³.

Таким образом, Каменев в отличие от Сталина на мартовском совещании большевиков по главным вопросам — отношению к войне и Временному правительству — занимал компромиссную позицию для объединения большевиков с социалистическими партиями интернационалистического направления. Руководитель Русского бюро ЦК РСДРП А. Шляпников, отодвинутый на третий план каменевско-сталинским авторитетом, телеграфировал в Стокгольм для передачи Ленину: «Ульянов должен приехать немедленно».

О переезде Ленина в Россию имеется ряд исследований, однако нет оценки поступка Ленина, который, оправдываясь, писал: «Прождав две недели ответа из России, мы решились сами провести названный план...»⁹⁴ Большевики пренебрегли моралью, отправляясь в Россию через Германию с благословения и санкционирования германских «верхов». 1 апреля 1916 г. Генеральный штаб России получил донесение своего агента в Швейцарии: «Брут докладывает: поступают сведения, что русские социалисты отправляются в Россию через Германию на германские деньги, причем пропускают заведомых сторонников мира...»⁹⁵ Несомненно одно, Ленин стремился в Россию, где политические события принимали не большевистскую программу.

Ю. Мартов писал: «Ленинцы уезжают, и мы остаемся в еще худшем положении, чем были, ибо, с одной сторо-

ны, их проезд, несомненно, вызовет шум «о соглашении с немцами», а с другой — питерцы, увидев, что они приехали, подумают, что и мы, вероятно, также проедем, и не станут беспокоиться о нашей судьбе. Настроение поэтому у нас кислое...»⁹⁶

Политический соперник Ленина прекрасно сознавал, что, «чем позже удастся влезть лично в этот хаос, тем труднее будет внести свое, не действуя по методам Ленина и Троцкого, т.е. не образуя сразу свою «церковь», что мне, конечно, претит»⁹⁷. Мартов еще надеялся на единство социал-демократов, хотя прекрасно понимал желания Ленина и его сторонников. «О глупостях Ленина я говорил, — писал Мартов в письме Н. Кристи весной 1917 г., — по поводу его стремления — сначала выражавшегося туманно и неуверенно, а потом более твердо — заострить сейчас всю самостоятельную политику социал-демократии на борьбе за свержение Временного правительства, за создание «рабочего правительства»⁹⁸. Мартов опасался, что ленинцы, «рисую картину рабочего правительства на месте нынешнего, поведут в России, несомненно, тактику безразборчивого натравливания масс на это правительство», хотя оно намечало много полезного: «национальное равноправие, аграрная реформа, военная реформа и т.д.».

Таким образом, позиция Мартова была близка «линии Каменева», к которой склонялись большевистские российские организации. Но в Россию прибыл Ленин, который обнародовал свою программу — «Апрельские тезисы». Максимально концентрированно изложенную Лениным тактику революционной борьбы развивали его «Письма из далека». Установки Ленина не встретили поддержки петроградских большевиков, ибо они круто меняли не только «каменевский курс», но и все социал-демократическое мышление, по которому без завершения буржуазной революции и буржуазных преобразований переход к социалистической революции невозможен. Плеханов назвал «Апрельские тезисы» бредом, считая, что претензии

большевиков на власть авантюристичны, ибо это вело к гражданской войне.

8 апреля 1917 г. «Правда», редакция которой была в руках Каменева и Сталина, объявила «схему т. Ленина» неприемлемой. Однако менее чем через две недели сначала на Петроградской, а затем на 7-й Апрельской конференции большевиков ленинские тезисы были приняты как политическая программа партии.

«Мягкий» Каменев был вынужден уступить «вождистскому» напору Ленина, его психознергии, о которой писал эсеровский лидер В. Чернов: «Уверенность в себе, почти полное отсутствие внутренних колебаний, непримиримость к политическому противнику, умение разглядеть его слабые стороны и использовать их в борьбе, доводя ее до победы». Чернов писал, что практика выковала в Ленине «изумительное хладнокровие, способность в самых опасных положениях не теряться, сохранять присутствие духа и надежду как-нибудь «вывернуться»... Его волевой темперамент был как сильная пружина, которая тем сильнее «отдает», чем сильнее на нее нажимают...»⁹⁹. Вместе с тем существовала и благоприятная почва формирования большевистского вождя и успеха его «брёда». Именно на практике революционной борьбы стала проявляться «вождистская» линия большевистской партии. Молодые большевистские функционеры, ставшие на профессиональный путь революционеров, нуждались в более решительных действиях, ярко выраженном идейном вожде, на фоне которого должны были проявиться «вождистские» таланты его соратников и учеников.

Таким образом, уже к середине апреля большевики во главе с вождем и программой заняли левый фланг довольно обширного и пестрого политического фронта, постепенно стягивая под свои знамена все более радикализирующиеся элементы.

Признавая, что Ленин успешно укреплял свои позиции в Петрограде в смутное время, наступившее после Февральской революции, посол Франции в России Палеолог записал в своем дневнике 21 апреля 1917 года:

«Ленин — утопический мечтатель и фанатик, пророк и метафизик, человек, для которого не существует ничего невозможного, абсурдного. Он считает себя мессией и добивается осуществления своих иллюзий, в полной мере пользуясь такими своими качествами, как сильная воля, безжалостная логика и удивительный дар убеждать и вести за собой людей, судя по его первым выступлениям в Петрограде, он настаивает на революционной диктатуре рабочих и крестьянских масс, утверждает, что у пролетариата нет отечества и что поражение русских армий необходимо. Когда ему возражают, приводя основанные на реальности факты, он гордо отвечает: «Тем хуже для реальности!...»¹⁰⁰

Естественно, с формированием левого фланга начинает расширяться и круг тех, кто видел «спасение России» в установлении военной диктатуры. Оценивая сторонников сильной власти, объединяющихся в «Обществе экономического возрождения России», Керенский утверждал в своих мемуарах, что они способны установить «порядок» не только в борьбе с Советами, но и с Временным правительством». Центрист Керенский активно пытался сбалансировать политическую устойчивость страны, в основном отстаивая компромисс в государственном управлении коалиционным Временным правительством. Так, уже первое майское 1917 г. коалиционное правительство из 16 министров почти наполовину (6 человек) состояло из социалистов. Эсер Керенский занял пост военного министра. В основу коалиционного правительства легла идея гражданского согласия двух главных политических сил: помещичье-буржуазных и рабоче-крестьянских, что давало шанс на предотвращение дальнейшего социального раскола, мирного, эволюционного развития России.

Патриотическое правительство не устраивало агрессивно крайних — и левых и правых¹⁰¹, а центристы были явно слабы, чтобы объединить всех, хотя Керенский поддерживал связи с А.М. Гучковым, М.В. Родзянко, Г.Е. Львовым, П.Н. Милюковым, а также с И.Г. Церетели, В.М. Черновым, Ф.И. Даном, Н.С. Чхеидзе и выражал

даже желание встретиться со своим земляком и однокашником В.И. Ульяновым. «О Ленине, — вспоминал управляющий делами Временного правительства В. Набоков, — на заседаниях правительства почти никогда не говорили. Помню, Керенский уже в апреле, через некоторое время после приезда Ленина, как-то сказал, что он хочет побывать у Ленина и побеседовать с ним, а в ответ на недоуменные вопросы пояснил, что ведь большевистский лидер «живет в совершенно изолированной атмосфере, он ничего не знает, видит все через очки своего фанатизма, около него нет никого, кто бы хоть сколько-нибудь помог ему сориентироваться в том, что происходит»¹⁰².

Керенский, как и Плеханов, не понимал Ленина, который в своих тезисах признавал, что «Россия сейчас самая свободная страна в мире из всех воюющих стран... с... отсутствием насилия над массами...»¹⁰³, бескомпромиссно призывал «на революционную войну...» и к фактическому свержению Временного правительства, считая даже, что «поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом», предлагая «отвергнуть защиту отечества»¹⁰⁴.

Ленин понял главное: на компромисс с Керенским большевики не пойдут, чтобы «не запятнать своей революционной репутации» и не продлить власти Временного правительства. События мая—июня 1917 г. обострили социально-экономическое положение в стране. Радикальные лозунги и призывы большевиков: мира, земли, хлеба — все более и более революционизировали массы, особенно в промышленных центрах России.

5 мая создается коалиционное правительство на базе программы, выработанной Петросоветом, эсеро-меньшевистские лидеры которого решались вступить в блок с буржуазией. На замечание лидера меньшевиков И.Г. Церетели 4 июня 1917 г. в выступлении на 1-м Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов: «Мы знаем, что в настоящий момент в России происходит упорная ожесточенная борьба за власть. В настоящий момент в России нет политической партии, которая го-

ворила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет», — Ленин с места самонадеянно заявил: «Есть». А в выступлении ответил пространнее: «Есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком (*аплодисменты, смех*)»¹⁰⁵.

Конечно, каждая партия имела программу действий, но возможности ее претворения без учета интересов политических оппонентов ни у кого не было. Отказ от коалиционной власти означал гражданскую войну в России.

В конце июня Ю. Мартов в частном письме в Швейцарию описывает свое бытие: «Страна разорена (цены безумные, значение рубля равно 25–30 коп., не более). Город запущен до страшного, обыватели всего страшатся — гражданской войны, голода, бродящих солдат и т.д. Если не удастся привести очень скоро к миру, неизбежна катастрофа. Над всем тяготеет ощущение чрезвычайной «временности» всего, что совершается. Такое у всех чувство, что все это революционное великолепие на сносях, что не сегодня-завтра что-то новое будет в России — то ли крутой поворот назад, то ли красный террор считающих себя большевиками...»

Таким образом, один из лидеров меньшевиков ясно понимал, что «неумолимо организуется какая-то контрреволюция, которая уже собирает свои силы»¹⁰⁶, на что реакция его соратников, входящих в состав Временного правительства, была жесткой. «Для наведения порядка в ночь с 4 на 5 июля в столицу прибыли воинские части с фронта».

Коалиционный блок нового правительства Г.Е. Львова, в который вошли 6 министров-социалистов (Керенский, Скобелев, Церетели, Пешехонов, Чернов, Переверзев), получил возможность стабилизировать социально-политическое положение в стране. Однако все сводилось к войне, необходима была победа. И правительство продолжило подготовку летнего наступления на фронте.

Большевики, неспособные что-либо решить по нормализации страны, требовали: «Вся власть Советам!» — считая, что переход власти к эсеро-меньшевистским лидерам еще больше подорвет их авторитет и ускорит большевизацию Советов. Тем самым, считал Ленин, произойдет мирный переход к социалистической революции. Он пытался успокоить массы, утверждая, что для социалистической революции никоим образом не «нужно отречение от всех своих имущественных прав десятков миллионов граждан. Даже для социализма (а контроль за банками и фабриками еще не есть социализм) ничего подобного не нужно... Сломить сопротивление нескольких сот миллионов — в этом и только в этом задача. При этом и только при этом условии от краха можно спастись»¹⁰⁷. Как все просто по Ленину, никого не тронем, лишь самых богатых заставим поделиться, а у несогласных заберем все.

«Вся ответственность за этот кризис, — делает не менее «гениальное» открытие Ленин, — за надвигающуюся катастрофу ложится на народнических и меньшевистских вождей. Ибо они в данное время — вожди Советов...»¹⁰⁸ И здесь все ясно и понятно для темных и полуграмотных рабочих, солдат и крестьян, голосующих за своих депутатов в Советы.

✓ «Владение помещичьими землями отдать сразу местным крестьянам... без выкупа, без всякой платы... Это будет такая Россия, в которой будет вольный труд на вольной земле»¹⁰⁹. Ну разве это не рай «на вольной земле», и крестьяне принимали желаемое за действительное. А тем, кто устал от войны, «выход из войны только в революции. Поддерживайте революцию угнетенных капиталистами классов, свергайте класс капиталистов в своей стране и тем давайте пример другим странам. Только в этом социализм... Мы говорим: никакого сепаратного мира, ни с какими капиталистами, прежде всего с русскими. А у Временного правительства есть сепаратный мир с русскими капиталистами. Долой этот сепаратный мир!»¹¹⁰.

Ясно, что и Временное правительство — долой. «Все остальное, — утверждал Ленин, — посулы или фразы

или невинные добрые пожелания. Во всех странах мира социализм раскололся», — пугал делегатов 1-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов вождь большевиков. «Вы продолжаете путаться, — внушал им Ленин, — сносясь с теми социалистами, которые поддерживают свое правительство, и забываете, что в Англии и Германии настоящие социалисты, которые выражают социализм масс, остались в одиночках и сидят в тюрьмах»¹¹¹. Это ли не доказательство утопичности социализма? Да и Ленин не скитался по зарубежным тюрьмам.

Ну а сколько слов изрек Ленин о свободе, демократии, народном представительстве, просто не счесть. Главное, чего добивался Ленин, — это увлечь народные массы билейскими посулами, вывести их на улицы и побудить их к бунту, уверяя, что с марта 1917 г. «русским рабочим выпала на долю честь и счастье первым начать революцию, то есть великую, единственно законную и справедливую войну угнетенных против угнетателей»¹¹².

В начале 1917 г. Временное правительство вынуждено было принять решение о запрете на три дня готовящейся большевиками демонстрации, Ленин яростно выступил за «неоспоримейшее право граждан»¹¹³. Обсуждая вопрос о не состоявшейся накануне, 10 июня, демонстрации на представительном совещании всех фракций Всероссийского съезда Советов, Ираклий Церетели заявил, что «заговор был обезврежен в момент, когда мы его раскрыли... Контрреволюция может проникнуть к нам только через одну дверь: через большевиков. То, что делают теперь большевики, это уже не идейная пропаганда, это — заговор. Оружие критики сменяется критикой с помощью оружия...»¹¹⁴.

Понимая создавшееся положение, Ленин заявил на заседании Петербургского комитета РСДРП(б): «Рабочие должны трезво учесть, что о мирной демонстрации теперь речи быть не может»¹¹⁵. Лидер большевиков недвусмысленно предрек: «Пролетариат Петрограда... будет ожидать, копя свои силы и готовясь к отпору...»¹¹⁶

Сложилась деликатная ситуация. С одной стороны, массы доведены большевиками до «решающего броска», с другой стороны, Временное правительство и Советы всячески старались не допустить каких-либо массовых выступлений. Грозное противостояние могло разрешиться мирно лишь при кардинальном улучшении положения в стране. Ленин был прав, заявляя, «что всякие манифестации, раз они мирные, суть только агитация, и запретить агитацию или навязать единство агитации нельзя... Чтобы запрещать или предписывать, — утверждал Ленин, — надо быть властью в государстве... воля, если она государственная, должна быть выражена как закон, установленный властью; иначе слово «воля» пустое сотрясение воздуха пустым звуком»¹¹⁷. А так как не было соответствующих законов, большевики продолжали свою демагогическую пропаганду и агитацию, готовились к мирным демонстрациям, революционизировали массы.

В начале июля становилось очевидным, что наступление русских войск захлебнулось. Из Петрограда стали отправлять на фронт тыловые части, обострялся продовольственный кризис, катастрофическое положение складывалось и с топливом. Все большее число фабрикантов и заводчиков заявляли об отсутствии денег для выплаты зарплаты, многие предприятия были закрыты, тысячи рабочих и служащих были уволены. Расстроенный железнодорожный и водный транспорт усугублял критическое состояние в Петрограде, где стихийно начинались волнения. 2 июля кадеты вышли из Временного правительства в знак протеста против его нерешительных действий.

3 июля на дневном заседании ЦК Зиновьев и Троцкий поддержали предложение Каменева о том, чтобы партия предприняла все меры для сдерживания масс. Однако в 10 часов вечера к Таврическому дворцу — резиденции Петросовета пришли солдаты 1-го пулеметного полка. Перед ними выступили Зиновьев и Каменев с призывом не допускать самостоятельных вооруженных выступлений. А в 23 часа 40 минут того же дня на совместном заседании второй Петроградской общегородской конференции

РСДРП(б) и делегатов от заводов и воинских частей была принята резолюция: «...создавшийся кризис власти не будет разрешен в интересах народа, если революционный пролетариат и гарнизон определенно и немедленно не заявят о том, что они за переход власти к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С этой целью рекомендуется немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли!»¹¹⁸

«Две недели спустя после «общего» выступления 18 июня мы, — вспоминал бывший министр иностранных дел 1-го коалиционного Временного правительства П.Н. Милюков, — встречаемся с событием, которому при желании можно было дать название первого опыта большевистской революции»¹¹⁹.

«Разбуженные» революционной агитацией большевиков, не желавшие отправляться на фронт солдаты и матросы 3 июля стали стягиваться в Петроград, направляясь к штабам своих вождей — к Петросовету и ЦК РСДРП(б). Назревала массовая акция неповиновения Временному правительству. В ночь с 3 на 4 июля ЦК большевиков посылает уполномоченных за отдыхающим в финляндской деревушке Нейвола вождем. Прибыв в столицу, Ленин вновь активно пропагандирует с балкона особняка Кшесинской перед вооруженными солдатами и матросами лозунг «Вся власть Советам!», прекрасно понимая, что «мирные манифестации — дело прошлого»¹²⁰. В то же время, как вспоминал Н. Суханов, «от стоящей перед ним, казалось бы, внушительной силы Ленин не требовал никаких конкретных действий... Ленин только усиленно агитировал против «социал-предательского Совета» и призывал к защите революции и верности большевикам»¹²¹.

Двусмысленность Ленина объясняется, во-первых, тем, что у большевиков не было конкретного плана захвата власти, а во-вторых, Ленин, как юрист, представлял действия правительства против того, кто призывал к его свержению.

4 июля 1917 г. в воззвании Центрального и Петербургского комитетов РСДРП(б), военной организации при ЦК РСДРП(б), межрайонного комитета РСДРП(б), комитета рабочей секции Совета рабочих и солдатских депутатов подчеркивалось: «Нужна новая власть, которая в единении с революционным пролетариатом, революционной армией и революционным крестьянством решительно взялась бы за укрепление и расширение завоеваний народа. Такой властью может быть только власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹²².

Необходимо констатировать, что большевики, «разжигая» массы, не всегда управляли разрушительной энергией толпы, не отдавали себе отчета в последствиях народного гнева, страшного в своем безумии.

4 июля большевики возглавили мирную манифестацию населения Петрограда, которую, по мнению А.В. Луначарского, «черносотенцы, хулиганы, провокаторы, анархисты, отчаявшиеся люди превратили в большой мере в демонстрацию нелепую и хаотичную. Я это предвидел. Я предупреждал на многих митингах и в последнее время в статье «Вперед»... Что мне делать? — писал он жене. — Большевики и Троцкий на словах соглашаются, но на деле уступают стихии. А за ними уступаю и я. Может быть, опыт 3–4-го заставит людей оглянуться»¹²³, — запоздало констатировал один из идейных вождей большевиков.

Народные выступления 3–4 июля, прошедшие во многих городах России, закончились трагически-кроваво. Понимая, что власть Временного правительства еще крепка, а воля народа бессильна, ЦК РСДРП(б) 5 июля выносит решение о прекращении демонстраций, тем самым не скрывая своей организаторской деятельности в их проведении. Учитывая дестабилизирующие действия большевиков, направленные явно на захват власти, Временное правительство принимает решение о закрытии большевистской газеты «Правда» и об аресте и привлечении к уголовной ответственности лиц по факту «вооруженного восстания, — констатировала следственная комиссия Пе-

троградской прокуратуры, — имевшего место 3–5 июля в Петрограде с целью свержения Временного правительства...».

Подробно об организации июльских событий говорили сами участники и следственные органы. Так, член военной организации большевиков В.И. Невский (Кривобоков) на вопрос «Кто был инициатором июльских событий — ЦК или военная организация или движение вспыхнуло стихийно?» отвечал: «Конечно, движение созревало в глубине самых широких масс, недовольных политикой правительства и жаждавших мира. Конечно, это движение, вызванное объективными условиями революционного процесса, было взято под руководство ЦК через нашу военную организацию и Петроградский комитет... все ответственные руководители военной организации, т.е. главным образом И.И. Подвойский, пишущий эти строки, К.А. Мехоношин, Н.К. Беляков и другие активные работники своей агитацией, пропагандой и огромным влиянием и авторитетом в военных частях способствовали тому настроению, которое вызвало выступление». И более откровенно Невский заявлял: «Я уговаривал их (солдат 1-го пулеметного полка. — В.П.), но уговаривал так, что только дурак мог бы сделать вывод из моей речи о том, что выступать не следует...»¹²⁴

Так что «без дураков» — все ясно.

Более детально о событиях 3–4 июля сообщал прокурор Петроградской Судебной палаты, констатируя, что «следствием выяснено, что вооруженному восстанию предшествовали систематические митинги в войсковых частях, на которых произносились речи, призывающие к восстанию... оно возникло и протекало по указаниям Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии...»¹²⁵.

Троцкий вспоминал: «4 или 5 июля я виделся с Лениным (и Зиновьевым?), кажется, в Таврическом дворце. Наступление (большевистских сил. — В.П.) было отбито. «Теперь они нас перестреляют, — говорил Ленин. — Самый подходящий для них момент»¹²⁶.

7 июля министр юстиции П.Н. Малянтович подписал «Постановление Петроградской следственной власти», в котором говорилось: «...Ульянов-Ленин подлежит аресту в качестве ответственного по делу о вооруженном выступлении третьего-пятого июля в Петрограде. Ввиду сего поручаю Вам распорядиться немедленным исполнением этого постановления»¹²⁷.

Керенский, одобрявший создание специальной комиссии по расследованию июльских событий, подчеркивал: «Пусть эти люди ответят перед лицом закона... Только закона...»¹²⁸

По рекомендации В. Ногина, Г. Орджоникидзе, Е. Стасовой, И. Сталина, Я. Свердлов и других своих соратников, Ленин и Зиновьев скрылись от ареста в Разливе. Об уходе вождей большевиков в подполье среди партии были различные мнения. Предлагалось явиться им в суд при обеспечении личной их безопасности и использовать выступления для критики Временного правительства. Пытаясь оправдать свое подпольное положение, Ленин 8 июля опубликовал статью «К вопросу о явке на суд большевистских лидеров», в которой, утверждая, что в России «действует военная диктатура», делал абсолютно «правильный» вывод: «Суд есть орган власти... А где власть? Кто власть?» Затем следует совет: «Пусть интернационалисты работают нелегально по мере сил, но пусть не делают глупостей добровольной явки!»¹²⁹

Без сомнения, никакой «военной диктатуры» в стране не было, а то, что «суд есть орган власти», действительно так — власти закона, но закон Ленин понимал по-своему, почему и призывал не только к неповиновению, но и борьбе — работе нелегально.

Арестованные большевики и сочувствующие им — более 130 человек, в том числе Троцкий, Каменев, Коллонтай, Луначарский, Невский и другие, в августе—сентябре 1917 г. были освобождены.

С Лениным могли поступить иначе, так как обвиняли его и как германского шпиона. В архиве Гарвардского университета (США) хранится неопубликованная стено-

грамма выступления А.Ф. Керенского в 1932 г., в которой раскрывается процесс подготовки «дела Ленина»¹³⁰.

Итак, расчеты большевиков на спонтанный захват власти 3–4 июля не оправдались. Решительными действиями буржуазно-социалистического Временного правительства закончился так называемый период двоевластия. Однако власть, победившая неорганизованность большевиков, была еще явно слаба, но открыта для консолидации всех политических сил, стоящих на позициях буржуазно-демократического развития России. Для большевиков же главная проблема: «коренной вопрос всякой революции есть вопрос власти в государстве» — оставалась нерешенной¹³¹.

Разрешение «кардинального вопроса»

Обстановка, сложившаяся после июльских событий, потребовала пересмотра тактики большевиков и их лозунгов. 13 июля 1917 г. ЦК партии большевиков созвал в Петрограде двухдневное совещание членов ЦК, партийных комитетов и Военной организации. Своеобразный анализ политического положения изложил Ленин в четырех тезисах, заключив: «Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих...»¹³² Против тезисов Ленина выступили Володарский, Ногин, Рыков и др. Свердлов, Молотов и Савельев активно агитировали за принятие предложенного Лениным курса.

В брошюре «К лозунгам», написанной в середине июля 1917 г., Ленин предлагал и обосновал необходимость снятия лозунга «Вся власть Советам!», ибо, по его мнению, эсеро-меньшевистские Советы стали придатком побеждающей контрреволюции. «Свержение буржуазной контрреволюции не может дать ничто, никакая сила, кроме революционного пролетариата. Именно революционный пролетариат, после опыта июля 1917 года, и должен са-

мостоятельно взять в свои руки государственную власть, вне этого революции быть не может. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями, вот единственный выход...»¹³³ И все же главный и единственный выход Ленин видел во взятии власти большевистской партией, но это было пока лишь его желание, не ставшее для партии законом.

С 26 июля по 3 августа 1917 г. в Петрограде проходил VI съезд РСДРП(б). И хотя Ленин находился в подполье, он фактически руководил работой съезда, поддерживая тесную связь с ЦК через А.В. Шотмана, С.К. Орджоникидзе, И.В. Сталина, В.И. Зофа и Э. Рахья. В беседах с соратниками, в письмах ЦК он излагал свои взгляды по всем основным вопросам, вынесенным на съезд.

В порядке дня съезда стояли: 1) доклад Организационного бюро; 2) доклад ЦК РСДРП(б); 3) отчеты с мест; 4) текущий момент: а) война и международное положение; б) политическое и экономическое положение; 5) пересмотр программы; 6) организационные вопросы; 7) профессиональное движение; 8) выборы и др.

С отчетом ЦК и докладом о политическом положении на съезде выступил И.В. Сталин; с организационным отчетом — Я.М. Свердлов. В докладах был дан анализ политического положения и деятельности партии после Апрельской конференции. Выводы Сталина и Свердлова соответствовали идеям Ленина и сводились к необходимости организации вооруженного восстания для захвата власти.

В ответ на сомнения «некоторых товарищей» — Е.А. Преображенского, Н.С. Ангарского (Клестова), Н.И. Бухарина и др. — в том, что капитализм в России не развит в такой степени, чтобы можно было бы ставить вопрос о социалистической революции, Сталин заявил, что война и экономическая разруха являются ее необходимостью. У нас очень высокая организованность рабочих, подчеркивал Сталин, которая дает им возможность вмешаться в отношения производства и обмена и тем самым

фактически выдвигает вопрос о социалистической революции.

Весьма замысловато для недоучившегося семинариста и весьма знакомо по ленинским идеям. Действительно, уровень концентрации и организованности российских рабочих был высок, но лишь в некоторых промышленных районах страны. К тому же степень организованности и даже наличие опыта революционной борьбы не могли заменить экономических условий и необходимости «вмешиваться в отношения производства и обмена», за исключением единственного метода — насилия.

Сталин пытался представить перспективы победоносной социалистической революции — выход из войны и открытие эры пролетарской революции, пугая, что «в противном случае победу одержит контрреволюция». Таким образом, выводы Сталина и, бесспорно, Ленина в отношении социалистической революции сводились не к степени зрелости экономики, а к политическим факторам, что неизбежно вело к восстанию.

Центральным вопросом развернувшейся на съезде дискуссии являлся вопрос о дальнейшей роли Советов. В.П. Ногин, П.А. Джапаридзе, В.Н. Залежский выражали уверенность в дееспособности Советов и возможности взятия ими власти. И.В. Сталин и некоторые другие делегаты считали, что Советы при руководстве эсеров-меньшевистских соглашателей не способны бороться за власть, призывали сосредоточить внимание партии на вооруженном захвате власти.

Позиции предельно ясны: одни за борьбу своих идей в Советах и поиск компромиссов с другими социалистическими партиями, другие за сепаративно-большевистский курс на вооруженный захват власти.

По резолюции «О политическом положении» из 15 выступающих 8 делегатов высказались за сохранение лозунга «Вся власть Советам!». Бухарин занял промежуточную позицию, шестеро поддержали Сталина. Подготовленная специальной комиссией резолюция представляла компромиссную позицию. Исходя из ленинских предположений

о невозможности перехода власти к Советам, большевиками лозунг «Вся власть Советам!» заменялся на лозунг «Полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии». Вместе с тем указывалось на необходимость продолжать работу в Советах «с величайшей энергией».

Итак, несмотря на веру в Советскую власть, явно просматривалась ленинская нетерпимость к представителям Советов, не торопящихся на социалистическую революцию и даже входящих во Временное буржуазное правительство.

Съезд обсудил и принял экономическую платформу партии, потребовав: национализацию и централизацию банков и синдицированных предприятий; установление рабочего контроля над производством и распределением продуктов; организацию обмена между городом и деревней; отмену коммерческой тайны; прекращение выпуска бумажных денег; отказ от уплаты государственных долгов; преобразование налоговой системы.

В резолюции «Об экономическом положении» указывалось, что единственным выходом из критического положения являются ликвидация войны и восстановление разрушенного ею хозяйства «не в интересах кучки финансовых олигархов, а в интересах рабочих и беднейших крестьян».

«Такое урегулирование производства в России может быть проведено лишь организацией, находящейся в руках пролетариев и полупролетариев, что предполагает переход в их руки и государственной власти»¹³⁴.

Охарактеризовав экономическое положение в стране как падение в «бездну окончательного... распада и гибели», съезд подчеркнул, что социалистическая революция является единственным выходом из империалистической войны и из той экономической разрухи, в которую ввергли страну царизм и буржуазия. Один из лидеров большевиков Н. Бухарин в своем докладе — о войне и международном положении — считал, что если в России социалистическая революция победит раньше, чем на Западе, то «перед победившей рабоче-крестьянской революцией

на очередь станет объявление революционной войны, т.е. вооруженная помощь еще не победившим пролетариям... Такой революционной войной, — заявил докладчик, — мы будем разжигать пожар мировой социалистической революции».

Итак, большевики были настроены весьма решительно и по-боевому. Борясь против войны, они считали, что после завоевания власти их война будет справедливее для всего мира вне зависимости от желания других.

Большое значение в подготовке и проведении социалистической революции имели профсоюзы и союз молодежи. Съезд призвал профсоюзы взять на себя дело организации производства и распределения продуктов, установления рабочего контроля над предприятиями. Членам партии было предложено вступать в профсоюзы и вести через них борьбу за диктатуру пролетариата, за социализм. Съезд партии вменял в обязанность партийным организациям повышать классовое сознание молодых рабочих и работниц путем пропаганды идей социализма, защищая их экономические и политические права, сплавлять их с опытными революционерами-большевиками в борьбе за социализм.

Решения VI съезда РСДРП(б) были направлены на политическую, организационную и военную подготовку взятия власти. Курс партии большевиков на вооруженное восстание стал директивой для всех ее членов. В то же время съезд призвал пролетариат не ввязываться в преждевременный бой, а готовить силы к моменту общенационального кризиса и массового революционного подъема, когда возникнут благоприятные условия для взятия власти при поддержке бедноты города и деревни.

По мере обострения экономического положения в стране, особенно в промышленных центрах, не только падал авторитет правительства, но и зрел раскол в руководящих органах Советов. ЦИК Советов все более расходился с Петросоветом о конструкции власти. Умеренный, компромиссный ЦИК ассоциировался с Временным правительством, а более радикальный Петросовет с при-

влекательными для масс лозунгами большевизировался. 12 августа от имени съезда был опубликован «Манифест РСДРП(б) ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России», в котором все трудящиеся призывались к решающим боям с буржуазией.

К решительной борьбе готовилась и противоположная сторона. 12 августа Корниловым был отдан приказ о формировании в Пскове, Минске, Киеве и Одессе Георгиевских пехотных запасных полков. Именно на их белые Георгиевские кресты намекала газета «Утро России»: «Кто другой так мучительно сейчас нужен для дела, для работы на спасение гибнущей армии и с ней вместе родины, как не военные народные герои, украшенные белыми крестами?» Так начинала формироваться белая гвардия.

Противостояние нарастало, и все же, на наш взгляд, имелась возможность политического компромисса. В этот же день по инициативе Временного правительства в Москве открылось Государственное совещание, на котором присутствовали представители буржуазии, духовенства, армии, бывшие члены Государственной думы, эсеро-меньшевистского ЦИК.

Большевики бойкотировали собрание, считая его сборищем контрреволюционных сил. В день открытия совещания большевики организовали массовые забастовки в Москве, хотя участники общего собрания рабочих и солдатских депутатов Моссовета 312 голосами против 214 отвергли подобные акции.

Цель совещания сводилась к тому, как отметил Керенский во вступительной речи, чтобы, увидев «картину великого распада, великих процессов разрушения, охвативших страну, оно указало бы пути выхода из этого состояния». «...Положение, граждане, — подчеркивал министр-председатель правительства, — очень тяжелое, и государство наше переживает час смертельной опасности... Мы ждем от вас, представителей русской земли, не распрей, не международных столкновений... Явите ли здесь, в Москве, собравшихся людей великой родины, явите ли вы здесь перед миром и перед нашими врага-

ми зрелище спаянной великой национальной силы, прощающей друг друга во имя общего, или вы явите миру новую картину распада, развала и заслуженного презрения?» Блистая красноречием и душевной искренностью, Керенский страстно призывал к единству: «Этого можно достичь только великим подъемом любви к своей родине, завоеваниям революции, любви и беззаветной жертвенности и отказа от всех своих своекорыстных, личных и групповых интересов, во имя общего и целого...»¹³⁵

Керенский с твердостью в душе и голосе стремился демонстрировать «силу власти». «Если, — заявлял он, — не хватит разума и совести, если — повторяю еще раз — мы будем захлестнуты волной развала и распада своекорыстных интересов и межпартийных распрей, то прежде, чем погибнуть, мы скажем об этом стране — мы позовем ее на помощь, а сейчас мы сами, своей неограниченной властью там, где есть насилие и произвол, придем с железом и со всей силою принудительного аппарата государственной власти»¹³⁶.

«Эта анархия слева, этот большевизм, — предупреждал Керенский, — как бы он ни назывался у нас, в русской демократии, пронизанной духом любви к государству и к идеям свободы, найдет своего врага... — продолжал министр-премьер, — всякая попытка воспользоваться ослаблением дисциплины, она найдет предел во мне».

«Верховный вождь» армии Керенский предупреждал и своих подчиненных. «Все будет поставлено на свое место, каждый будет знать свои права и обязанности, но будут знать свои обязанности не только командуемые, но и командующие»¹³⁷.

Бурная, театральная-эмоциональная речь министра-председателя длилась почти два часа. «Выражение глаз, которые он фиксировал на воображаемом противнике, — так описывал выступление Керенского П. Милюков, — напряженной игрой рук, интонациями голоса, который то и дело целыми периодами повышался до крика и падал до трагического шепота... этот человек как будто хотел кого-

то устрасить и произвести впечатление силы и власти... В действительности он возбуждал только жалость»¹³⁸.

Иное впечатление произвел на Милюкова генерал Л.Г. Корнилов, которому 14 августа Керенский предоставил слово. «Низенькая, приземистая, но крепкая фигура человека с калмыцкой физиономией, с острым, пронизывающим взглядом маленьких черных глаз, в которых вспыхивали злые огоньки, появилась на эстраде. Почти весь зал встал, бурными аплодисментами приветствуя «верховного». Его речь была кратка и прямолинейна, хотя по политически-тактическим соображениям он не высказался. Заявив о «погроме» армии, анархии в армии, он предупредил о неизбежных новых поражениях и предложил усилить дисциплину путем предоставления всей власти начальникам, поднятия авторитета и престижа офицерства, ограничения функций армейских комитетов «хозяйственными вопросами». «Меры, принятые на фронте, — подчеркивал он, — должны быть приняты и в тылу... Разницы между фронтом и тылом относительно суровости необходимого для спасения страны режима не должно быть... Нужны решимость и твердое непреклонное проведение намеченных мер»¹³⁹.

Мысль Корнилова развил донской атаман генерал А. Каледин, призвав Временное правительство «освободиться наконец в деле государственного управления и строительства от давления партийных и классовых организаций, вместе с другими причинами приведших страну на край гибели... «Страну, — заявил Каледин, — может спасти от окончательной гибели только действительно твердая власть, находящаяся в опытных и умелых руках лиц, не связанных узкопартийными групповыми интересами, свободных от необходимости после каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и Советы...»¹⁴⁰

С иных, левых позиций выступил председатель ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов Н. Чхеидзе. Он говорил не только от имени Советов, но и фронтовых и армейских организаций, кооперативов и профсоюзов, фабзавкомов и др. организаций, представляющих револю-

ционную демократию. Обвинив самодержавие, «трупный яд» которого «заразил все части народного организма», Н. Чхеидзе предупреждал, что «всякая попытка разрушить демократические организации, подорвать их значение, вскрыть пропасть между ними и властью и сделать власть орудием в руках привилегированных и имущих есть не только измена делу революции — это есть прямое предательство родины... Революционная демократия, — подчеркнул Чхеидзе, — защищает не исключительно интересы каких-либо классов или групп, а общие интересы страны и революции»¹⁴¹.

Чхеидзе изложил и предложения Советов, которые, по его мнению, диктуются «жизненными интересами страны». Предлагалось установление твердых цен и регулирование заработной платы, введение налога на прирост ценностей и предметы роскоши. Заявлялось о необходимости «отвергнуть всякие захваты чьих-либо земель», а упорядочение земельных отношений временно возложить на местные земельные комитеты. Самые жизненные вопросы должны были регулировать органы самоуправления, избранные всенародно. Национальное самоопределение от России могло решить лишь Учредительное собрание.

Без сомнения, программа эсеро-меньшевистских Советов была демократичной, но малоэффективной в условиях неудачной для России войны, надвигающегося экономического и политического хаоса.

Выступления генералов прошли под бурные аплодисменты, крики одобрения. Речь Чхеидзе вызвала лишь приветствие слева и «части центра». Реакция зала Государственного совещания полностью отражала настроение общества, большинство которого требовало решительных мер по улучшению жизни.

Большевики, отчасти присутствовавшие на совещании в составе профсоюзной, кооперативной и других делегаций, передали в президиум свою декларацию, в которой заявляли, что прибыли в Москву «протестовать от имени рабочих и беднейших крестьян против контрреволюцион-

ного собора, чтобы разоблачить перед страной его истинный характер». Конкретных предложений не последовало.

20 августа на заседании ЦК большевиков обсуждался проект резолюции о Государственном совещании, которая на другой день была предложена Петросовету. Наряду с очередной критикой Временного правительства, «проводящего контрреволюционную политику борьбы «кровью и железом» с рабочими и крестьянскими массами», капитулирующего «перед наказами Корниловых, Рябушинских, Милюковых», была отвергнута и «платформа 14 августа», которая квалифицировалась как «политика сговоров и союзов с врагами пролетарско-крестьянской революции», как свидетельство полного политического банкротства «соглашателей». ЦК не ограничился критикой в своей резолюции, а предлагал «кардинальные» меры: «Спаси революцию можно, только ликвидировав диктатуру контрреволюционной буржуазии и добившись сосредоточения всей власти в руках рабочих и беднейших крестьян».

Очередной призыв большевиков к ликвидации контрреволюционной буржуазии, настаивание Ленина на «отсечении» Временного правительства от революционно-демократических организаций, передаче им всей полноты власти порождало обратную реакцию правых на более твердую власть, решительную борьбу с большевиками.

25 августа Корнилов предъявил Керенскому ультимативное требование — уйти в отставку с поста главы правительства и двинул войска на Петроград. Кадеты выразили антиправительственному мятежнику «сочувствие, но не содействие», хотя их министры вышли из правительства, вызвав тем самым новый правительственный кризис.

ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов собрались на экстренное заседание вечером 27 августа. В итоге бурных дебатов была принята резолюция, в которой правительству выражалось доверие, Керенскому поручалось заменить подавших в отставку министров-кадетов «демократическими элементами». Было решено со-

звать еще одно Государственное совещание с участием лишь революционно-демократических и демократических организаций, так как правое большинство московского Государственного совещания оказалось замешанным в антиправительственном мятеже.

События катастрофически нарастали. 28 августа в приказе № 897 генерал Корнилов заявил, что «единственным исходом считаю установление диктатуры и объявление всей страны на военном положении». Вместе с тем, понимая непопулярность диктаторских мер в период широкой демократии, Корнилов подчеркивал: «...Я во всеуслышание заявлял, что определенно считал и считаю полную невозможность возврата к старому и задача Нового Правительства должна сводиться единственно к спасению России и гражданских свобод, завоеванных переворотом 27 февраля»¹⁴².

Следует отметить две особенности в мировоззрении Корнилова: 1) диктатура не единоличная, а «Нового Правительства», и 2) отречение Николая II от престола он считал не началом революции, а переворотом, организованным теми умеренными демократами, против которых он и восстал.

ВЦИК от имени Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 29 августа обратился к солдатам, уверяя их, что они жестоко обмануты. «В Петрограде полное спокойствие... Корнилов ведет вас сюда, чтобы направить ваши ружья против народа, против революции, против завоеваний народом свободы. Он, Корнилов, хочет пролить братскую кровь. Он, Корнилов, хочет низвергнуть революционное правительство. Он, Корнилов, задумал арестовать любимого вождя армии Керенского. Он, Корнилов, хочет черной изменой захватить власть в свои руки, чтобы погубить революцию, чтобы отнять у народа и волю, и землю. Страшитесь, братья, — подчеркивалось в воззвании, — поднять междоусобную борьбу в эти черные дни»¹⁴³.

ВЦИК создал чрезвычайный орган — Комитет народной борьбы с контрреволюцией, т.е. с военной диктату-

рой Корнилова. В состав комитета вошли представители президиумов ВЦИК и Исполкома Советов крестьянских депутатов (ИВСКД) — по 5 человек, партий эсеров и меньшевиков — по 3 человека, Всероссийского совета профсоюзов — 2 человека, Петроградского совета профсоюзов — 1 человек, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — 2 человека и ряда других организаций. Однако действенность комитета могла быть реальной лишь при участии в его работе большевиков, за которыми шли наиболее радикально настроенные рабочие и солдаты. В директивной телеграмме большевистского ЦК местным партийным организациям предписывалось: «Во имя отражения контрреволюции работать в техническом и информационном сотрудничестве с Советом, при полной самостоятельности политической линии». При этом большевики потребовали 30 августа «освобождения арестованных в связи с событиями 3–5 июля и возвращения на свои посты преследуемых вождей рабочего класса — Ленина, Зиновьева и др.»¹⁴⁴.

Таким образом частичный компромисс большевиков был вынужденным, ибо победа Корнилова была губительна для всех демократических сил, а для сторонников Ленина особенно. Даже в столь трагическом и безвыходном положении они ставят свои условия. Хотя ранее, 19 августа, Ленин выступил решительно против заключения блока с оборонцами для борьбы с контрреволюцией. «Трудно поверить, — писал он в статье «Слухи о заговоре», — чтобы могли найтись такие дурачки и негодяи из большевиков, которые пошли бы в блок с оборонцами теперь... С людьми, окончательно перешедшими в стан врагов, не договариваются, блоков с ними не заключают... наши рабочие, наши солдаты, — подчеркивал Ленин, — будут сражаться с контрреволюционными войсками, если те начнут наступление сейчас против Временного правительства, защищая не это правительство, звавшего Каледина и К° третьего июля, а самостоятельно защищая революцию, преследуя цели свои, цели победы рабочих, победы бед-

ных, победы дела мира, а не победы империалистов — Керенского, Авксентьева, Церетели, Скобелева и К°.»¹⁴⁵

Вечером 31 августа на объединенном заседании руководства Советов обсуждался вопрос о власти. Один из проектов резолюции-декларации, одобренной членами большевистского ЦК и представителями фракций большевиков во ВЦИКе и Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, представил Л. Каменев — член ЦК РСДРП(б). Она начиналась с категорического осуждения политики «соглашательства» и «безответственности», которая создала саму возможность «превратить верховное командование и аппарат государственной власти в очаг и орудие заговора против революции». Предъявлялось требование отстранения от власти не только кадетов, но и всех представителей буржуазии, утверждалось, что единственный выход — в создании власти из «представителей революционного пролетариата и крестьянства». Основными задачами этого правительства должны были стать: провозглашение «демократической республики»; конфискация помещичьих земель без выкупа и передача ее крестьянским комитетам впредь до решения Учредительного собрания; введение рабочего контроля над производством; национализация важнейших отраслей промышленности и предложение народам воюющих стран всеобщего демократического мира. В предлагаемой резолюции-декларации «О власти» выдвигались немедленные меры: прекращение всех репрессий, направленных против рабочего класса и его организаций; отмена смертной казни на фронте и восстановление полной свободы политической агитации и деятельности демократических организаций в армии; удаление из армии контрреволюционного командования; признание права малых народностей на самоопределение; немедленный созыв Учредительного собрания и отмена всех сословных привилегий¹⁴⁶.

В то же время, 31 августа — 2 сентября 1917 г., когда Советы обсуждали вопрос о власти, Временное правительство 1 сентября провозгласило Россию республикой. Керенский объявил о создании Директории («Совета пяти»)

в составе двух «социалистов» — эсера А. Керенского и правого меньшевика А. Никитина, трех беспартийных — сахарозаводчика М. Терещенко, генерала А. Верховского и адмирала Д. Вердеревского, которая предназначалась для оперативного руководства страной в период правительственного кризиса. Меньшевистские и эсеровские лидеры правого и центристского направлений выступили за поддержку Керенского и Директории до предстоящего Демократического совещания.

2 сентября большевистская резолюция «О власти» была ВЦИКом отклонена. Он принял решение — вопрос о власти вынести на Демократическое совещание, а до его созыва — поддерживать Керенского. В.И. Ленин от имени большевистского ЦК подверг резкой критике решения Советов. В проекте резолюции о современном положении, подготовленном для пленума ЦК, он писал 3 сентября: «Советы, которые терпят и поддерживают эту слабую, колеблющуюся, беспринципную политику Керенского, эти Советы становятся виновными не только в соглашательстве, но уже в преступном соглашательстве»¹⁴⁷.

Видя, что лидеры Советов все более и более идут на компромисс с буржуазией, Ленин настаивает на быстрейшем проведении вооруженного восстания с учетом наличия и настроения революционных сил, боровшихся с корниловцами, и слабого, кризисного состояния власти. К тому же продолжалось резкое ухудшение положения населения, особенно рабочего класса, в связи с войной и экономической разрухой. В директивных письмах, направленных Лениным в середине сентября 1917 г. ЦК, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б), он писал: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки». Конкретный срок выступления должен был определить ЦК большевиков. «Вопрос в том, — писал Ленин, — чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь поставить вооруженное восстание в Питере и в Москве (с областью),

завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати»¹⁴⁸.

И все же Ленин сомневался по поводу победы революции. В августе—сентябре, находясь в подполье, он пишет книгу «Государство и революция», в предисловии которой заметил: «Приятнее и полезнее «опыт революции» проделать, чем о нем писать». Конечно, писать в шалаше, в тиши природной скучнее, нежели отдавать приказы из столичного кабинета многотысячной толпе, из которой многие погибнут, выполняя волю вождя, но это будет хорошим материалом «опыта революции»¹⁴⁹.

Вопрос о власти составил основу дискуссий участников второго Демократического совещания, открывшегося 14 сентября. Бурные дебаты делегатов выявили три точки зрения о власти:

правое крыло меньшевистско-эсеровского блока, составлявшего большинство участников совещания (И. Церетели, Н. Авксентьев и др.), считало возможным продолжение коалиции с кадетами;

центр, объединяющий меньшевиков-интернационалистов и часть эсеров (Ю. Мартов, В. Чернов и др.), выдвигал идею создания демократического, однородного социалистического правительства, опирающегося на Советы и другие демократические организации;

левые — большевики — колебались между позицией Ленина — Троцкого, выдвигавших требования передачи всей власти Советам, а точнее, партии большевиков, которые становились во главе их, и Каменева, склонявшегося к сотрудничеству со всеми социалистическими партиями. Ленин был убежден, что «наша партия теперь на Демократическом совещании имеет фактически свой съезд, и этот съезд решить должен (хочет или не хочет, а должен) судьбу революции»¹⁵⁰.

По предложению меньшевика И. Церетели вопрос о власти решено было передать постоянному органу, избранному Демократическим совещанием, — Предпарламенту, перед которым до созыва Учредительного собрания должно было нести ответственность Временное правительство. Общее число членов Временного Совета республики первоначально составляло 313 чел. — из рас-

чета 15% от каждой фракции и группы Демократического совещания. 23 сентября состоялось первое и единственное заседание избранного Совета, на котором было принято решение о создании коалиционного правительства. Это позволило эсеру Керенскому 25 сентября сформировать под своим председательством третье коалиционное правительство, в которое вошли 6 кадетов, 1 эсер, 3 меньшевика, 2 трудовика, 1 «независимый» и 2 беспартийных военных специалиста. Новое Временное правительство утвердило положение о Предпарламенте и дополнило его состав. Наряду с членами Демократического совещания в него вошли представители т.н. цензовых, т.е. буржуазно-помещичьих, организаций и учреждений — кадетской партии, торгово-промышленных объединений, Совета общественных деятелей, Совета земельных собственников и др. Всего в Предпарламенте было 555 членов — 135 эсеров, 92 меньшевика, 30 народных социалистов, 75 кадетов, 58 большевиков.

Таким образом, были представлены основные политические силы, отражающие все слои населения России. Однако правительство резко ограничило права и функции «представительного органа» — Демократического совещания. Временный Совет Российской Республики (Предпарламент) мог обсуждать только те вопросы и законопроекты, «по коим Временное правительство признает необходимость иметь заключение Совета».

Надежды Ленина решить «судьбу революции» не оправдались, и 8 октября он заявил: «Участие нашей партии в «Предпарламенте» или «Демократическом совете» или «Совете республики» есть явная ошибка и отступление от пролетарски-революционного пути...

Съезд партии должен поэтому отозвать членов нашей партии из предпарламента, объявить бойкот его, призвать народ к подготовке сил для разгона этой черетелевской «булыгинской Думы»¹⁵¹.

Ленин срочно меняет тактику революционной опоры на Советы и Учредительное собрание. Расчеты вождя большевиков достаточно ясны, ибо формирование нового

Временного правительства совпало с началом деятельности нового Исполкома и нового Президиума Исполкома Петроградского Совета, который состоял из 13 большевиков, 6 эсеров и 7 меньшевиков. Председателем Исполкома был избран Л. Троцкий. Одна из самых ключевых позиций оказалась в руках большевиков, которые стали готовить второй Всероссийский съезд Советов в надежде на то, что он примет решение о переходе власти к Советам.

«Задача взятия власти Советами, — подчеркивал Ленин своим соратникам, — есть задача успешного восстания... для свержения правительства Керенского». В то же время замечал: «Связывать эту задачу непременно со съездом Советов, подчинять ее этому съезду — значит играть в восстание...

Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на съезд Советов, отказаться от предвзятой мысли непременно «дождаться» его, сосредоточить все силы на разъяснении массам неизбежности восстания и на подготовке его. Имея в руках оба столичных Совета и отказываясь от этой задачи, мирясь с созывом Учредительного собрания (то есть с подделкой Учредительного собрания) правительством Керенского, большевики свели бы на пустую фразу свою пропаганду лозунга «власть Советам» и политически опозорили бы себя, как партию революционного пролетариата»¹⁵².

Итак, Ленин был готов отбросить любую революционную опору, которой лишь прикрывал легитимность захвата власти большевиками, считая вооруженное восстание неизбежным вне зависимости от предстоящих жертв. Такая позиция больше подходила не социал-демократу, а политическому авантюристу.

В сентябрьские дни, когда возникла реальная возможность коалиционной власти для разрешения критической ситуации в стране, Ленин из Финляндии настойчиво поясняет своим соратникам в голодной России, что такое «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», что представляет «Один из коренных вопросов революции», «Как обеспечить успех Учредительного собрания»¹⁵³. Ленин, пытаясь

успокоить российское население, испуганное «буржуа и оппортунистами» о «потоках крови в гражданской войне», оптимистически заверяет, что «эта война даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, откроет верный путь к победоносной революции всемирного социалистического пролетариата». И все это действительно будет в «потоках крови» самой страшной и постыдной гражданской войны, но вождя большевиков больше занимает «победоносная революция всемирного социалистического пролетариата»¹⁵⁴.

Говоря о задачах революции, Ленин ясно констатирует, что «Россия — мелкобуржуазная страна». Гигантское большинство крестьянского населения склонно к колебаниям, и посему «только при его присоединении к пролетариату победа дела революции, дела мира, свободы, получения земли трудящимися обеспечена легко, мирно, быстро, спокойно». К тому же «растет оппозиция левых среди эсеров (Спиридонова и др.) и среди меньшевиков (Мартов и др.) — достигая уже до 40% «Совета» и «съезда» этих партий. А внизу, в пролетариате и крестьянстве, особенно беднейшем, большинство эсеров и меньшевиков «левые»¹⁵⁵.

Действительно, это так и было. Ленин рассчитывал на их реальную поддержку в победе большевиков. Вместе с тем Ленин в который раз подчеркивает «гибельность соглашательства с капитализмом», обвиняя его в «неминуемой хозяйственной катастрофе» и в том, что «корниловские генералы и офицеры, оставаясь у власти, несомненно, откроют фронт немцам умышленно...»¹⁵⁶.

Таким образом, Ленин не просто ставит под сомнение «Союз георгиевских кавалеров», «Военную лигу», «Союз бежавших из плена», «Совет союза казачьих войск», «Союз воинского долга», «Союз чести и родины», «Союз спасения родины», «Союз офицеров армии и флота», Общество экономического возрождения России и другие патриотические организации, на которые опирался генерал Корнилов, а обвиняет их в измене родине.

Далее следует разбор проблем, упомянутых в предыдущих работах: «власть Советам», «мир народам», «земля трудящимся» и т.д. — с неизменным выводом: «Если Советы (большевистские. — В.П.) возьмут теперь в руки, всецело и исключительно, государственную власть для проведения изложенной выше программы, то Советам обеспечена не только поддержка девяти десятых населения России, рабочего класса и громаднейшего большинства крестьянства»¹⁵⁷. Но Советы раздумывали, ибо не все ленинские предложения, так «просто» изложенные на бумаге, могли быть реально воплощены в жизнь.

Понимая, что раздумья не только приведут к логически мирному разрешению политического кризиса, но и к укреплению коалиционной власти, Ленин торопит своих соратников, категорически заявляя 29 сентября: «Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков под вопросом. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту.

Кризис назрел»¹⁵⁸.

Ну раз «кризис назрел», значит, он разрешится, и его результаты не нужно (используя картежную терминологию) подтасовывать. Тем более принято решение провести выборы в Учредительное собрание, которое должно было определить будущее государственно-общественное устройство России демократическими методами. Но демократия, по убеждению Ленина, несовершенна. Ленин не хочет ждать не только Учредительного собрания, но даже съезда Советов. «Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд»¹⁵⁹, — настаивает он.

«Победа восстания обеспечена теперь большевикам, — утверждает Ленин и пытается доказать это: 1) мы можем (если не будем «ждать» Советского съезда) ударить внезапно и из трех пунктов, из Питера, из Москвы, из Балтийского флота; 2) мы имеем лозунги, обеспечивающие нам поддержку: долой правительство, подавляющее крестьянское восстание против помещиков! 3) мы в большинстве в стране; 4) развал у меньшевиков и эсеров пол-

ный; 5) мы имеем техническую возможность взять власть в Москве (которая могла бы даже начать, чтобы поразить врага неожиданностью); 6) мы имеем тысячи вооруженных рабочих и солдат в Питере, кои могут сразу взять и Зимний Дворец, и Генеральный Штаб, и станцию телефонов, и все крупные типографии; не выбить нас оттуда, — а агитация в армии пойдет такая, что нельзя будет бороться с этим правительством мира, крестьянской земли и т.д. ...девянсто девять сотых за то, что мы победим...»¹⁶⁰

Действительно, правительство, способное решить самые насущные вопросы общественного развития, популярно во все времена и у всех народов. Однако здравомыслящие люди понимают, что решить судьбоносные проблемы возможно лишь в общественном согласии, при наличии мира и соответствующего уровня экономического состояния страны.

Ленин не уверен, что убедил своих соратников, ибо «ЦК оставил даже без ответа, — пишет он, — мои настояния в этом духе с начала Демократического совещания (на наш взгляд, гораздо раньше. — В.П.), что Центральный орган вычеркивает из моих статей указания на такие вопиющие ошибки большевиков, как позорное решение участвовать в предпарламенте, как предоставление места меньшевикам в президиуме Совета и т.д. и т.д.». Столь диктаторские обиды Ленин считает «как тонкий намек на зажимание рта и на предложение мне удалиться». Далее следует ультиматум и угроза: «Мне приходится подать прошение о выходе из ЦК, что я и делаю, и оставить за собой свободу агитации в низах партии и на съезде партии»¹⁶¹. И это заявлял человек, который большинство своей «агитации в низах» проводил из-за границы в основном через ЦК своей партии, экстремистские взгляды которого пугали многих его соратников, считавших восстановление преждевременным. «Мы все ахнули... — вспоминал Бухарин. — Потом, посоветовавшись, решили... сжечь письма тов. Ленина»¹⁶².

Была ли отставка Ленина? Думается — нет. Во-первых, отставка общепринятого вождя большевизма разбила

бы его руководящий центр и ослабила бы партию в целом вследствие несомненной борьбы за лидерство. Во-вторых, Ленин действительно был мастером политической дискуссии и партийной демагогии, генератором революционных идей, убедительно щедрым на посулы народных желаний. Он умело находил союзников и беспощадно подавлял не только врагов, но и соратников-оппонентов.

1 октября 1917 г. Ленин пишет в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы — большевикам: «События так ясно предписывают нашу задачу, что промедление становится положительно преступлением...

Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны взять власть тотчас... Если нельзя взять власть без восстания, надо идти на восстание тотчас»¹⁶³.

У Ленина ясные и четкие понятия: 1) обвинение своих соратников в «преступлении»; 2) претензии большевиков на власть даже вопреки Советам; 3) призыв к крайним мерам захвата власти. Не только о законности или демократичности не идет речь, а настойчиво говорится о вооруженном захвате государственной власти.

«Центральный Комитет, — констатировал Д. Волкогонов, — медленно, но неуклонно подвигался Лениным к радикальной позиции. Партийный ареопаг обходил молчанием ультиматум и угрозы об отставке Ленина. Некоторые его статьи в редакции уточнялись и далее редактировались путем исключения слишком воинственных абзацев и фрагментов»¹⁶⁴.

После переезда из Выборга в Петроград Ленин с 7 октября берет главные рычаги управления по руководству восстанием в свои руки¹⁶⁵. Хотя Ленин и подчеркивал, что «восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс»¹⁶⁶, все методы его подготовки заговорщические, игнорирующие даже мнения членов ЦК РСДРП(б). 8 октября Ленин пишет питерским товарищам «Советы постороннего», подчеркивая, «что переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание». Разъясняя марксистскую истину «восстание, как и война, есть искусство», Ленин

выделяет «три главные силы: флот, рабочих и войсковые части», которые должны «занять и ценой каких угодно потерь» удержать телефон, телеграф, железнодорожные станции, «мосты в первую голову». Более реально оценивая вооруженное восстание как войну, он уже не говорит о девяти десятых его победы, а выдвигает страшный лозунг «Погибнуть всем, но не пропустить неприятеля». Будущие жертвы он уверяет: Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость»¹⁶⁷. Одобрять и подталкивать рабочих, крестьян, солдат и матросов на братоубийственную бойню, Ленин был уверен, что они пойдут за большевиками, ибо уже уверовали в их проповеди немедленного мира, бесплатной раздачи земли, безотлагательной всеобщей дележки богатств буржуев и самостийной власти трудящихся.

10 октября состоялось заседание ЦК РСДРП(б) на квартире меньшевика Н.Н. Суханова (Гиммера), который сам и не знал об этом. Ленина, Зиновьева, Каменева, Троцкого, Сталина, Свердлова, Урицкого, Дзержинского, Коллонтай, Бубнова, Сокольникова (Бриллианта), Ломова (Оппокова) принимала Г.К. Флаксерман — жена Суханова, член партии большевиков, работник Секретариата ЦК партии. Из 21 члена ЦК присутствовали 12, из которых лишь трое русских. Центральным вопросом был пункт: «4) Текущий момент...» В докладе «тов. Ленин констатирует, — записано в протоколе, — что с начала сентября замечается какое-то равнодушие (и это несмотря на настойчивые письма вождя. — В.П.) к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса»¹⁶⁸.

По существу же, равнодушия не было, было несогласие с позицией Ленина. «Наш ЦК не согласился тогда с тов. Лениным, — вспоминал кающийся Г.Е. Зиновьев. — Почти всем нам казалось, что еще рано, что меньшевики и эсеры имеют еще довольно много сторонников»¹⁶⁹. Ленин

директивно заявлял о конкретных шагах по подготовке вооруженного восстания. Он осуждал тех, кто считает «систематическую подготовку восстания... чем-то вроде политического греха». Он заранее выдавал индульгенцию тем, кого смущал заговорщицкий характер подготовки к восстанию. Ленин не скрывал антинародного характера заговора, заявляя: «Ждать Учредительного собрания, которое явно будет не с нами, бессмысленно...»¹⁷⁰ Авантюризм и даже преступность замысла вооруженного восстания были очевидны.

Выступили против лишь Зиновьев и Каменев, считавшие, что большевиков не поддержит провинция, а при поддержке Учредительного собрания можно добиться большего и законно, нежели военным переворотом. Они предлагали сосредоточить все силы на подготовке второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, назначенного ЦИК на 20 октября, который и должен был решить вопрос о власти. «Там же, — вспоминал Каменев, — была выбрана пятерка, которой было поручено политическое руководство начавшейся борьбой. В эту пятерку вошли: Ленин, Троцкий, Сталин, Дзержинский и я»¹⁷¹.

Ленин сумел убедить, что немедленный мир и передача земли крестьянам обеспечат победу восстания и устранят все прегрешения. 10 человек согласились с предложением своего вожака начать подготовку восстания и осуществить его в ближайшее время. В резолюции от имени всего ЦК (21 член) явное меньшинство (10 членов) предлагало «всем организациям партии» признать, «что вооруженное восстание неизбежно и вполне созрело... руководствоваться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы...»¹⁷².

10 октября на заседании 12 членов ЦК РСДРП(б) было образовано Политбюро для руководства политическими действиями партии. В него вошли Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов. Однако оно так и ни разу не собралось.

Решение ЦК было сообщено утром 11 октября делегатам съезда Советов Северной области. Однако, несмотря на преобладание на съезде большевиков, оно было встречено разумно умеренно. Лидеры Военной организации настояли на двухнедельной подготовке восстания. По воспоминаниям Невского, приходилось «обливать холодной водой всех тех пылких товарищей, которые рвались в бой, не имея представления о трудностях выступления»¹⁷³. 13 октября была принята довольно сдержанная резолюция, которая приурочивала создание советского правительства к открытию Всероссийского съезда Советов.

15 октября на заседании Петроградского комитета большевиков лишь восемь из девятнадцати заявили о боевом настроении и готовности выступить в любой момент. Шесть представителей районов сообщили о выжидательно-безразличном настроении, а пятеро заявили о нежелании масс идти на вооруженное восстание. И, несмотря на то что предложение Бубнова о мерах по реализации решения ЦК от 10 октября было поддержано большинством, складывалось впечатление, что Петроград к вооруженному восстанию не готов. Еще меньше революционной боевитости было у жителей Москвы и тем более провинции.

По настоянию Ленина 16 октября состоялось расширенное заседание ЦК РСДРП(б) с участием представителей Петросовета и комитета, Военной организации, профсоюзов и фабзавкомов, железнодорожников и окружного комитета РСДРП(б). Ленин выступал трижды, убеждая в необходимости вооруженного восстания. Его поддержали Свердлов, Сталин, Скрыпник, Сокольников, Дзержинский. Реакцию участников можно представить по отрывочным фразам, сохранившимся в рабочих записях Ленина: «Мы не сумеем победить — вот главный вывод из всех речей», «Зиновьев: усталость у масс несомненна», «Власть Советов заменил ЦК РСДРП», «Ногин: политическими средствами надо искать выход, а не военными»¹⁷⁴.

Спорили по докладу Ленина всю ночь. Принципиально нового сказано не было, но выкристаллизовались три группы: Ленин, исступленно требовавший начала воору-

женного восстания до съезда Советов; члены ЦК, считавшие, что только съезд может дать мандат на захват власти; и третье мнение имели Зиновьев и Каменев. На голосование были поставлены резолюции — Ленина и Зиновьева. В ленинской подтверждались решения 10 октября с условием, что «благоприятный момент и целесообразные способы наступления» будут определены ЦК и большевистским руководством Петросовета.

Предложение Зиновьева, состоявшее в том, что, «не откладывая разведочных подготовительных шагов», не допускать никаких выступлений до совещания с большевиками — делегатами съезда Советов, было отвергнуто.

За резолюцию Ленина было подано 19 голосов, против 2 и 4 воздержавшихся. Для партийного руководства восстанием был образован Военно-революционный центр, в который вошли Бубнов, Дзержинский, Свердлов, Сталин, Урицкий.

Таким образом, подавляющее большинство руководства партии считало приоритетным указание ЦК, а не мнение партийного актива. Политические средства решения проблемы были отброшены окончательно. Большевики становились на путь вооруженного разбоя.

Стремясь расширить социально-политическую опору восстания, большевики вводят представителей своего Военно-революционного центра в состав Военно-революционного комитета Петроградского Совета, образованного 12 октября для организации защиты от возможного немецкого наступления. В него входили около 80 человек, представлявших ЦК и ПК РСДРП(б), Петросовет, военные организации, профсоюзы, фабзавкомы, Петросовет крестьянских депутатов, Красную гвардию и другие организации: 53 большевика, 21 левый эсер, 4 анархиста. Большевики и правые эсеры отказались войти в ВРК. Председателем ВРК был избран левый эсер Павел Лазимир. Произошло острое столкновение с правыми эсерами и меньшевиками, усматривающими в действиях большевиков создание штаба для захвата власти. Председатель Петросовета Троцкий заявил, что большевики не делают

из этого тайны, так как нужно взять власть из рук безответственных деятелей. Таким образом большевистские руководители отчасти легализовывали свои узкопартийные намерения по захвату власти.

По поводу восстания выступил в газете «Новая жизнь» 18 октября Л.Б. Каменев, хотя и утверждая, «что мне не известны какие-либо решения нашей партии, заключающие в себе назначение на тот или другой день какого-либо выступления. Подобных решений партии не существует... Не только я и тов. Зиновьев, но и ряд товарищей практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов было бы недопустимым, губительным для пролетариата и революции шагом».

Итак, мы видим, что Каменев не выдает решение партии о вооруженном восстании, хотя оно состоялось еще на VI съезде РСДРП(б). Он даже пытается уверить общественность, что «подобных решений партии не существует». Вместе с тем и не отходит от генеральной линии большевиков, считая: «Восстание против власти, губящей страну, — неотъемлемое право трудящихся масс и в известные моменты священный долг тех партий, которым массы доверяют». Каменев не побоялся высказать свое мнение публично, хотя и не очень обоснованно и явно.

Реакция Ленина была молниеносной. Из подполья Ленин посылает «Письмо к членам партии большевиков» и «Письмо в Центральный Комитет РСДРП(б)», в которых подвергает резкой критике своих оппонентов, «ибо молчать перед фактом такого штрейкбрехерства было бы преступлением... Я говорю прямо, товарищами их обоих больше не считаю и всеми силами и перед ЦК, и перед съездом буду бороться за исключение обоих из партии...»¹⁷⁵.

«Увертка Каменева просто жульничество. То же самое надо сказать про увертку Зиновьева...»

Каменев и Зиновьев выдали Родзянко и Керенскому решение ЦК своей партии о вооруженном восстании и о

сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания»¹⁷⁶.

Троцкий, который почти всегда противостоял Каменеву (хотя они и были родственниками по линии жен), поддержал Ленина. Однако большинство членов ЦК заняли более умеренную позицию. Сталин предложил ограничиться порицанием Каменева и Зиновьева, если они пообещают в дальнейшем никогда не выдавать секретов партии.

Таким образом, руководство партии, претендовавшее на политический плюрализм и открытость своих действий, еще раз подтверждало на практике свою заговорщицкую сущность.

20 октября состоялось заседание ВРК, который принял решение направить в воинские части, на крупнейшие предприятия и важнейшие объекты своих комиссаров для установления жесткого контроля над их деятельностью. Штаб Петроградского военного округа не признал комиссаров ВРК, что приводило к обострению противостояния Временного правительства и Петросовета, который объявил распоряжения по гарнизону, не подписанные ВРК, недействительными¹⁷⁷.

Таким образом, взяв на себя фактически руководство столицей и войсками Петроградского военного округа, ВРК поставил себя вне закона, претендуя на всю полноту власти.

Военный министр Временного правительства генерал-майор А.И. Верховский, выступая на заседании комиссии по обороне и иностранным делам Предпарламента, 20 октября заявил: «Большевики продолжают разлагать наши боевые силы... Если до сих пор большевики не выступили для захвата власти, то потому, что представители фронта пригрозили им усмирением... Но кто поручится, — предупреждал Верховский, — что через пять дней эта угроза сохранит свою силу и большевики не выступят?» Нельзя забывать и того, что мирная пропаганда усиленно поддерживалась Германией. Министру достоверно было

известно, что две выходящие газеты получали средства от неприятеля.

«Единственная возможность бороться со всеми этими тлетворными и разлагающими явлениями — это вырвать у них почву из-под ног, другими словами, самым немедленно возбудить вопрос о заключении мира...»¹⁷⁸

В поздних воспоминаниях Керенского говорится о том, что его правительство настойчиво искало выход из войны. «К 15 ноября предполагалось заключить сепаратный мир России с Турцией и Болгарией. Вдруг совершенно неожиданно, — писал Керенский, — где-то 20 октября мы получили секретное послание от министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Чернина. В письме, которое пришло к нам через Швецию, говорилось, что Австро-Венгрия втайне от Германии готова подписать с нами мир. Предполагалось, что представители Вены прибудут на конференцию о целях войны, которая должна была открыться в Париже 3 ноября». Керенский считал, что это стало известно немцам, которые стремились «помешать Австрии выйти из войны», а Ленин торопился захватить власть «до того, как правительство сможет разыграть эту козырную карту, лишив его тем самым всех шансов на захват власти»¹⁷⁹.

22 октября, в воскресенье, по случаю 105-й годовщины со дня изгнания наполеоновских войск из Москвы, Петросовет организовал массовые митинги, на которых выступили наиболее популярные ораторы большевиков, в том числе Троцкий, Каменев, Володарский, Коллонтай, Крыленко, Лашевич, Раскольников и др.

Типичную митинговую атмосферу того времени можно представить по выступлению Троцкого в Народном доме на правом берегу Невы. Громадной массе рабочих, солдат, городских обывателей Троцкий не сказал ничего нового из того, что не раз говорили большевики. Эмоционально утверждая, что Петроград находится на грани сдачи немцам, он подчеркнул, что сами рабочие и солдаты должны взять на себя ответственность за защиту столицы. Революционный пожар, разожженный большевиками, убеж-

дал он, будет настолько сильным, что охватит не только Россию, но и весь мир. Взяв власть в свои руки, обещал председатель Петросовета, Советы прежде всего дадут мир, отменяют частную собственность, конфискуют зерно, припрятанное помещиками, излишки денег, одежды и обуви у буржуазии, раздадут землю крестьянам.

Троцкий отлично понимал, как восприимчива и возбудима толпа к обещаниям элементарных человеческих благ, а предложения о равноправии и всеобщей дележке гипнотизировали людей. После того как Троцкий призвал дать клятву поддержать Петросовет, когда он перейдет от слов к делу, вся масса людей подняла руки и закричала: «Клянемся!»¹⁸⁰

Участник митинга Н.Н. Суханов вспоминал: «Вокруг меня было настроение, близкое к экстазу, казалось, толпа запоет сейчас без всякого стовора и указания какой-нибудь религиозный гимн... Троцкий формулировал какую-то общую краткую резолюцию... Кто за? Тысячная толпа, как один человек, подняла руки... Троцкий продолжал говорить. Несметная толпа продолжала держать руки. Троцкий чеканил слова: «Это ваше голосование пусть будет вашей клятвой всеми силами, любыми средствами поддержать Совет, взявший на себя великое бремя довести до конца победу революции и дать землю, хлеб и мир!»

Несметная толпа держала руки. Она согласна. Она клянется...»¹⁸¹

Люди не только клялись, но и передавали конкретную власть большевикам. На сторону ВРК перешли гарнизон стратегически важной Петропавловской крепости и Кронверкский арсенал с оружием и боеприпасами. На пленарном заседании Петроградского Совета 23 октября Антонов-Овсеенко оправдывал действия ВРК необходимостью защиты революции, созыва съезда Советов и Учредительного собрания. Большинство депутатов одобрило шаги ВРК.

Вечером 23 октября на заседании Временного правительства Керенский потребовал от министров объявить

ВРК «незаконной организацией», подлежащей судебному преследованию. В ночь с 23 на 24 октября было решено закрыть большевистские газеты, подтянуть к Петрограду надежные воинские части, отключить телефоны Смольного института и арестовать Военно-революционный комитет, если тот не откажется от своих действий по захвату власти. Министр юстиции П.Н. Малянтович заявил, что он «незамедлительно предложит прокурорскому надзору начать судебное преследование против членов Военно-революционного комитета», но арестовывать весь его состав считал «нецелесообразным». Было решено принять самые энергичные меры к подавлению вооруженного восстания, привлечь к ответственности ВРК за распоряжение о невыполнении приказов штаба Петроградского военного округа¹⁸². Одни из министров рекомендовали Керенскому заручиться поддержкой Предпарламента, выступив на его заседании с разъяснением позиций Временного правительства, другие настаивали на немедленных и решительных действиях. Из пригородов Петрограда стали стягиваться в столицу юнкера и части женского батальона. Еще 23 октября инспектор Петроградской городской милиции разослал «весьма секретный» приказ: «...прошу усилить бдительность сегодня и особенно ночью»¹⁸³.

В ночь на 24 октября не спали и руководители ВРК, и редакции большевистских газет. Готовились решающие шаги по захвату власти. Важнейшим должен был стать призыв ВРК, опубликованный в утреннем номере газеты «Рабочий путь», во всю первую полосу которого был дан аншлаг: «Что нужно рабочим, крестьянам и солдатам и всей городской и деревенской бедноте? Нам нужно кончить грабительскую войну, предложив демократический мир! Нам нужно отменить помещичьи права на землю и передать всю землю без выкупа крестьянским комитетам! Нам нужно уничтожить голод, разруху и поставить рабочий контроль над производством и распределением! Нам нужно дать всем народам России право свободного устройства своей жизни. Но для того, чтобы осуществить все это, необходимо прежде всего вырвать власть у кор-

ниловцев и передать ее Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поэтому наше первое требование: вся власть Советам!»¹⁸⁴

Это была четкая директива по свержению законного правительства, а посему публикация ее являлась преступлением.

Столь «откровенной» была и передовая статья газеты, написанная Сталиным под заголовком «Что нам нужно?». Утверждая, что в феврале 1917 г. рабочие и солдаты свергли царя, а власть в результате измены эсеров и меньшевиков не досталась народу, автор призывал: «Эту ошибку нужно исправить теперь же. Настал момент, когда дальнейшее промедление грозит гибелью всему делу революции.

Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян»¹⁸⁵.

Прямого призыва к вооруженному восстанию в статье нет. Четко выполнялось требование Ленина, соблюдавшего иногда юридические тонкости, — в публичных выступлениях не раскрывать тайны решенного восстания.

«Соберите все свои силы, встаньте все поголовно, как один человек, — призывал член ЦК большевиков И. Сталин, — устраивайте собрания, выбирайте делегации и изложите свои требования через них съезду Советов, который открывается завтра в Смольном»¹⁸⁶.

В 5 час. 30 мин. утра 24 октября типография газеты «Рабочий путь» была закрыта отрядом милиционеров и юнкеров, но к 8 час. по решению ВРК полурота солдат Литовского полка под командованием П. Дашкевича обеспечила дневной выход газеты¹⁸⁷.

Таким образом, действия ВРК явились не просто актом неповиновения властям, а открытым вооруженным сопротивлением, т.е. еще один факт восстания был явным.

На рассвете 24 октября в большевистское издательство «Прибой», где ночевали делегаты-большевики, в том числе Ломов и Рыков, позвонил Троцкий и, взволнован-

но сообщив: «Керенский выступил...» — приказал: «Все в Смольный»¹⁸⁸.

Срочно было собрано чрезвычайное заседание ЦК большевиков. Было решено ни одному члену ЦК из Смольного не уходить. Петербургскому комитету предложили установить постоянное дежурство в Смольном и в помещении ПК. Заслушав сообщение ВРК о последних событиях, ЦК постановил распределить обязанности его членов по руководству отдельными участками восстания. Я.М. Свердлову поручалось наблюдать за действиями Временного правительства, А.С. Бубнову — контроль за железными дорогами, Ф.Э. Дзержинскому поручался захват почты и телеграфа, В.П. Милютин должен был организовать продовольственное снабжение, А. Ломову и В.П. Ногину поручалось информировать Москву обо всем происходящем и выехать туда. Решено было вступить в переговоры с левыми эсерами о совместных действиях. В связи с опасностью нападения на Смольный войск, верных Временному правительству, решено было создать запасной штаб по руководству восстанием в Петропавловской крепости. Ответственность за данное решение возлагалась на Я.М. Свердлова, М.М. Лашевича и Г.И. Благоданова¹⁸⁹. Решения ЦК большевиков были доведены до руководства ВРК с целью их выполнения.

В 9 часов утра 24 октября ВРК начал рассылать полковым комитетам, комиссарам воинских частей гарнизона и экипажей судов Балтийского флота, на военные объекты Петрограда «Предписание № 1». В нем говорилось: «Петроградскому Совету грозит прямая опасность. Ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и «ударные батальоны» в Петроград. Газеты «Солдат» и «Рабочий путь» закрыты. Предписывается привести полк в боевую готовность. Ждите дальнейшего распоряжения.

Всякое промедление и замешательство будет рассматриваться как измена революции. Выслать двух представителей на делегатское собрание в Смольный»¹⁹⁰.

Таким образом, большевики открыто и конкретно заявили о решающих шагах вооруженного восстания, нагнетая обстановку явной ложью (газету «Солдат» никто не закрывал) и изменой воинской присяге, называя действия законного правительства «контрреволюционными».

Пытаясь придать санкциям своего правительства демократическую поддержку, Керенский прибыл в Предпарламент с требованием одобрить решения Временного правительства и дать санкции войскам по наведению законного порядка в столице, по ликвидации начавшегося уже восстания, руководимого большевиками. «Имея на руках эти документальные подтверждения начинающегося восстания, я, — вспоминал А.Ф. Керенский, — в 11 утра 24 октября отправился на заседание Совета Российской Республики и попросил председательствующего Авксентьева немедленно предоставить мне слово».

Прочитировав «Предписание № 1» ВРК, Керенский сделал вывод: «Таким образом, в столице в настоящее время существует состояние, которое на языке судейской власти и закона именуется состоянием восстания. В действительности, — подчеркнул министр-председатель правительства, — это есть попытка поднять чернь против существующего порядка и сорвать Учредительное собрание и раскрыть фронт перед сплоченными полками железного кулака Вильгельма!» (Возглас в центре: «Правильно!» Слева шум и возгласы: «Довольно!»)

«Я говорю, — утверждал Керенский, — с совершенным сознанием: чернь, — потому что вся сознательная демократия и ее Центральный исполнительный комитет, все армейские организации, все, чем гордится и должна гордиться свободная Россия, разум, совесть и честь великой русской демократии протестуют против этого. *(Бурные аплодисменты на всех скамьях, за исключением тех, где находятся меньшевики-интернационалисты...)*

...Я прошу от имени страны, да простит мне Временный Совет Республики, — требую, чтобы сегодня же в этом заседании Временное правительство получило от вас

ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания.

Твердо убежденный в том, что Совет поддержит мои требования, я, — писал Керенский, — возвратился в штаб Петроградского военного округа... Однако день кончился, а ответа все не было»¹⁹¹.

Большевики также искали демократическую опору своим действиям, рассчитывая на второй Всероссийский съезд Советов, перенесенный с 20 на 25 октября.

Таким образом, противостояние сторон достигло крайнего предела. В то же время наблюдалась и крайняя нерешительность. Керенский приказывал, но медлил, неуверенный в своих силах и успехе действий командующего Петроградским военным округом полковника Полковникова, а может быть, просто не хотел крови, как и в конце августа, не поддержав Корнилова.

Ленин негодовал. Вечером 24 октября он писал из подполья членам ЦК: «Изо всех сил убеждая товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс... Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров, и т.д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!

...ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно»¹⁹².

Член Государственной думы, колебавшийся между меньшевиками и большевиками, А. Луначарский утром 25 октября писал жене в Швейцарию: «...для меня ясно, что вне перехода власти к Советам нет спасения для России. Правда, есть еще один выход — чисто демократическая коалиция, т.е. фронт: Ленин — Мартов — Чернов —

Дан — Верховский. Но для этого нужно со всех сторон столько доброй воли и политической мудрости, что это, по-видимому, утопия... Ждать недолго. Сегодня-завтра все должно решиться по трем точкам: 1) либо Временное правительство победит целиком, тогда реакция может быть медленная, но верная, 2) либо Петроградский Совет победит целиком. Тогда ряд спасательных революционных мер, но какая тяжесть ответственности, какие чудовищные трудности... 3) либо третья линия: демократическая власть без цензовых элементов... Это лучший исход... Странные, странные времена, на кончике остря. Много страданий, волнений, может быть, преждевременной гибелью они грозят нам...»¹⁹³

И все же реальная сила и фактическая власть была у Предпарламента, эсеро-меньшевистское руководство которого оказалось перед трагическим выбором: одобрение решений Временного правительства означало вооруженное подавление большевиков; отказ в доверии Керенскому означал не только правительственный кризис, но и еще больший беспорядок. Эсеро-меньшевистский блок попытался перевести борьбу против большевиков из методов военных, вооруженных, насильственных в методы мирные, политические. Исполняющий обязанности председателя ВЦИК меньшевик Ф. Дан, осудив большевиков, предложил, что для победы над ними необходимо правительству заявить о твердой защите интересов масс. Лидер меньшевиков-интернационалистов Л. Мартов заявил, что Временное правительство не может рассчитывать на поддержку, если не реализует основных требований народа: немедленный мир, земельная реформа, демократизация армии.

На голосование было поставлено три проекта резолюции: кадетов и кооператоров, казачьей фракции и меньшевистско-эсеровской. Две первые были близки: они обещали поддержку правительству, требуя «на этот раз никакого послабления большевикам...». Меньшевистско-эсеровская резолюция, также критиковавшая Временное правительство, отмечала, что почва для недовольства и

выступления масс создана в основном промедлением неотложных мер, провозглашением радикальной программы «земли и мира». В ней предлагалось создать для борьбы с анархией и беспорядками Комитет общественного спасения, который состоял бы из представителей городского самоуправления и Советов, действовавших в контакте с правительством.

24 октября в 20 часов 30 минут незначительным большинством (123 — за, 102 — против при 26 воздержавшихся) была принята резолюция левых фракций¹⁹⁴.

Таким образом, «на ультиматум» Керенского выдвигались жесткие требования, фактически идентичные большевистским лозунгам, что, по мнению левых, должно было успокоить массы и позволить правительству перехватить политическую инициативу у большевиков, «в этом случае можно будет надеяться на быстрое падение влияния большевистской пропаганды». Военному диктату Керенского была противопоставлена миротворческая резолюция эсеров и меньшевиков.

Председатель Предпарламента эсер Н. Авксентьев, лидер меньшевистского центра Ф. Дан и один из лидеров эсеров А. Гоц вечером 24 октября прибыли в Зимний дворец для разъяснения условий поддержки правительства. Но Керенский с раздражением заявил, что в «наставлениях и указаниях не нуждается», что пришла пора не разговаривать, а действовать и что правительство «будет действовать само и само справится с восстанием»¹⁹⁵.

Выступая на заседании ВЦИК и ЦИК Советов крестьянских депутатов ночью 24 октября, Ф. Дан подчеркнул: «Вооруженные столкновения... означают не торжество революции, а торжество контрреволюции, которая сметет в недалеком будущем не только большевиков, но и все социалистические партии...»¹⁹⁶

Особо энергичными были действия левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов за создание съездом Советов полностью социалистического коалиционного правительства. В политической резолюции фракции меньшевиков для представления съезду говорилось, что

новое правительство должно быть «однородным» и «демократическим». Наряду с осуждением действий большевиков подчеркивалось и несогласие с бездействием правительства Керенского. В то же время заявлялось, что необходимо дать «твердый отпор» попыткам правительства подавить действия большевиков военной силой¹⁹⁷.

Пока Керенский искал верные правительству силы и одобрение Предпарламента, большевики действовали более решительно, особенно после прибытия в Смольный Ленина поздно вечером 24 октября. Ночью на заседании ЦК он поставил вопрос о создании советского правительства, которое должно было сформироваться на съезде Советов.

Идею назвать новых министров народными комиссарами, по воспоминанию Суханова, выдвинул Троцкий. Само правительство, по предложению Каменева, решили именовать Советом Народных Комиссаров¹⁹⁸. Однако захват власти еще продолжался.

К 2 часам ночи под контроль ВРК фактически перешла власть в Петрограде. Был занят Главный телеграф, соединены мосты, разведенные ранее юнкерами, заняты Николаевский и Балтийский вокзалы, Центральная электростанция. Утром был захвачен Государственный банк, Центральная телеграфная станция. Телефоны Временного правительства были отключены. Н.И. Подвойский вспоминал: «К утру исход восстания был уже решен. Все ключевые пункты были в руках восставшего пролетариата. Временное правительство было блокировано в Зимнем дворце, лишено власти, осталось почти без сил...»¹⁹⁹

Керенский передал председательство Коновалову и выехал в ставку Северного флота за подмогой. В Неву вошла «Аврора». В 10 часов ВРК выступил с обращением, написанным Лениным, «К гражданам России».

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»²⁰⁰

В 10 часов 15 минут утра 25 октября Полковников сообщил главнокомандующему Северного фронта генералу Черемисову: «Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступили. Сознавая всю ответственность перед страной, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть, причем нет никаких гарантий, что не будут сделаны попытки к захвату Временного правительства»²⁰¹. Командующий Петроградским военным округом оказался прав. В 13 часов был занят Мариинский дворец и распущен Предпарламент.

В 14 часов 35 минут в актовом зале Смольного открылось заседание Петроградского Совета. Под гром оваций Троцкий доложил о результатах восстания. С еще большим воодушевлением был встречен Ленин, который заявил: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась... Значение этого переворота состоит в том, что у нас будет Советское правительство, — заверял Ленин, — наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создадут власть...

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма»²⁰².

Ленин и здесь выдавал желаемое за действительное, ибо вооруженный переворот большевистского руководства ВРК и Петросовета еще даже не означал его пол-

ной победы. Временное правительство еще не было арестовано. Но главное для Ленина было все же не в этом. Главное, нужно было увлечь массы, пообещав им, что они «сами создадут власть». Последствия были непредсказуемы, ибо, по заявлению Зиновьева, выразившего уверенность в победе восстания, «...надежды на мирный исход кризиса изжиты. Последние надежды, которых, каюсь, до самых последних дней был не чужд и пишуший эти строки, разбиты жизнью»²⁰³.

По мнению одного из «миротворцев», Ф. Дана, без Ленина победа восстания была бы невозможна, как невозможно было бы и само восстание. Так считал и Л. Троцкий — фактический мотор восстания. Он писал, что без него восстание все равно бы произошло, без Ленина — нет. Ленин был не только идейным вдохновителем вооруженного восстания, но и его толкачом.

До настоящего времени ведутся дискуссии, как оценивать события, происшедшие в октябре 1917 г. в России. Не вдаваясь в подробности спора, представим точку зрения еще одного из авторитетных участников — Сталина: «...25 октября (или 7 ноября по новому стилю) 1917 года, — говорил он в 1920 г., — маленькая кучка большевиков, деятелей Петроградского Совета, собралась и решила окружить дворец Керенского, взять его войска, уже разложившиеся, в плен и передать власть собравшемуся тогда 2-му съезду Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

В тот момент многие на нас смотрели в лучшем случае как на чудаков, в худшем — как на «агентов германского империализма»²⁰⁴.

Это мнение наиболее объективно, ибо оно исходило из уст ленинского соратника, к тому же оно было высказано после трехлетнего раздумья.

В 19 часов Временному правительству был предъявлен ультиматум. В 21 час 40 минут прогремел холостой выстрел полуденной пушки Петропавловской крепости, а затем тоже холостой с «Авроры», но штурмовать Зимний дворец осадившие его не торопились.

В 22 часа 40 минут 25 октября 1917 года, когда еще продолжался захват власти и готовился штурм Зимнего дворца, в Смольном открылся 2-й Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Из прибывших 649 делегатов было 390 большевиков, 160 эсеров, 72 меньшевика и 27 представителей других партий и групп. Большевики составляли 60% делегатов съезда, хотя в июне 1917 г. на 1-м Всероссийском съезде Советов из 800 делегатов 600 были меньшевиками и эсерами. Так изменилась партийная ситуация за четыре месяца, так возрос авторитет большевиков, хотя их политическая неустойчивость еще сохранялась.

На съезде присутствовали делегаты Советов основных промышленных центров, армейских частей и флотских экипажей, представлявших 402 Совета. Вместе с тем нельзя согласиться с единым выводом советских историков, выраженным академиком И.И. Минцем: «Представляя народные массы и опираясь на победоносное восстание рабочих, солдат и матросов, съезд обладал всеми полномочиями на то, чтобы учредить новый государственный строй в интересах трудящихся»²⁰⁵.

По соглашению крупнейших партийных фракций (515 делегатов), президиум съезда должен был состоять из пропорциональной основы делегаций: 14 большевиков, 7 эсеров, 3 меньшевиков, 1 меньшевика-интернационалиста. От фракции большевиков член ВРК В.А. Аванесов (С.К. Мартиросов) предложил избрать в президиум В.И. Ленина, Г.Е. Зиновьева, Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, Э.М. Склянского, В.П. Ногина, Н.В. Крыленко, А.М. Коллонтай, А.И. Рыкова, В.А. Антонова-Овсеенко, Д.Б. Рязанова, М.К. Муранова, А.В. Луначарского, П.И. Стучку; от левых эсеров были выдвинуты Б.Д. Камков, М.А. Спиридонова, И.К. Каховская, С.Д. Мстиславский, Г.А. Зак, В.А. Карелин и М.А. Гутман. К съезду обратилась с просьбой о предоставлении одного места в президиуме фракция Украинской социалистической партии. Просьба была съездом удовлетворена. Представители правых эсеров — М.Я. Гендельман, меньшевиков — Л.М. Хинчук и

меньшевиков-интернационалистов заявили, что их фракции воздерживаются от участия в президиуме «впредь до выяснения некоторых вопросов».

«Мягкий» большевик Каменев предложил повестку дня заседания: вопрос об организации власти; вопрос о войне и мире; вопрос об Учредительном собрании. Секретарь ВЦСПС большевик Л.И. Лозовский (Дризо Соломон Абрамович) от имени всех фракций предлагает сначала заслушать и обсудить отчет Петроградского Совета, затем дать слово членам ЦИК и представителям партий, а затем лишь перейти к обсуждению повестки дня.

Со срочным заявлением на трибуну поднялся Л. Мартов, лидер меньшевиков-интернационалистов. Прежде чем решать вопрос о власти, говорил он, надо прекратить вооруженные действия с обеих сторон, ибо за ними неизбежна «грозная вспышка контрреволюции», только после этого путем переговоров можно будет приступить к созданию власти, «которая была бы признана всей демократией». Предложения Мартова поддержали левые эсеры, объединенные социал-демократы-интернационалисты и фронтовая группа.

Позицию большевиков изложил А.В. Луначарский, по характеристике Троцкого, самый «бархатный» из большевистских ораторов. Он заявил, что большевистская фракция не возражает против предложения Мартова.

Соответствовало ли это истине или это был тактический ход большевистского руководства, сидевшего в президиуме съезда? 27 октября в письме к жене Луначарский напишет: «Выходом была бы демократическая коалиция. Я, Зиновьев, Каменев, Рыков — за нее. Ленин, Троцкий — против. За нее «Новая жизнь», меньшевики-интернационалисты, но оборонцы — наши бешеные враги, думаю, что они так же мало способны пойти на компромисс, как наши левые большевики»²⁰⁶.

Как только предложение Мартова было принято, «слово попросил капитан Харраш, — свидетельствует Джон Рид. — «Политические лицемеры, возглавившие этот съезд, — страстно кричал он с места, — говорят нам, что

мы должны поставить вопрос о власти, а между тем этот вопрос уже поставлен за нашей спиной еще до открытия съезда! Расстреливается Зимний дворец, но удары, падающие на него, заколачивают гвозди в крышку гроба той политической партии, которая решилась на подобную авантюру!» Общее возмущение», — пишет Д. Рид.

«Пока, — продолжал Харраш, — здесь вносится предложение о мирном улаживании конфликта, на улицах Петрограда уже идет бой. Вызывается призрак гражданской войны. Меншевики и эсеры считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и собрать общественные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть»²⁰⁷.

Его поддержал меньшевик Г.Д. Кучин, заявив «от имени фронтовой группы», что съезд неправомочен, так как на нем «армия не имеет своего полного представительства»²⁰⁸. Далее, пишет Джон Рид, Кучин сказал: «...Я немедленно возвращаюсь на фронт, где все армейские комитеты твердо уверены, что захват власти Советами за три недели до открытия Учредительного собрания есть нож в спину армии и преступление перед народом!» Яростные крики: «Ложь! Лжете!» Снова слышен голос оратора: «Необходимо покончить с этой петроградской авантюрой! Во имя спасения родины и революции призываю всех делегатов покинуть этот зал!» Он сошел с трибуны. Рев возмущения»²⁰⁹, — писал Джон Рид.

Меншевик Л. Хинчук и правый эсер М. Гендельман официально заявили, что их фракции в знак протеста против заговора, который «ввергает страну в междоусобицу», «знаменует начало гражданской войны», покидают съезд.

Сходные заявления сделали члены Бунда Р. Абрамович и Г. Эрлих.

Большевистские делегаты были возмущены. «Мы должны взять власть в свои руки! — заявил от имени 2-го Латышского стрелкового полка К. Петерсон. — Пусть эти самозванные делегаты уходят! Армия не с ними!»

«Жители окопов ждут с нетерпением передачи власти в руки Советов»²¹⁰, — кричал Ф. Лукьянов.

Так, казалось бы, от достигнутого согласия социалистические партии перешли к противоборству.

«Мы сейчас идем туда, — объявил представитель Исполкома Совета крестьянских депутатов, — чтобы умереть вместе с теми, кто послан туда творить нашу волю». Группа правых эсеров, меньшевиков и бундовцев, примерно 50–70 делегатов, под негодующие крики: «Дезертиры! Предатели! Враги народа!»²¹¹ покинула зал.

Уходя со съезда, меньшевики и эсеры выражали не только свое возмущение, но и рассчитывали на неправомерность неполноценного съезда и, следовательно, на его незаконность. Но работа съезда продолжалась.

Мартов от имени оставшихся на съезде меньшевиков-интернационалистов предложил, в целях мирного разрешения кризиса власти, начать переговоры со «всеми социалистическими партиями, а впредь до выяснения результатов переговоров приостановить работу съезда»²¹².

Точно удар хлыста, прозвучала речь Троцкого, названного чуть позднее Лениным за непризнание соглашения с мелкобуржуазными партиями «лучшим большевиком», который безапелляционно заявил: «Восстание народных масс не нуждается в оправдании. То, что произошло, — это восстание, а не заговор... Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда?.. Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы банкроты, ваша роль сыграна, и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории!..»²¹³

Оскорбленный меньшевик-интернационалист Мартов, покидая съезд, промолвил большевистскому делегату от

Выборга И. Акулову: «Когда-нибудь вы поймете, в каком преступлении вы участвовали»²¹⁴.

Съезд принял внесенную большевиками резолюцию, гневно осуждавшую меньшевиков и эсеров, пытавшихся сорвать «полномочное всероссийское представительство рабочих и солдатских масс в тот момент, когда авангард этих масс с оружием в руках защищает съезд и революцию от натиска контрреволюции... Уход соглашателей не ослабляет Советы, — отмечалось в резолюции, — а усиливает их, так как очищает от контрреволюционных примесей рабочую и крестьянскую революцию»²¹⁵.

Делегаты, от Исполкома Совета крестьянских депутатов Е. Гуревич, от левых эсеров Б. Камков и др., пытались, уверяя в своей лояльности к большевикам и критикуя резкую позицию Троцкого, вернуть съезд к предложению Мартова²¹⁶, на что Луначарский ответил: «...мы все единодушно приняли предложение Мартова... Против нас повели форменную атаку, говорили о гробах, в которые нужно вколачивать гвозди, стали называть нас преступниками, авантюристами и т.д. Нам пытались восстание народных масс представить как хитро задуманный заговор, а затем последовал уход, сопровождавшийся целым рядом оскорбительных непарламентских выражений. Не выслушав нас, не обсудив ими же внесенное предложение... К тем, которые ушли уже давно, неприменимо название революционеров, — подчеркнул Луначарский, — они прекращают даже свою соглашательскую работу и открыто переходят в лагерь корниловцев. С ними нам разговаривать не о чем»²¹⁷.

Весьма не «бархатное» выступление Луначарского было констатацией того, что съезд продолжит свою работу, а то, что происходило, — это не заговор, а «восстание народных масс», которым руководят истинные революционеры, а не корниловцы. Луначарский ясно чувствовал настрой «лучших представителей народа» и не хотел быть выброшен «в сорную корзину истории».

Итак, определились позиции каждой партии, приславшей своих делегатов на Всероссийский съезд Советов.

Большевики, хотя и не без колебаний, стали твердо на путь вооруженного свержения Временного правительства. Эсеры и меньшевики раскололись окончательно: правые покинули съезд, левые эсеры и меньшевики-интернационалисты пытались создать единый демократический блок и однородное Советское правительство.

Вопрос о власти все же решался не на съезде Советов, а у Зимнего дворца, где продолжало заседать Временное правительство, и Ленин это прекрасно понимал, требуя от ВРК немедленного его штурма. «Он метался по маленькой комнате Смольного, как лев, запертый в клетку, — вспоминал Н. Подвойский. — Ему нужен был во что бы то ни стало Зимний: Зимний оставался последней заставой по пути к власти трудящихся. Владимир Ильич ругался... Кричал... Он готов был нас расстрелять»²¹⁸. Так впервые за невыполнение решений партии большевиков, приравненных ее лидером к военным приказам, вводилась самая жестокая кара — расстрел. Хотя арест Временного правительства не мог расцениваться как охрана порядка или оборона революции, что, по мнению большевиков, внушаемому своим союзникам — левым эсерам и общественности, являлось основной задачей ВРК²¹⁹. Ленин торопился потому, что в любой момент могли в город прибыть верные правительству войска, за которыми направился Керенский.

В 0 часов 50 минут 26 октября В.А. Антонов-Овсеенко и Г.И. Чудновский отдали приказ о занятии Зимнего. Антонов-Овсеенко вспоминал: «...вообще вся атака Дворца носила совершенно беспорядочный характер. Наконец, когда удалось выяснить, что юнкеров остается уже немного, мы с Чудновским повели атакующих внутрь Дворца. Юнкера при нашем входе сопротивления уже не оказывали, и мы свободно проникли в глубь Дворца в поисках Временного правительства»²²⁰. Было 2 часа ночи.

О своем незащищенном положении знало и Временное правительство из доклада генерала для поручений при Керенском Б.А. Левицкого утром 25 октября: «Части, находящиеся в Зимнем дворце, только формально охраня-

ют его, так как активно решили не выступать; в общем, впечатление, как будто Временное правительство находится в столице враждебного государства, закончившего мобилизацию, но не начавшего активных действий»²²¹. Да и некоторые из министров «подняли вопрос о «действительности» их полномочий» в обстоятельствах текущего момента... «Все от нас откололось. Не должны ли мы сдать власть?»²²² — говорили они.

Подробное и довольно эмоциональное описание состояния членов Временного правительства в Зимнем дворце оставил его министр юстиции П. Малянтович: «...в комнату влетел, как щепка, вброшенная к нам волной, маленький человечек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату, как вода, разлилась сразу же по всем углам и заполнила комнату...» Этим человечком был Антонов-Овсеенко. «Временное правительство здесь, — сказал Коновалов, продолжая сидеть. — Что вам угодно?» — «Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы», — ответил Антонов-Овсеенко, а Чудновский стал записывать фамилии присутствующих и составлять протокол. Членам ВРК удалось сдержать негодующих солдат и матросов от самосуда над членами бывшего правительственного кабинета.

13 арестованных министров под конвоем матросов и красногвардейцев направили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

Доктор И. Манухин — врач, прикомандированный к Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства и пользовавшийся еще арестованных царских министров, — оставил интересные воспоминания о положении своих новых, послеоктябрьских подопечных. «Солдаты охраны, — писал он, — ненавистью к ним не пылали, пищевой режим новая власть допускала сносный, встречи с родственниками были чаще и свободней». Постепенно многие из арестованных были переведены в больницу тюрьмы «Кресты», в частную лечебницу Герзони, откуда и вовсе освобождены «под залог»²²³. Некоторые эмигрировали, оставшиеся в Советской России С. Салазкин,

Н. Кишкин, С. Ольденбург, А. Зарудный, П. Малянтович и другие были в дальнейшем репрессированы.

В ответ на большевистский переворот в ночь на 26 октября в Петрограде был создан «Комитет спасения родины и революции». В «комитет», возглавляемый эсерами Н.Д. Авксентьевым — председатель, А.В. Гоцем, В.М. Зензиновым, В.М. Черновым, вошли представители Государственной думы, ВЦИК Советов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, Почтово-телеграфного союза, Центрофлота, Предпарламента, фракций социал-революционеров (эсеров) и социал-демократов (меньшевики), народных социалистов, группа «Единство», делегаты — меньшевики и эсеры, покинувшие 2-й Всероссийский съезд Советов и др.

В 3 часа 10 минут ночи 26 октября после перерыва Каменев сообщил делегатам съезда: «Получено сообщение, что главари контрреволюции, заседавшие в Зимнем дворце... захвачены Петроградским революционным гарнизоном». Слова председательствующего вызвали бурю оваций. Затем под крики и аплодисменты он зачитал список арестованных министров и, развивая триумф победы, заявил, что 3-й батальон самокатчиков, вызванный Керенским на защиту Временного правительства, перешел на сторону революции. «...Среди товарищей самокатчиков, — подчеркнул комиссар ВРК из Царскосельского гарнизона, — нет врагов Всероссийского съезда Советов», — что вызвало новую волну аплодисментов, — «они также стоят за власть Советов, за немедленную передачу земли крестьянам... и за введение рабочего контроля над производством». Затем выступил Николай Крыленко с известием о том, что на Северном фронте образован ВРК, который будет препятствовать движению воинских эшелонов на Петроград²²⁴.

В столь вихорливую атмосферу зала возвратились после фракционного совещания меньшевики-интернационалисты, представитель которых Капелинский вновь заговорил о компромиссно-мирном решении кризиса, который фактически уже был разрешен. И даже после того,

как Каменев предложил отложить обсуждение резолюции Троцкого, осуждающей меньшевиков и эсеров, давая понять, что не исключена возможность диалога с ними, меньшевики-интернационалисты покинули съезд. «Итак, дело было сделано, — вспоминал присутствовавший на съезде Н. Суханов. — Мы ушли неизвестно куда и зачем, разорвав с Советами, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции.

Борьба на съезде за единый демократический фронт могла иметь успех. Для большевиков как таковых, для Ленина и Троцкого она была более одиозна, чем всевозможные «комитеты спасения» и новый корниловский поход Керенского на Петроград. Исход «чистых» освободил большевиков от этой опасности. Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группой новожиизненцев, мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина...

Я лично, — признавался Суханов, — в революции совершал немало промахов и ошибок. Но самым большим и несмыслаемым преступлением я числю за собой тот факт, что я немедленно после получения вотума нашей фракции об уходе не порвал с группой Мартова и не остался на съезде...»²²⁵

Замечания Суханова более конкретны и самокритичны, но несколько преувеличивали роль ушедших со съезда меньшевиков и эсеров, которые вовсе не «обеспечили победу всей линии Ленина». Ленин лично осуществлял победу своей линии.

От имени фракции большевиков Луначарский огласил написанное Лениным воззвание «Рабочим, солдатам и крестьянам!», которое не только объявляло, что «съезд берет власть в свои руки», но и представляло короткую,

но емкую программу предстоящих действий: «Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов, отстоит права солдат, проведя полную демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в город и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение.

Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок...

Солдаты, окажите активное противодействие корниловцу Керенскому! Будьте настороже!

Железнодорожники, останавливайте все эшелоны, посылаемые Керенским на Петроград!

Солдаты, рабочие, служащие, — в ваших руках судьба революции и судьба демократического мира!

Да здравствует революция!»²²⁶

Выступление Луначарского прерывалось неоднократно громом аплодисментов. Воззвание поддержали левые эсеры, внося небольшую поправку. Представитель крошечной фракции меньшевиков — объединенных интернационалистов заявил о своей поддержке воззвания при условии немедленного создания правительства при участии самых широких слоев населения. Его предложение не было принято, и делегат заявил, что его сторонники при голосовании воздержатся. В 5 часов утра 26 октября обращение было принято абсолютным большинством голосов при 2 против и 12 воздержавшихся.

Итак, Ленин не просто выиграл, он одержал триумфальную победу, власть переходила к большевизированным Советам рабочих и солдатских депутатов с заручительством доверия делегатов от крестьянских Советов.

Опасаясь противоборства Керенского и его единомышленников, Ленин щедро пообещал «немедленно» разрешить все злободневные вопросы, терзавшие трудовую общественность России и ее национальных районов. Таким образом под лозунгом «Вся власть Советам!» большевики получили неограниченные полномочия.

Образно и точно определил состояние делегатов съезда, да и в общем народных масс, Н. Суханов: «Все эти известия очень укрепляют настроение. Масса чуть-чуть начинает входить во вкус переворота, а не только поддакивать вождям, теоретически им доверяя, но практически не входя в круг их идей и действий. Начинают чувствовать, что дело идет гладко и благополучно, что обещанные справа ужасы как будто оказываются не столь страшными и что вожди могут оказаться правы и во всем остальном. Может быть, и впрямь будет и мир, и хлеб, и земля...»²²⁷

Заседание съезда, закончившееся в шестом часу утра 26 октября, показало, что большинство собрания, оказавшись в политической изоляции, провозгласило свою власть, которую необходимо было оформить структурно, а главное, показать ее дальнейшие намерения. Для делегатов Всероссийского съезда наступил перерыв, а для обывателей России новая жизнь только начиналась.

«Воля народа» опубликовала приказ Керенского, подписанный им в Пскове: «Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели и требует напряжения всей воли, мужества и исполнения долга каждым для выхода из переживаемого Родиной нашей смертельного испытания...

...Приказываю всем начальникам и комиссарам во имя спасения родины сохранить свои посты, как и я сохраняю свой пост Верховного Главнокомандующего, впредь до изъяснения воли Временного правительства республики...»²²⁸

Реальную роль «Временного правительства республики» исполнял Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Во все

министерства были назначены временные комиссары: в Министерство иностранных дел Урицкий и Троцкий, в Министерство внутренних дел и юстиции — Рыков, в Министерство труда — Шляпников, в Министерство финансов — Менжинский, в Министерство социального обеспечения — Коллонтай, в Министерство торговли и путей сообщения — Рязанов, в Морское ведомство — матрос Корбир, в Министерство почт и телеграфов — Спиро, в Управление театров — Муравьев, в Управление государственных типографий — Дербышев, комиссаром Петрограда назначили лейтенанта Нестерова, комиссаром Северного фронта — Позерна²²⁹. Ключевые позиции занимали большевики.

Опасаясь «нейтральных» казаков, которых организовывал в поход на Петроград Керенский, в одной из прокламаций ВРК говорилось: «...Братья казаки! Не исполняйте ни одного приказа врагов народа!..

Присылайте в Петроград ваших делегатов для сговора с нами...

Братья казаки! Всероссийский съезд Советов протягивает вам братскую руку»²³⁰.

На воззвания и призывы большевиков ответила и противоположная сторона. В воззвании «Гражданам Российской республики» Комитета спасения родины и революции говорилось: «25 октября большевиками Петрограда вопреки воле революционного народа преступно арестована часть Вр. правительства, разогнан Временный Совет Российской республики и объявлена незаконная власть.

...Мятеж большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всем желанный мир.

Гражданская война, начатая большевиками, грозит свергнуть страну в неописуемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю.

Сохраняя преемственность единой государственной власти, Всероссийский комитет спасения родины и революции возьмет на себя инициативу воссоздания Времен-

ного правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет страну до Учредительного собрания и спасет ее от контрреволюции и анархии».

Далее шли призывы неповиновения «власти насильников» и «их распоряжениям»²³¹.

«Известия», в последний раз говорившие от имени старого ЦИК, грозили страшным возмездием... «А что касается съезда Советов, то мы утверждаем, что имело место лишь частное совещание большевистской фракции...»²³²

Но съезд Советов, хотя и значительно поредевший, открывал свое второе заседание вечером 26 октября. Вот как описывал это событие Джон Рид: «Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая коренастая фигура с большой лысиной и выпуклой, крепко посаженной головой. Маленькие глаза, крупный нос, широкий благородный рот, массивный подбородок, бритый, но уже с проступавшей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, несколько не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости ума»²³³. Теперь он стал олицетворением власти, которую ни с кем не хотел делить, весь день убеждая своих соратников, склонных к компромиссу по поводу создания общесоциалистического правительства.

Председательствующий Каменев объявил, что президиум съезда отдал распоряжения об отмене смертной казни, о немедленном освобождении всех арестованных

членов земельных комитетов и солдат, политических заключенных, немедленном аресте Керенского. Съезд покидают делегаты Бунда.

На повестке дня стояло три вопроса: о мире, о земле и о новом правительстве. Под гром оваций и необычайное ликование слово было предоставлено Ленину, который зачитал написанный им же декрет о мире, в котором предлагался «мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций». «Такой мир, — подчеркивал Ленин, — предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций»²³⁴.

Реакция зала была потрясающей. «Неожиданный и стихийный порыв поднял нас всех на ноги, — писал Джон Рид, — и наше единодушие вылилось в стройном звучании «Интернационала». Какой-то старый, седеющий солдат плакал, как ребенок. Александра Коллонтай потихоньку смахнула слезу. Могучий гимн заполнял зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо. «Конец войне! Конец войне!» — радостно улыбаясь, говорил мой сосед, молодой рабочий. А когда кончили петь «Интернационал» и мы стояли в каком-то неловком молчании, чей-то голос крикнул из задних рядов: «Товарищи, вспомним тех, кто погиб за свободу!» И мы запели похоронный марш, медленно и грустно, но победную песнь, глубоко русскую и бесконечно трогательную... Похоронный марш обнажает всю душу тех забитых масс, делегаты которых заседали в этом зале, строя из своих смутных прозрений новую Россию, а может быть, и нечто большее...»²³⁵

Принятием декрета о мире были продекларированы основные положения советской внешней политики, раскрыто понятие о силе государства. «По нашему представлению, — говорил Ленин, — государство сильно созна-

тельностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»²³⁶. Таким образом, массы должны были решить — продолжать «революционную войну» или принять тот мир, который предложат немцы.

«Напыщенный и возвышенный стиль декрета о мире, — вспоминал А.Ф. Керенский, — отражал пустую демагогию, рассчитанную на завоевание симпатий масс путем раздувания надежд на немедленный мир «между народами». Истинной цели этого декрета больше соответствовало замаскированное положение, которое включил в него Ленин, без сомнения, адресованное Берлину и находившееся в прямом противоречии с задачами декрета. «Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей стране и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира»²³⁷.

Не менее потрясающим был доклад Ленина о земле, который фактически был оглашением декрета, составленного им же на основании 242 местных крестьянских наказов. Обвиняя эсеров и меньшевиков в том, что они затягивали решение земельного вопроса «и тем самым привели страну к разрухе и крестьянскому восстанию», Ленин вместе с тем признавал, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. «Не все ли равно, кем он составлен, — подчеркивал Ленин, — но как демократическое правительство мы не можем обойти постановление народных низов, хотя бы мы с ним были не согласны». Прекрасно видя реакцию слушателей, большинство которых было «от земли», Ленин завершил свой доклад добродушными, обнадеживающими словами: «...пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь»²³⁸.

В 2 часа ночи декрет о земле был принят при 1 против и 8 воздержавшихся. «Крестьянские делегаты были

в неистовом восторге...»²³⁹ — отмечал Джон Рид. «Дневным грабежом» назвали эсеры поступок Ленина по поводу заимствования их аграрной программы. «Хорош марксист, — заметил один из них, — травивший нас 15 лет за нашу мелкобуржуазность и ненаучность с высоты своего величия и осуществивший нашу программу, едва захватив власть».

К сожалению, Ленин лишь принял, но не осуществил аграрную программу эсеров, ибо главное было добиться поддержки крестьян в борьбе за власть, а не крестьянское благополучие.

Декларативные заявления Ленина о мире и о земле закрепили фактически власть за большевиками. В 2 часа 30 минут 27 октября Каменев зачитал декрет об образовании правительства: «Образовать для управления страной впредь до созыва Учредительного собрания временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров».

«В зале тишина, — писал Джон Рид, — затем при чтении списка народных комиссаров взрывы аплодисментов после каждого имени, особенно Ленина и Троцкого»²⁴⁰.

Декретом съезда Советов были утверждены члены СНК: «Председатель Совета — Владимир Ульянов (Ленин); народный комиссар по внутренним делам — А.И. Рыков; земледелия — В.П. Милютин; труда — А.Г. Шляпников; по делам военным и морским — комитет в составе: В.А. Овсенко (Антонов), Н.В. Крыленко и П.Е. Дыбенко; по делам торговли и промышленности — В.П. Ногин; народного просвещения — А.В. Луначарский; финансов — И.И. Скворцов (Степанов); по делам иностранным — Л.Д. Бронштейн (Троцкий); юстиции — Г.И. Оппоков (Ломов); по делам продовольствия — И.А. Теодорович; почт и телеграфов — Н.П. Авилов (Глебов); председатель по делам национальностей — И.В. Джугашвили (Сталин)».

В новое правительство вошли одни большевики. «К участию в правительстве, — лукавил Ленин, — мы приглашали всех. Левые эсеры заявили, что они хотят поддерживать политику Советского правительства. О несогла-

сии с программой нового правительства они не решались даже заявить... мы хотели советского коалиционного правительства... они не хотели совместной работы...»²⁴¹

Таким образом, новое правительство проигнорировали все, даже Ленин «не хотел войти в правительство, — со слов Луначарского свидетельствовал Суханов. — Я, говорит, буду работать в ЦК партии... Но мы говорим — нет. Мы на это не согласились. Заставили его самого отвечать в первую голову...»²⁴², а не Троцкого, которого Ленин предлагал назначить председателем Совнаркома²⁴³.

Против предложенного состава правительства выступил меньшевик-интернационалист Авилов из редакции «Новой жизни», заявив, что большевистское правительство, оказавшись в изоляции, не справится с огромными трудностями, с которыми столкнулась страна: другие правительства не поддержат декрет о мире, зажиточное крестьянство не даст хлеба. Нужна коалиция всех демократических сил, констатировал Авилов.

Один из лидеров левых эсеров В. Карелин сказал, что они отказываются вступить в Совнарком только потому, чтобы сохранить возможность посредничества между большевиками и теми партиями, которые ушли со съезда. Идти по пути изоляции большевиков нельзя, уверял Карелин, «с судьбой большевиков связана судьба всей революции, их гибель будет гибелью революции».

На создании коалиционного правительства, ответственного перед «всей революционной демократией», настаивал и представитель Всероссийского исполкома профсоюза железнодорожников, ультимативно заявив: «Викжель берет в свои руки все управление российскими железными дорогами»²⁴⁴.

От имени большевиков политическим оппонентам ответил Троцкий: «Нам говорят, вы не подождали съезда с переворотом. Мы-то стали бы ждать, но Керенский не хотел ждать; контрреволюционеры не дремали. Мы как партия своей задачей считали создать реальную возможность для съезда Советов, взять власть в свои руки. Если бы съезд оказался окруженный юнкерами, каким путем

он мог бы взять власть?.. Мы съезду в целом предложили взять власть. Как нужно извратить перспективу, чтобы после всего, что произошло, говорить с этой трибуны о нашей непримиримости!» В заключение Троцкий безапелляционно и театрально заявил: «Когда партия, окутанная пороховым дымом, идет к ним и говорит: «Возьмем власть вместе!» — они бегут в городскую Думу и объединяются там с явными контрреволюционерами. Они — предатели революции, с которыми мы никогда не объединимся!»²⁴⁵

О каком «пороховом дыме» говорил Троцкий, когда просто туман большевистской пропаганды и агитации застлал умы уставшей от войны народной массы. Вопрос о власти большевики навязывали политическим оппонентам, а всех несогласных с ними они объявляли «предателями революции», «явными контрреволюционерами». Даже в явном меньшинстве и политической изоляции большевики претендовали на власть и истину своей идеологии.

Резолюция Авилова о коалиционном правительстве собрала 150 голосов, но была отклонена. Большевистский состав Совета Народных Комиссаров был утвержден большинством делегатов съезда, в котором семь наркомов являлись членами ЦК РСДРП(б).

Рано утром был избран Всероссийский Центральный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов в составе 101 человека: 62 большевика, 23 левых эсера, 6 меньшевиков-интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 эсер-максималист. Таким образом, в составе ВЦИК были представлены все партии, оставшиеся на съезде, с надеждой подвергать критике популистские действия большевистского СНК. Вместе с тем съезд постановил, что состав ВЦИК может быть пополнен представителями крестьянских Советов, армейских организаций и групп, а также ушедших со съезда депутатов. Председателем ВЦИК был избран большевик Л. Каменев.

В 5 часов 15 минут утра 27 октября второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов был объявлен закрытым. «Мы наш, мы новый мир по-

строим, — пели делегаты с реальной надеждой, — кто был никем, тот станет всем». Они разъезжались по всей России, увозя декреты-мечты, за реальное исполнение которых предстояло опять воевать.

Так было оформлено советское государственное руководство, к тому же большевистское большинство проголосовало за новую форму государственного управления — Социалистическую республику Советов рабочих и солдатских депутатов в виде диктатуры пролетариата, а фактически большевистской партии. И хотя съезд Советов рабочих и солдатских депутатов прошел не в полном своем составе, при явном большинстве большевиков, декреты, принятые на нем, стали началом социалистических преобразований и фактически началом социалистической революции.

«Октябрьская революция и роль в ней нашей партии, — заявит раскаявшийся «штрейкбрехер» Зиновьев после покушения на вождя большевиков, — есть на десять десятых дело рук тов. Ленина... не только своего главного политического вождя, практика, организатора, пламенного пропагандиста, певца и поэта, но и своего главного теоретика, своего Карла Маркса»²⁴⁶.

В дальнейшем о Ленине будут говорить соратники, до головокружения народа восхваляя его личность, превращая его в вождя всемирной революции, обоготворяя его. Хотя, по выражению Троцкого: «...похожего на крепкого, умного мужика». И все же главным критерием его сущности являлись не слова, а его дела.

Примечания

¹ Плеханов Г.В. Соч., т. II. М.—Л., 1925. С. 402.

² Там же.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19. С. 413.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1967. С. 180.

⁵ О В.И. Ульянове (Ленине) написано очень много, историографический анализ мог бы составить не одну диссертацию. Имеется даже биографическая хроника его жизни. В большинстве работ идеализируется образ Ленина, как и его дела. На наш взгляд, за-

служивает внимания и критичная литература о нем, до недавнего времени запрещенная для советского человека, но все же частично дошедшая до нас в период гласности. См.: *Поцелуев В.А.* И это все о них (Советские вожди в мемуарах). Библиография. 2000. № 6.

⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 125–346.

⁷ *Плеханов Г.В.* Соч., т. XIII. М.—Л., 1925. С. 90.

⁸ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1966. С. 43–45.

⁹ *Бакунин М.А.* Государственность и анархия. Собр. соч. и писем, т. 1. М., 1934. С. 45.

¹⁰ *Ленин В.И.* Что такое «дружья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч. Т. 1. С. 300.

¹¹ Там же. С. 309–310.

¹² *Струве П.Б.* Вехи. Вып. 1. М., 1909. С. 288.

¹³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 83.

¹⁴ Там же. С. 83–84.

¹⁵ Там же. С. 84–85.

¹⁶ Первый съезд РСДРП, март 1898 года. Документы и материалы. М., 1958. С. 80.

¹⁷ *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 466.

¹⁸ См. *Бразоль Б.Л.* Царствование императора Николая II 1894–1917 гг. в цифрах и фактах. Нью-Йорк, 1968.

¹⁹ *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 597–598.

²⁰ *Ленин В.И.* Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 216.

²¹ *Ленин В.И.* Наша программа. Там же. С. 182.

²² Там же. С. 184.

²³ *Ленин В.И.* Протест российских социал-демократов. Там же. С. 172.

²⁴ *Ленин В.И.* Насущные задачи нашего движения. Там же. С. 371–374.

²⁵ *Ленин В.И.* Что делать? Полн. собр. соч. Т. 6. С. 6.

²⁶ Там же. С. 7, 23, 43.

²⁷ Там же. С. 30.

²⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13. С. 7.

²⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 33, 57, 59.

³⁰ Там же. С. 73–74.

³¹ Там же. С. 75.

³² Там же. С. 90–91.

- ³³ Там же. С. 119.
- ³⁴ Там же. С. 131.
- ³⁵ Там же. С. 141.
- ³⁶ Там же. С. 171.
- ³⁷ Там же. С. 176.
- ³⁸ Плеханов Г.В. Соч., т. 13. М.—Л., 1926. С. 133–134.
- ³⁹ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 1. М., 1970. С. 62.
- ⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 202.
- ⁴¹ КПСС в резолюциях... М., 1995. Кн. 1. С. 62.
- ⁴² Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... М., 1995. Кн. 1. С. 62.
- ⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 36. С. 112.
- ⁴⁴ КПСС в резолюциях и решениях... М., 1954. Ч. 1. С. 62.
- ⁴⁵ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 6.
- ⁴⁶ КПСС в резолюциях и решениях... М., 1954. Ч. 1. С. 62.
- ⁴⁷ Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 188, 354–355.
- ⁴⁸ Там же. С. 248.
- ⁴⁹ Там же. С. 190.
- ⁵⁰ Там же. С. 244.
- ⁵¹ Там же. С. 403.
- ⁵² Там же, т. 9. С. 236.
- ⁵³ См. Плеханов Г.В. Рабочий класс и социально-демократическая интеллигенция. Соч., т. 13. М.—Л., 1926. С. 116–133, 134.
- ⁵⁴ Троцкий Л.Д. О партии 1904 г. М.—Л., 1928. С. 127.
- ⁵⁵ Луначарский А.В. Революционные силуэты. М., 1923. С. 12.
- ⁵⁶ Валентинов Н. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 56.
- ⁵⁷ Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 310–311.
- ⁵⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. Изд. 7. М., 1954. С. 77–78.
- ⁵⁹ Там же. С. 78.
- ⁶⁰ Там же. С. 79.
- ⁶¹ Исторический архив. 1965. № 77. С. 247.
- ⁶² Ленин В.И. Первая победа революции. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 27.
- ⁶³ Там же. С. 34–35.
- ⁶⁴ Ленин В.И. Наши задачи и Совет рабочих депутатов. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 70.
- ⁶⁵ Революция 1905–1907 гг. в России. // Документы и материалы. Под ред. А.М. Панкратовой. Т. 2. Кн. 1. М., 1961. С. 650.

⁶⁶ Ленин В.И. Уроки Московского восстания. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 371.

⁶⁷ Там же. С. 376.

⁶⁸ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 9.

⁶⁹ Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 325.

⁷⁰ Там же. С. 327.

⁷¹ Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографии. М., 1924 г. С. 61.

⁷² Ленин В.И. Ликвидация ликвидаторства. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 45.

⁷³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 18–19.

⁷⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 44.

⁷⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354.

⁷⁶ Там же. О карикатуре на марксизм, т. 30. С. 11.

⁷⁷ Там же. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову), т. 30. С. 72.

⁷⁸ Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 445.

⁷⁹ Цит. по кн.: Волкогонов Д. Ленин — политический портрет. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1994. С. 364–365.

⁸⁰ Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж. 1963. Кн. 1. С. 393; Станкевич В.Б. Воспоминания / Февральская революция. Мемуары. М.—Л., 1926. С. 405.

⁸¹ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев: Документ. Л., 1927. С. 199.

⁸² Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 386, 248.

⁸³ Шляпников А. Семнадцатый год. М.—Л., 1927. Кн. 1. С. 341.

⁸⁴ Цит. по кн.: Ненароков А. 1917. Великий Октябрь: документы, фотографии. М., 1977. С. 66.

⁸⁵ Суханов Н. Записки революционера. М., 1993. Кн. 1. С. 43.

⁸⁶ Цит. по кн.: Пятницкий Л.М. От Февраля до Октября 1917 года. М., 1994. С. 8.

⁸⁷ Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1962, № 3. С. 136.

⁸⁸ Там же. С. 141, 143.

⁸⁹ «Правда», 10 марта 1917 г.

⁹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 240.

⁹¹ Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП(б) (март 1917 г.). С. 143.

⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 423.

⁹³ Цит. по кн.: *Дробкина Ф.* Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 г. / *Вопросы истории*, 1956, № 9. С. 10. См. также: *Мартовское партийное совещание...* С. 232, 235–237, 248, 249.

⁹⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 120.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 500. Л. 43.

⁹⁶ РЦХИДНИ Ф. 362 (Мартов Ю.О.) Оп. 1. Д. 51. Л. 127.

⁹⁷ Там же. Л. 127–128.

⁹⁸ Там же. Л. 129.

⁹⁹ См. «Родина», 1990, № 4. С. 14.

¹⁰⁰ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 306.

¹⁰¹ Более подробно о противоборствующих силах «от февраля 1917 г. до весны 1918 г. через характеристику личностей и деятельности трех главных политических лидеров эпохи: В. Ленина, А. Керенского и Л. Корнилова» рассказано в книге *Иоффе Г.З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 238.

¹⁰² См. Архив русской революции. Изд. 2-е. Т. 1. С. 76.

¹⁰³ *Ленин В.И.* О задачах пролетариата в данной революции. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.

¹⁰⁴ Там же. Принципиальные положения по вопросу о войне. Т. 30. С. 213.

¹⁰⁵ См. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стеногр. отчет. М.—Л., 1930. С. 54–57; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 267.

¹⁰⁶ РЦХИДНИ. Ф. 362. (Ю.О. Мартов). Оп. 1. Д. 51. Л. 153–154.

¹⁰⁷ *Ленин В.И.* Как запугивают народ капиталисты? Полн. собр. соч. Т. 32. С. 121–122.

¹⁰⁸ *Ленин В.И.* Исчезло ли двоевластие? Полн. собр. соч. Т. 32. С. 129.

¹⁰⁹ Там же. Речь по аграрному вопросу 22 мая (4 июня) 1917 г. С. 182.

¹¹⁰ Там же. Речь о войне 9(22) июня. С. 286–287.

¹¹¹ Там же.

¹¹² *Ленин В.И.* Революция в России и задачи рабочих всех стран, т. 31. С. 67.

¹¹³ Там же. Запутавшиеся и запуганные. С. 321.

¹¹⁴ *Церетели И.Г.* Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1964. Кн. 2. С. 19.

¹¹⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 32. С. 331.

- ¹¹⁶ Ленин В.И. Противоречивая позиция. Там же. С. 339.
- ¹¹⁷ Там же. С. 340.
- ¹¹⁸ «Солдатская правда», 1917, 5 июля.
- ¹¹⁹ Миллюков П.Н. Воспоминания (1859–1919). Нью-Йорк, 1955. Т. II. С. 388.
- ¹²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 331.
- ¹²¹ Революция 1917 года. Рим, 1971. С. 312.
- ¹²² «Правда», 1917, 4 июля.
- ¹²³ РЦХИДНИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 12. С. 66–67.
- ¹²⁴ Каторга и ссылка. 1932, № 11–12. С. 28–30.
- ¹²⁵ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917 г., 22 июля.
- ¹²⁶ Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 58.
- ¹²⁷ Архив МБ. Н-15318. Д. 21790. Т. 1. Л. 281.
- ¹²⁸ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 237.
- ¹²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 433–434.
- ¹³⁰ Арутюнов А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992. С. 52.
- ¹³¹ Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч. Т. 11.
- ¹³² Ленин В.И. Политическое положение. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 2.
- ¹³³ Там же. С. 16.
- ¹³⁴ КПСС в резолюциях... М., 1970, т. 1. С. 489.
- ¹³⁵ Государственное совещание: Стенограф. отчет. М.—Л., 1930. С. 5, 15–16, 78–79.
- ¹³⁶ Там же. С. 16, 13, 15.
- ¹³⁷ Там же. С. 15.
- ¹³⁸ Миллюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921–1924. Т. 1, вып. 2. С. 127–128.
- ¹³⁹ Государственное совещание... С. 64–66.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 75.
- ¹⁴¹ Там же. С. 78–79.
- ¹⁴² Корниловские дни. Пг., 1917. С. 111.
- ¹⁴³ Там же. С. 146.
- ¹⁴⁴ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 39–40.
- ¹⁴⁵ Ленин В.И. Слухи о заговоре. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 75–76.
- ¹⁴⁶ Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 72.

- ¹⁴⁷ Ленин В.И. Слухи о заговоре. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 148.
- ¹⁴⁸ Ленин В.И. Большевики должны взять власть. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239–240.
- ¹⁴⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 120.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 240.
- ¹⁵¹ Ленин В.И. Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 342.
- ¹⁵² Там же. С. 343–344.
- ¹⁵³ Там же. С. 151–213.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 228.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 229.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 231.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 237.
- ¹⁵⁸ Ленин В.И. Кризис назрел. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 280.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 281.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 281–282.
- ¹⁶¹ Там же. С. 282.
- ¹⁶² «Пролетарская революция», 1922, № 10. С. 242.
- ¹⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 340–341.
- ¹⁶⁴ Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет. В 2 книгах. Кн. 1. М., 1994. С. 277.
- ¹⁶⁵ Там же. РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 76, 80. Л. 1–9.
- ¹⁶⁶ Ленин В.И. Марксизм и восстание. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 242.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 383.
- ¹⁶⁸ Ленин В.И. Заседание ЦК РСДРП(б) 10(23) октября 1917 г. Доклад. Протокольная запись. Там же. С. 391–392.
- ¹⁶⁹ Зиновьев Г.Е. Ленин. М., 1924. С. 42.
- ¹⁷⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 393.
- ¹⁷¹ «За рубежом». 1992, № 18. С. 16.
- ¹⁷² Невский В.И. Историческое заседание Петербургского комитета РСДРП(б) накануне Октябрьского восстания / / Красная летопись. 1922, № 2–3. С. 318.
- ¹⁷³ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4629. Л. 1–2.
- ¹⁷⁴ Троцкий Л.Д. Соч., т. 3. С. 15.
- ¹⁷⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 419.
- ¹⁷⁶ Там же. С. 423, 425.
- ¹⁷⁷ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. Т. 1. М., 1966. С. 60–62.
- ¹⁷⁸ Былое. 1918, № 12. Кн. 6. С. 30.

- ¹⁷⁹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 306.
- ¹⁸⁰ «Речь», 24 октября 1917 г.
- ¹⁸¹ Суханов Н.Н. Записки о революции, т. 7. С. 90–91.
- ¹⁸² Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 1. С. 99.
- ¹⁸³ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1967. С. 280.
- ¹⁸⁴ «Рабочий путь», 24 октября 1917 г.
- ¹⁸⁵ Сталин И.В. Соч. Т. 3. С. 388.
- ¹⁸⁶ Там же. С. 389.
- ¹⁸⁷ «Дело народа», 25 октября 1917 г.
- ¹⁸⁸ Ломов Г. В дни бури и натиска. / / «Пролетарская революция», 1927, № 10(69). С. 170.
- ¹⁸⁹ Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1929. С. 120.
- ¹⁹⁰ Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 1. С. 86.
- ¹⁹¹ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 307–308; «Известия», 25 октября 1917 г.
- ¹⁹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435–436.
- ¹⁹³ РЦХИДНИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 546. Л. 122–123.
- ¹⁹⁴ «Известия», 1917, 25 октября.
- ¹⁹⁵ Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства. Летопись революции, т. 1. Берлин, 1923. С. 165.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 172–173.
- ¹⁹⁷ «Рабочая газета», 1917, 25 октября.
- ¹⁹⁸ Суханов Н. Записки о революции, т. 7. С. 208.
- ¹⁹⁹ Подвойский Н.И. Год 1917. М., 1958. С. 131.
- ²⁰⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1.
- ²⁰¹ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1967. С. 402.
- ²⁰² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 2.
- ²⁰³ «Рабочий путь», 1917, 25 октября.
- ²⁰⁴ Сталин И.В. Три года пролетарской диктатуры. Соч., т. 4. М., 1954. С. 383.
- ²⁰⁵ Минц И.И. История Великого Октября. Т. 2. С. 1101.
- ²⁰⁶ «Вопросы истории КПСС», 1991, № 2. С. 46.
- ²⁰⁷ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1987. С. 171–172.
- ²⁰⁸ Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. (1928). С. 35–37.

- ²⁰⁹ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 172–175.
- ²¹⁰ Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. (1928). С. 39–41.
- ²¹¹ «Правда», 29 октября 1917 г.; «Известия», 10 ноября 1917 г.
- ²¹² Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. (1928). С. 42.
- ²¹³ Троцкий Л. История русской революции. М., 1997. Т. 2. С. 278.
- ²¹⁴ Getzler J. Martov. A Political Biography a Russian Social Democrat. Melbourne, 1967. С. 168.
- ²¹⁵ Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 42–43.
- ²¹⁶ «Дело народа», 1917, 27 октября.
- ²¹⁷ Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 46.
- ²¹⁸ Подвойский Н.И. Год 1917. М., 1958. С. 450.
- ²¹⁹ «Пролетарская революция», 1922, № 10. С. 79, 92.
- ²²⁰ Антонов-Овсеенко В.А. Октябрьская буря. Пг., 1919. С. 104.
- ²²¹ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1967. С. 340.
- ²²² Исторический архив, 1960, № 6. С. 46.
- ²²³ Манухин И. Воспоминания о 1917–1918 гг. / /Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. Т. 54. С. 106.
- ²²⁴ Второй Всероссийский съезд Советов... С. 47–50, 52.
- ²²⁵ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3, кн. 7. С. 343.
- ²²⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 11–12.
- ²²⁷ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3, кн. 7. С. 342.
- ²²⁸ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1987. С. 195–196.
- ²²⁹ Там же.
- ²³⁰ Там же. С. 197.
- ²³¹ Там же. С. 198–199.
- ²³² Там же. С. 200.
- ²³³ Там же. С. 211.
- ²³⁴ Ленин В.И. Доклад о мире... Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13–14.
- ²³⁵ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. С. 220.
- ²³⁶ Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о мире. Полн. собр. соч., ПСС, т. 35. С. 21.
- ²³⁷ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 321–322.

-
- ²³⁸ Ленин В.И. Доклад о земле. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 27.
- ²³⁹ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. С. 225.
- ²⁴⁰ Там же. С. 227.
- ²⁴¹ Ленин В.И. Доклад о текущем моменте. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 36–37.
- ²⁴² Суханов Н. Записки... Т. 3, кн. 1. С. 361.
- ²⁴³ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. С. 228–234.
- ²⁴⁴ Троцкий Л. Моя жизнь. Берлин, 1930. Т. 2. С. 61.
- ²⁴⁵ Суханов Н.Н. Записки... Т. 3, кн. 1. С. 361.
- ²⁴⁶ Зиновьев Г.Е. Ленин. Харьков, 1920. С. 38.

«ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ...»

Взяв политическую власть, большевики приступили к созданию, по определению Ленина, «пролетарского социалистического государства». В процессе социалистического строительства все собственники должны были быть превращены в наемных рабочих-пролетариев. В.И. Ленин считал, что главным и необходимым условием социалистического строительства должна стать диктатура пролетариата¹. «Диктатура пролетариата, — писал В.И. Ленин, — если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: ...только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов»².

В.И. Ленин уверял: «Без насилий по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников... Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть».

Далее Ленин поясняет, что такую диктатуру может осуществлять народ, но «диктатуру осуществляет не весь народ, — дополняет Ленин, — а только революционный народ». А так как государством управляют посланники народа, к которым Ленин относил себя и свою партию, то считал, что новая власть вправе осуществлять «ничем не ограниченную диктатуру»³. Таким образом оправдывался культ правящей партии и ее вождя.

«Но плох тот революционер, который в острый момент борьбы останавливается перед незыблемостью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется...»⁴ — считал вождь большевиков, имевший юридическое образование.

А кто и что определяет «острый момент борьбы», «переходное время»? Где критерий и кто его устанавливает? Марксизм признает высшим критерием истины общественную практику. Это может быть как заблуждение большинства, так и правдивость меньшинства. По нашему разумению, критерий истины может определить лишь время.

Популизм ленинизма-большевизма

Большевистский переворот всколыхнул Россию, огорчил многих патриотов, революционных деятелей, борющихся за свободу народа и процветание державы на законной и естественной базе всемирного развития человечества. Свое возмущение нелепостью захвата власти большевиками и их всеобщающей ложью выразил Г.В. Плеханов в открытом письме рабочим Петрограда 26 октября 1917 г.:

«С начала восьмидесятых годов прошлого столетия, со времени основания группы «Освобождение труда», — в ее основе лежала одна политическая мысль: мысль об историческом признании пролетариата вообще и русского пролетариата в частности.

Вера в промышленный пролетариат считалась тогда у нас вредной ересью... промышленный рабочий не мог претендовать ни на какую самостоятельную историческую роль...

В течение последних месяцев нам, — писал Плеханов, — русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому не готов...

Нет, наш рабочий класс, — утверждал Плеханов, — еще далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть — значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем для всей России.

...Хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма, — предупреждал Плеханов. — ...Стало быть, крестьяне — совсем ненадежный союзник рабочего в деле устройства социалистического способа производства. А если рабочий не может рассчитывать в этом деле на крестьянина, то на кого же он может рассчитывать?

...Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну...

...Мы декретируем мир, — констатировал Плеханов. — Но чтобы германский император послушался нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнее его, а так как сила на его стороне, то, «декретируя» мир, мы тем самым декретируем его победу...»

Подчеркивая пагубность преждевременного захвата политической власти рабочими, ошибочность ее популистских решений, Плеханов подчеркивал: «Их последствия уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики

захвата власти одним классом или, еще того хуже, — одной партией».

Письмо «первого марксиста России», опубликованное в газете «Единство» 28 октября, конечно, не дошло до широкого круга рабочих, те же, кто прочитал его, разделились в своих оценках: одни осуждали его, веря в «светлое будущее», другие не в силах были подать голоса в опьяненной властью толпе, ожидавшей обещанных Лениным благ. Принимая к сведению предупреждения и предсказания Плеханова, попытаемся проследить их сквозь призму дальнейших событий в России.

Против ленинской узурпации власти выступили руководители Совета крестьянских депутатов, которые 26 октября опубликовали следующее заявление:

«Товарищи крестьяне!

Все добытые кровью ваших сынов и братьев свободы находятся в страшной, смертельной опасности!

Гибнет революция! Гибнет родина!

На улицах Петрограда вновь проливается братская кровь. Вновь вся страна брошена в бездну смуты и развала. Вновь наносится удар в спину армии, отстаивающей родину и революцию от внешнего разгрома.

26 октября партия социал-демократов — большевиков и руководимый ею Петроградский Совет Р. и С. Д. захватили в свои руки власть, арестовали после оружейного и пулеметного обстрела в Зимнем дворце и заточили в Петропавловскую крепость Временное правительство и министров-социалистов, в числе которых были члены Исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов — С.Л. Маслов и С.С. Салазкин, разогнали вооруженной силой Временный Совет Российской Республики, избранный для контроля над деятельностью Временного правительства до Учредительного собрания. Наконец, они объявили государственным преступником министра-председателя, Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского.

Неисчислимы бедствия, которые несет России это выступление, неизмеримо преступление против народа и

революции тех, кто поднял восстание и посеял смуту в стране. Они, во-первых, разъединяют силы трудового народа, внося в его ряды смуту и разлад и облегчая внешнему врагу возможность полного разгрома и порабощения нашей страны.

Удар по армии — первое и самое тяжелое преступление партии большевиков!

Во-вторых, они начали гражданскую войну и насильственно захватили власть в тот самый момент, когда Временное правительство, заканчивая выработку закона о переходе всех земель в ведение земельных комитетов, исполняло давнишнее желание всего трудового крестьянства и когда до прихода полномочного хозяина земли русской — Учредительного собрания — оставалось всего только три недели. Они обманывают страну, называя голосом всего народа, всей демократии собравшийся в Петрограде съезд Советов, из которого ушли все представители фронта, социалистических партий и Советов крестьянских депутатов. Злоупотребляя присутствием нескольких крестьян, оказавшихся на этом съезде, вопреки постановлению Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов... они осмеливаются говорить, будто они опираются на Советы крестьянских депутатов. Не имея на это никаких полномочий, они говорят от имени Советов крестьянских депутатов. Пусть же вся трудовая Россия узнает, что это ложь и что все трудовое крестьянство — Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов — с негодованием отвергает какое-либо участие организованного крестьянства в этом преступном насилии над волей всех трудящихся.

Большевики обещают народу немедленный мир, хлеб, землю и волю. Ложь и бахвальство — все это посулы, рассчитанные на усталость народных масс и на их несознательность. Не мир, а рабство за ними. Не хлеб, земля и воля, а гражданская война, кровь, прежнее безземелие и торжество кнута и нагайки несут они, увеличивая смуту и облегчая темным силам восстановить проклятый царский порядок.

Поэтому, полагая, что совершившийся переворот ставит страну и армию под угрозу немедленного разгрома, отодвигает созыв Учредительного собрания и не может создать власти, пользующейся всенародным признанием, Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов считает своим священным долгом перед собственной совестью и перед всей страной заявить, что он не признает новой большевистской власти государственной властью, и призывает местные Советы крестьянских депутатов, органы местного самоуправления и армию не подчиняться этой насильственно созданной власти, в то же время соблюдать полный порядок и охранять страну от внешнего разгрома. Исполнительный комитет Всероссийского Совета крестьянских депутатов ставит своей задачей:

1. Воссоздание власти, пользующейся всенародным признанием и могущей довести страну до Учредительного собрания.

2. Созыв Учредительного собрания без изменения избирательного закона.

Взятие всех земель в ведение земельных комитетов»⁵.

Вместе с тем необходимо учитывать, что этот документ был подготовлен эсеровским руководством ЦИК Совета крестьянских депутатов. Основная же масса крестьян была аполитизирована, но с удовольствием приветствовала декрет о земле.

Не одобрил большевистский переворот и ЦК РСДРП, в воззвании которого говорилось: «Революции нанесен тяжелый удар, и этот удар нанесен не в спину генералом Корниловым, а в грудь — Лениным и Троцким... Не дожидаясь даже открытия съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, эта партия путем военного заговора втайне от других социалистических партий и революционных организаций, опираясь на силу штыков и пулеметов, произвела государственный переворот... над этой разоренной страной, в которой рабочий класс составляет еще незначительное меньшинство населения, в которой народ еще только что освободился от векового рабства самодержа-

вия, над этой страной в такой критический момент большевики вздумали проделать свой безумный опыт захвата власти, якобы для социалистической революции...»⁶

27 октября 1917 г. Петроградский ВРК закрыл за опубликование воззваний бывшего Временного правительства и главковерха генерала Духонина газеты: «День» — издание умеренных социалистов, «Речь» — издание кадетов, «Новое время», «Вечернее время», «Русская воля», «Народная правда», «Биржевые новости»⁷. В тот же день Совнарком принял декрет «О печати», который «узаконил» закрытие «желтой и зеленой» прессы, призывающей к «открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому Правительству», сеющей «смуту путем явно клеветнического извращения фактов», «призывающей к деяниям явно преступного, т.е. уголовно-наказуемого характера»⁸.

«...Резолюция о печати, — заявил во ВЦИКе П.П. Прошьян, — представляет собой яркое и определенное выражение системы политического террора и разжигания гражданской войны».

С недоумением встретил декрет о печати Максим Горький, изложивший свои мысли в редактируемой им газете «Новая жизнь». Но вскоре получил ответ наркомнаца Сталина: «Русская революция ниспровергла немало авторитетов... Мы боимся, что Горького «смертельно» потянуло к ним в архив. Что ж, вольному воля! ...Революция не умеет ни жалеть, ни хоронить своих мертвецов». Впоследствии, «окропленный» милостями партийного вождя, «мертвец» воскрес и шел в единой смертельной связке со Сталиным по ленинскому пути.

Захват власти большевиками в Петрограде еще не означал их победу во всей России. Ленин считал решающим моментом победы как минимум установление Советской власти и в Москве, которую он называл «громadным пролетарским центром, который больше Петрограда»⁹. Исходя из этого, Ленин отмечал, что Москва наряду с Петроградом, с Северным и Западным фронтами являлась тем «решающим пунктом», где большевики формировали

«политический «ударный кулак» пролетарской революции и создавали подавляющий перевес сил... в решающий момент»¹⁰.

О событиях в Петрограде московские большевики узнали только в 12 часов 26 октября. Вечером того же дня открылось объединенное заседание Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов, на котором был образован ВРК и Партийный центр по руководству восстанием. Из 13 членов ВРК 5 человек были против вооруженного восстания. Под руководством большевиков Е. Ярославского (Губельмана) и О. Берзина в Кремль была введена рота, взявшая под охрану арсенал.

Вернувшийся из Петрограда председатель Моссовета В.П. Ногин пошел на переговоры с командующим Московским военным округом К.И. Рябцевым. Меньшевики настаивали на подчинении ВРК Комитету общественной безопасности. После отказа большевиков они вышли из ВРК. Вечером 27 октября Рябцев предъявил ультиматум о роспуске ВРК и ввел в Москве военное положение. ВРК призвал рабочих начать всеобщую забастовку. 28 октября были расстреляны солдаты, охранявшие кремлевский арсенал. Всеобщая стачка переросла в вооруженное восстание. 2 ноября Комитет общественной безопасности капитулировал. Власть перешла к ВРК. Однако это не означало полной победы большевиков.

Утром 27 октября войска, предводимые А.Ф. Керенским, без единого выстрела заняли Гатчину. Вся «боевая мощь» 3-го конного корпуса под командованием генерала Краснова «сводилась к нескольким сотням казаков (500–600) и нескольким пушкам». «С этими жалкими остатками войск и артиллерии, — вспоминал Керенский, — мы решили пробиться к Петрограду»¹¹. Но и это была сила, которая могла укрепиться десятками тысяч сторонников свергнутого Временного правительства, находившихся в столице. По утверждению генерала Алексева, только офицеров в Петрограде насчитывалось более 15 тысяч. «Тысячи солдат, — писал Керенский, — которые, как считалось, примкнули к большевикам, бросив оружие,

бежали из города». Но воевать не хотели не только солдаты, но и казаки. Выступившие на рассвете 28 октября из Гатчины, они лишь к вечеру вошли без боя в Царское Село. «Генерал Краснов и офицеры его штаба стали уговаривать меня, — писал Керенский, — вступить с большевиками в мирные переговоры. Я твердо выступил против, однако 31 октября военный совет решил направить в Петроград свою делегацию».

1 ноября вопрос противоборства казаков с кронштадтскими матросами был разрешен в переговорах большевистской делегации во главе с П. Дыбенко с начальником штаба 3-го конного корпуса полковником Поповым, а фактически присутствующим генералом Красновым. Керенский, с волнением ожидавший результатов переговоров «в комнате на втором этаже», вспоминал: «Переговоры подходят к концу, и казаки согласились выдать меня Дыбенко в обмен на обещание отпустить их на Дон при лошадях и оружии». Керенский, надев матросский бушлат и бескозырку, вынужден был бежать из Гатчины¹².

27 октября начал действовать противостоящий большевикам орган объединенной «революционной демократии» — «Комитет спасения родины и революции». Военный штаб «комитета», руководимый А. Гоцем, стал готовить антибольшевистское выступление, которое должно было поддержать вступление Керенского—Краснова в Петроград предположительно 30 октября. Боевое исполнение контрреволюционного мятежа было возложено на нерешительного и невезучего, смещенного еще 25 октября временно правительственным «диктатором» Н.М. Кишкиным с поста командующего Петроградским военным округом полковника Г.П. Полковникова. На рассвете 29 октября юнкера захватили месторасположение бронедивизиона, гостиницу «Астория», телефонную станцию, банк. Штаб разослал телеграммы, сообщавшие о том, что войска «Комитета спасения» приступают к освобождению Петропавловской крепости и Смольного — «последних убежищ большевиков», и требовавшие, чтобы воинские части присоединялись к комитету. Однако большевист-

ское руководство приняло более энергичные и жесткие меры. Юнкера были выбиты со всех позиций, а юнкерские училища — блокированы.

«Комитет спасения» официально осудил «авантюру Полковникова», но поддержал эсеро-меньшевистский Викжель — Всероссийский исполком железнодорожного профсоюза, ультимативно потребовавший создания «однородного социалистического правительства», включая представителей всех социалистических групп от правых до левых, т.е. от народных социалистов до большевиков. «...Железнодорожный союз, — говорилось в ультиматуме, — объявляет всех тех, кто будет продолжать решать споры внутри страны силой оружия, врагами демократии и предателями родины».

Анализируя октябрьско-ноябрьские дни в столицах, когда большевики захватывали власть, лидер эсеров В.М. Чернов писал: «Чем дальше, тем больше А. Керенский увлекался одним огромным и в основе здоровым желанием очистить революцию от центробежных, анархобунтарских тяготений, способных развалить ее, опереться на истинную демократию, очистить ее от буйного — «охлоса», освободившегося гражданина противопоставить «взбунтовавшемуся рабу», восстановить революционный порядок, железной рукой водворить власть закона. Соответственно этому перед ним встал вопрос о репрессиях против всего того, что не укладывается в нормальные рамки творческой революции. И действительно, — уверял Чернов, — страна жаждет твердой власти. Она уже устала от неопределенности, безвластия, летаргии закона, от хаоса и неразберихи «явочного» проявления раскованных неулегшихся сил. И, конечно, твердая власть необходима. Но ею, — предупреждал Чернов, — может стать среди взбаламученного моря темной стихии русской действительности лишь правительство, популярное в массах, т.е. лишь правительство, которое одной рукой смело, твердо и властно наводит порядок, а другой рукой не менее смело, твердо и властно проводит социальные реформы, поднимающие «хижины» за счет «дворцов». Стоит лишь

хоть немного нарушить эту гармонию, этот параллелизм двусторонней деятельности, и все будет кончено. Правительство, запаздывающее с социальными мерами, делается одиозным со своими мерами по введению порядка, не ослабит, а усилит ими центробежные течения и, в конце концов, сорвется с ними»¹³.

27 октября «Правда», несколько передергивая, писала: «Они хотят, чтобы мы одни взяли власть, чтобы мы одни справились со страшными затруднениями, ставшими перед страной... Что ж, мы берем власть одни, опираясь на голос страны и в расчете на дружную помощь европейского пролетариата. Но, взяв власть, — предупреждали большевики, — мы применим к врагам революции и к ее саботерам железную рукавицу. Они грезили о диктатуре Корнилова... Мы им дадим диктатуру пролетариата...»

И здесь большевики были неискренни, ибо никто, кроме них, не стремился к вооруженному государственному перевороту; никто, кроме них, не рассчитывал на «помощь европейского пролетариата»; все желали твердой власти, и никто не хотел диктатуры, даже и пролетариат. Исходя из этого, диктатура необходима была только большевикам, без чего им невозможно было удержаться у власти.

С 29 по 31 октября, когда существовала реальная угроза захвата столицы войсками Керенского—Краснова, большевики были готовы пойти на уступки по принципиальным требованиям Викжеля: отсутствие в правительстве Ленина и Троцкого; чтобы ни одна из партий не имела большинства в правительстве, основные министерские посты не были заняты большевиками, а министры не выражали политического кредо какой-либо партии. Правительство, по мнению умеренных социалистов, должно быть подотчетно не ВЦИК, а представительному собранию более широких масс. Таким органом мог бы стать «Временный народный совет», составленный из представителей различных организаций — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городских самоуправлений, профсоюзов.

ЦК РСДРП(б), обсудив ультиматум Викжеля, принял два принципиальных пункта: во-первых, большевики не возражали, и «ЦК признает необходимым расширение базы правительства и возможным изменением его состава»; второй пункт более принципиальный: «Правительство создается ЦИК и перед ним ответственно»¹⁴. Многие меньшевики и эсеры, хорошо знавшие Ленина и Троцкого, считали ВЦИК, избранный вторым Всероссийским съездом Советов, даже при политической оппозиции в нем, ширмой для утверждения решений большевистского ЦК, которым фактически руководили эти два вождя октябрьского переворота.

В требованиях Викжеля, по мнению Троцкого, ясно, «как партии, в восстании участия не принимавшие, хотят вырвать власть у тех, кто их сверг. Незачем было устраивать восстания, если мы не получим большинства... Ясно, что они не хотят нашей программы. Мы должны, — настаивал Троцкий, — иметь 75% в правительстве и во ВЦИК. ...Мы не можем уступить председательства Ленина; ибо отказ от этого совершенно недопустим». Дзержинский дополняет: «...мы не допустим отвода Ленина и Троцкого». Урицкий и Луначарский, Рязанов и Сталин также считали обязательным большинство большевиков во ВЦИК и правительстве¹⁵.

Более жесткую позицию сторонники Ленина и Троцкого стали проводить после 30–31 октября, когда большевики подавили восстание юнкеров и разбили под Пулковом казаков Краснова. В резолюции ЦК, принятой 1 ноября, отмечалось, что ультимативной для большевиков является программа: декреты о мире и о земле, рабочий контроль, продовольственный вопрос, борьба с контрреволюцией, Советская власть¹⁶. Ленин предлагал: «Викжель в Совет не входит, и его впускать нельзя; Советы — органы добровольные, а Викжель не имеет опоры в массах...» А главное, он считал, «что переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий. Единственное решение, которое правильно, — подчеркивал Ленин, — это было бы уничтожить колебания коле-

блющихся и стать самыми решительными... мы должны апеллировать к массам, и они его сбросят»¹⁷. По мнению наркома внутренних дел А.И. Рыкова: «Если мы прекратим их (переговоры. — В.П.), то от нас отшатнутся и те группы, которые нас поддерживают, и мы не в состоянии будем удержать власть». Его позицию поддержали нарком земледелия В.П. Милютин, заявив, что длительную гражданскую войну мы выдержать не сможем; Л.Б. Каменев: «Пока мы справимся с забастовкой (железнодорожников. — В.П.), пройдет несколько недель... мы проиграем. Бороться, — убежденно заявлял Каменев, — можно только с Викжелем, но не против него...»

1 ноября 1917 г. состоялось заседание Петербургского комитета РСДРП(б), на котором с докладом о текущем моменте выступил Я.Г. Фенигштейн-Далецкий¹⁸. «... Дело касается соглашения с другими социалистическими партиями, — начал явно не по рангу Фенигштейн и без политического словоблудия выразил главное: «Соображения о «льющей крови» и усталости рабочих не должны доминировать. Это необходимо, но для той политической партии, которая хочет делать историю, — эти факты не должны быть препятствием»¹⁹. Вот так решительные большевики, хотевшие «делать историю», призывали, не обращая внимания ни на что, идти к поставленной цели. После незначительных фраз «случайного докладчика» перебил Ленин: «Я не могу делать доклад, но познакомлю с одним вопросом, который очень всех интересует. Вопрос о партийном кризисе, который разразился в то время, когда партия у власти»²⁰. Ленин самоуверенно утверждал: «...99% рабочих за нас.

Если будет раскол — пусть. Если будет их большинство (сторонников социалистической коалиции. — В.П.) — берите власть в ЦИК и действуйте, а мы пойдем к матросам. Мы у власти»²¹.

Таким образом, проигравший Ленин не намерен был подчиняться партийной дисциплине, а готов был обратиться за помощью не к рабочим, да и не к народным

массам вообще, а к матросам, которые лихо показали себя в дни октябрьского переворота.

Отвечая сомневающимся на вопрос «Удержат ли большевики власть» (статью с аналогичным содержанием Ленин опубликовал еще в конце сентября 1917 г.), вождь уверенно заявлял: «Но мы не одни. Перед нами целая Европа. Мы должны начать... Теперь только социалистическая революция. Все эти колебания, сомнения — это абсурд... будем бороться хлебными карточками...»²² Ленин надеялся на Европу, но знал верный способ борьбы — голод. А на возражения своих политических оппонентов, что «власти нет», решительно предлагал — «тогда необходимо арестовывать», считая главным рычагом государственного управления насилие. Вождь большевиков с одобрением относится к призывам об арестах политически инакомыслящих. «Тверской делегат на съезде советов сказал «всех их арестуйте», — вот это я понимаю, — говорил Ленин, — вот он имеет понимание того, что такое диктатура пролетариата. Наш лозунг теперь: без соглашений, т.е. за однородное большевистское правительство»²³.

На безапелляционное заявление Ленина логично возразил А.В. Луначарский, напомнив, что в основе декрета о земле принята эсеровская программа. Исходя из этого, нужно учитывать и назначения в правительстве. «Технический персонал, — констатировал Луначарский, — который буржуазен или мелкобуржуазен... нас саботирует», но городская Дума не требовала изменения главной линии, а только представительства во власти. «Мы не наладим сами ничего, — подчеркивал Луначарский. — Начнется голод. Если не будут с нами те, которые саботируют. Можно, конечно, действовать путем террора — но зачем?...»²⁴ «Мы стали очень любить войну, как будто мы не рабочая, а солдатско-военная партия. Надо созидать, а мы ничего не делаем. Мы в партии полемизируем и будем полемизировать дальше — и останется один человек-диктатор»²⁵.

После этих слов раздались аплодисменты, свидетельствовал Троцкий. Из этого высказывания становится ясно,

что из себя представляла партия большевиков в 1917 г. и чей образ все более и более приобретал черты диктатора.

Далее Луначарский старается вразумить Ленина: «Не можем справиться арестами, нельзя атаковать технический аппарат — он слишком велик. Народ так рассуждает. Наша программа должна быть выполнена при сохранении оружия в руках рабочих. Мы можем на этом отдохнуть. Сейчас мы не можем работать, ибо нет аппарата, это так будет недолго. Мы должны показать, что мы можем реально строить, а не только говорить: «дерись, дерись» — и штыками расчищать путь, — это не приведет ни к чему. Заставить людей, работающих плохо, работать лучше — легче, чем заставить неработающего работать. Я считаю, — заявил Луначарский, — перед всеми этими трудностями соглашение желательным. Никакие доказательства ваши (*обращался он к Ленину*) насчет меньшевиков убедить не могут. Я хорошо знаю, что работать так невозможно. Нельзя принципиально и нельзя рисковать массами жизней.

Не плодите разногласий, — упрекал Ленина его соратник по Совнаркому, — а они уже есть, массы к этому относятся нервно»²⁶.

Это была уже не партийная дискуссия, а политический бунт, и не только по принципиальному вопросу, а конкретно против вождя, захватывающего диктаторские функции.

Затем выступил Троцкий, красочно и оригинально. «...Нельзя, говорят, сидеть на штыках. Но и без штыков нельзя, — заявил он, подчеркнув: — Нам нужен штык там, чтобы сидеть здесь... будет вестись и впредь жестокая классовая борьба, — не открывая истины, заявил Троцкий, но затем недвусмысленно подчеркнул: — Вся эта мещанская сволочь, что сейчас не в состоянии встать ни на ту, ни на другую сторону, когда узнает, что наша власть сильна, будет с нами, в том числе и Викжель... Мелкобуржуазная масса ищет силы, которой она должна подчиниться». Троцкий подвел оргвывод против противников силового госуправления: «Кто не понимает этого —

тот не понимает ничего в мире, еще меньше — в государственном аппарате...»²⁷ «Они (политические оппоненты большевиков: эсеры, меньшевики, кадеты и пр. — В.П.) против нас именно потому, — с гордостью вождя утверждал Троцкий, — что мы проводим крутые меры против буржуазии. А ведь никто еще не знает, какие жестокие меры мы вынуждены будем проводить».

Наивный Троцкий не понимал или не хотел понять предостережение соратников. Он по-ленински считал, что коалиционная власть будет вносить в работу по государственному управлению колебания. «Но колебания в борьбе с врагами убьют наш авторитет в массах»²⁸. «Что значит соглашение с Черновым? — задавал риторический вопрос Троцкий. — ...это значит равняться по Чернову. А это было бы предательство. За это всех нас сейчас же расстрелять нужно»²⁹.

По логике Троцкого, за несогласие с линией Ленина тоже нужно было расстреливать, ну уже по минимальной мере, за идеи большевистского вождя «красная гвардия храбро умирает»³⁰. «Предрассудки т. Луначарского — это наследие мелкобуржуазной психологии, — научнообразно резюмировал Троцкий, вынужденно добавив: — Это свойственно, конечно, отчасти и массам, как наследие вчерашнего рабства»³¹. Хотя Троцкий, как и Ленин, были «вчерашними рабами», а посему нужно было опасаться не «мелкобуржуазной психологии», а предсказания мудреца, проверенного временем: «Страшен раб, ставший господином».

В заключение Троцкий ответственно заявил: «Мы взяли власть, мы должны нести и ответственность»³². И все же директивное выступление Троцкого не разрешило кризисного вопроса.

Выступивший за ним Ногин, стараясь смягчить противостояние, произнес: «Товарищам слишком опротивело слово «соглашение», дело не в соглашении, а в вопросе: как быть, если мы оттолкнем все другие партии?»³³

Более ясно в отношении текущего момента выразился Глебов-Авилов: «Положение серьезное не потому, что

подходят ударники. Власть у нас в руках, мы можем справиться. Но у нас начинается саботаж внутри партии и почти официальный раскол. Этого не должно быть... Дело не в тех местах, которые нужно отвести другим партиям, а в том, что они не поведут нашей политики. Другого выхода нет, как сказать: «уйдите»³⁴.

2 ноября 1917 г., А.В. Луначарский, на которого очень обиделся Ленин, предлагая даже исключить его из партии³⁵, подал заявление в СНК о выходе из правительства якобы в знак протеста против разрушения Московского Кремля и других исторических памятников при захвате власти большевиками. Однако после примирительного разговора с Лениным на следующий день Луначарский опубликовал обращение «Ко всем гражданам России», в котором сообщал, что его отставка не принята и он остается на посту, «пока ваша воля не найдет более достойного заместителя». Через 16 лет 38-летний Анатолий Васильевич будет назначен полпредом СССР в Испанию.

В резолюции ЦК РСДРП(б) от 2 ноября 1917 г. «По вопросу об оппозиции внутри ЦК» отмечалось: «...оппозиция по вопросу однородного Советского правительства целиком отходит от всех основных позиций большевизма и пролетарской классовой борьбы вообще, повторяя глубоко немарксистские словечки о невозможности революции в России, о необходимости уступить ультиматумам и угрозам уйти со стороны заведомого меньшинства советской организации, срывая таким образом волю и решение II Всероссийского съезда Советов, саботируя таким образом начавшуюся диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства...

Центральный Комитет подтверждает, что без измены лозунгу Советской власти нельзя отказаться от чисто большевистского правительства, если большинство II Всероссийского съезда Советов, никого не исключая со съезда, вручило власть этому правительству»³⁶.

Действительно, 2-й Всероссийский съезд Советов никого не исключал, но и все партии, общественные организации, социальные слои населения не представлял,

а посему избранное им однопартийное большевистское правительство должно было выполнять свои обязанности до Учредительного собрания, что и было записано в его решениях.

2 ноября 1917 г., в день, когда Керенский сложил с себя все полномочия, состоялось заседание ВЦИК, которое фактически было правоммерным решать судьбу правительства. Левые эсеры выступили с декларацией, обвинявшей большевиков в диктаторской политике. На расширенном заседании Викжеля 3 ноября меньшевик Мартов и другие потребовали от Совнаркома прекращения борьбы с Керенским, прекращения арестов контрреволюционеров, отмены декрета о закрытии ряда оппозиционных газет. Присутствовавшие от большевиков Л. Каменев, Г. Сокольников и И. Сталин на уступки не согласились, никакого решения о власти принято не было. На заседание согласительной комиссии большевики не пришли. Кроме того, ЦК партии большевиков от имени большинства в ультимативной форме обратился к своему меньшинству с заявлением: «...мы требуем категорического ответа в письменной форме на вопрос, обязуется ли меньшинство подчиниться партийной дисциплине и проводить ту политику, которая сформулирована в принятой ЦК резолюции товарища Ленина»³⁷. Подписавшие это заявление члены ЦК РСДРП(б): Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Иоффе, Бубнов, Сокольников, Муранов — считали, что, если ответ будет отрицательным или неопределенным, ЦК готов апеллировать к партийным организациям и чрезвычайному съезду партии. Либо партия, по мнению ЦК большевиков, должна поручить сформировать оппозиции новую власть вместе с ее союзниками, либо она одобрит линию большинства как единственно возможную революционную линию. ЦК потребовал от оппозиции соблюдения партийной дисциплины и единства линии ЦК, пригрозив оппозиционерам исключением из партии.

Таким образом, Ленин и соратники считали инакомыслие меньшинства немарксистским, небольшевистским,

оппозиционным и требовали их отстранения «от практической работы». Вместе с тем требовали беспрекословно «подчиняться партийной дисциплине» и проводить политику «товарища Ленина», беря за основу всенародного доверия решения 2-го Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Такая категоричность в непримиримости мнения партийного меньшинства вела не только к укреплению культа вождя, но и причислению оппозиционеров к разряду врагов народа с соответствующими последствиями в условиях ожесточенной революционно-классовой борьбы. Предложение же большинства перевести дискуссию и скептицизм меньшинства в печать было явно нереальным, ибо еще 26 октября 1917 г. по постановлению ВРК был закрыт ряд оппозиционных большевикам изданий.

В знак протеста на ленинское давление Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин вышли из Центрального Комитета. В тот же день В. Ногин, А. Рыков, В. Милютин, И. Теодорович, Д. Рязанов, Н. Дербышев, И. Арбузов, К. Юренев, Г. Федоров, Ю. Ларин и А. Шляпников сделали заявление во ВЦИК:

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды теоретической борьбы рабочего класса и революционной армии (сказано более точно, нежели крестьяне, одетые в солдатские шинели. — В.П.) в октябрьско-ноябрьские дни.

Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя пред ЦИК звание Народных Комиссаров»³⁸.

Из состава Совнаркома вышли: В. Ногин — нарком торговли и промышленности, А. Рыков — нарком внутренних дел, В. Милютин — нарком земледелия, И. Теодорович — нарком по делам продовольствия, А. Шляпников — нарком труда. Вместо подавших в отставку в СНК были введены большевики А.Г. Шлихтер — нарком земледелия и продовольствия, Г.И. Петровский — нарком внутренних дел, П.И. Стучка — нарком юстиции.

Таким образом, «единство» большевистского руководства было сохранено, но политический кризис обострился. Партийная дискуссия по вопросам государственного управления была естественна, да и закономерна, ибо марксистско-ленинская теория социалистического строительства в основном базировалась на рабочем классе и капиталистическом развитии. Россия же была аграрно-крестьянской державой.

7 ноября «Правда» опубликовала обращение ЦК РСДРП(б) «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России», в котором говорилось:

«В России не должно быть иного правительства, кроме Советского правительства. В России завоевана Советская власть, и переход правительства из рук одной советской партии в руки другой партии обеспечен без всякой революции, простым решением Советов, простым перевыбором депутатов в Советы...

...Мы твердо стоим на принципе Советской власти, т.е. власти большинства, получившего на последнем съезде Советов, мы были согласны и остаемся согласны разделить власть с меньшинством Советов, при условии лояльного, честного обязательства этого меньшинства подчиняться большинству и проводить программу, одобренную всем Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму».

Большевистский ЦК внушал массам, что единственным выразителем их интересов является Советское правительство, состоящее из представителей одной партии, которая не пойдет ни на какие компромиссы, т.к. они

«равносильны подчинению анархии и повторению ультиматумов со стороны любого меньшинства». Судьба же правительства, уверял Ленин, решается «простым пере-выбором депутатов в Советы».

В этот же день Зиновьев обратился в ЦК партии большевиков с письмом, в котором забирал назад заявление об уходе с партийных постов и обязался подчиняться партийной дисциплине. Ненадолго хватило принципиального Зиновьева. Ну а тех, кто не желал покориться большинству, большевистский ЦК отстранял со всех постов, ибо они были неспособны выполнять его решения, его диктат.

Из протокола заседания ЦК РСДРП(б) от 8 ноября 1917 года:

«С принципиальной мотивировкой (основной мотив — несоответствие между линией ЦК и большинства фракции с линией Каменева) отстраняется от председательства в ЦИК тов. Каменев»³⁹. Таково было решение партии большевиков, что еще не имело юридической силы, которой обладал лишь ВЦИК. Однако его решение было пред-решено постановлением ЦК РСДРП(б), ибо большинство во ВЦИК принадлежало большевикам. «Тов. Каменев, — говорилось в протоколе ВЦИК, — слагает с себя звание председателя ЦИК. Фракция левых эсеров высказывает свое сожаление. Тов. Свердлов — 19 «за», «против» 14 — избран председателем ЦИК»⁴⁰.

Так закончилось самое короткое правление первого большевистского председателя ВЦИК Л.Б. Каменева, ушедшего за несогласие подчиниться большинству ЦК в вопросе образования однопартийного Советского правительства. Главное же заключалось в том, что вопрос о правительстве решался не широким народным представительством и даже не Советами, а партийно-большевистскими функционерами, а еще точнее — Лениным, который считал иную позицию равносильной «полному отречению не только от Советской власти, но и от демократизма...»⁴¹. Вот так отождествлял свою позицию большевистский вождь со всей Советской властью и даже шире — с демократизмом.

Трагизм общественного положения в России ясно и убедительно проанализировал философ, социолог, экономист, социал-демократ А.А. Богданов (Малиновский) в письме к А.В. Луначарскому 19 ноября 1917 г.: «Корень всему — война. — Она два основных фактора:

1) экономический и культурный упадок, 2) гигантское развитие военного коммунизма.

Военный коммунизм, развиваясь от фронта к тылу, временно перестроил общество: многомиллионная коммуна армии, паек солдатских семей, регулирование потребления к нему, нормировка сбыта производства. Вся система государственного капитализма есть не что иное, как ублюдок капитализма потребительного военного коммунизма...

В России максимализм развивался больше, чем в Европе, п. ч. капитализм у нас слабее, и влияние военного коммунизма как организационной формы соотносительно сильнее...

Логика казармы, в противоположность логике фабрики, характеризуется тем, что она (большевистская, «рабоче-солдатская» партия. — В.П.) понимает всякую задачу как вопрос ударной силы, а не как вопрос организованного опыта и труда. Разбить буржуазию — вот и социализм. Захватить власть, тогда все можем. Соглашение? Это зачем? Делиться добычей? Как бы не так: что? иначе нельзя? Ну, ладно, поделимся... А, стой! Мы опять сильнее! Не надо... и т.д.

...В России же солдатско-коммунистическая революция есть нечто, скорее противоположное социалистической, чем ее приближающее...»⁴²

Более подробно и научно обоснованно свое отрицательное отношение к октябрьскому перевороту ленинцев, свое понимание сущности революции и роли большевиков в ней А.А. Богданов высказал в статье «Судьбы рабочей партии в нынешней революции»⁴³.

Захват власти и создание правительства из одних большевиков свидетельствовали об узурпации власти политической партией, не представлявшей большую часть

населения России, но претендующей на истину общественного развития. Хотя в годы первой русской революции Ленин утверждал: «Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным как в экономическом, так в политическом смысле выводам»⁴⁴. Имея в своем распоряжении все государственные органы управления и подавления, большевики широко их использовали в политической борьбе. При этом подчеркивалось, что все действия правительства исходят от имени Советов рабочих и солдатских депутатов. Неповиновение, сопротивление и даже критика воспринимались как выпады классовых врагов, контрреволюционеров.

↓ О сущности большевистского переворота и его последствиях написал Максим Горький в газете «Новая жизнь» 7 ноября: «Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, к личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. Подобно слепым фанатикам и безответственным авантюристам, с головокружительной быстротой они несутся к так называемой «социальной революции», которая на самом деле ведет лишь к анархии и гибели пролетариата и революции. На этом пути Ленин и его соратники считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов...

...За Лениным идет довольно значительная — пока — часть рабочих, но я верю, что разум рабочего класса, его сознание своих исторических задач скоро откроют пролетариату глаза на несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия...

Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть — что из этого выйдет... и что чудес в действительности не бывает, что его ждет голод, полное расстройство промышленности,

разгром транспорта, длительная кровавая монархия... а за нею не менее кровавая и мрачная реакция. Рабочие не должны позволить авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам пролетариат. Рабочий класс должен понять, что Ленин — не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата».

10 ноября «Новая жизнь» выступила более критично в адрес лидера большевиков: «Ленин, конечно, человек исключительной силы... он обладает всеми свойствами «вождя», а также необходимыми для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс... Жизнь во всей ее сложности не ведома Ленину, он не знает народной массы, не жил с ней, он — по книжкам — узнал, чем можно поднять эту массу на дыбы, чем всего легче разъярить ее инстинкты. Он работает, как химик в лаборатории, с той разницей, что химик пользуется мертвой материей, но его работа дает ценный для жизни результат, а Ленин работает над живым материалом и ведет к гибели революцию».

Оправданные временем предсказания Горького в то время, время революционной эйфории масс, поверивших обещаниям Ленина, не имели воздействия на обезумевших, уставших от войны и нищеты крестьян и рабочих.

17 ноября оставшиеся либерально-демократические и социалистические газеты — «Современное слово», «Петроградский листок», «Петроградская газета» и др. опубликовали «Обращение к гражданам России» Временного правительства, исполнявшего свои обязанности на нелегальном положении. В нем говорилось, что измученные трехлетней войной солдатские и рабочие массы, соблазненные заманчивыми лозунгами немедленного мира, хлеба и земли, справедливыми по существу, но не осуществимыми немедленно, взяли в руки оружие, арестовали Временное правительство, стали уничтожать гражданские свободы и угрожать жизни и безопасности мирных

граждан. В результате мятежа голод грозит армии и населению, замерзание — городам, гибель — промышленным предприятиям, расчленение на ряд вооружающихся и самостоятельных областей — России. Обращаясь через головы большевистских вождей к народу, правительство предупреждало о грозящей катастрофе, если будет и дальше «разжигаться пожар злобы, ненависти и гражданской войны». Слагая с себя полномочия, правительство призвало всех граждан сплотиться в дни великих испытаний «вокруг Учредительного собрания для осуществления своей воли».

22 ноября в газете «Дело народа» было опубликовано открытое письмо опального Керенского, написанное им 8 ноября 1917 г.: «Опомнитесь! Разве вы не видите, что воспользовались простотой вашей и бесстыдно обманули вас? Вам в три дня обещали дать мир с германцами, а теперь о нем молят предатели. Зато все лицо земли русской залили братской кровью, вас сделали убийцами, опричниками. С гордостью может поднять голову Николай II. Поистине никогда в его время не совершалось таких ужасов. Опричники Малюты Скуратова — и их превзошли опричники Льва Троцкого.

Вам обещали хлеб, а страшный голод уже начинает свое царство, и дети ваши скоро поймут, кто губит их.

Вам обещали царство свободы, царство трудового народа. Где же эта свобода? Она поругана, опозорена. Шайка безумцев, проходимцев и предателей душил свободу, предаст революцию, губит родину нашу. Опомнитесь все, у кого еще осталась совесть, кто еще остался человеком!

Будьте гражданами, не добивайте собственными руками родины и революции, за которую восемь месяцев боролись! Оставьте безумцев и предателей! Вернитесь к народу, вернитесь на службу родине и революции!

Это говорю вам я — Керенский. Керенский, которого вожди ваши ославили «контрреволюционером» и «корниловцем», но которого корниловцы хотели предать в руки дезертира Дыбенки и тех, кто с ним.

Восемь месяцев, по воле революции и демократии, я охранял свободу народа и будущее счастье трудящихся масс. Я вместе с лучшими привел вас к дверям Учредительного собрания. Только теперь, когда царствуют насилие и ужас ленинского произвола — его с Троцким диктатура, — только теперь и слепым стало ясно, что в то время, когда я был у власти, была действительная свобода и действительно правила демократия, уважая свободу каждого, отстаивая равенство всех и стремясь к братству трудящихся.

Опомнитесь же, а то будет поздно и погибнет государство наше. Голод, безработица разрушат счастье семей ваших, и снова вы вернетесь под ярмо рабства.

Опомнитесь же!»⁴⁵

Это было последнее сообщение оппозиционных газет. Был установлен всеобъемлющий контроль над радио и телеграфом. 28 января 1918 г. СНК принял декрет о Революционном трибунале печати, ведению которого подлежали «преступления и проступки против народа, совершаемые путем использования печати»⁴⁶. Средства массовой информации превращались в пособия по политграмоте ленинизма. Так начиналась официально борьба с инакомыслием.

28 ноября, в день, когда правительство Керенского назначило созыв Учредительного собрания, перед Таврическим дворцом собралась большая группа чиновников, офицеров, студентов и других представителей кадетов. Они требовали передачи всей власти Учредительному собранию. «Временное рабоче-крестьянское советское правительство» — Совет Народных Комиссаров — отреагировал моментально и предельно ясно, приняв в тот же день декрет об аресте вождей гражданской войны⁴⁷. Против резолюции голосовал только Сталин⁴⁸. Кадетская партия была объявлена партией «врагов народа». На этом основании были арестованы избранные народом в Учредительное собрание члены кадетской партии Шингарев, Кокоскин, Долгоруков и другие. Ленин, мотивируя это решение, заявил: «Нельзя отделить классовую борьбу от

политического противника. Кадетский Центральный комитет, это — политический штаб класса буржуазии»⁴⁹. Были закрыты центральные органы партии, ее клубы, что сказалось на результатах избирательной кампании на выборах в Учредительное собрание. Самая популярная в начале XX в. конституционно-демократическая партия народной свободы, партия интеллектуалов, аккумулировавшая в своих рядах цвет российской интеллигенции, мечтавших о радикальном преобразовании державы парламентским путем на основе общечеловеческих принципов, набрала менее 5 процентов избирателей.

После разгона большевиками и левыми эсерами Учредительного собрания репрессии против кадетов ужесточились. 18 января 1918 г. в Мариинской тюремной больнице были убиты А.И. Шингарев и Ф.Ф. Кокошкин. Ленин распорядился найти и наказать убийц, однако пойманные виновные не понесли наказания. Газета «Русь» писала: «Невинным жертвам злодеев и благородным борцам за свободу Шингареву и Кокошкину ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ. Ленину, растлителю России, ВЕЧНОЕ ПРОКЛЯТИЕ»⁵⁰.

За месяц до смерти 14 декабря 1917 г., находясь в застенках Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, Андрей Иванович Шингарев, размышляя, записал в дневнике: «Стоило ли делать революцию, если она привела к таким результатам?» И, отвечая на свой вопрос, заключил: «Наивно и близоруко думать, что революцию можно делать или не делать: она происходит и начинается вне зависимости от воли отдельных людей... Революция была неизбежна, ибо старое изжило себя...» Конечно, Шингарев не думал о социалистическом пути развития России, не принимал и большевиков, считая их политическими авантюристами. Взгляды социалистов представлялись ему «фантазией детей, желающих поймать звезды своими ручонками; они похожи на персонаж из новелл Боккаччо, который хочет «загнать ослов дубиной в рай»⁵¹.

Понимая шаткость своего положения, большевистский Совнарком старался привлечь на свою сторону многонациональное население, обещая в Декларации прав наро-

дов России 2 ноября 1917 г. «положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1. Равенство и суверенность народов России.

2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств этнографических групп, населяющих территорию России»⁵².

Совнарком, забыв о том, что необходимо «бороться с религиозным дурманом»⁵³, сам наводит дурман 20 ноября 1917 г. в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»:

«Рождается новый мир, мир трудящихся и освобождающихся. Во главе этой революции стоит Рабочее и Крестьянское правительство России, Совет Народных Комиссаров.

Вся Россия усеяна революционными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Власть в стране в руках народа. Трудовой народ России горит одним желанием добиться честного мира и помочь угнетенным народам мира завоевать себе свободу.

В этом святом деле Россия не одинока. Великий клич освобождения, данный русской революцией, подхватывается всеми трудящимися Запада и Востока...

Рушится царство капиталистического грабежа и насилия. Горит почва под ногами хищников империализма.

Перед лицом этих великих событий мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока.

Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!»⁵⁴

Отстаивая и всячески внедряя в сознание людей антирелигиозную марксистско-ленинскую идеологию, большевики не могли оставить без внимания самую крупную хорошо организованную и очень влиятельную, самостоятельную структуру общественно-государственного управления, какой являлась Русская православная церковь.

Церковь не выражала сожалений о падении монархии, видя в республиканском строе больше возможностей для своей деятельности, сдержанно отнеслась она и к большевистскому перевороту, сожалея о жертвах братоубийства. 11 ноября 1917 г. Поместный собор, возглавляемый патриархом Тихоном, принял решение об отпевании погибших обеих сражавшихся сторон, заявив:

«Довольно братской крови, довольно злобы и мести. Мести не должно быть нигде и никогда.

Не причиняйте нового горя и позора истерзанной Родине, и без того слишком обгащенной кровью своих сынов!»⁵⁵

Святейший патриарх не благословил ни белое, ни красное движение. 2 декабря священный собор Русской православной церкви принял определение «О правовом положении Церкви в государстве», в котором подчеркивалось: «Православная церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплины и сношениях с другими автокефальными Церквями независима от государственной власти и, руководствуясь своими догматико-каноническими началами, пользуется в делах церковного законодательства, управления и суда правами самоопределения и самоуправления

ния». Собор считал, что «акты церковного управления и суда признаются государством имеющими юридическую силу и значение, поскольку ими не нарушаются государственные законы. Государственные законы, касающиеся православной церкви, — требовал священный собор от новой власти, — издаются не иначе, как по соглашению с церковной властью». Неприемлемым условием государственного управления со стороны Церкви было и то, что «глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения и товарищи их должны быть православными»⁵⁶.

Ничего противостоящего новой, советско-большевистской власти Русская православная церковь не требовала, за исключением признания за собой прав юридического лица и уважения властными структурами «публично-правового положения... огромного большинства населения». Но ни о какой-либо самостоятельности православной церкви, как и других конфессий, их независимости от государства не могло быть и речи.

Большевики же придерживались марксистского определения религии — «опиум народа». 31 декабря Совнарком опубликовал проект декрета о взаимоотношениях с Церковью, который вызвал бурю негодования духовенства и верующих. Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин писал в СНК 10 января 1918 г.: «Считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим в настоящее время у власти, предупредить их, чтобы они не приводили в исполнение предполагаемого декрета об отобрании церковного достояния. Православный русский народ никогда не допускал подобных посягательств на его святые храмы. И ко многим другим страданиям не нужно прибавлять новых»⁵⁷.

20 января 1918 г. был опубликован декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», ликвидировавший все привилегии Церкви, отделивший ее от государства и школы. Преподавание религиозных вероучений запрещалось. Декрет устанавливал право исповедовать или нет любую религию. В декрете подчеркивалось:

«Действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями.

Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан и Советской республики. Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности».

Исходя из этого, местные власти могли запретить любое богослужение. «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют.

Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются, по особым постановлениям местной или центральной государственной власти, в бесплатное пользование соответствующих религиозных обществ»⁵⁸. Так Церковь становилась не только нищей, но и бесправной.

Предвидя непопулярность декрета и возможные волнения, он был подписан не только Лениным, но и Н. Подвойским — наркомом по военным делам, В. Алгасовым — наркомом без портфеля, возглавлявшим коммунальный отдел в НКВД, В. Трутовским — наркомом по местному самоуправлению, А. Шлихтером — наркомом земледелия и продовольствия, П. Прошьяном — наркомом почт и телеграфов, В. Менжинским — и. о. наркома финансов, А. Шляпниковым — наркомом торговли и промышленности и Г. Петровским — наркомом внутренних дел. Подписавшие кощунственный декрет большевистские руководители не столько опасались народного гнева, сколько были материально заинтересованы в оприходовании церковных ценностей на благо коммунистического рая.

Поместный Собор отреагировал незамедлительно, заявив, что декрет СНК «представляет собой, под видом за-

кона о свободе совести, злостное покушение на весь строй жизни Православной Церкви и акт открытого против нее гонения...»⁵⁹.

Итак, возник еще один резкий конфликт между Советской властью и Церковью с ее обширной паствой. Церковь оказалась не защищенной от безбожных чиновников и разнузданных грабителей. В дальнейшем, учитывая критическое положение в государственно-церковных отношениях и волнения среди верующих, Совнарком принял в мае—августе 1918 г. ряд постановлений и подзаконных инструкций, направленных на стабилизацию положения. В действительности ни один указ такого рода не выполнялся.

Новая власть не просто противопоставляла государство и Церковь, верующих и безбожников, но и видела в имуществе Церкви пополнение своей казны, представляя открытый грабеж очередным, законным актом экспроприации.

Таким образом «триумф Советской власти» обеспечивался ничем не прикрытым большевистским террором, явным ультимативным давлением Ленина на не только политических оппонентов, но и заблудших соратников. Самым опасным явлением большевистского «триумфа» было открытое введение диктатуры меньшинства над большинством. Так разгоралась гражданская война в России.

«Грабь награбленное»

Важнейшим условием удержания власти, привлечения на свою сторону большинства населения было овладение экономической ситуацией в стране, доведенной до разрухи и голода. Новый государственный аппарат, который должен был служить интересам большевиков, начал формироваться и действовать с момента подготовки и взятия власти в октябре 1917 г.

Высшим органом Советской власти был признан большевиками съезд Советов, который передавал законодательные функции до созыва следующего съезда Советов ВЦИК с явным перевесом представителей большевистской партии.

Исполнительно-распорядительным органом стал Совет Народных Комиссаров — Советское правительство, состоящее из одних большевиков, за исключением периода с ноября 1917 по март 1918 г. — блока с левыми эсерами.

Функции управления народным хозяйством на первых порах осуществляли Советы, ВРК, фабрично-заводские комитеты, 2 декабря 1917 г. был создан единый орган хозяйственного руководства — в общегосударственном масштабе — Высший совет народного хозяйства (ВСНХ). Для руководства отраслями промышленности были образованы комитеты и центры — Главкожа, Главсахар, Главторф, Главнефть, Центротекстиль, Центрочай и т.д. ВСНХ создавал местные органы хозяйственного управления — губернские и уездные совнархозы.

Практическое исполнение ленинских теоретических выводов представлялось крайне затруднительным, ибо не было какого-либо опыта социалистического строительства, да и члены Совнаркома, как и других ведомств, были в основном политиками, а не экономистами. «Наше положение было трудным до чрезвычайности, — писал первый нарком юстиции Г.И. Оппоков (партийная кличка Ломов). — Среди нас было много прекраснейших, высококвалифицированных работников, было много преданнейших революционеров, исколесивших Россию по всем направлениям, в кандалах прошедших от Петербурга, Варшавы, Москвы весь крестный путь до Якутии, Верхоянска, но всем надо было еще учиться управлять государством».

Наркомучу просвещения А.В. Луначарскому казалось, что слишком велико было несоответствие между гигантскими задачами и людьми, которым предстояло их решать, тогда как они не имели для этого специальной подготовки. По мнению Ленина, высказанному на заседании

Петросовета 4(17) ноября 1917 г., «всему народу следует учиться управлять». Руководить, по мнению Ленина, должны коммунисты, которых еще было маловато, вследствие чего к управлению могли быть допущены и сочувствующие большевикам.

Таким образом, государственное управление должно было быть в руках политически благонадежных людей, а специалистов, предлагал Ленин, можно купить или заставить работать.

Готовя государственный переворот, Ленин задумывался над вопросом: «Удержат ли большевики государственную власть?» В аналогичной статье, написанной 1(14) октября 1917 г., анализируя средства удержания власти, вождь большевиков выделял главное — конфискация всего необходимого для жизни человека, прежде всего продовольствия, и жесткий контроль со стороны большевистской власти. «...Богатые должны получать от того союза рабочих или служащих, к которому ближе всего относится их область деятельности, рабочую книжку, они должны еженедельно или через какой-либо другой определенный срок получать удостоверение от этого союза, что ими добросовестно выполняется их работа; без этого они не могут получить хлебной карточки и продуктов продовольствия вообще»⁶⁰.

Ленин предлагал давать оценку деятельности человека не ему самому, а Совету рабочих депутатов. От не всегда компетентного решения зависело существование огромной массы населения, не уступающей по интеллекту самому автору дьявольского предложения, возведенного позже в ранг государственного закона. Таким образом, жизнь человека зависела не от него самого, а от Совета, возглавляемого большевиком, беспрекословно исполняющего указания вождя, ставшего Председателем Совета Народных Комиссаров.

В сферу политических интересов большевиков и экономического строительства социализма были привлечены органы по наведению внутреннего порядка. В последних числах октября 1917 г. при ВРК была создана военно-

следственная комиссия под председательством большевика Я.С. Шейкмана, а с 4 ноября — П.И. Стучки. Членами комиссии были назначены партией М.Ю. Козловский, Б.Д. Мандельбаум и Л.Н. Алексеевский. В комиссию направлялись арестованные офицеры, чиновники, руководители и активисты контрреволюционных партий и организаций, саботажники и др., отказывающиеся сотрудничать с новой властью.

Классический лозунг марксизма «экспроприация экспроприаторов», или более ясный для деклассированной массы — большевистский «Грабь награбленное!», являлся залогом победы большевиков, начальным этапом социалистического обобществления. Первым делом были взяты под контроль все государственные и частные банки, министерства и военные ведомства. В первые дни революции в собственность Советов перешли предприятия, ранее принадлежавшие казне и членам царской фамилии: около 60% лесных богатств, 2/3 железных дорог, почта, телеграф.

14 ноября 1917 г. ВЦИК и СНК утвердили Положение о рабочем контроле, который вводился на всех промышленных, торговых, банковских, сельскохозяйственных и других предприятиях, имеющих наемных рабочих и служащих. Введение рабочего контроля преследовало в основном две цели: во-первых, под контроль рабочих попадала вся финансовая и прочая деятельность предпринимателей, что затрудняло их борьбу с новой властью; во-вторых, рабочие пытались вести предпринимательскую деятельность, постепенно овладевали производством. К тому же учет и контроль были необходимы для централизованного распределения продуктов питания, предметов первой необходимости и широкого потребления. Справедливым считался классовый принцип распределения. Библейское изречение «Кто не желает работать, тот да не ест» становится основным принципом социализма. Другой социалистический принцип «От каждого по способностям, каждому по труду» также заимствован из Библии, в которой сказано: «Какой мерой мерите, такой и

вам будут мерить». Однако Ленин считал, что «все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы». Утопичность ленинского воображения соответствовала примитивному взгляду на учет и контроль за производством, который, по мнению Ленина, будет сведен «до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок». Так каждая кухарка могла управлять государством⁶¹.

Уже на начальной стадии рабочего контроля его представители властно вмешивались не только во взаимоотношения рабочих и предпринимателей, но и в технологический процесс. Органы рабочего контроля определяли увольнение и перевод рабочих, оплату труда, отпуска и режим работы, что, естественно, вызывало недовольство предпринимателей, которые саботировали многие решения новой власти, а зачастую закрывали предприятия. Экономико-социальное положение еще более ухудшалось. «Ввиду отказа подчиниться декрету СНК о введении рабочего контроля над производством... ввиду отказа заводоуправления продолжать производство... ввиду задолженности казне» национализировались отдельные фабрики и заводы. С января 1918 г., когда, по определению Ленина, началась «красногвардейская атака на капитал», было принято 836 актов об отчуждении предприятий. Однако неспособность организовать работу и управлять производством рабочими еще более усугубляла критическое положение промышленности, экономики в целом, да и благосостояния трудящихся.

Захватив власть, большевики стали обладателями всего движимого и недвижимого имущества на контролируемых ими территориях бывшей Российской империи. 17 ноября постановлением ВЦИК о национализации фабрики Товарищества Ликинской мануфактуры «в связи с попытками предпринимателя локаутировать рабочих и саботировать производство» началась всеобщая конфискация «в пользу народа», а точнее, «его представителей».

5(18) декабря 1917 г. была перехвачена телеграмма «Малого совета министров» бывшего Временного правительства, призывавшая всех чиновников к саботажу во всероссийском масштабе. В связи с широко развернувшимися в центре и на местах антибольшевистскими выступлениями 22 ноября на заседании Петроградского ВРК выступил Ф.Э. Дзержинский с предложением об организации специальной комиссии для борьбы с контрреволюцией. Говоря о методах «спасения революции», методах удержания власти большевиков, он подчеркивал: «...мы должны применить сейчас все меры террора, отдать ему все силы! Не думайте, что я ищу формы революционной юстиции, юстиция нам не к лицу! У нас не должно быть долгих разговоров! Сейчас борьба грудь с грудью, не на жизнь, а на смерть — чья возьмет?! И я требую одного — организации революционной расправы!»⁶² Так «лев революции» занес карающий меч над непокорной Россией.

Необходимость создания ВЧК вызывалась и тем, что 5(18) декабря Военно-революционный комитет, осуществлявший мероприятия по борьбе с контрреволюцией, принял решение о самоликвидации. В решении отмечалось, что ВРК, «выполнив свои боевые задачи в дни Петроградской революции и считая, что дальнейшие работы Военно-революционного комитета должны быть переданы Отделу по борьбе с контрреволюцией при Центральном Исполнительном Комитете Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, постановляет ликвидировать все отделы, работающие при Военно-революционном комитете»⁶³. В числе отделов Военно-революционного комитета была комиссия для борьбы с контрреволюцией, созданная по предложению Ф.Э. Дзержинского 21 ноября (4 декабря) 1917 г. в составе Н.А. Скрышника, И.П. Флеровского, Г.И. Благонравова, А.В. Галкина и В.А. Трифонова. В связи с ликвидацией этой комиссии вопрос о борьбе с саботажем был вынесен на Совет Народных Комиссаров. Право на решение такого вопроса СНК было предоставлено приказом ВЦИК от 17 (30) ноября 1917 г. о взаимоотношениях ВЦИК и СНК, в п. 3 которого говорилось: «Мероприятия

по борьбе с контрреволюцией могут быть проводимы Советом Народных Комиссаров непосредственно, под условием ответственности перед Центральным Исполнительным Комитетом»⁶⁴.

После обсуждения СНК 6 декабря вопроса «О возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях во всероссийском масштабе» по предложению Ленина было принято постановление: «Поручить тов. Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения возможности борьбы с такой забастовкой путем самых энергичных революционных мер для выяснения способов подавления злостного саботажа»⁶⁵.

7 декабря в Совнаркоме выступил Ф.Э. Дзержинский, предварительно ознакомившись с проектом декрета, написанным Лениным, «О борьбе с контрреволюционерами и саботажниками», в котором говорилось: «Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции, которая должна обеспечить интересы рабочих, трудящихся и эксплуатируемых масс.

Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов. Сторонники буржуазии, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т.п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мерах, направленных к осуществлению социалистических преобразований. Доходит дело даже до саботажа продовольственной работы, грозящего голодом миллионам людей».

Ленин поручает Дзержинскому срочно взять на учет всех лиц, у кого потенциально могут иметься какие-либо фамильные ценности и сбережения.

«Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. Лица, принадлежащие к богатым классам (т.е. имеющие доход в 500 руб. в месяц и свыше, владельцы городских недвижимостей, акций и денежных сумм свыше 1000 руб.), а равно служащие в банках, акционерных предприятиях, государственных и общественных учреждениях, обязаны в трехдневный срок⁶⁶ представить в до-

мовые комитеты в трех экземплярах заявления, за своей подписью и с указанием адреса, о своем доходе, своей службе и своих занятиях.

2. Домовые комитеты скрепляют эти заявления своей подписью, сохраняя один экземпляр у себя и представляя два остальных экземпляра в Городскую управу и в Народный комиссариат внутренних дел (адрес: ...) ⁶⁷.

3. Лица, виновные в неисполнении настоящего закона (в непредставлении заявлений или в подаче ложных сведений и т.п.), а равно члены домовых комитетов, виновные в несоблюдении правила о хранении этих заявлений, сборе их и представлении в указанные выше учреждения, наказываются денежным штрафом до 5000 руб. за каждое уклонение, тюрьмой до 1 года или отправкой на фронт, смотря по степени вины.

4. Тому же наказанию подлежат лица, виновные в саботаже работы или в уклонении от работы в банках, государственных и общественных учреждениях, акционерных предприятиях, железных дорогах и т.п.

5. Как первый шаг к введению всеобщей трудовой повинности постановляется, что лица, указанные в 1, обязаны, во-первых, постоянно иметь при себе копии с вышеуказанных заявлений, снабженные удостоверением домовых комитетов, а равно начальства или выборных учреждений (фабрично-заводских комитетов, продовольственных комитетов, железнодорожных комитетов, союзов служащих и т.п.); в удостоверении должно значиться, какую общественную службу или работу выполняет данное лицо, живет ли оно при семье, как неработоспособный член ее, и т.п.

6. Во-вторых, эти лица обязаны в недельный срок со дня издания настоящего закона завестись потребительско-рабочими книжками (образец их при сем прилагается) для ведения еженедельных записей приходов и расходов и для внесения в книжки удостоверений от комитетов и учреждений того рода службы общественной, которую данное лицо несет.

7. Лица, не подходящие под условия 1, представляют в домовые комитеты в одном экземпляре заявление о своем доходе и месте работы, обязуясь иметь при себе копию этого заявления, удостоверенную домовым комитетом»⁶⁸.

Таким образом, человек ставился вне закона не по степени его вины, а по уровню своего финансового состояния, вне зависимости от условий его происхождения. Даже большая часть интеллигенции облагалась государственным рэкетом. И отслеживала все это антинародная Всероссийская чрезвычайная комиссия.

Образование ВЧК и подчиненность ее четко была определена в обращении ЦК РСДРП(б) к коммунистам — работникам чрезвычайных комиссий: «ЧК созданы, существуют и работают лишь как прямые органы партии, по ее директиве и под ее контролем»⁶⁹.

Таким образом, карательные органы подчинялись не государственному закону, а уставу партии большевиков.

14 декабря ВЦИК публикует декрет о национализации банков. В соответствии с этим Совнарком принимает решение «О ревизии стальных ящиков», в котором говорилось:

«1. Все деньги, хранящиеся в банковских стальных ящиках, должны быть внесены на текущий счет клиента в Государственном банке.

Примечание. Золото в монетах и слитках конфискуется и передается в общегосударственный золотой фонд.

2. Все владельцы стальных ящиков обязаны немедленно по вызову явиться в банк с ключами для присутствия при производстве ревизии стальных ящиков.

3. Все владельцы, не явившиеся в трехдневный срок, считаются злонамеренно уклонившимися от ревизии.

4. Ящики, принадлежавшие злонамеренно уклонившимся лицам, подлежат вскрытию следственными комиссиями, назначенными комиссарами Государственного банка, и все содержащееся в них имущество конфискуется Государственным банком в собственность народа».

Это был не просто «рабочий контроль» над деньгами «эксплуататоров», а выявление потенциальных источни-

ков финансирования большевиков и причисление их к категории врагов народа.

Функции ВЧК, ее полномочия и права в деле пресечения контрреволюции постоянно уточнялись. В постановлении СНК о создании ВЧК мерами наказания были: «...конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т.д.»⁷⁰ Всероссийская чрезвычайная комиссия не ограничивалась конфискационными мерами, произвольно используя термин «и т.д.» — от кратковременного ареста до исполнения функций ревтрибунала. Левые эсеры пытались поставить под контроль наркома юстиции левого эсера И.З. Штейнберга деятельность «комиссии Дзержинского», однако Совнарком по предложению Ленина 19 и 21 декабря отверг резолюцию «О компетенции Комиссариата юстиции».

Создание органов революционной защиты и революционного насилия (28 октября была создана Рабоче-крестьянская милиция, а 15 января 1918 г. — Красная армия) дополняло экономическую политику Советского правительства, отраженную в изданных в ноябре—декабре 1917 г. декретах «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» и «О борьбе со спекуляцией». Совнарком призвал рабочих, крестьян и солдат объявить беспощадную борьбу частным торговцам и спекулянтам. Эти меры развязали инициативу местных органов власти, прежде всего ревтрибуналов, которые судили не столько по законам, сколько по классовым понятиям, на основании «пролетарской совести и революционного самосознания». Так рождался судебный произвол, к которому добавлялся неконтролируемый самосуд ВЧК.

Указом от 23 декабря 1917 г. прекращались платежи дивидендов по акциям и паям частных предприятий, сделки с ценными бумагами. Банковское дело объявлялось монополией государства в лице единого «народного банка». Представителям исполнительной власти на контролируемой большевиками территории «предоставляется право конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного

синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственного финансирования».

Таким образом, большевики реквизируют не только промышленное производство, недвижимость, но и финансы граждан России, упорно подчеркивая, что «грабят награбленное» и все это «ради трудящихся». Хотя наиболее рачительные трудящиеся также находились в поле зрения диктаторской деятельности Ленина. 14 августа 1918 г. он телеграфирует: «Пенза. Губисполком. А.Е. Минкину. Получил на Вас две жалобы. Первая, что Вы обнаруживаете мягкость при подавлении кулаков. Если это верно, то Вы совершаете великое преступление против революции. Вторая жалоба, что Вы сокращаете агитацию, уменьшаете тираж листовок, жалуетесь на недостаток денег. Мы не пожалеем сотен тысяч на агитацию. Требуйте денег срочно от ЦИКа, недостатка денег не будет. Такие отговорки не примем»⁷¹. В сознание народа внедрялось, что богатый — «миродед», «враг народа», «кровопивец», «эксплуататор»... И на такое «просвещение» трудящихся, по заверениям Ленина, «недостатка денег не будет». А делегатов-крестьян Ленин уверял: «Денег нет... вот где наша слабость, вот отчего мы слабы и отчего страдает наша страна». Здесь же он указывает источник денег и способ их получения. «Есть еще много денег в городе и в деревне у крупных кулаков. Эти деньги свидетельствуют об эксплуатации народного труда, и они должны быть у народа»⁷².

Интересно получалось, кому же принадлежали ранее конфискованные большевиками богатства, среди которых только золотых монет, чеканка их была начата Государственным казначейством в 1897 г., из выпущенных 15-рублевого достоинства 11 миллионов 900 тысяч штук на общую сумму 178 миллионов 500 тысяч рублей? На 10 апреля 1918 г. было захвачено и оприходовано 9 миллионов 500 тысяч монет на общую сумму 142 миллиона 500 тысяч рублей.

Золотых монет достоинством 7 рублей 50 копеек отчеканено 16 миллионов 829 тысяч штук на общую сумму 126 миллионов 217 тысяч 500 рублей. На 10 апреля 1918 г. «оприходовано» 14 миллионов 850 тысяч монет на общую сумму 111 миллионов 375 тысяч рублей.

Золотых монет достоинством 5 рублей отчеканено 5 миллионов 372 тысячи штук на общую сумму 26 миллионов 860 тысяч рублей. На 10 апреля 1918 г. 2 миллиона 100 тысяч монет на общую сумму 10 миллионов 500 тысяч рублей были подконтрольны Ленину.

Всего на 2,5 миллиарда золотых рублей по курсу 1913 г.⁷³

В понятии Ленина, «народ» — это те, кто не имел средств к существованию и постоянно зависел от государства, а если же человек скапливал небольшой капитал, он мог быть расценен как «враг народа». «Устрашение является могущественным средством политики...» — утверждал один из организаторов большевистского переворота. Л. Троцкий вторил главному идеологу революционного террора Ленину, который еще весной 1917 г. заявил, что социалистическую революцию осуществить весьма просто: стоит лишь уничтожить 200–300 буржуев. В дальнейшем вождь большевиков выскажет еще более чудовищную мысль о том, что пусть 90% русского народа погибнет, лишь бы 10% дожили до мировой революции. Революционное насилие не оправдывалось сопротивлением свергнутых классов. Революционная законность трактовалась не законами государства, а революционной целесообразностью, под которую можно было подвести все, что угодно. Насилие становилось основным средством революционных преобразований, что еще более обостряло классовое противоборство, все более усугубляло размежевание политических сил, утверждало диктатуру правящей партии.

В конце 1917 г. председатель Совета Народных Комиссаров подвел итог проделанной работы:

«Большевики уже два месяца у власти, а вместо социалистического рая мы видим ад хаоса, гражданской

войны, еще большей разрухи». Так пишут, говорят и думают капиталисты вместе с их сознательными и полусознательными сторонниками.

Большевики только два месяца у власти, ответим мы, а шаг вперед к социализму сделан уже громадный. Не видит этого тот, кто не хочет видеть или не умеет оценивать исторические события в их связи. Не хотят видеть, что за несколько недель разрушены почти до основания недемократические учреждения в армии, в деревне, на фабрике. А иного пути к социализму, кроме как через такое разрушение, нет и быть не может. Не хотят видеть, что за несколько недель на место империалистской лжи во внешней политике, затягивавшей войну и прикрывающей грабеж и захват тайными договорами, поставлена действительно революционно-демократическая политика действительно демократического мира, давшая уже такой крупный практический успех, как перемирие и увеличение во сто крат пропагандистской силы нашей революции. Не хотят видеть, что рабочий контроль и национализация банков начали проводиться в жизнь, а это именно и есть первые шаги к социализму.

Не умеют понять исторической перспективы те, кто придавлен рутинной капитализма, оглушен могучим крахом старого, треском, шумом, «хаосом» (кажущимся хаосом) разваливающихся и проваливающихся вековых построек царизма и буржуазии, запуган доведением классовой борьбы до крайнего обострения, ее превращением в гражданскую войну, единственно законную, единственно справедливую, единственно священную, — не в поповском, а в человеческом смысле слова священную войну угнетенных против угнетателей за их свержение, за освобождение трудящихся от всякого гнета. В сущности, все эти придавленные, оглушенные, запуганные буржуа, мелкие буржуа и «служащие при буржуазии» руководятся, часто сами не сознавая этого, тем старым, нелепым сентиментальным, интеллигентски-пошлым представлением о «введении социализма»,

которое они приобрели «понаслышке», хватая обрывки социалистического учения, повторяя перевертывание этого учения невеждами и полужайками, приписывая нам, марксистам, мысль и даже план «ввести» социализм.

Нам, марксистам, такие мысли, не говоря о планах, чужды. Мы всегда знали, говорили, повторяли, что социализма нельзя «ввести», что он вырастает в ходе самой напряженной, самой острой, до бешенства, до отчаяния острой классовой борьбы и гражданской войны, — что между капитализмом и социализмом лежит долгий период «родовых мук», — что насилие всегда бывает повивальной бабкой старого общества, — что переходному периоду от буржуазного к социалистическому обществу соответствует особое государство (т.е. особая система организованного насилия над известным классом), именно: диктатура пролетариата. А диктатура предполагает и означает состояние подавленной войны, состояние военных мер борьбы против противников пролетарской власти. Коммуна была диктатурой пролетариата, и Маркс с Энгельсом ставили в упрек Коммуне, считали одною из причин ее гибели то обстоятельство, что Коммуна недостаточно энергично пользовалась своей вооруженной силой для подавления сопротивления эксплуататоров.

В сущности, все эти интеллигентские вопли по поводу подавления сопротивления капиталистов представляют из себя не что иное, как отрывку старого «соглашательства», если говорить «вежливо». А если говорить с пролетарской прямоотой, то придется сказать: продолжающееся холопство перед денежным мешком, вот — суть воплей против современного, рабочего насилия, применяемого (к сожалению, слишком еще слабо и не энергично) против буржуазии, против саботажников, против контрреволюционеров. «Сопротивление капиталистов сломано», — провозгласил добрый Пешехонов, министр из соглашателей, в июне 1917 года. Этот добряк и не подозревал, что сопротивление действительно должно быть сломано, что оно будет сломано, что та-

кая ломка и называется, на научном языке, диктатурой пролетариата, что целый исторический период характеризуется подавлением сопротивления капиталистов, характеризуется, следовательно, систематическим насилием над целым классом (буржуазией), над его пособниками.

Корысть, грязная, злобная, бешеная корысть денежного мешка, запуганность и холопство его прихлебателей — вот настоящая социальная основа современного интеллигентиков, от «Речи» до «Новой Жизни», против насилия со стороны пролетариата и революционного крестьянства. Такое объективное значение их воя, их жалких слов, их комедиантских криков о «свободе» (свободе капиталистов угнетать народ) и т.д. и тому подобное. Они «готовы» были бы признать социализм, если бы человечество перескочило к нему сразу, одним эффектным прыжком, без трений, без борьбы, без скрежета зубами со стороны эксплуататоров, без многообразных попыток с их стороны отстоять старину или вернуть ее обходом, тайком, без новых и новых «ответов» революционно-пролетарского насилия на такие попытки. Эти интеллигентские прихлебатели буржуазии «готовы» вымыть шкуру, по известной немецкой пословице, только с тем, чтобы шкура все время оставалась сухой.

Когда буржуазия и привыкшие служить ей чиновники, служащие, врачи, инженеры и пр. прибегают к самым крайним мерам сопротивления, это ужасает интеллигентиков. Они трепещут от страха и вопят еще более визгливо о необходимости вернуться к «соглашательству». Нас же, как и всех искренних друзей угнетенного класса, крайние меры сопротивления эксплуататоров могут лишь радовать, ибо мужания, созревания пролетариата к власти мы ждем не от уговоров и уговариваний, не от школы сладеньких проповедей или поучительных декламаций, а от школы жизни, от школы борьбы. Чтобы стать господствующим классом и окончательно победить буржуазию, пролетариат

должен научиться этому, ибо сразу ему неоткуда взять такого умения. А научиться надо в борьбе. А учит только серьезная, упорная, отчаянная борьба. Чем более крайним является сопротивление эксплуататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплуатируемыми. Чем разнообразнее будут попытки и потуги эксплуататоров отстоять старое, тем скорее обучится пролетариат выгонять своих классовых врагов из их последних закоулков, подрывать корни их господства, устранять самое почву, на которой наемное рабство, нищета масс, нажива и наглость денежного мешка могли (и должны были) произрастать.

По мере роста сопротивления буржуазии и ее прихлебателей растет сила пролетариата и присоединяющегося к нему крестьянства. Эксплуатируемые крепнут, мужают, растут, учатся, скидывают с себя «ветхого Адама» наемного рабства по мере того, как растет сопротивление их врагов-эксплуататоров. Победа будет на стороне эксплуатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян. За ними победа»⁷⁴.

Необходимо учесть то, что столь откровенный анализ был впервые опубликован лишь 22 января 1929 г. в «Правде».

Буквально двумя днями раньше была опубликована и другая работа Ленина, написанная в то же время и во многом перекликающаяся с его политическим отчетом. В статье «Как организовать соревнование?» Ленин настойчиво продолжает резкую критику не только «прихвостней, прихлебателей, приживальщиков» буржуа, помещиков-крепостников, попов, подьячих, чиновников, интеллигентов, но и рабочих и крестьян, которые «ломают, — к сожалению, еще недостаточно твердо, решительно и беспощадно...». Ленин требует: «Война не на

жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам... Богатые и жулики — это две стороны одной медали, это — два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом...»

«Надо организовать соревнование, — писал Ленин, — практиков-организаторов из рабочих и крестьян друг с другом... в способах осуществления контроля, в путях истребления и обезвреживания паразитов (богатых и жуликов, разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т.д. и т.п.)». Вождь за «многообразие в подробностях» при уничтожении «разгильдяев и истеричек из интеллигенции и т.д. и т.п.».

Ленин предлагает: «Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунарами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: очистки земли российской от всяких вредных насекомых, от блох-жуликов, от клопов-богатых и прочее и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за вредными людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправ-

ления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма...»⁷⁵

Какой социализм представлял Ленин — понятно, но его ненависть к богатым неясна. Стремление к повышению своего благосостояния, т.е. богатства, являлась на протяжении веков стимулом трудовой активности. Недостаток материального вознаграждения рождал трудовую апатию.

В работе «Очередные задачи Советской власти», опубликованной 28 апреля 1918 г., Ленин отмечал: «Буржуазия побеждена у нас, но она еще не вырвана с корнем, не уничтожена и даже не сломлена еще до конца. На очередь дня выдвигается поэтому новая, высшая форма борьбы с буржуазией, переход от простейшей задачи дальнейшего экспроприирования капиталистов к гораздо более сложной и трудной задаче создания таких условий, при которых бы не могла ни существовать, ни возникать вновь буржуазия. Ясно, что это — задача неизмеримо более высокая и что без разрешения ее социализма еще нет».

Ленин быстро осознал, что экспроприация экспроприаторов — временный успех, который лишь дает возможность организации социалистического производства. «Речь идет, — разъяснял он, — об изменении центра тяжести нашей экономической и политической работы... Теперь на первом плане ставится организация учета и контроля в тех хозяйствах, где экспроприированы капиталисты, и во всех остальных хозяйствах»⁷⁶.

Итак, по мнению Ленина, ставились новые задачи диктатуры пролетариата — организация строительства социализма, создание социалистического уклада в экономике, привлечение к управлению производством рабочих, повышение производительности труда. И все это за обещание светлого будущего для потомков.

«Русский человек — плохой работник...» — считал Ленин, а посему: «Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее

объеме», — утверждал он. Наряду с овладением рабочими учетом и контролем над производством и распределением продуктов Ленин выдвигал идею организации социалистического соревнования, при котором «сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое воздействие». Определив формы повышения производительности труда, которые Ленин открывал не «впервые», он предложил и методы их исполнения, в основе которых лежала «стройная организация» и диктатура. Что такое «стройная организация», не пояснял, хотя замечал, что «все средние решения — либо обман народа буржуазией... либо тупость мелкобуржуазных демократов»⁷⁷.

«С другой стороны, нетрудно убедиться, — уверял он, — что при всяком переходе от капитализма к социализму диктатура необходима по двум главным причинам или в двух направлениях. Во-первых, нельзя победить и искоренить капитализма без беспощадного подавления сопротивления эксплуататоров, которые сразу не могут быть лишены их богатства, их преимуществ организованности и знания, а следовательно, в течение довольно долгого периода неизбежно будут пытаться свергнуть ненавистную власть бедноты. Во-вторых, — писал Ленин, — всякая великая революция, а социалистическая в особенности, даже если бы не было войны внешней, немыслима без войны внутренней, т.е. гражданской войны, означает еще большую разруху, чем война внешняя...»⁷⁸

Ленин был прав, никто добровольно не отдает свои богатства и тем более организованность, опыт и знания. И вполне естественно, что никто не будет приветствовать «власть бедноты», кроме нищих. Развязав методами разбоя гражданскую войну, Ленин уверяет, что «все элементы разложения старого общества, неизбежно весьма многочисленные, связанные преимущественно с мелкой буржуазией (ибо ее всякая война и всякий кризис разоряют и губят прежде всего), не могут не «показать себя» при таком глубоком перевороте... иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода». И на все это большевики шли созна-

тельно, ибо знали: «Чтобы сладить с этим, нужно время и нужна железная рука», т.е. шли испытанным методом всех диктаторов — «разделяй и властвуй».

По мнению Ленина, в предыдущих революциях народ «не проявлял спасательной твердости» и вследствие этого проигрывал. «Этот исторический опыт всех революций, — считал Ленин, — этот всемирно-исторически-экономический и политический урок подытожил Маркс, дав краткую, резкую, точную, яркую формулу: диктатура пролетариата... А наша власть, — сокрушался Ленин, — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо». Понимая, что это призыв к ужесточению власти, Ленин после нескольких оправдательных фраз о катастрофическом положении в России уверял: «...никакого принципиального противоречия между советским (т.е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет».

Рассуждая «о значении именно единоличной диктаторской власти с точки зрения специфических задач данного момента», Ленин особое внимание уделял производственной сфере, неоднократно повторяя, точно удар хлыста: «...беспрекословное подчинение единой воле для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно, необходимо. Для железных дорог оно необходимо вдвойне и втрое. И вот этот переход от одной политической задачи к другой, по внешности на нее совсем не похожей, составляет всю оригинальность переживаемого момента... сегодня та же революция и именно в интересах ее развития и укрепления, именно в интересах социализма, требует беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса».

Таким образом, основными методами решения экономических проблем Ленин считал прежде всего подчинение, повиновение «воли тысяч воле одного» диктатора, по приказу которого будет осуществляться «мерная поступь железных батальонов пролетариата»⁷⁹.

Оправдывая насилие как необходимую меру слома старого государственного аппарата и сопротивления экс-

плуататорских классов, Ленин весной 1918 г. подчеркнет: «Сегодня только слепые не видят, что мы больше национализировали, наконфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковывать можно с одной «решительностью» без умения правильно учесть и правильно распределить, обобществить же без такого умения нельзя»⁸⁰.

✦ Кошмарную реальность той страшной эпохи правдиво описала Зинаида Гиппиус: «...в силу бесчисленных (иногда противоречивых и спутанных, но всегда угрожающих) декретов, все было «национализировано» — «большеви-зировано». Все считалось принадлежащим «государству» (большевикам). Не говоря об еще оставшихся фабриках и заводах, — но и все лавки, все магазины, все предприятия и учреждения, все дома, все недвижимости, почти все движимости (крупные) — все это по идее переходило в веденье и собственность государства. Декреты и направлялись в сторону воплощения этой идеи. Нельзя сказать, чтобы воплощение шло стройно. В конце концов это просто было желание прибрать все к своим рукам. И большею частью кончалось разрушением и уничтожением того, что объявлялось «национализированным». Захваченные магазины, предприятия и заводы закрывались; захват частной торговли привел к прекращению вообще всякой торговли — нелегальной, спекулятивной, воровской. На нее большевикам поневоле приходилось смотреть сквозь пальцы и лишь периодически громить и хватать покупающих-продающих на улицах, в частных помещениях, на рынках; рынки, единственный источник питания решительно для всех, тоже были нелегальщиной. Террористические налеты на рынки, со стрельбой и смертоубийствами, кончались просто разграблением продовольствия в пользу отряда, который совершал налет. Продовольствие прежде всего, но так как нет вещи, которой нельзя встретить на рынке, то забиралось и остальное — ручки от дверей, бронзовые подсвечники, древнее бархатное Евангелие... обивка мебели... Мебель тоже считалась собствен-

ностью государства, а так как под полой дивана тащить нельзя, то люди сдирали обивку и норовили сбыть ее хоть за полфунта соломенного хлеба... Надо было видеть, как с визгами, воплями и стонами кидались торгующие врассыпную при слухе, что близки красноармейцы! Всякий хватал свою рухлядь... бежали, толкались, лезли в пустые подвалы, в разбитые окна... Туда же спешили и покупатели — ведь покупать в Совдепии не менее преступно, чем продавать, хотя сам Зиновьев отлично знает, что без этого преступления Совдепия кончилась бы, за неимением подданных, дней через 10... Россией сейчас распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения, в грамотном большинстве, относится отрицательно и даже враждебно. Получается истинная картина чужеземного завоевания. Латышские, немецкие, австрийские, венгерские и китайские полки дорисовывают эту картину. Из латышей и монголов составлена личная охрана большевиков. Китайцы расстреливают арестованных, захваченных. (Чуть не написала «осужденных», но осужденных нет, ибо нет суда над захваченными. Их просто так расстреливают...) Чем не монгольское иго?»⁸¹

Декретом ВЦИК от 21 января 1918 г. были аннулированы все иностранные займы царского и Временного правительства, превышавшие 16 миллиардов рублей золотом. Хорош куш! Через три дня перед агитаторами, посылаемыми в провинцию, Ленин заявит: «Вся буржуазия, чиновники, саботажники идут против вас, ибо они знают, что если народ это всенародное достояние, которое до сих пор находилось в руках капиталистов и кулаков, распределит между собой, то он очистит Россию от трутней и плевел»; ясно сознавая, что это грабеж, подтверждает слова старика большевика: «...мы грабим награбленное»⁸².

Точно по законам войны, Ленин решает перейти от разрушения и грабежа к «наведению порядка» посредством железной дисциплины, учета конфискованного. Главное остается — дальнейшее обобществление. «...Государственный капитализм, — считал Ленин, — был бы спасением для нас; если бы мы имели в России его, тог-

да переход к полному социализму был бы легок, был бы в наших руках, потому что государственный капитализм есть нечто централизованное, подсчитанное, контролируемое и обобщественное...»⁸³

Огосударствленное централизованное промышленное производство было явно недостаточно для социалистического строительства, ибо необобщественным оставался самый большой, средний слой населения России. «Ясное дело, — с пониманием отмечал Ленин, — что в мелкокрестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, землевладельцев — мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там спекулянты, и главным предметом спекуляции является хлеб»⁸⁴. А хлебом овладеть было невозможно без очередного подавления его производителя.

«Что такое подавление буржуазии? — спрашивая, разъяснял Ленин. — Помещика можно подавить и уничтожить тем, что уничтожено помещичье землевладение и земля передана крестьянам. Но можно ли буржуазию подавить и уничтожить тем, что уничтожен крупный капитал? Всякий, кто учился азбуке марксизма, знает, что так подавить буржуазию нельзя, что буржуазия рождается из товарного производства; в этих условиях товарного производства крестьянин, который имеет сотни пудов хлеба лишних, которые он не сдаст государству, и спекулирует — это что? Это не буржуазия?.. Вот что страшно, вот где опасность для социалистической революции!»

Таким образом, социалистическая революция была невыгодна большей части населения России. А те, кто хотел продавать излишки товаров своего труда по собственной цене, объявлялись спекулянтами и, по указанию Ленина, «расстреливались на месте преступления».

Главным врагом социализма, утверждал Ленин, является мелкобуржуазная стихия. «...Мелкий буржуа имеет запас деньжонок в несколько тысяч накопленных «прав-

дами» и особенно неправдами... Деньги — это свидетельство на получение общественного богатства, — подчеркивал Ленин, — и многомиллионный слой мелких собственников крепко держит это свидетельство, пряча его от «государства», ни в какой социализм и коммунизм не веря... Мелкий буржуа, хранящий тыщонки, враг... и эти тыщонки он желает реализовать непременно для себя»⁸⁵.

Наличие денег — существенный фактор не столько благосостояния, как самостоятельности, независимости от власти, чего не мог позволить Ленин даже подавляющему большинству населения России. По мнению Ленина, необходимо было учесть и проконтролировать все государственное и личное. К тому же личное необходимо было огосударствить. Самым могучим средством учета, контроля и экспроприации должны были стать «хлебная монополия, хлебная карточка, всеобщая трудовая повинность». Вождь считал: «От трудовой повинности в применении к богатым власть должна перейти, а вернее, одновременно должна поставить на очередь применение существующих принципов (хлебная карточка, трудовая повинность и принуждение) к большинству трудящихся рабочих и крестьян... Следует добиваться подчинения, и притом беспрекословного, единоличным распоряжением советских руководителей, диктаторов, выбранных или назначенных, снабженных диктаторскими полномочиями...»⁸⁶

Ясно понимая, что подчинятся не все, особенно те, кто имел какой-то запас денег на пропитание, Ленин буквально неделю спустя на первом Всероссийском съезде представителей всех финансовых отделов Советов 18 мая 1918 г. по поводу денежной реформы директивно заявил: «Мы назначим самый короткий срок, в течение которого каждый должен будет сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен их новые; если сумма скажется небольшой, он получит рубль за рубль; если же она превысит норму, он получит лишь часть. Мера эта, несомненно, встретит сильнейшее противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны деревенского кулачества, разбогатевших на войне и

зарывших в землю бутылки, наполненные тысячами бумажных денег. Мы встретимся грудь с грудью с классовым врагом. Борьба будет тяжелая, но благодарная»⁸⁷.

Действительно, не благодатная, а «благодарная», ибо очередной грабительский куш ожидался немалый. Итак, от «экспроприации экспроприаторов» Ленин объявлял войну народу, лицемерно заявив на 3-м Всероссийском съезде профсоюзов 7 апреля 1920 г.: «Диктаторская власть и единоличие не противоречат социалистическому демократизму»⁸⁸.

Таким образом, ни о какой гуманности социализма и истинном демократизме не могло быть и речи. Ленин и в столь ясные понятия вносил свой смысл, выдавая его за «диктатуру пролетариата, за железную, беспощадную, твердую власть рабочих, которая ни перед чем не останавливается и которая говорит: кто не с нами — тот против нас, и малейшее сопротивление против этой власти будет сломлено»⁸⁹. Вместе с тем Ленин справедливо подчеркивал: «Не надо забывать тем, кто особенно клеветает на большевиков, что диктатура означала больше всего жертв, больше всего голода для самих рабочих, которые ее осуществляли»⁹⁰.

Зачем же нужна была «диктатура пролетариата», если она доставляла рабочим такие неприятности? А истина в том, что диктатура была большевистской, под непосредственным идейным руководством их вождя: «Мы не имеем другой армии для победы, — считал Ленин, — кроме 600 000 коммунистов и 3 000 000 членов профсоюзов...»⁹¹ В июне 1919 г. Ленин уточнит: «200 000 и 4 000 000 — вот соотношение «зубчатых колес»... Они в гигантском большинстве за пролетарскую государственную власть, за диктатуру пролетариата»⁹². А многомиллионная масса «полутружеников, полуспекулянтов», по мнению Ленина, должна превратиться в тружеников, которая «поддерживает ту «машину» государства, которая возглавляется сотней-другой тысяч коммунистического пролетарского авангарда и состоит из миллионов организованных пролетариев». И вся эта организация по типу стада рабочего

скота, с точки зрения ее создателя, должна была стать идеалом общественного устройства. «Более демократического, в истинном смысле слова, — утверждал Ленин, — более тесно связанного с трудящимися и эксплуатируемыми массами государства на свете еще не бывало»⁹³. Но чем же эта новизна отличилась от рабовладельческих и феодальных государств?

Весной — летом 1918 г. продолжается процесс обобществления отраслей промышленности и создание условий национализации всей крупной индустрии. 20 мая 1918 г. на заседании ВЦИК Я.М. Свердлов констатировал: «Если в городах нам удалось практически убить нашу крупную буржуазию, то этого пока еще не можем сказать о деревне... Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая не так давно шла в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, — подчеркивал секретарь ЦК РКП(б), — только в том случае сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделаем то, что смогли сделать для городов»⁹⁴. Декрет СНК от 28 июня 1918 г. о национализации всей крупной промышленности, предприятий железнодорожного транспорта и паровых мельниц стал заключительным этапом экспроприации экспроприаторов даже мелких промышленных предприятий.

Таким образом, в основном вопросе — борьбы с богатыми, а главное, с голодом, Ленин приоритетным ставил самое простое, но крайне опасное: отнять и разделить, что неизбежно вело к гражданской войне.

Битва за хлеб

Продовольственный кризис, начавшийся в 1915 г. в связи с общим расстройством российской экономики вследствие войны, поставил страну перед экономической катастрофой. Временным правительством были созданы

Общегосударственный и местные продовольственные комитеты. Министерством продовольствия 25 марта 1917 г. была введена хлебная монополия и карточная система на продукты питания. Установленная норма составляла — один фунт (410 г.) хлеба в день. Вместе с тем на втором Всероссийском торгово-промышленном съезде, проходившем с 3 по 5 августа, П.П. Рябушинский призвал «людей торговли» задушить революцию «костлявой рукой голода и народной нищеты». Запасы хлеба, по данным Министерства продовольствия, в августе составляли 26 млн пудов, которых хватило бы для снабжения населения по 0,75 фунта (300 г.) в день в течение одного месяца. В Петрограде и Москве хлебный паек составлял 0,5 фунта. К тому же твердые цены на хлеб были повышены вдвое.

Таким образом, хлеб становился не только основным продуктом питания, но и важнейшим орудием политики. Борьба за хлеб превращалась в битву за власть.

Программу выхода из продовольственного кризиса и дальнейшей аграрной политики большевиков Ленин изложил на первом Всероссийском съезде крестьянских депутатов в мае 1917 г.: «...хозяйство на отдельных участках, хотя бы «вольный труд на вольной земле», — это не выход из ужасного кризиса, из всеобщего разрушения, это не спасение. Необходима всеобщая трудовая повинность, нужна величайшая экономия человеческого труда, нужна необыкновенно сильная и твердая власть, которая была бы в состоянии провести эту всеобщую трудовую повинность; ее не могут провести чиновники, ее могут провести только Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, потому что это — сам народ, сами народные массы... необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах...»⁹⁵

Однако обстоятельства борьбы за власть, необходимость привлечения на свою сторону крестьянства вынуждают большевиков принять эсеровскую аграрную программу. И все же сразу после захвата власти большевики стали создавать продовольственные отряды из рабочих, которые направлялись в деревню за хлебом. Если было

на что его выменять, походы заканчивались благополучно. Чаше забирали хлеб силой. «Сплошь и рядом, — признавал даже Ленин, — по неопытности советских работников, по трудности вопроса удары, которые предназначались для кулака, падали на среднее крестьянство»⁹⁶.

Вопрос о земле был конкретизирован «Основным законом о социализации земли» от 27 января 1918 г., который фактически означал, по определению Ленина, «национализацию земли»⁹⁷. Сама «национализация» земли в «народническом законе» провозглашалась косвенно, в той мере, в какой «всякая собственность на землю, недра, воды, леса и живые силы природы» объявлялась навсегда отмененной. Вместе с тем народнический принцип наделения землей по «потребительно-трудовой» норме, то есть в соответствии с тем, сколько земли нужно каждому, чтобы прокормиться, и сколько каждый в силах обработать или «по едокам», непременно должен был возродить новое неравноправие в крестьянской среде, породить новых эксплуататоров. В «Основном законе...» сохранялся большевистский принцип коллективного ведения наиболее развитых и технически оснащенных крупных хозяйств, что лишь отчасти спасло их от поголовного разграбления имущества помещиков. Были аннулированы все долги и закладные крестьян. Главным же результатом «черного передела», о котором страстно мечтала деревенская беднота, стало уничтожение целого класса помещиков и зажиточного крестьянства, которые на протяжении всей предыдущей истории обладали большим весом в жизни России. Наконец-то свершилось задуманное Марксом: «Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Следующим шагом диктатуры большевиков явилось введение продовольственной разверстки среди крестьян. 9 мая 1918 г. декретом ВЦИК и СНК «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими», были

установлены основные положения продовольственной диктатуры:

«1) Подтверждая незыблемость хлебной монополии и твердых цен, а также необходимость беспощадной борьбы с хлебными спекулянтами-мешочниками, обязать каждого владельца хлеба весь избыток сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок после объявления этого постановления в каждой волости. Порядок этих заявок определяется Народным Комиссариатом Продовольствия через местные продовольственные органы.

2) Призвать всех трудящихся и неимущих крестьян к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками.

3) Объявить всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на ссыпные пункты, а также расточающих хлебные запасы на самогонку, врагами народа, предавать их революционному суду с тем, чтобы виновные приговаривались к тюремному заключению на срок не менее 10 лет, изгонялись навсегда из общины, все их имущество подвергалось конфискации, а самогонщики, сверх того, присуждались к принудительным общественным работам.

4) В случае обнаружения у кого-либо избытка хлеба, не заявленного к сдаче, согласно пункту 1-му, хлеб отбирается у него бесплатно, а причитающаяся по твердым ценам стоимость незаявленных излишков выплачивается в половинном размере тому лицу, которое укажет на сокрытые излишки, после фактического поступления их на ссыпные пункты, и в половинном размере — сельскому обществу. Заявления о сокрытых излишках делаются местным продовольственным организациям...

Применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов...»⁹⁸

Именно Ленин дополнил декрет о продовольственной диктатуре жесткой формулировкой: «Объявить всех владельцев хлеба, имеющих излишки и не вывозящих их на

ссыпные пункты, а также всех, расточающих хлебные запасы на самогонку, врагами народа, предавать Революционному суду и подвергать впредь заключению в тюрьме не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из своей общины...»⁹⁹

Для выправления катастрофического положения в стране Ленин пишет 26 мая тезисы по текущему моменту, в которых предлагает: «...сосредоточить 9/10 работы Военного комиссариата на переделке армии для войны за хлеб и на ведение такой войны — на 3 месяца: июнь—август.

2) Объявить военное положение во всей стране на то же время.

3) Мобилизовать армию, выделив здоровые ее части, и призвать 19-летних, хотя бы в некоторых областях, для систематических военных действий по завоеванию, отво-еванию, сбору и свозу хлеба и топлива...»¹⁰⁰

Понимая, что разбойничьи функции армии приведут к ее разложению, Ленин предлагал: «Ввести расстрел за дисциплину»¹⁰¹.

О формах и методах борьбы за хлеб красноречиво писали крестьяне Марии Спиридоновой:

«По приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, чтобы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились сечь, что сразу две рубашки внизывались в тело мужика-труженика. Отмачивали потом в бане или просто в пруду, некоторые по несколько недель не ложились на спину. Взяли у нас все дочиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить...»

«Матушка наша, скажи, к кому же теперь пойти, у нас в селе все бедные и голодные, мы плохо сеяли — не было достаточно семян, у нас было три кулака, мы их давно ограбили, у нас нет буржуазии, у нас надел 2/4-1/2 на душу, прикупленной земли не было, а на нас наложена контрибуция и штраф, мы побили нашего большевика-комиссара, больно он нас обижал. Очень нас пороли, ска-

зять тебе не можем, как. У кого был партийный билет от коммунистов, тех не секли. Кто теперь за нас заступится? Все сельское общество тебе земно кланяется».

«Взяли нас и били, одного никак не могли усмирить, убили его, а он был без ума... Оставили нам много листов и брошюр. Мы их пожгли, все один обман и лесть».

«В комитеты бедноты приказали избирать из большевиков, а у нас все большевики вышли все негодящие из солдат, отбившиеся, прямо скажем, хуже дерьма. Мы их выгнали. То-то слез было, как они из уезда Красную армию себе в подмогу звали. Кулаки-то откупились, а крестьянам спины все исполосовали, и много увезено, в 4 селах 2-3 человека убито, мужики там взяли большевиков в вилы, их за это постреляли».

«Мы не прятали хлеб, мы, как приказали по декрету, себе оставили 9 пудов в год на человека. Прислали декрет оставить 7 пудов, два пуда отдать. Отдали. Пришли большевики с отрядами. Разорили вконец. Поднялись мы. Плохо в Южновском уезде, побиты артиллерией. Горят села, сровняли дома с землей. Мы все отдавали, хотели по-хорошему. Знали, город голодный. Себя не жалели. Левые социалисты-революционеры все ходили и учили — не прячьте, отдавайте».

Или... Идет уездный съезд. Председатель, большевик, предлагает резолюцию. Крестьянин просит слова. «Зачем?» — «Не согласен я». — «С чем не согласен?» — «А вот, говоришь, комитетам бедноты вся власть, не согласен: вся власть Советам, и резолюция твоя неправильная. Нельзя ее голосовать». — «Как... Да ведь это правительственной партии». — «Что ж, что правительственной». Председатель вынимает револьвер, убивает наповал крестьянина, и заседание продолжается. Голосование было единогласным.

«Велели нам красноармейцы разойтись. А мы собрались думать, что нам делать, как спастись от разорения. Мы все по закону сполна отвезли на станцию. А они опять приехали. Велели со сходов уйти. Мы их честно стали просить оставить нас. Обед им сготовили, все несем,

угощаем, что хотят берут, даем без денег, не жалуемся, а они пообедали и начали нас всячески задирать. Одно-го красноармейца поколотили. Они нас пулеметом, огнем. Убитые повалились...

И вот пришли мужики потом. Шли все 6 волостей степной, на протяжении 25 верст со всех сторон: с плачем всех жен, матерей, с причитаниями, с вилами, железными лопатами, топорами. Шли на совет.

Не сделали бы такой пропаганды 1000 агитаторов-большевиков, как они сами ухитряются: теперь им к нам не показаться»¹⁰².

Так методами антикрестьянского террора проводились на практике ленинские идеи борьбы за социализм. А результатом явилось не только сопротивление крестьянства, но и еще больший террор большевиков, разжигавший гражданскую войну, подрывавший основы Советской власти, рушивший союз рабочих и крестьян.

В связи с введением продовольственной диктатуры в мае—июне 1918 г. была создана Продольственно-реквизиционная армия Наркомпрода РСФСР, состоящая из вооруженных продотрядов. Для руководства Продармией 20 мая 1918 г. при Наркомпроде было создано Управление главного комиссара и военного руководителя продотрядов. Задачи Продармии состояли в организации сельской бедноты, реквизиции хлеба, подавлении мятежей, несении заградительной службы на дорогах, проведении агитационно-пропагандистской работы среди крестьянства.

Опорными пунктами диктатуры пролетариата в деревне являлись комитеты бедноты (комбеды), учрежденные декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г., утвердившим декрет СНК от 8 июня «Об организации и снабжении деревенской бедноты...». Решающую роль в создании комбедов играли партийные организации совместно с Советами и продотрядами. Комбеды перераспределяли земельный фонд Советской России в соответствии с трудовой нормой и по числу едоков, в результате чего у кулаков было отобрано 50 миллионов гектаров земли, что составляло примерно треть сельскохозяйственных угодий. На 2 миллиона ру-

блей было конфисковано у зажиточных крестьян сельскохозяйственных орудий и машин. Комбеды осуществляли раскладку и сбор единовременного 10-миллиардного налога с кулачества. Так начиналось уничтожение сельскохозяйственных предпринимателей. «Они, кулаки и мироеды, — не менее страшные враги, чем капиталисты и помещики, — подчеркивал Ленин, выступая на совещании делегатов комитетов бедноты 8 ноября 1918 г. — И если кулак останется нетронутым, если мироедов мы не победим, то неминуемо будет опять царь и капиталист...

...Выход только в общественной обработке земли...

Этого сознания у вас не было, но жизнь сама приводит вас к этому убеждению. Коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян — вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства, вот в чем средство поднятия и улучшения хозяйства, экономии сил и борьбы с кулачеством, туеядством и эксплуатацией»¹⁰³.

Так масштабно мечтал вождь, а на деле каждый жил своим умом. И как только его интересы задевала Советская власть, которой все больше и больше нужен был хлеб, который она забирала бесплатно, крестьяне ей все больше и больше противились. «...Коммунары бегут из коммун, желая избавиться от всяких невзгод», — заявлял председатель Губсоюза Владимирской губернии. «...Крестьяне предпочитают иметь собственное, хотя бы и маленькое и несовершенное хозяйство», — говорил представитель Тверской губернии в декабре 1919 г. на первом Всероссийском съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей¹⁰⁴.

К тому же Ленин прекрасно знал мнение видных специалистов сельского хозяйства П.Я. Гурова, теоретиков-аграрников А.Н. Чаянова, В.П. Кондратьева и др. ведущих работников Наркомата земледелия, в отчете которого за пять лет (1917–1922 гг.) «битвы за хлеб — битвы за социализм» был сделан недвусмысленный вывод: «Надеяться перестроить организацию путем укрепления совхозов и сельскохозяйственных коллективов — значит идти по утопическому пути»¹⁰⁵.

Положением ВЦИК от 14 февраля 1919 г. «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» узаконено, что «в чьем бы пользовании она (земля. — В.П.) ни состояла», отныне вся земля считалась «единым государственным фондом». Тем самым декрет о земле был фактически отменен. Положение признавало все виды единоличного землепользования «переходящими и отживающими»¹⁰⁶.

Итак, гражданская война в России шла не только на фронтах вооруженного противоборства, но и внутри страны с основной массой народа, который, точно скот, гнал в коммунистическое стойло под строгий надзор бездарных партийных «пастухов» всезнающий вождь. По данным Наркомзема, число коллективных хозяйств составляло¹⁰⁷:

Годы:	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Коммуны	975	1961	1892
Артели	604	3605	7722
ТОЗы	662	886	

И несмотря на то, что в 1920 г. в артелях состояла почти половина всех крестьянских хозяйств, большинство из них влачило жалкое существование. Окончательным актом, закрепляющим государственную зависимость крестьян, стал декрет восьмого Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920 г.) «О мерах укрепления и развития крестьянского хозяйства», который предписывал крестьянину-единоличнику, что его труд является «государственной повинностью», а сеять он обязан по Госплану, что вело к явно несчастным последствиям. Трагическим итогом стал голод 1921 г., при котором ярые безбожники объявили очередную грабительскую кампанию по изъятию церковных ценностей, якобы для передачи их в помощь голодающим.

В августе патриарх Тихон основал Всероссийский церковный комитет помощи голодающим и обратился с воззванием «К народам мира и православному человечеству», в котором просил о помощи стране, «кормившей

многих и ныне умирающей с голоду». В феврале 1922 г. в церковно-приходские общины и Советы поступило патриаршее разрешение жертвовать на нужды драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления. Однако Всероссийский церковный комитет был закрыт именем Советской власти, собранные им средства реквизированы.

2 января 1922 г. был принят декрет ВЦИК об изъятии музейного имущества. 26 февраля в дополнение к нему было опубликовано постановление о необходимости немедленно изъять «из церковных имуществ, переданных в пользование группам верующих всех религий по описям и договорам все драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа, и передать их в органы НКФина со специальным назначением в фонд ЦК ПОМГОЛ»¹⁰⁸.

13 марта Политбюро постановило допустить «советскую часть» духовенства в органы Помгола в связи с изъятием ценностей из церквей¹⁰⁹. Свое предложение Троцкий мотивировал так: «Вся стратегия наша в данный период должна быть рассчитана на раскол среди духовенства на конкретном вопросе: изъятие ценностей церквей. Так как вопрос острый и раскол на этой почве должен и может принять очень острый характер в той части духовенства, которая выскажется за изъятие и поможет изъятию, и уже возврата назад к клике патриарха Тихона не будет... Посему полагаю, что блок с этой частью попов можно временно довести до введения их в Помгол, тем более что нужно устранить какие бы то ни было подозрения и сомнения насчет того, что будто изъятые из церквей ценности расходуются не на нужды голодающих»¹¹⁰.

О жесточайшем терроре и ограблении, организованном руководителями октябрьского 1917 г. переворота против духовенства и Русской Православной Церкви, повествует документ, написанный собственноручно большевистским вождем 19 марта 1922 г. по поводу происшествия в Шуге.

«Товарищу Молотову для членов Политбюро
Строго секретно

Просьба ни в коем случае копий не снимать,
а каждому члену Политбюро
(тов. Калинин тоже) делать свои
пометки на самом документе.
Ленин.

...Так как я сомневаюсь, чтобы мне удалось лично присутствовать на заседании Политбюро 20 марта, то поэтому изложу свои соображения письменно.

Происшествие в Шуе должно быть поставлено в связь с тем сообщением, которое недавно РОСТА переслало в газеты для печати, а именно сообщение о подготовляющемся черносотенцами в Питере сопротивлении декрету об изъятии церковных ценностей. Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании Патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент...

Я думаю, что здесь наш противник делает громадную ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем с 99 из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления. Именно теперь и

только теперь громадное большинство крестьянской массы будет либо за нас, либо, во всяком случае, будет не в состоянии поддержать сколько-нибудь решительно ту горстку черносотенного духовенства и реакционного городского мещанства, которые могут и хотят испытать политику насильственного сопротивления советскому декрету.

Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы. Взять в свои руки этот фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. А сделать это с успехом можно только теперь. Все соображения указывают на то, что позже сделать это нам не удастся, ибо никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс, который бы либо обеспечил нам сочувствие этих масс, либо по крайней мере обеспечил бы нам нейтрализацию этих масс в том смысле, что победа в борьбе с изъятием ценностей останется безусловно и полностью на нашей стороне.

Один умный писатель по государственным вопросам справедливо сказал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществить их самым энергичным образом и в самый короткий срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут. Это соображение в особенности еще подкрепляется тем, что по международному положению России для нас, по всей вероятности, после Генуи окажется или может оказаться, что жестокие меры против реакционного

духовенства будут политически нерациональны, может быть, даже чересчур опасны. Сейчас победа над реакционным духовенством обеспечена полностью. Кроме того, главной части наших заграничных противников среди русских эмигрантов, т.е. эсерам и милликовцам, борьба против нас будет затруднена, если мы именно в данный момент, именно в связи с голодом проведем с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства.

Поэтому я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Самую кампанию проведения этого плана я представляю следующим образом:

Официально выступать с какими бы то ни было мероприятиями должен только тов. Калинин — никогда и ни в каком случае не должен выступать ни в печати, ни иным образом перед публикой тов. Троцкий.

Посланная уже от имени Политбюро телеграмма о временной приостановке изъятий не должна быть отменяема. Она нам выгодна, ибо посеет у противника представление, будто мы колеблемся, будто ему удалось нас запугать (об этой секретной телеграмме, именно потому, что она секретна, противник, конечно, скоро узнает).

В Шую послать одного из самых энергичных, толковых и распорядительных членов ВЦИК или других представителей центральной власти (лучше одного, чем нескольких), причем дать ему словесную инструкцию через одного из членов Политбюро. Эта инструкция должна сводиться к тому, чтобы он в Шую арестовал как можно больше, не меньше чем несколько десятков, представителей местного духовенства, местного мещанства и местной буржуазии по подозрению в прямом или косвенном участии в деле насильственного сопротивления декрету ВЦИК об изъятии церковных цен-

ностей. Тотчас по окончании этой работы он должен приехать в Москву и лично сделать доклад на полном собрании Политбюро или перед двумя уполномоченными на это членами Политбюро. На основании этого доклада Политбюро даст детальную директиву судебным властям, тоже устную, чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров.

Самого Патриарха Тихона, я думаю, целесообразно нам не трогать, хотя он, несомненно, стоит во главе всего этого мятежа рабовладельцев. Относительно него надо дать секретную директиву Госполитупру, чтобы все связи этого деятеля были как можно точнее и подробнее наблюдаемы и вскрываемы именно в данный момент. Обязать Дзержинского, Уншлихта лично делать об этом доклад в Политбюро еженедельно.

На съезде партии устроить секретное совещание всех или почти всех делегатов по этому вопросу совместно с главными работниками ГПУ, НКЮ и Ревтрибунала. На этом совещании провести секретное решение съезда о том, что изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть произведено с беспощадной решительностью, безусловно, ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать.

Для наблюдения за быстрейшим и успешнейшим проведением этих мер назначить тут же на съезде, т.е. на секретном его совещании, специальную комиссию при обязательном участии т. Троцкого и т. Калинина, без

всякой публикации об этой комиссии с тем, чтобы подчинение ей всей операции было обеспечено и проводилось не от имени комиссии, а в общесоветском и общепартийном порядке. Назначить особо ответственных наилучших работников для проведения этой меры в наиболее богатых лаврах, монастырях и церквях.

Ленин.

Прошу т. Молотова постараться разослать это письмо членам Политбюро вкруговую сегодня же вечером (не снимая копий) и просить их вернуть Секретарю тотчас по прочтении с краткой заметкой относительно того, согласен ли с основой каждый член Политбюро или письмо возбуждает какие-нибудь разногласия.

Ленин 19. III. 22 г.»¹¹¹

Трудно обойтись без цитирования, ибо будет неточным, столь дьявольского документа. Такие противозаконные инструкции не могли исходить от главы государства, большинство граждан которого были верующими. Они могли лишь исходить от главаря банды, а посему они и строго секретны, да и «приняла по телефону М. Володичева» столь позорный циркуляр своего шефа и вождя большевиков.

Основные положения ленинского письма были утверждены декретом СНК СССР «Об изъятии церковных ценностей», то есть юридически закрепив ограбление. Через месяц, 20 марта 1922 г., Политбюро ЦК РКП(б) приняло «план проведения по всей стране кампании по изъятию церковных ценностей»¹¹². Во исполнение «плана» М.И. Калинин — «Всероссийский староста» и кандидат в члены Политбюро — шифрованной телеграммой известил губкомы и губисполкомы, что изъятие ценностей закончить в европейской части к 1 мая, последний срок для Сибири — 1 июня. «Губкомы и губисполкомы, которые не закончат изъятие [к] указанному сроку, будут привлечены к ответственности по партийной и советской линии»¹¹³. За подписями секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова и предсе-

дателя ВЦИК М.И. Калинина губкомам и губисполкомам был послан «совершенно секретный» циркуляр: комиссии по изъятию церковных ценностей соглашаются на предложения верующих выкупать религиозные раритеты. И все же церковные ценности не утрачивали факта их дальнейшего огосударствления. «Неполное изъятие церковных ценностей будет рассматриваться как нерадение местных органов»¹¹⁴.

Комиссия по изъятию, учету и сосредоточению церковных ценностей (Троцкий, Калинин, Уншлих, Сапронов, Яковлев, Белобородов и др.) предложила газетам «дать более яркое и открытое выражение голосу тех попов, которые недовольны курсом Тихона и склонны провести не за страх, а за совесть декрет Советской власти об изъятии ценностей»¹¹⁵. 18 мая 1922 г. за подписями В.М. Молотова и М.И. Калинина губкомам и губисполкомам послан «совершенно секретный» циркуляр: «Необходимо поддерживать лояльное духовенство, которое точно и прямо призывает верующих к исполнению декрета ВЦИК об изъятии ценностей»¹¹⁶.

Секретнейшее, рукописное в единственном экземпляре послание Ленина членам Политбюро, секретный план Политбюро и совершенно секретный циркуляр Советской власти ясно свидетельствуют о четкой ленинской директиве, об антинародности партийно-государственного управления.

Возмущение верующих доходило до столкновения с войсками. За три месяца выполнения «плана» было зарегистрировано 1414 столкновений¹¹⁷. Судебные процессы, связанные с сопротивлением изъятию церковных ценностей, состоялись в Москве, Петрограде, Шуе, Иваново-Вознесенске, Смоленске, Старой Руссе и других городах многострадальной России. Кровь священников и паствы окропила разграбленные святыни.

«...Мы ободрали церковь, как липку, — с гордостью констатировал заслуги большевиков Н. Бухарин, — и на ее «святые ценности» ведем свою мировую пропаганду, не дав из них ни шиша голодающим; при ГПУ мы воздвигли

свою «церковь» при помощи православных попов, и уж доподлинно врата ада не одолеют его; мы заменили требуху филаретовского катехизиса любезной моему сердцу «Азбукой коммунизма», Закон Божий — политграмотой, посыпали с детей крестики да ладанки, вместо икон повесили «вождей» и постарались для Пахома и «низов» открыть мощи Ильича под коммунистическим соусом... Дурацкая страна!»¹¹⁸

Дурак — понятие относительное, а «дурацкая страна» — тем более, ибо главным критерием дурости является нравственность человека. «...Наша нравственность, — утверждал Ленин, — подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата... Мы говорим: нравственность это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов»¹¹⁹. Хорош переход у идеологов нового российского общества — от «дурацкой страны» до «общества коммунистов». Не вдаваясь в социально-философскую характеристику «дураков» и «коммунистов», констатируем нравственную сторону ленинизма.

Ленин, уверенный в своем деле, был недостаточно убедителен для оппонентов. Поэтому его статьи, книги, выступления усилены неистощимой агрессивностью, насыщенной оскорблениями. Он третирует не только противников, но и несогласных с ним соратников: «Ренегат! Прислужник! Иудушка! Проститутка» и т.п. Оскорблениями дело не ограничивалось. По мнению Ленина, путь к «обществу коммунистов» пролегал только через разрушение посредством диктатуры пролетариата и «священной гражданской войны». Большевицкий вождь вступал в явное морально-нравственное противоречие, ибо насилие не является формой государственной власти, а коммунисты не должны иметь привилегированное положение даже в «дурацкой стране». Вместе с тем в России были силы, способные противостоять диктаторским деяниям большевиков и оформлявшемуся в государственную идеологию ленинизму.

ЛИКВИДАЦИЯ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

Упреки по поводу узурпации власти большевиками формально не были оправданны, ибо верховный законодательно-распорядительный орган РСФСР состоял из партий, участвовавших в работе съезда Советов и признавших его решения, хотя из 101 его членов большевиков было более половины, а левых эсеров около трети¹²⁰.

15 ноября 1917 г. произошло объединение ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов с ЦИК Советов крестьянских депутатов. Это фактически отражало заключение соглашения большевиков с левыми эсерами, представители которых вошли в состав Совнаркома. А.В. Колегаев стал наркомом земледелия, И.З. Штейнберг — наркомом юстиции, В.Е. Трутовский — народным комиссаром по местному самоуправлению, П.П. Прощян — наркомом почт и телеграфов, В.А. Карелин — наркомом имуществ Российской Республики, В.А. Алгасов (Бурдаков) и Л.М. Михайлов (Елинсон) — наркоматами без портфелей. Расширения двухпартийного состава Совнаркома были законодательно оформлены постановлениями ВЦИК 15 ноября, 9 и 12 декабря 1917 г.¹²¹

Ленин справедливо отмечал 18 ноября 1917 г., «что союз этот может быть «честной коалицией», честным союзом, ибо коренного расхождения интересов наемных рабочих с интересами трудящихся и эксплуатируемых крестьян нет»¹²². Все это так, но при условии честного партнерства, без ущемления прав и повышения благосостояния одних за счет других. Создание большевистско-левоэсеровского блока не изменило по существу власть диктатуры большевиков, которые принимали удобные им решения вопреки оппонентам во ВЦИК и СНК. Представители меньшинства подвергали действия большевиков резкой критике, даже ставили вопрос о недоверии Совнаркому, но результат голосования был предопределен.

Несмотря на утверждение Ленина, что Советская власть «выше партий», ибо она «создалась не по чьему-либо декрету, не по постановлению какой-либо партии...

она составлена по революционному опыту, по опыту миллионов людей...»¹²³, ключевые позиции в разветвленном государственном аппарате занимали партийцы-большевики, вне зависимости от их деловых качеств и уровня образования. Более того, исполнительно-распорядительный орган государственного управления Совнарком зачастую брал на себя законодательные функции ВЦИК. Так, вечером 4 ноября 1917 г. ВЦИК сделал запрос Председателю СНК В.И. Ленину:

«1. На каком основании проекты декретов и иных актов не представляются на рассмотрение ВЦИКа?

2. Намерено ли правительство отказаться от произвольно установленного им и совершенно недопустимого порядка — декретирования законов?»

Член ВЦИК, член ЦК партии левых эсеров В.А. Карелин подчеркнул, что «пролетарская власть, как власть по существу народная, должна идти навстречу контролю над собой... Между тем скоропалительность выпечки декретов, часто избыливающих не только юридическими упущениями, но и зачастую неграмотных, приводят к еще большим осложнениям...». Другой член ВЦИК, также член ЦК партии левых эсеров П.П. Прошьян, заявил более конкретно, касаясь существа принятого большевистским правительством Декрета о печати, который дает «яркое и определенное выражение системы политического террора и разжигания гражданской войны»¹²⁴.

Таким образом, советское большевистское правительство во главе с Лениным зачастую игнорировало многопартийный ВЦИК, являвшийся верховным органом власти, перед которым Совнарком должен быть ответственен в полной мере. Это явное противоречие как в системе Советской власти, так и в социализме было обусловлено все той же деспотической мерой, какой являлся «военный коммунизм».

Левые эсеры настаивали на принципе разделения властей, требуя от СНК отчитываться перед ВЦИК. Большевики же исходили из того, что законодательная и исполнительная власть должны представлять собой еди-

ное целое, подчиненное партии. Совнарком декретировал больше законов, чем ВЦИК, не считая нужным соблюдать «формальную законность», если она «могла затормозить или даже поставить под угрозу быстрое принятие срочного декрета» многопартийным ВЦИК. Борьба большевиков и левых эсеров происходила во всех отделах ВЦИК, особенно в крестьянском, которым руководили левые эсеры. «Но большевики, сломив сопротивление левых эсеров, меньшевиков, максималистов, сумели превратить ВЦИК в революционный орган государства диктатуры пролетариата, действующий в единстве с СНК, проводящий в жизнь политику Коммунистической партии»¹²⁵.

Настойчивая узурпация большевиками власти, неуважение к своим политическим оппонентам приводят к тому, что левые эсеры выходят из правительства, формально заявив о несогласии по поводу Брестского мира, который, по их мнению, отодвигал перспективы мировой революции. Фактические причины разрыва с большевиками были обсуждены на втором съезде ПЛСР в апреле 1918 г. «Вряд ли можно говорить серьезно, — заявил член ЦК Б. Камков, — о влиянии нашей партии в советском правительстве. Это влияние было настолько слабо, — подчеркнул Камков, — что мы не смогли отстоять даже того вопроса, который лежит краеугольным камнем в нашей программе, — диктатуры пролетариата и трудового крестьянства».

О деградации Советов как результате политики правящей партии говорил со знанием дела бывший нарком юстиции Советского правительства И.З. Штейнберг. «Надо признать, — подчеркнул он, — что наши советские органы развращаются все больше и с каждым днем. Вино власти многим так ударило в голову, что мы почти не умеем с этим справиться... Создается впечатление, что за деньги все можно сделать, что никогда партийные синекуры и кумовство не были так сильны, как теперь, что создается особая, советская, я бы сказал, преторианская бюрократия. Советское дело делается не народными массами, а специально поставленными людьми, которые пре-

вращаются в «профессионалов власти». Все горе в том, что Советская республика еще не родилась, что до сих пор она заменяется диктатурой даже не пролетариата, а верхушек его — отдельных партий и лиц».

По мнению делегата от Псковской губернии О.Л. Чижикова, «мы не будем входить в правительство не потому, что мы не хотели ратифицировать мир — это сущие пустяки. Но в правительство мы не будем входить по более глубоким... причинам, именно по тем, что в настоящий момент партия большевиков разрушается... А раз так, то мы должны сконцентрировать все свои силы, чтобы быть в состоянии взять в свои руки власть».

Пессимистически закончила свое выступление М. Спиридонова: «Когда мы из СНК вышли, то этим самым, может быть, осудили себя на гибель».

Съезд одобрил выход из Совнаркома большинством всего в 5 голосов. В компромиссной резолюции «По текущему моменту» говорилось: «Исходя из того, что выход из Совета Народных Комиссаров ни в коей мере не должен был повести к подрыву как центральных, так и местных органов Советской власти, съезд санкционирует решение ЦК об оставлении всех работников — членов партии во всех учреждениях и коллегиях Комиссариатов и других органов...»

Делегаты съезда ПЛСР констатировали прогрессирующий отказ от участия в выборах масс. Они отмечали, что затруднен контроль ВЦИК над правительством, связь Советов с избирателями слаба, да и избирательная система несовершенна, многоступенчата, что лишает права голоса значительные категории трудящихся, отдает приоритет городским рабочим, дискриминирует крестьянство. По мнению делегатов, в целях усовершенствования конструирования ВЦИК он должен избираться не на съезде Советов, а на местах прямыми выборами, что не только освободит его от ЦК политических партий, но и привлечет к работе в нем более знающих и компетентных людей.

Съезд принял политическую программу, в которой констатировалось:

«Партия левых социалистов-революционеров в настоящий момент будет отстаивать в политической области следующие меры:

1. Диктатуру трудового народа: вся власть как в центре, так и на местах должна принадлежать трудовому народу — его классовые органы должны править страной.

2. Советскую Республику. Органами ее являются съезды или пленумы (общие собрания) и исполнительные комитеты; первые — это органы высшего руководства, вторые — это органы, объединяющие в себе и законодательную власть (общие собрания Исполнительного комитета), и исполнительную власть (отделы Исполнительного комитета).

3. Свободную федерацию Советских Республик, образуемых на основе национальных, бытовых, производственных и территориальных особенностей.

4. Полноту местной исполнительной власти для местных Советов, заключающуюся в сосредоточении местными Советами в своих руках всех исполнительных функций и в праве назначения на все должности своих представителей.

5. Ценз труда при выборах в Советы и суды (представительство лишь от класса трудящихся), постепенное проведение прямого, равного, тайного и пропорционального голосования среди трудящихся, выборность по организациям труда, право созыва депутатов, обязанность отчета перед избирателями.

6. Реальное обеспечение осуществимости для трудящихся отрицательных прав свободы (свободы совести, слова, печати, собраний и союзов) и проведение в жизнь положительных прав свободы (права на воспитание и образование)».

Съезд подтвердил: «Главным требованием трудового крестьянства является повсеместное проведение социализации земли, т.е. отмены частной собственности на землю и проведение уравнительно-трудового землепользования, исключаящего наемный труд... Но социализация земли не может быть самоцелью, а лишь средством к конечной

цели проведения социализма. Навстречу этому идет естественный процесс широкого применения коллективного труда на общественной земле...»

Резолюции «По рабочей программе» и «По экономической политике», дополняя друг друга, составили единый блок документов. Особое внимание уделялось рабочему контролю, который виделся «не как отдача фабрик и заводов рабочим, железных дорог — железнодорожникам и т.д., а как организованный централизованный контроль над производством в общегосударственном масштабе... как переходная ступень в национализации и социализации предприятий»¹²⁶.

Итак, левые эсеры по политическим позициям были солидарны с большевиками, но расходились по отношению к крестьянству. Они покинули СНК, но остались во ВЦИК, коллегиях наркоматов, других учреждениях. Однако к лету 1918 г. антибрестский настрой стал нарастать; на этот раз он был обусловлен порочной, по их мнению, продовольственной политикой большевиков. Левые эсеры выступили против декретов «О продовольственной диктатуре» и «О комитетах бедноты». Во-первых, как «чистые демократы», — считали Л.М. Овруцкий и А.И. Разгон, — они были «против продовольственной диктатуры, как против диктатуры вообще». Во-вторых, идее централизации продовольственного дела они противопоставляли идею децентрализации, предлагая передать осуществление продовольственной политики в руки местных Советов. В-третьих, в декрете о продовольственной диктатуре говорилось не только о «деревенской буржуазии», о «кулаках», но и о «держателях хлеба» вообще.

На наш взгляд, левые эсеры не отрицали диктатуры «пролетариата и беднейшего крестьянства», но многие опасались непонимания точных границ между деревенскими эксплуататорами и трудящимися. Так, В.А. Карелин спрашивал: «Что... обозначает то чрезвычайно расплывчатое понятие: крестьянская буржуазия, кулаки, люди, имеющие в деревне излишек хлеба, которое выставлено в этом проекте декрета? Само собой разумеется,

что беспощадная борьба с теми, кто задерживает у себя излишки, должна быть; борьба с этим злом и составляет прямую обязанность Советской власти. Но нужно определить эту категорию... Нужно понять, что сейчас в деревне имеются элементы чисто трудовые, крестьянские, которые могут преследовать кулацкие элементы, и эти трудовые элементы могут быть оплотом в борьбе с кулаками...»

Левые эсеры были против кулака-миroeда, но опасались, что репрессии затронут мелкое и среднее крестьянство, поскольку декрет обязывал каждого «владельца хлеба» сдать его и объявлял «всех, имеющих излишек хлеба и не вывозящих его на сборные пункты... врагами народа». Проводившие четкое разграничение между эксплуататорами и эксплуатируемыми по источнику дохода, левые эсеры были не готовы, в отличие от большевиков, к признанию иной, «превращенной» формы эксплуатации «трудовым крестьянином» голодного рабочего, справедливо отмечалось в «Истории политических партий в России»¹²⁷.

Отношение левых эсеров к «комитетам бедноты» закономерно вытекало из их теории классов, не признающей за деревенской беднотой классово-категориального значения. Противопоставление деревенской бедноты всем другим слоям деревни, «трудовому крестьянству» им казалось бессмысленным и даже кощунственным. Не предполагая в деревенской бедноте созидательного начала, они называли комбеды не иначе как «комитетами лодырей». Более того, такие комитеты превращались в очередные экспроприационно-распределительные конторы бездельников и тунеядцев.

Первые же походы продотрядов в деревню вызвали в ней, как и предсказывали левые эсеры, «поножовщину», разрушили выборную Советскую власть. Среднее и мелкое крестьянство отшатнулось от большевиков. На VIII съезде РКП(б) Ленин вынужден был признать, что «сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство», но он не

мог объяснить, в чем состояла «трудность» столь очевидного вопроса. В то же время подчеркнул, «что тот, кто понимает переход к социализму без подавления буржуазии, тот не социалист»¹²⁸.

Левые эсеры, прекрасно понимая сущность классовой борьбы и разделяя в основном мнение большевиков по формам и методам революционной борьбы, не могли понять, где та грань, за которой стоит деревенский буржуа. Они были категорически против притеснения и тем более уничтожения крестьян, которые своими руками строили свой социализм и на своем горбу несли партийных управленцев в их социализм.

Владея государственными структурами, имея свои кадры на руководящих постах, партия большевиков на практике совместила законодательные и исполнительно-распорядительные государственные функции под своим диктатом. «После победы в Октябре государственная власть перешла к истинным представителям рабочего класса — к нашей партии», — говорилось в циркулярном письме ЦК РКП(б) всем членам партии от 18 мая 1918 г. А в циркулярном письме ЦК от 29 мая уже прямо признается верховенство большевиков: «Наша партия стоит во главе Советской власти. Декреты, мероприятия Советской власти исходят от нашей партии!» Ни о каких представителях других слоев населения и даже самого многочисленного крестьянства, ни о партии левых эсеров, с которой еще большевики были в блоке, не было даже упоминания. Какая-либо политически-властная коалиция была исключена, ибо свою диктатуру большевики даже не скрывали, считая, что их партия и есть государственная Советская власть, отражавшая истинные критерии социализма и на свое усмотрение проводившая их в жизнь.

Еще более разводило понимание бывших партнеров по правительственной коалиции исключение из Советов правых эсеров и меньшевиков, состоявшееся 14 июня 1918 г. Левые эсеры стояли на точке зрения демократизма и справедливо полагали, что, во-первых, нет оснований «устанавливать участие партий в контрреволюционных

попытках как партий», а во-вторых, «ставить вопрос (об исключении) до съезда Советов формально недопустимо, так как представители эсеров и меньшевиков (во ВЦИК) делегированы от съезда, и их исключение может быть решено только съездом». Решение ВЦИК от 14 июня, принятое голосами большевиков, точно дамоклов меч зависло над всей партией социалистов-революционеров.

Таким образом, большевики стали осуществлять функции, не свойственные политической партии. Идеология ленинизма стала превращаться в государственную политику, обязательную для всего населения России. И вся эта идеология насилия исходила от большевистских вождей, которые к лету 1918 г. объединяли в рядах своей партии 80–100 тысяч¹²⁹ членов почти 150-миллионной России.

Политическое противостояние большевиков и левых эсеров все более и более обострялось как по вине большевистского диктата, так и одержимо нацеленных на всемирную революцию левых эсеров. 24 июня ЦК ПЛСР принял решение, в котором отмечалось, что он «считает возможным и целесообразным организовать ряд террористических актов в отношении виднейших представителей германского империализма...»¹³⁰. Кто являлся представителем «германского империализма», догадаться было трудно.

В резолюции третьего съезда ПЛСР, проходившего 28 июня — 1 июля 1918 г. и представлявшего, по подсчетам мандатной комиссии, не менее 300 тысяч ее членов, политика РКП(б) подверглась резкой критике. «Повышенная централизация, — подчеркивалось в резолюции, — увеличивающая систему бюрократических органов диктатурой, применение реквизиционных отрядов, действующих вне контроля и руководства местных Советов, культивирование комитетов бедноты... все эти меры создают поход на Советы крестьянских депутатов, дезорганизуют рабочие Советы, вносят путаницу классовых отношений в деревне, создавая гибельный фронт города и деревни». В заключительном слове Камков при-

звал «вновь поднять революционное восстание... для восстановления погрязших завоеваний революции. В этой борьбе мы, левые эсеры, сыграем главную и решающую роль... Мировая революция, — заявил Камков, — придет путем нашего восстания против германского империализма». Съезд дал директиву ЦК «всемерно способствовать расторжению Брестского договора, не предпреляя ни одной формы такого расторжения».

Большие надежды левые эсеры возлагали на приближающийся пятый Всероссийский съезд Советов, на котором они имели 30% мандатов. Они предполагали, что «правительство и его партия под натиском революционного настроения трудящихся, идущих за партией левых эсеров, вынуждены будут изменить свою политику...». Однако первое же заседание съезда Советов, 4 июля, показало непримиримость позиции большевиков. Ленинцы оказались в большинстве потому, что мирная обстановка эгоистически влияла на массы, которые не хотели воевать с далекими немцами и тем более за всемирную революцию, но готовы были биться насмерть друг с другом за свое благосостояние. Одни отстаивали его, другие — присваивали якобы свое, о котором настойчиво твердили большевики.

6 июля сотрудником ВЧК, занимающимся вопросами безопасности германского посольства, Я.Г. Блюмкиным был убит граф Мирбах. Покушением на немецкого посланника левые эсеры решили «апеллировать к солидарности германского пролетариата, чтобы совершить реальное предостережение и угрозу мировому империализму, стремящемуся задушить русскую революцию, чтобы поставить правительство перед свершившимся фактом разрыва Брестского договора, добиться от него долгожданной объединенности и непримиримости в борьбе за международную революцию»¹³¹. Однако немецкий пролетариат не поддержал российских левых эсеров-террористов, правительство Германии не разорвало Брестского договора. Совнарком принял решение арестовать левоэсеровскую фракцию пятого съезда Советов, заявление Прошьяна,

разославшего телеграфом по всей России весть о взятии власти левыми эсерами, объявлялось авантюрой. Ленин телеграфировал И.В. Сталину 7 июля 1918 г.: «У нас заложниками сотни левых эсеров. Повсюду необходимо подавить беспощадно этих жалких и истерических авантюристов, ставших орудием в руках контрреволюционеров». И в конце: «...будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще»¹³².

13 человек наиболее активных зачинщиков были посажены на гауптвахту в Кремле. СНК создал следственную комиссию во главе с наркомом юстиции П. Стучкой. По делу было допрошено 650 человек, материалы следствия были переданы в Ревтрибунал ВЦИК. 11 человек, в том числе П. Прошьян, Б. Камков, Я. Блюмкин и др., получили по три года тюрьмы, к году заключения были приговорены Ю. Саблин и М. Спиридонова, которых через два дня, «принимая во внимание их прежние заслуги перед революцией», амнистировали¹³³.

Главное же заключалось в том, что террористический акт наиболее «решительных» левоэсеровских вождей расколол партию, дискредитировал ее членов и лишил возможности участия во власти.

Лидер партии левых эсеров Мария Спиридонова на гауптвахте Московского Кремля в ноябре 1918 г. изложила в открытом письме ЦК партии большевиков свое отношение к их политике. По мнению Спиридоновой, компромисс левых эсеров с большевиками нужен был, чтобы приобрести «возможность гласной борьбы с вами» (большевиками. — В.П.). Возмущение Спиридоновой и ее товарищей вызывало то, что «крестьянская масса была раздавлена, загнана, затравлена и поставлена под начало военно-революционных комитетов, исполкомов (назначаемых из большевиков) и чрезвычайек...».

«Когда вы увидели, — упрекала большевиков Спиридонова, — что наши массы от нас не ушли, тогда вы начали давить нас всей силой вашего партийного государственного пресса».

Спиридонова упрекает большевиков в том, что они уничтожили власть Советов, перестали считаться с властью трудящихся. «...Ваша политика, — утверждала Спиридонова, — объективно оказалась каким-то сплошным надувательством трудящихся...

Вместо социализированной промышленности — государственный капитализм и капиталистическая государственность; принудительно-эксплуатационный строй остается, с небольшой разницей насчет распределения прибыли, с небольшой, так как ваше многочисленное чиновничество в этом строю сожрет больше кучки буржуазии.

Вместо утвержденной при общем ликовании 3-м съездом Советов рабочих и крестьян социализации земли вы устроили саботаж ее и сейчас, развязав себе руки разрывом с нами, левыми социалистами-революционерами, тайно и явно, обманом и насилием подсовываете крестьянству национализацию земли — то же государственное собственничество, что и в промышленности...»

«Передышка, — по мнению М. Спиридоновой, — извратила нашу революцию и задержала на полгода германскую, ухудшила отношение к нам английских и французских рабочих, когда на западные фронты обрушились все освобожденные нами военные силы... Брест отрезал нас от источников экономического питания: от нефти, угля, хлеба, а ведь от этого-то прежде всего и гибнет наша революция...

Своим циничным отношением к власти Советов, своими белогвардейскими разгонами съездов и Советов и незаконным произволом назначенцев-большевиков вы поставили себя в лагерь мятежников против Советской власти, единственных по силе в России...

Подмена интересов трудящихся интересами тех, что согласен голосовать за вашу партию... ведет, конечно, к разложению живых творческих сил революции...

...Именем пролетариата, именем крестьянства вы свели к нулю все моральные завоевания нашей революции...

...Советская власть стала не советской, а только большевистской...

Среди вас есть крупные дарования и рядовые работники светлой убежденности и идейности, и все же вы устроили что-то вроде единственной в мире провокации над психологией масс, сделали ядовитую прививку в громадном масштабе, во имя идеи социализма — прививку отвращения, недоверия и ужаса перед этим социализмом-коммунизмом. За тот кусочек правды, что вы показали народу и помогли осуществить, вы превысили свое значение, потребовали себе, как великий инквизитор, полного господства над душой и телом трудящихся. А когда они стали сбрасывать вас, вы сдавили их застенками для борьбы с «контрреволюцией...»¹³⁴

С точки зрения левых эсеров, партия большевиков, придя к власти с помощью крестьян, подавила их, узурпировала власть, предала интернациональные революционные интересы, главным доводом своей политики сделала красный террор.

Однако авантюра левых эсеров во главе с М. Спиридоновой не снимала ответственности за совместные действия партии левых эсеров с большевиками по насаждению террора к политическим оппонентам, о чем свидетельствует разгон Учредительного собрания, действия ВЧК по разгрому анархистов в Москве в ночь с 11 на 12 апреля под руководством заместителя Дзержинского левого эсера Закса. 20 мая левые эсеры поддержали во ВЦИКе Свердлова, выступившего с предложением «восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии», т.е. фактически начать в деревне гражданскую войну.

На V съезде Советов в июле 1918 г. левые коммунисты Бухарин, Дзержинский, Коллонтай, Арманд и др., стоявшие между взбунтовавшимися эсерами и непоколебимыми ленинцами, предложили сформировать новый Совнарком — «Правительство Мировой Гражданской Войны и Международной Республики Советов».

Еще одной попыткой создать политическую коалицию явилось заявление левых меньшевиков о готовности с оружием в руках защищать Советскую власть. Летом 1919 г. они провели мобилизацию членов своей партии в Красную армию. Члены фракции во главе с Ф. Гуревичем (Даном) и Ю. Цедербаумом (Л. Мартовым) вернулись во ВЦИК. Последовательная критика большевиков вынудила их в 20-е г. выслать за границу оппонентов, ум которых признавал даже Ленин.

Так было покончено большевиками с попыткой создания политической коалиции, что окончательно развязало им руки и значительно обострило гражданскую войну. Вместе с тем большевикам могли противостоять еще Учредительное собрание и Советы крестьянских депутатов.

Идея созыва Учредительного собрания, представлявшего все слои населения и политические партии России, пользовалась популярностью большинства населения. Оно должно было сосредоточить всю полноту законодательной власти в стране, что гарантировало российским гражданам соблюдение их прав и свобод. До октябрьского переворота большевики настаивали на созыве Учредительного собрания. «...Мы требуем созыва всенародного Учредительного собрания, — писал Ленин в 1903 г., — которое должно быть выбрано всеми гражданами без изъятий и которое должно установить в России выборочную форму правления»¹³⁵. В речи на первом Всероссийском съезде крестьянских депутатов Ленин подчеркнул, что Учредительное собрание является «центральной государственной властью»¹³⁶, которое даст «всем народам России» гарантию правильности по всем вопросам»¹³⁷.

28 сентября 1917 г. в статье «Большевики должны взять власть» Ленин заявлял: «Только наша партия, взяв власть, может обеспечить созыв Учредительного собрания, и, взяв власть, она обвинит другие партии в оттяжке и докажет обвинение»¹³⁸.

Однако осуществили государственный переворот большевики за 17 дней до открытия Учредительного собрания, на котором должны были решаться вопросы, вол-

новавшие общество: основы государственного устройства страны, землепользования, национальных отношений, заключение справедливого мира. Учитывая это, Ленин в письме ЦК своей партии ультимативно настаивал: «...Ни в коем случае не оставлять власть в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью... Промедление в выступлении смерти подобно»¹³⁹. Таким образом, Ленин сознательно старался опередить широкопредставительное Учредительное собрание, захватить власть и диктовать свои условия.

Взяв власть, большевики обещали, что все вопросы, волнующие общество, «мы внесем... на обсуждение Учредительного собрания, которое будет властно решить, что можно и чего нельзя уступить»¹⁴⁰. Даже решения второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов принимались как временные до утверждения их Учредительным собранием. «Никаких колебаний не допустит новая революционная власть, — писала газета «Правда», — которая одна, в условиях социальной гегемонии интересов широких народных масс, способна довести страну до Учредительного собрания». Однако опасаясь, что Учредительное собрание лишит большевиков власти, Ленин требует 28 ноября, «чтобы Учредительное собрание признало Советскую власть и Советское правительство»¹⁴¹. В «Тезисах об Учредительном собрании» Ленин передергивает, говоря о несоответствии «между составом выборных в Учредительное собрание и действительной волей народа»¹⁴². В «Тезисах» диктаторски подчеркивается «предписание» признать Советскую власть и ее директивы. «Вне этих условий, — угрожает Ленин, — кризис в связи с Учредительным собранием может быть разрешен только революционным путем, путем наиболее энергичных, быстрых, твердых и решительных мер со стороны Советской власти...»¹⁴³, т.е. со стороны большевистского руководства методом диктата.

Выборы в Учредительное собрание, назначенные еще Временным правительством Керенского, состоялись

12 ноября. Они отразили политический настрой в обществе, принеся успех умеренным социалистам, меньшевикам и правым эсерам. В выборах участвовало 50% избирателей. В целом по стране большевики получили 25% голосов, по 67 губернским городам — 36,5%, в Петроградском гарнизоне — 79,2%. В Учредительное собрание, по неполным данным, было избрано 715 человек, в том числе 412 эсеров, из которых лишь 40 левых, 183 большевика, 16 кадетов, 15 меньшевиков, 2 народных социалиста, 1 беспартийный, 86 — от национальных групп. В.И. Ленин писал по этому поводу, что «крестьянство не могло еще знать правды о земле и о мире, не могло отличить своих друзей от врагов, от волков, одетых в овечьи шкуры».

Ленин не совсем точен, ибо крестьянство хорошо знало и одобряло позицию эсеров в отношении земельной реформы, популярность которой заставила самих большевиков принять ее в форме Декрета о земле. «И если даже крестьяне пойдут и дальше за социалистами-революционерами, — уверял 26 октября в комментариях по поводу принятия Декрета о земле Ленин, — и если они даже этой партии дадут на Учредительном собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так».

Ясно понимая неминуемую катастрофу своего правления, большевики решают утвердить его кулуарно. Накануне открытия Учредительного собрания 3 января 1918 г. ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов принял декрет, по которому «вся власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям. Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваема как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы». Однако решения ВЦИК должен был одобрить съезд Советов, но даже это не имело юридической силы, т.к. законодательным органом власти, избранным на основе всенародного голосования, было

Учредительное собрание. Но и им пытаются руководить вожди большевиков. В тезисах об Учредительном собрании, составленных Лениным 11 декабря, подчеркивалось, что Собрание могло быть разрешено только на основе приглашения о выборах новых членов по требованию местных Советов, а также на условии безусловного признания Советской власти. На что политические оппоненты ответили демонстрациями под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!».

4 января 1918 г. Ленин приказал одному из руководителей ВРК большевику Н. Подвойскому ввести в Петрограде военное положение и запретить любые публичные демонстрации и собрания, вплоть до применения оружия. На следующий день манифестации в поддержку Учредительного собрания были расстреляны. «Правда» лжет, — утверждал М. Горький в «Новой жизни», — когда пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи», «калединцы». «Правда» лжет — она прекрасно знает, что «буржуям» нечего радоваться по поводу открытия Учредительного собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 большевиков. «Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие... Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет позорного факта»¹⁴⁴.

5 января в 18 часов 1918 г. в Таврическом дворце было открыто Учредительное собрание старейшим его членом — правым эсером С. Шевцовым. Взявший слово председатель ВЦИК, секретарь ЦК РСДРП(б) Я.М. Свердлов зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предложил обсудить и принять ее, начать тем самым разработку «коренных оснований социалистического переустройства общества». Однако представитель фракции эсеров Лордкипанидзе предложил избрать председателем Учредительного собрания В.М. Чернова, другой же член Учредительного собрания Скворцов от фракции социал-демократов, большевиков и левых эсеров предло-

жил М.А. Спиридонову. 244 члена были за Чернова, 153 — за Спиридонову. Тем самым Учредительное собрание выразило поддержку эсерам и их программе более демократичных социально-экономических преобразований.

Основным вопросом Учредительного собрания Чернов считал аграрный, полагая, что «всеобщая передвижка земельного пользования не делается одним росчерком пера, не делается никакими плакатами, какими бы громкими именами эти плакаты ни назывались». Предлагая земельную реформу, а не простое выполнение Декрета о земле, Чернов подчеркивал, что «социализм не есть скороспелое приближение к равенству и нищете, не есть азартные и рискованные опыты на почве общего упадка, лишь ускоряющие разложение и разруху»¹⁴⁵.

«Это большевистская программа!» — выкрикивали правые эсеры. «Без пули вам не обойтись!» — кричали Чернову сидящие в зале матросы.

От имени большевиков Н. Бухарин заклеил Чернова и его соратников как соглашателей, предателей интересов пролетариата, да и всего народа. Он упрекал Чернова в том, что тот лишь на словах за социализм, а большевики хотят не только мечтать, но и осуществить социализм на деле уже сегодня, сейчас. Подводя итог, Бухарин заявил: «Стоит один вопрос... с кем мы будем... либо социализм под большевистским руководством, либо все враги, «калединцы». По-ленински категорично и безапелляционно.

Вопрос, по мнению Бухарина и его соратников, был предельно ясен: «за социализм» — это значит за решения большевистского II съезда Советов и правительства Ленина. «Против социализма» — инакомыслящие и сомневающиеся в возможностях большевиков построить светлое будущее — коммунизм.

Выступивший от социал-демократической объединенной (из групп меньшевиков в августе 1917 г.) фракции И. Церетели, предупреждая против «роковых опытов с социализмом», предсказывал, что в случае «разделения демократического единства» страну ожидает триумф

контрреволюции «на развалинах, оставшихся от большевизма».

Среди членов Учредительного собрания была распространена декларация РСДРП (объединенной), основные положения которой сводились к следующему:

«...Учредительное собрание собирается, когда вся страна охвачена пожаром гражданской войны, когда подавлены все демократические свободы, не существует ни неприкосновенности личности, ни жилища, ни свободы слова, ни собраний, ни союзов, ни даже свободы стачек, когда тюрьмы переполнены заключенными, испытанными революционерами и социалистами, даже членами самого Учредительного собрания, когда нет правосудия... когда анархическими попытками введения социалистического хозяйства в отсталой стране, при исключительно неблагоприятных международных и внутренних условиях, разлагаются и разрушаются все производительные силы ее, уничтожается возможность ее быстрого экономического возрождения, и тем самым миллионы рабочих, лишенные организации и... демократической свободы, обрекаются в самом близком будущем на все муки голода и безработицы, на безоговорочное подчинение всем требованиям капитала, когда расшатывается под ударами насилия мощная кооперативная организация и разлагаются боевые профессиональные союзы рабочего класса, когда земельное богатство страны беспорядочно расхищается более состоятельными группами деревенского населения и кулаками и выплывает из рук беднейших слоев крестьянства, которым революция обещала землю, когда страна распадается на ряд совершенно независимых друг от друга государств, в каждом из которых буржуазии легко будет использовать разрыв связей между отдельными отрядами русского пролетариата, чтобы наиболее полно обеспечить за собой все выгоды в грядущей борьбе труда с капиталом, когда, наконец, доведя до последнего предела дезорганизацию армии, совершенно обнажив фронт и довершив расстройство транспорта и производства, власть, не признанная большинством народа, ведет переговоры

о мире в таких условиях, на таких основаниях, которые сделают революционную Россию данницей германского империализма или же предадут обезоруженную страну на расхищение международному капиталу...

Рабочий класс должен требовать, чтобы все органы власти, возникшие на почве гражданской войны, признали верховную власть Учредительного собрания, передав ему целиком дело устройства российской демократической республики, дело немедленного заключения мира, укрепления земли за народом, регулирования промышленности и торговли и возрождения народного хозяйства в интересах и при деятельном участии трудящихся масс...»¹⁴⁶

Таким образом, оппоненты большевиков вскрывали правду ленинской диктатуры, развязавшей всеобщий террор и гражданскую войну, констатировали пагубность большевистского насилия, призывали ограничить ленинский произвол признанием верховной власти Учредительного собрания. Главное же, они не отрицали демократических свобод и начала социалистических преобразований в мире и согласии различных политических сил России.

«Декларацию прав трудящихся и эксплуатируемого народа», предложенную ВЦИК, Учредительное собрание забаллотировало 237 голосами против 146, ибо ее принятие означало фактический переход власти к Советам, контролируемым большевиками.

Союзники большевиков левые эсеры выступили с примирительной декларацией:

«1) Учредительное собрание открывается в решительный момент Великой Российской Революции. Свергнувшие политическое иго царизма трудящиеся увидели, что завоевания революции находятся в опасности. Имуций класс всеми простыми и сложными способами мешал осуществлению заветных чаяний трудящихся. Трудовой народ понял, что не может быть соглашения с эксплуататорами, что все необходимые изменения в общественных отношениях могут быть проведены только вопреки воле имущих. И, поняв это, трудящиеся в дни Октябрьской революции осуществили переход всей власти безраздельно,

всего государственного аппарата к трудящимся. В борьбе за коренное переустройство общества орудием нерасщепленной воли трудящихся явились Советы Крестьянских, Рабочих и Солдатских Депутатов. Потому Октябрьская революция поставила и осуществила лозунг «Власть Советам».

2) Фракция левых социалистов-революционеров считает невозможным отказаться от великих завоеваний Октябрьской революции в области социальных реформ, открывающих не только России, но и всему миру новый путь творческой работы самого трудового народа для своего экономического и политического раскрепощения. Признавая, что завоевания эти — дело рук Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов и Советской власти, фракция определенно заявляет, что она категорически высказывается за установление Советской власти и федеративной советской республики.

3) Учредительное собрание отныне не может посягать на эту власть, ибо в задачи Учредительного собрания должно входить лишь укрепление завоеваний революции и облегчение борьбы трудового народа с имущими классами в дальнейшей его творческой и созидательной работе...

4) Учредительное собрание верно выполнит свою задачу, если оно сумеет создать благоприятные условия для немедленного осуществления социализации земли на всем пространстве Российской Народной Федеративной Республики...

5) Учредительное собрание должно выработать систему последовательного рабочего контроля как первых шагов по пути действительного перехода от буржуазного хозяйства к хозяйству трудовому, от системы капиталистической эксплуатации трудящихся к освобождению и творческому выявлению их способностей. В тех же целях национализируется внешняя торговля, частные банки со вложенными в них крупными капиталами, железные дороги, все акционерные капиталистические промышленные предприятия, жилища, служащие средством эксплуата-

ции, равно и все предприятия, связанные с социализированной землей и национализированными недрами...

6) Вместе с тем Учредительное собрание обязано осуществить отделение Церкви от государства и всеобщее народное образование с бесплатным содержанием всех учащихся на всех ступенях образования; урегулировать производство и продовольствие, развитие трудовых кооперативов и т.п.

7) ...Фракция левых социалистов-революционеров выражает твердую уверенность, что революционная Россия ни на какие уступки империалистам, как союзных, так и враждебных нам стран, не пойдет и, опираясь на несокрушимую силу восставшего народа и действительную революционную поддержку трудящихся всего мира, сумеет добиться мира на основах, провозглашенных русской революцией, чем и нанесет смертельный удар международному империализму...

Ставя на первую очередь проведение в жизнь социальных реформ, наша фракция открыто заявляет, что в Учредительном собрании не должно быть места для борьбы из-за власти между Учредительным собранием и Советами Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов...»¹⁴⁷

Таким образом, левые эсеры фактически поддерживали верховенство власти за Советами, т.е. за большевиками.

И все же для победы левого блока этого было недостаточно. Вечером 5 января большевистская фракция настаивает на перерыве. Ленин от имени ЦК предлагает фракции покинуть Учредительное собрание, предварительно выступив с декларацией. В 5-м часу утра 6 января от имени большевистской фракции Ф. Раскольников зачитал написанную Лениным декларацию, в которой говорилось: «Громадное большинство трудовой России — рабочие, крестьяне, солдаты — предъявили Учредительному собранию требование признать завоевания Великой Октябрьской революции, советские декреты о земле, мире, о рабочем контроле и прежде всего признать власть Со-

ветов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Всероссийский ЦИК, выполняя волю этого громадного большинства трудящихся классов России, предложил Учредительному собранию признать для себя обязательной эту волю. Большинство Учредительного собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России.

В Учредительном собрании получила большинство партия правых эсеров, партия Керенского, Авксентьева, Чернова. Эта партия, называющая себя социалистической и революционной, руководит борьбой буржуазных элементов против рабочей и крестьянской революции и является на деле партией буржуазной и контрреволюционной...

Нынешнее контрреволюционное большинство Учредительного собрания... избранное по устаревшим партийным спискам, выражает вчерашний день революции и пытается стать поперек дороги рабочему и крестьянскому движению.

Прения в течение целого дня показали воочию, что партия правых эсеров, как при Керенском, кормит народ посулами, на словах обещает ему все и вся, но на деле решила бороться против власти рабочих, крестьянских и солдатских Советов, против социалистических мер, против перехода земель и всего инвентаря без выкупа к крестьянам, против национализации банков, против аннулирования государственных долгов.

Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем Учредительное собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение об отношении к контрреволюционной части Учредительного собрания»¹⁴⁸.

Итак, свое мнение по текущему моменту и властным структурам государственного управления высказали основные социалистические партии, представлявшие подавляющее большинство населения России. Все были обеспокоены экономической разрухой и разгоравшейся гражданской войной. Правые эсеры и объединенные

меньшевики считали, что с немедленным введением социализма торопиться опасно, необходимо не просто общественное согласие, но и коалиционное государственное управление.

Большевики и левые эсеры требовали передачу власти Советам, не отражая мнения большинства населения страны, к тому же их представители не были способны к государственному управлению. Самое же опасное в их позиции было не только передергивание фактов, но и требование диктаторских полномочий трудящимся, что фактически подменяло неумение административно-экономического руководства.

Большевики и левые эсеры ушли, так же как покинули второй съезд Советов правые эсеры и меньшевики. Оставшиеся члены Учредительного собрания приступили к обсуждению закона о земле. Однако к трибуне подошел начальник караула Таврического дворца матрос Анатолий Железняков и, постояв минуту молча, тронул осторожно за плечо ораторствующего Чернова и заявил: «Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, чтобы все присутствующие покинули зал заседаний, потому что караул устал».

В суматохе и спешке, без прений Учредительное собрание приняло закон о земле, который в принципе не противоречил временному декрету о земле. Было принято обращение к союзникам, отвергающее сепаратные переговоры СНК с Германией, и постановление о федеральном устройстве Российской республики.

Днем 6 января СНК принял декрет о роспуске Учредительного собрания, а в ночь на 7 января ВЦИК утвердил его при двух голосах «против» и пяти воздержавшихся.

✓ Когда Ф. Раскольников и П. Дыбенко рассказывали Ленину, как А. Железняков закрывал «учредилку», он сначала недоумевал: «Неужели Виктор Чернов беспркословно подчинился... и не сделал ни малейшей попытки сопротивления?» Потом начал смеяться¹⁴⁹. Смеялся не просто В.И. Ульянов, а смеялся глава Советского правительства, вождь большевистской партии. «Ленин говорил

мне, — вспоминал Троцкий, — разгон Учредительного собрания Советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры»¹⁵⁰.

Не подвергая сомнению правильность действий своей партии, Ленин, продумав их 20 августа 1921 г., констатировал, что период «от 25 октября до 5 января, до разгона учредилки», был «чисто политический» этап революции. «За какие-нибудь 10 недель мы сделали во 100 раз больше для действительного и полного уничтожения остатков феодализма в России, чем меньшевики и эсеры за восемь месяцев (февраль — октябрь 1917 г.) их власти... (1) Мы развернули, как никогда, силы рабочего класса по использованию им государственной власти. (2) Мы нанесли всемирно ощутимый удар фетишам мещанской демократии, учредилке и буржуазным «свободам», вроде свободы печати для богатых. (3) Мы создали советский тип государства, гигантский шаг вперед после 1793 и 1871 годов»¹⁵¹.

Ленин совершенно прав, выделяя «чисто политический» этап революции, а вот то, что сделали большевики «за какие-нибудь 10 недель» и, главное, как ограбили, унизили и оскорбили далеко не всех, хотя и большинство. Во-первых, действительно, были «развернуты» силы по использованию «государственной власти», подавляющие всякое инакомыслие. Во-вторых, ощутимый удар был нанесен не только «мещанской демократии, учредилке и буржуазным «свободам», но и нормальным человеческим отношениям, замененным на классовый антагонизм и все обещающие посулы партийных оракулов. В-третьих, «гигантский шаг» советского типа государства определит более чем 70-летняя его история.

Ленин четко сформулировал большевистскую концепцию общественного управления: «Когда нас упрекают в диктатуре одной партии... мы говорим: Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем»¹⁵². Противопоставляя парламентаризму как форме демократии буржуазной высшую «пролетарскую или советскую демократию», глава большевистской пар-

тии и Советского правительства теоретически обосновал и старался внедрить практически ее суть — диктатуру пролетариата, пытаясь убедить, что это диктатура большинства над меньшинством. Главное же, диктатуру осуществлял не пролетариат, а соратники Ленина, представлявшие небольшую кучку революционных фанатиков, одержимых идеей мирового господства. «Научное понятие диктатуры, — утверждал в 1920 г. Ленин, — означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»¹⁵³.

Разгон Учредительного собрания явился еще одним шагом к подавлению демократии, политических и гражданских прав, узурпации власти большевиками, показал, как ленинская теория взятия власти осуществлялась на практике.

Ясно понимая беспринципность Ленина, председатель Учредительного собрания обратился к нему с письмом, текст которого приводится полностью, учитывая, что он лаконичен и еще необщедоступен:

«Милостивый государь Владимир Ильич,

Для Вас давно не тайна, что громадное большинство Ваших сотрудников и помощников пользуется незавидной репутацией среди населения; их нравственный облик не внушает доверия; их поведение некрасиво; их нравы, их жизненная практика стоят в режущем противоречии с теми красивыми словами, которые они должны говорить, с теми высокими принципами, которые они должны провозглашать, и Вы сами не раз с гадливостью говорили о таких помощниках как о «перекрасившихся» и «примазавшихся», внутренне чуждых тому делу, которому они вызвались служить.

Вы правы. Великого дела нельзя делать грязными руками. Их прикосновение не проходит даром. Оно все искажает, все уродует, все обращает в свою наглядную противоположность. В грязных руках твердая власть становится произволом и деспотизмом, закон — удавкой, петлей, строгая справедливость — бесчеловечной

жестокостью, обязанность труда на общую пользу — каторжной работой, правда — ложью.

Но самое Ваше нескрываемое отвержение к недостойным элементам, самые Ваши угрозы разделяться с ними, хотя бы путем расстрелов, ставили Вас высоко над ними. Те или другие Ваши крылатые изречения, вроде того, что «когда Вас повесят как фанатика, их будут вешать как простых воров», облетели всю Россию. И к Вашей личности сложилось известное уважение. Кругом неподкупного, добродетельного Робеспьера могли кишеть взяточники, плуты, себялюбцы; тем выше по закону контраста поднимался он над ними в представлении толпы.

Вы приобрели такую славу «безупречного Робеспьера». Вы не стяжатель и не чревоугодник. Вы не упиваетесь благами жизни и не набиваете себе тугих кошельков на черный день, не предаетесь сластолюбию и не покупаете себе под шумок за границей домов и вилл, как иные из Ваших доверенных; Вы ведете сравнительно скромный, плебейский образ жизни, говорят, что в атмосфере соблазнов, развративших до мозга костей многих близких Вам людей, Вы заковали себя броней суровой честности.

Я, будучи Вашим идейным противником, не раз отдавал должное Вашим личным качествам. Не раз в те тяжкие для Вас времена, когда Вы своим путешествием через гогенцоллернскую Германию навлекли на себя худшее из подозрений, я считал долгом чести защищать Вас перед петроградскими рабочими от обвинения в политической продажности, в отдаче своих сил на службу немецкому правительству. По отношению к Вам, оклеветанному и несправедливо заподозренному, хотя бы и отчасти по Вашей собственной вине, я считал себя обязанным быть сдержанным. Теперь — другое время. Теперь Вы на вершинах власти, почти самодержавной; теперь Вы в апогее Вашей славы, когда Ваши восторженные приверженцы провозгласили Вас вождем всемирной Революции, а Ваши враги входят с Вами в

переговоры, как равные с равным, когда с представителями международного капитала и буржуазными правительствами Европы Вы заключаете всевозможные политические и коммерческие сделки. И теперь я морально свободен от этой сдержанности... И я бросаю Вам права на имя честного человека.

О да, Вы не вор в прямом и вульгарном смысле этого слова. Вы не украдете чужого кошелька. Но если понадобится украсть чужое доверие, и особенно народное доверие, Вы пойдете на все хитрости, на все обманы, на все повороты, которые только для этого потребуются. Вы не подделаете чужого векселя. Но нет такого политического подлога, перед которым Вы отступили бы, если только он окажется нужным для успеха Ваших планов. Говорят, в своей личной частной жизни Вы любите детей, котят, кроликов, все живое. Но Вы одним росчерком пера, одним мановением руки прольете сколько угодно крови и чьей угодно крови с черствостью и деревянностью, которой позавидовал бы любой выродок из уголовного мира. Вы, конечно, глубоко презираете вульгарных предателей и провокаторов. Вы — человек аморальный до последних глубин своего существа. Вы себе «по совести» разрешили преступать через все преграды, которые знает человеческая совесть. О, здесь Вы — чисто русский тип. История русской церковности, официальной и раскольническо-сектантской, знает хорошо людей этого морального склада, властных основателей старых и новых раскольнических «церквей», «кораблей» и «согласий», соединяющих в себе изуверско-апостольский фанатизм пустосвята с хитрецей расторопного всегда «себе на уме» и всегда посмеивающегося себе в кулак мужичка-ярославца. Какой-нибудь изможденный и страстный архимандрит Фотий, этот «полуфанатик-полуплут», по незабываемому выражению Пушкина, есть истинно родной брат по духу «святого праотца Распутина». История революции тоже знает такое же жизненно-психологическое противоречие, такую же смесь плутоватости и фанатизма в нечаевщине. Нечаев,

с его революционным иезуитством учивший, что революционер не должен бояться не только крови, но и грязи и должен уметь обращать на пользу революции ложь и клевету, подлоги и шантаж, убийство и насилие, — двоюродный брат Фотию и Распутину. Вы им духовная родня через Нечаева.

И никогда, ни в чем не сказались с такой яркостью эти Ваши социально-психологические черты, как в двух делах, которые Вам пришлось совершить, чтобы расчистить себе путь к власти. Эти два темных и грязных дела — расстрел 5 января 1918 года мирной уличной манифестации петроградских рабочих и разгон Учредительного Собрания.

О, я знаю, что одно из этих двух дел — разгон Учредительного Собрания, Вы, наоборот, поставите себе в историческую заслугу. И я вовсе не хочу поднимать здесь вопроса о том, можно ли оправдать это Ваше деяние исторически и политически. Я говорю не о том, что Вы сделали, а как Вы сделали. Предположим даже на минуту, что надо было в интересах страны разогнать Учредительное Собрание. Это можно сделать двояко. Можно было выступить против него открыто и мужественно, так, как умеет делать честный враг. И можно было действовать так, как делал Иуда, «целованием продавший Сына Человеческого», положив в основу всего предприятия ложь и фальшь. Вам, Владимир Ильич, Вам, душе и вдохновителю Центрального Исполнительного комитета большевистской партии, я напоминаю о воззвании этого Комитета от 30 сентября 1917 года. Там меньше чем за месяц до октябрьского переворота Вы обвинили правительство Керенского в том, что при нем создается <законосовещательный «булыгинский» парламентаризм, призванный по плану кадетов заменить собой Учредительное Собрание>. Вы хорошо знали, однако, что тогда заменить Учредительное Собрание не отважился и подумать никто, кроме самого Вас. Вы утверждали в том же обращении, что Учредительное Собрание может быть создано только

вопреки нынешнему коалиционному правительству, которое делает и сделает все, чтобы сорвать его.

Вы даже предсказывали: <контрреволюционеры пойдут на все, чтобы сорвать Учредительное Собрание>. Если понадобится, они откроют для этого фронт немецким войскам. Вы сами знаете, что после этого произошло. Учредительное Собрание сорвали Вы, и фронт немецким войскам открыли также Вы.

Вам, Владимир Ильич, конечно, известно, какой незамысловатый, но часто удающийся трюк пускают в ход вульгарные воры, боящиеся быть пойманными. Они бегут, изо всей силы крича: «Держи вора». Сбитые с толку этими криками ищут вора повсюду и во всех, кроме настоящего виновника.

Теперь скажите мне, Владимир Ильич, видите ли Вы по совести хоть какую-нибудь разницу между этим воровским криком и тем политическим приемом, который Вы пустили в ход с Учредительным Собранием.

Ваша фракция, демонстративно удалясь из парламента, свое заявление об уходе заканчивала возгласом: «Да здравствует Учредительное Собрание». Скажите, Владимир Ильич, чем эта здравица Учредительному Собранию отличалась от знаменитого в истории Иудиного поцелуя, этого вечного образца нравственной фальши и лицемерия?

Вы хорошо знаете, Владимир Ильич, какая организация произвела в Петрограде переворот в ночь с 24 по 25 октября. Это был Ваш Военно-Революционный Комитет г. Петрограда. И в самый день 24 октября эта организация заявила во всеуслышание, заявила не правительству, нет, а всему народу: вопреки всяким слухам и толкам Военно-Революционный Комитет заявляет, что он существует отнюдь не для того, чтобы готовить и осуществлять захват власти. Скажите, Владимир Ильич, эта публичная ложь, этот заведомый обман народа, чем он отличается от иезуитского «и ложь во спасение»?

Скажите, Владимир Ильич, у Вас не выступает краска на лице, когда Вы теперь вспоминаете, до чего изолгаться приходилось Вашим органам, говоря об Учредительном Собрании? От имени Областного Петроградского Съезда — Первого Крестьянского Съезда, на котором Вы овладели большинством, — 13 октября 1917 г. Вы опубликовали радио, где утверждаете, будто Съезд Советов сорвет Учредительное Собрание, Вы торжественно называли клеветой. (Так в тексте. — В. П.)

Овладев властью, от имени Петроградского Совета 25 октября 1917 г. Вы обещали «скорейший созыв подлинного демократического Учредительного Собрания». Тогда от имени II Съезда Советов было обещано, что новая власть обеспечит своевременный созыв Учредительного Собрания.

И Вы сами, лично Вы, Владимир Ильич, Вы торжественно и всенародно обещали не только собрать Учредительное Собрание, но и признать его той властью, от которой в последней инстанции зависит решение всех основных вопросов. Вы и в своем докладе по «Декрету о мире» заявили дословно следующее: «Мы рассмотрим всякие условия мира, всякие предположения. Рассмотрим — это не значит еще, что примем. Мы внесем их на обсуждение Учредительного Собрания, которое уже будет властью решать, что можно и что нельзя уступить».

Вы и в заключительном слове своем по тому же вопросу повторили: «Мы не связываем себя договорами... Мы все предположения о мире внесем на заключение Учредительного Собрания».

В своем докладе по «Декрету о земле» Вы опять-таки говорили текстуально и дословно следующее: «Как демократическое правительство мы не можем обойти постановления народных низов, хотя бы мы с ними были не согласны. И если даже крестьяне пойдут дальше за С.Р-ами и если они этой партии дадут в Учредительном Собрании большинство, то и тут мы скажем: пусть так». Вы и в самом «Декрете о земле», говоря о земельных преобразованиях, поставили эти же нынче

обличающие Вас слова: «впредь до окончательного их решения Учредительным Собранием».

От Вас не отставали и другие Ваши товарищи, уверявшие весь народ о признании ими высшего авторитета Учредительного Собрания. Так, например, в своем обращении к стране 29 октября 1917 года народный комиссар по просвещению А. Луначарский столь же торжественно, столь же лживо давал народу заверение: «Окончательно порядок государственного руководства просвещением будет, разумеется, установлен Учредительным Собранием».

Мне известно, Владимир Ильич, что впоследствии Вы не раз пытались ссылкой на целый ряд Ваших статей и речей показать, насколько разгон Вами Учредительного Собрания был подготовлен Вашей предыдущей литературною пропагандой. О, да, лично я, как и все, внимательно следившие за Вашими писаниями, этому акту удивиться не могли — напротив, вправе были ожидать его. Вот почему в то самое время, как Вы и Ваши товарищи давали перед лицом всей страны торжественные обещания уважать волю Учредительного Собрания как последней и решающей властной инстанции, — мы Вам не верим. Мы были убеждены, что противоречие между Вашими всенародными обещаниями и Вашей собственной предыдущей деятельностью есть лишь доказательство Вашего двуязычия.

Николай II присягал на верность Финляндской Конституции и нарушил собственную присягу.

За это мы и Вы согласно объявили его изобличенным клятвопреступником. Вы тоже дали, так сказать, свою гражданскую, советскую «присягу», торжественное обещание подчиниться воле Учредительного Собрания.

После его разгона Вы стали в положение изобличенного лжеца, обманом и обещаниями укравшего народное доверие и затем кощунственно растоптавшего свое слово, свои обещания. **Вы сами лишили себя политической чести.**

Но этого мало. В тот самый день, когда собиралось Учредительное Собрание — 5 января 1918 года, — Вы

дали во все газеты сообщение о том, что Совет Народных Комиссаров признал возможным допустить мирную манифестацию в честь Учредительного Собрания на улицах Петрограда. После такого сообщения расстрел мирных демонстрантов я вправе заклеймить именем изменнического и предательского, а самое сообщение — **величайшей политической провокацией**. Это предательство, эта провокация неизгладимым пятном легла на Ваше имя. Эта впервые пролитая Вами рабочая кровь должна жечь Ваши руки. Ничем, никогда Вы ее не смоете, потому что убийство, связанное с обманом и предательством, смешивает кровь с грязью, а эта ужасная смесь несмываема.

Ваша власть возшла, как на дрожжах, на явно обдуманном и злом обмане. Я доказал это документально. Отпереться от собственных слов Вы не можете. Написанного пером не вырубишь топором. Но когда власть в самом происхождении своем основывается на глубочайшей лжи, на нравственной фальши, то эта зараза пропитывает ее насквозь и тяготеет над ней до конца.

Ваш коммунистический режим есть ложь — он давно выродился в бюрократизм наверху, в новую барщину, в подневольные, каторжные работы внизу. Ваша «советская власть» есть сплошь ложь — плохо прикрытый произвол одной партии, издевающейся над всякими выборами и обращающей их в недостойную комедию. Ваша пресса развращена до мозга костей возможностью лгать и клеветать, потому что всем остальным зажат рот и можно не бояться никаких опровержений. Ваши комиссары развращены до мозга костей своим всевластием и бесконтрольностью. При таких условиях не кричите о «примазывающихся». Сходное притягивается сходным. Моральное вырождение личного состава коммунистической партии — это логическое последствие того метода, которым добывали ей власть и упрочивали ее. А если это вырождение, это развращение доходит до «последней» черты в практике наших Чрезвычайных Комис-

сий, дополняющих мучительство и издевательство, воскрешающих азефицину, насаждающих предательство и провокацию, не брезгующих и не боящихся ни крови, ни грязи, — то вспомните, что той же смесью крови и грязи, обмана и предательства, измены и провокаций было запечатлено само пришествие Ваше к власти в роковые дни, увенчанные 5 января 1918 г. 9 января — в траурную годовщину расстрела петроградских рабочих Николаем II — были погребены Ваши первые жертвы из рядов таких же мирных, невооруженных рабочих манифестантов. Они похоронены там же, где похоронены жертвы 9 января 1905 года.

Русские рабочие не забудут этого траура. В дни 5 и 9 января (по новому стилю 18 и 22 января) они будут чествовать скорбную память своих братьев по классу, невинных жертв старого и нового деспотизма.

И это печальное чествование будет худшим наказанием виновников.

В этот день, Владимир Ильич, яснее, чем когда-либо, будут представлять себе рабочие Вашу внутреннюю сущность. Ваш истинный моральный облик «Торквемады», переплетенного с Нечаевым, этим Распутинским русской революции «полуфанатиком, полуплутым, разрешающих себе» по совести преступать через все грани совести и открывающих этим глубочайшие бездны политического иезуитства, в которые когда-либо падал человек и революционный деятель. Но какими бы софизмами Вы и Ваши ближайшие ни оправдывали Ваших спусков в эти бездны и какими бы лаврами ни увенчивали Вас за них Ваши восторженные поклонники, а траурные дни 5 и 9 января, я верю, не оставят непоколебленным Вашего душевного равновесия. В этот день рабочая кровь будет жечь Ваши руки, в этот день воспоминания о многократной публичной лжи перед всем народом будут вызывать на Ваше лицо краску стыда. Это будет Вашей моральной казнью.

Виктор ЧЕРНОВ»¹⁵⁴.

И все же еще была надежда на компромисс.

Несколько дней спустя после разгона Учредительного собрания в Петрограде состоялись два съезда Советов: 10 января — III Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и 13 января — III Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. В тот же день по взаимному согласию произошло слияние Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в единую государственную систему, олицетворяющую собой власть рабочих и крестьян. В основу государственной деятельности Советской власти была положена принятая на объединенном съезде Советов «Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа», основными пунктами которой являлись:

I

«1) Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2) Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик.

II

Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет далее:

1) В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования...

2) Как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами. Как первый удар международному банковому, финансовому капиталу III съезд Советов рассматривает советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительствами царя, помещиков и буржуазии, выражая уверенность, что Советская власть пойдет твердо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала.

3) Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

4) В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность.

5) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

III

1) Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей преступнейшей из всех войн, III съезд Советов всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения во что бы то ни стало революционными мерами демократического мира трудящихся, без аннексий и

контрибуций, на основе свободного самоопределения наций.

В тех же целях III съезд Советов настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах. III съезд Советов приветствует политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии, объявившего свободу самоопределения Армении.

IV

III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов полагает, что теперь, в момент решительной борьбы народа с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, III съезд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации советских республик России, представляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях»¹⁵⁵.

Открывая съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, секретарь ЦК партии большевиков, председатель ВЦИК Я.М. Свердлов сказал: «Перед нами один из важнейших вопросов: строительство новой грядущей жизни и создание всероссийской власти. Мы должны здесь окон-

чительно решить, будет ли эта власть иметь какую-либо связь с буржуазным строем, или окончательно и бесповоротно установится диктатура рабочих и крестьян»¹⁵⁶.

Почему же предлагалась не зауженная диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства, а расширенная диктатура рабочих и крестьян? Оговорка ли это? Свердлов прекрасно понимал разницу и, говоря о диктатуре рабочих и крестьян, старался привлечь более широкие массы для одобрения диктатуры.

Почему же необходима была диктатура?

Во-первых, ее неизбежность заключалась в подавлении сопротивления и не только эксплуататорских классов. «Будьте тверды, — учил Ленин. — Если проявятся колебания среди социалистов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата, или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспощадно»¹⁵⁷. Во-вторых, по определению Ленина, «главная сущность ее в организованности и дисциплинированности передового отряда трудящихся, их авангарда, их единственного руководителя, пролетариата»¹⁵⁸.

Почему же для организованности и дисциплинированности нужна диктатура, а не экономическая заинтересованность, порождающая сознательность трудящихся? Ответ на поставленный вопрос определяют задачи, стоящие перед большевиками, которые они решили выполнить диктатурой пролетариата.

В области социально-политической диктатура пролетариата должна была ликвидировать эксплуататорские классы капиталистов и помещиков, укрепить союз рабочих и крестьян, привлечь к управлению государством массы трудящихся, ввести социалистическую демократию, обеспечить полное равноправие всем национальностям.

В области экономической диктатура пролетариата должна была ликвидировать частную собственность на орудия и средства производства, заменив ее общественной, ввести планомерную организацию производства.

В области военной создать вооруженные силы и обеспечить защиту завоеваний революции, победу мировой революции. Парадоксально, но факт.

«Диктатура пролетариата, — отмечал В.И. Ленин, — есть упорная борьба, кровавая, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против силы и традиций старого общества»¹⁵⁹.

Как показывает анализ действий авангарда пролетариата — партии большевиков, а точнее, Ленина, против большинства, идущего вразрез с программой ЦК большевиков, применялась диктатура — «упорная борьба... кровавая... насильственная... военная, администраторская...».

19 января 1918 г. патриарх Тихон обратился с посланием «возлюбленным о Господе пастырям, архипастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской», в котором говорилось: «Забыты и попраны заповеди Христа о любви к ближним: ежедневно доходят до Нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполняли свой долг перед родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному, все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь, при дневном свете, с неслыханной доселе дерзостью и с беспощадной жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности, совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей Отчизны.

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это — поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенны в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной...»

Патриарх призвал верующих «не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение... власть, обещавшая водворить на Руси право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только

самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми...»¹⁶⁰.

Так заканчивалась относительно мирная, но бескомпромиссная «красногвардейская атака на капитал», как образно назвал Ленин период с ноября 1917 по март 1918 г. Российское общество все более и более понимало лживость большевистских обещаний, ощущало безоговорочный диктат и силовое давление. К весне первого года большевистского правления Советской Россией различные слои населения стали оказывать физическое сопротивление большевистским узурпаторам, которые чувствовали это и усиливали свою диктатуру. Самый непримиримый оппонент Ленина, один из лидеров левых коммунистов Н. Осинский утверждал, что «гражданская война неразрывно связана с решительной ликвидацией частной собственности, осуществлением социалистического строя и прямым переходом к коммунизму»¹⁶¹.

Пытаясь придать законность своим действиям, большевики принимают Конституцию РСФСР, которая регламентировала важнейшие принципы жизни общества. Почти год власть жила по декретам, а точнее, по диктату тех, кто захватил власть и укреплялся с помощью силы. Однако даже такое упрощенное государственное управление вносило сумятицу в ряды «твердокаменных» единомышленников. В апреле 1918 г. на заседании ВЦИК встал вопрос о необходимости принятия Конституции РСФСР. В ее разработке принимали участие видные политические деятели: В.И. Ленин, Я.М. Свердлов, И.В. Сталин, М.Н. Покровский, Ю.М. Стеклов, М.И. Лацис; специалисты в области права и финансов: Д.П. Боголепов, М.А. Рейснер, И.И. Скворцов-Степанов; левые эсеры: Д.А. Магеровский, А.И. Шрейдер, эсер-максималист А.И. Бердников.

История разработки и принятия первой советской Конституции имеет обширную историографию, и все же, на наш взгляд, необходимо без эйфории выделить главное, ибо это ленинизм, воплощенный в Основной закон государства.

Пятый Всероссийский съезд Советов, принявший Конституцию РСФСР, закрепил в ней базисные идеи государственного устройства: общественную собственность на средства производства, «диктатуру пролетариата» и федеративное общезжитие, которые содержались в «Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа», включенной в качестве ее первого раздела.

Утверждалась отмена частной собственности на землю. Общенациональным достоянием объявлялись земля, ее недра, леса, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия. Подтверждался переход в собственность государства банков. Закреплялась стратегическая задача — уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, «водворение социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти».

В числе основных задач подчеркивалось — «беспощадное подавление эксплуататоров»; вся полнота власти — трудящимся, введение всеобщей трудовой повинности «в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства». Среди «основных задач» — «победа социализма во всех странах». Увлеченные идеей мировой революции, законодатели не задавались вопросом о нереальности этой задачи для РСФСР, ее юридической некомпетентности.

В разделе «Общие положения Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» провозглашалось установление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства «в виде мощной Всероссийской Советской власти». Российская Советская Республика учреждалась «на основе союза свободных наций как федерация советских национальных республик». «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы», которые входили на началах федерации в РСФСР.

Подробно излагались меры, обеспечивавшие «демократию»:

— свобода выражения мнений, для чего рабочему классу и крестьянской бедноте предоставляются все технические и материальные средства для издания всех видов печати и свободного их распространения;

— свобода собраний, митингов, шествий, для чего трудящимся предоставляются пригодные помещения;

— свобода союзов, для чего рабочим и беднейшим крестьянам оказывается всяческое материальное и иное содействие;

— доступ к знаниям, для чего ставится задачей предоставить трудящимся полное, всестороннее и бесплатное образование;

— действительная свобода совести, для чего Церковь отделяется от государства и школа — от Церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами;

— равные права всех граждан независимо от расовой и национальной принадлежности, недопустимость угнетения национальных меньшинств или ограничения их равноправия.

Таким образом, демократия объявлялась только для трудящихся, т.е. рабочих и крестьян. К тому же в Конституции были закреплены и антидемократические положения. Объявляя «диктатуру пролетариата» социально-классовой сущностью государства, Конституция делала «законной» возможность применения насилия меньшинства над большинством.

В Основном законе не было понятий неприкосновенности личности, имущества, жилища, права граждан на защиту от государства — это вытекало из убеждения, что интересы рабочих и крестьян совпадают с интересами «рабоче-крестьянского государства». Права человека не выделялись, они лишь просматривались сквозь призму его классовой принадлежности. Труд признавался обязанностью всех граждан: «Не трудящийся да не ест!»

Два раздела Конституции были посвящены конструкции власти и управления в государстве. В их основе —

всевластие Советов, означавшее предоставление им законодательной и исполнительной власти. «Объединение властей» стало принципом всех последующих советских Конституций и сыграло немалую роль в утверждении политической системы государственного тоталитаризма.

Конституция обобщила законодательство по организации государственной власти и управления, установила нормы, касающиеся функций, структуры, компетенции и взаимоотношений отдельных ее звеньев.

Высшим органом государственной власти РСФСР объявлялся Всероссийский съезд Советов. В его ведении были вопросы установления, дополнения и изменения Конституции, а также ратификации мирных договоров.

ВЦИК являлся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом республики в период между Всероссийскими съездами Советов. В его функции входило общее направление деятельности правительства всех органов власти и управления, объединение и согласование работы по законодательству и управлению, наблюдение за проведением в жизнь Конституции, постановлений Всероссийских съездов Советов.

Совет Народных Комиссаров утверждался как высший орган государственного управления. Он состоял из руководителей «народных комиссариатов»¹⁶². Он формировался Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и был ответственен перед Всероссийским съездом Советов и ВЦИК. Постановления общеполитического значения Совнарком представлял на утверждение ВЦИК. Однако в примечании к соответствующей статье указывалось, что мероприятия, требовавшие неотложного выполнения, могли осуществляться Совнаркомом непосредственно. Это примечание позволяло ему принимать законы без их обсуждения и утверждения ВЦИК.

Конституируя высшие органы государственной власти и центральные органы управления, Основной закон определял взаимоотношения между ними. Фиксировался порядок организации Советской власти на местах на основе

принципов демократического централизма и полновластия Советов. Высшими органами власти являлись съезды Советов (областной, губернский, уездный, волостной). Они должны были созываться: областной не реже двух раз в год, губернский и уездный — одного раза в три месяца, волостной — одного раза в месяц. Полномочия Советов разных уровней не определялись, поэтому заявление «съезд — высшая власть» на подведомственной территории вызывало путаницу.

В городах, селах, деревнях, местечках, хуторах «высшей властью» были соответствующие Советы депутатов. Городские и сельские Советы избирались на три месяца.

Съезды Советов избирали исполнительные комитеты, осуществлявшие власть и управление между заседаниями (съездами) избравших их Советов.

В Конституции не было ответа на основополагающий вопрос демократии — о возможности отзыва избирателями членов исполкомов, так как члены исполкомов не избирались напрямую. Завотделом управления Наркомвнудел В.А. Тихомиров пояснял: «Право быть членом исполкома основывается на мандате, данном Советом. И если избиратели отзывают члена Совета, последний автоматически теряет право на мандат члена исполкома»¹⁶³.

Конституция закрепила практику многостепенных выборов. Непосредственно на собраниях избирателей выбирались только городские и сельские Советы. Вышестоящие органы — их съезды формировались путем непрямых выборов. В городских Советах, кроме депутатов, избранных по установленной норме 1 депутат от 1000 человек населения, могли участвовать и представители «профессиональных и иных рабочих организаций». Губернские съезды Советов составлялись из делегатов волостных (в основном крестьянских) съездов Советов из расчета 1 на 2000 избирателей. При конструировании областных (от уездных съездов Советов 1 делегат на 25 000 жителей, а от городских Советов 1 на 5000 избирателей) и Всероссийских съездов Советов (от губернских съездов Советов

1 делегат на 125 000 жителей, а от городских Советов 1 на 25 000 избирателей). Этот порядок выборов создавал преимущества рабочим: в процентном отношении они избирали больше представителей в Советы, чем крестьяне. Тем самым закреплялось политическое неравенство рабочих и крестьян.

Конституция также лишала часть населения политических прав. Не могли избирать и быть избранными в Советы лица, благонадежность которых была сомнительна или не соответствовавшие принципу: «Теперь, в момент решительной борьбы пролетариата с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти». Лишались избирательных прав лица, прибегавшие к наемному труду с целью получения прибыли, «живущие на нетрудовой доход» монахи, духовные служители церквей и религиозных культов, служащие и агенты бывшей полиции, корпуса жандармов и охранных отделений.

Таким образом, Конституция узаконила политическую дискриминацию целых классов и социальных слоев. Все это было отказом большевиков от их изначального требования всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. По мнению Розы Люксембург, избирательное право, выработанное Советским правительством, — это «поразительный продукт большевистской теории диктатуры»¹⁶⁴, оно противоречило праву, народному представительству.

Конституция не содержала важнейшего признака федерации — договора, соглашения. Не определялись компетенция национальных республик и их государственное устройство. По существу Конституция исходила из унитарного характера России. В ней были обойдены вопросы правосудия. Суд не выделялся как особый государственный орган, независимый и подчиняющийся только закону. Некоторые положения Конституции, вытекавшие из теоретических представлений большевиков, были утопичными: при социализме не будет деления на классы, не будет

государственной власти. Властными полномочиями наделялись исполнительные органы Советов: в период между съездами исполкомы — «высшая в пределах данной территории власть». Это соответствовало принципу соединения законодательства и исполнения законов, что было логическим следствием системы съездов Советов. Не было четкости в разграничении функций ВЦИК и Совнаркома. Конституция не отвечала на вопросы о роли, месте в политической системе организаций трудящихся — профсоюзов, партий, кооперации.

Так советская Конституция законодательно завершала первый этап складывания организационно-политических основ власти, централизованного тоталитарного государства «диктатуры пролетариата», что ясно отражало ленинскую систему государственного управления.

По замыслу Ленина, социально-экономическое развитие общественной жизни должно быть изменено в результате захвата власти, «через диктатуру пролетариата». «Мы идем в бой — это есть содержание диктатуры пролетариата. Прошли те времена, — уверял Ленин, — наивного, утопического, фантастического, механического, интеллигентского социализма, когда представляли так, что убедят большинство людей, нарисуют красивую картинку социалистического общества, и станет большинство на точку зрения социализма. Миновали те времена, — утверждал Ленин 19 мая 1919 г. на первом Всероссийском съезде по внешкольному образованию, — когда этими детскими побасенками забавляли себя и других. Марксизм, который признает необходимость классовой борьбы, говорит: «К социализму человечество придет не иначе, как через диктатуру пролетариата. Диктатура — слово жесткое, тяжелое, кровавое, мучительное, и этих слов на ветер не бросают». И здесь же Ленин подчеркивает: «Свобода собраний — что может быть выше, что может быть лучше этого слова!» Но по его же мнению: «...чтобы идти к свободе для трудящихся, надо сначала победить сопротивление эксплуататоров...»¹⁶⁵

Таким образом свобода ограничивалась классовыми рамками, и вследствие этого свобода по-ленински не являлась истиной. Лицо вождя соответствовало власти, или власть отражала лицо вождя. Эйфория от ленинских посулов перерастала в страх перед диктатурой большевиков, что было вполне закономерно, ибо власть немногих может держаться на обмане и насилии.

Примечания

¹ О разработке В.И. Лениным вопроса о государстве диктатуры пролетариата в период борьбы за октябрь и упрочение его завоеваний (март 1917 — март 1918 г.) подробно говорится во многих монографиях советских и зарубежных исследователей, хотя интерпретация фактологического материала порой противоположна. См. *Городецкий Е.Н.* Рождение Советского государства 1917–1918. М., 1968.; *Минц И.И.* Год 1918-й. М., 1982; *Мухина Г.З.* Социалистическая революция и государство. М., 1975; *Хесин С.С.* Становление пролетарской диктатуры. М., 1975; *Карр Э.* История Советской России. Кн. 1. Большевицкая революция 1917–1923. М., 1990 и др.

² *Ленин В.И.* Великий почин. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 14.

³ *Ленин В.И.* Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 319, 320, 321.

⁴ *Ленин В.И.* Доклад Совета Народных Комиссаров 5 июля. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 504.

⁵ «Дело народа». 1917 г., 28 октября.

⁶ *Арутюнов А.* Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992. С. 6–7.

⁷ Петроградский ВРК. Документы и материалы. М., 1966. Т. 1. С. 130, 134, 239.

⁸ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 24–25.

⁹ *Ленин В.И.* Слухи о заговоре. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 77.

¹⁰ *Ленин В.И.* Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 10.

¹¹ *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 312.

¹² Там же. С. 315.

¹³ См. «Мысль». Альманах. (Пг.), 1918, № 1. С. 266.

¹⁴ Протоколы ЦК РСДРП(б). М., 1958. С. 122.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 130.

¹⁷ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 43.

¹⁸ Этого имени нет в биографическом словаре «Политические деятели России 1917». М., 1993; в энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция». М., 1987; в энциклопедическом словаре Гранат «Деятели СССР и революционного движения России». М., 1989; в БСЭ, т. 27. М., 1977. Фенигштейн-Далецкий Я.Г. — в 30-е гг. директор ТАСС. К тому же стенограмма заседания, незначительно отличная от архивной, впервые была опубликована Троцким в период его высылки за рубеж. См. *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций: Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин, 1932. М., 1990. С. 116–131.

¹⁹ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25830. Л. 235.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² См. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 310.

²³ См. *Троцкий Л.* Сталинская школа фальсификаций... С. 121.

²⁴ Там же. С. 122.

²⁵ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25830. Л. 237.

²⁶ Там же. Л. 238.

²⁷ Там же; *Троцкий Л.* ... С. 125.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. С. 127.

³² Там же. С. 128.

³³ Там же. С. 129.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 116.

³⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 44.

³⁷ Там же. С. 48.

³⁸ Протоколы ЦК РСДРП(б), август 1917–1918... С. 136.

³⁹ Там же. С. 138.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России». «Правда», 1917 г., 7 ноября.

⁴² См. *Богданов А.А.* Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990. С. 352–355.

⁴³ «Новая жизнь», 1918 г., 25–26 января.

⁴⁴ Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 16.

⁴⁵ «Дело народа», 1917 г., 22 ноября; Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 319–320.

⁴⁶ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 24–25.

⁴⁷ Там же. С. 432–434.

⁴⁸ Там же. С. 162.

⁴⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 183.

⁵⁰ «Русь», 1918 г., 18 января.

⁵¹ Шингарев А. Как это было. М., 1918. С. 33–36.

⁵² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 142.

⁵³ Ленин В.И. Социализм и религия. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 145.

⁵⁴ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 203.

⁵⁵ См. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 13–14.

⁵⁶ Там же. С. 10.

⁵⁷ «Правда», 1918 г., 21 января.

⁵⁸ Русская православная церковь и коммунистическое государство... С. 29.

⁵⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 311.

⁶⁰ Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 2. М., 1967. С. 60.

⁶¹ Ленин В.И. Государство и революция. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

⁶² Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 3. М., 1967. С. 56.

⁶³ Там же. С. 569.

⁶⁴ Декреты Советской власти, т. 1. С. 102.

⁶⁵ Из истории ВЧК. 1917–1921 гг. Сб. док. М., 1958. С. 72.

⁶⁶ В рукописи над этими словами В.И. Лениным написано: «В течение 24-х часов».

⁶⁷ В рукописи оставлено место для адреса.

⁶⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 156–158.

⁶⁹ Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными организациями (январь—март 1919 г.). Сборник док. М., 1971. Т. 6. С. 62.

⁷⁰ В.И. Ленин и ВЧК. Сб. док. (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 37.

⁷¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 149.

- ⁷² Ленин В.И. Речь на заседании съезда земельных комитетов и крестьянской секции III съезда Советов 28 января (10 февраля) 1918 г. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 331.
- ⁷³ См. Бунич И. Золото партии. СПб., 1992. С. 39–40.
- ⁷⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 191–194.
- ⁷⁵ Там же. С. 197, 200, 201, 203, 204.
- ⁷⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 175, 176.
- ⁷⁷ Там же. С. 189, 191, 194.
- ⁷⁸ Там же. С. 195, 196.
- ⁷⁹ Там же. С. 200, 208.
- ⁸⁰ Ленин В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности. Там же. С. 294.
- ⁸¹ Цит. по кн.: Бунич И. Золото партии. СПб., 1993. С. 18–19.
- ⁸² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 325, 327.
- ⁸³ Ленин В.И. Доклад об очередных задачах Советской власти. Там же. С. 255.
- ⁸⁴ Ленин В.И. Доклад ВЦИК и Совнарком. 5.12.1919. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 421.
- ⁸⁵ Ленин В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 295, 297, 298.
- ⁸⁶ Там же. С. 296.
- ⁸⁷ Там же. С. 354.
- ⁸⁸ Там же, т. 40. С. 31.
- ⁸⁹ Там же. С. 295.
- ⁹⁰ Ленин В.И. Речь на 1-м Всероссийском съезде горнорабочих. Там же. С. 296.
- ⁹¹ Ленин В.И. Речь на 3-м Всероссийском съезде профсоюзов. Там же. С. 313.
- ⁹² Ленин В.И. Великий почин... Там же, т. 39. С. 29.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Свердлов Я.М. Избранные статьи и речи. М., 1944. С. 15.
- ⁹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 188.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же, т. 37. С. 326.
- ⁹⁸ Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1. С. 53–54.
- ⁹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 318.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 374.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² «Горизонт», 1990, № 5. С. 63–67.
- ¹⁰³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 176.

¹⁰⁴ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 478., Оп. 16. Ед. хр. 50, Лл. 39–40, 73; См. Арутюнов А.А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992. С. 8.

¹⁰⁵ РГАЭ. Ф. 476. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 118.

¹⁰⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. № 4. Ст. 43.

¹⁰⁷ См. Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973. С. 80.

¹⁰⁸ «Известия ЦК». 1922, 26 февраля; СУ РСФСР. 1922. № 19. С. 217.

¹⁰⁹ РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 13.

¹¹⁰ Там же. Д. 48. Л. 10.

¹¹¹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190–195.

¹¹² РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 48. Л. 18.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 1235.. Оп. 1. Д. 59. Л. 26.

¹¹⁴ Там же. Л. 18.

¹¹⁵ Там же. Д. 4559. Л. 89.

¹¹⁶ Там же. Д. 59. Л. 20.

¹¹⁷ «Правда», 1922 г., 17 ноября.

¹¹⁸ Цит. по кн.: Бунич И. Золото партии. СПб., 1992. С. 92–93.

¹¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309, 311.

¹²⁰ Протоколы заседаний ВЦИК Советов Р. С., Кр. и Каз. депутатов II созыва. М., 1918. С. 4.

¹²¹ Подробнее см. Ирошников М.П. Создание Советского центрального государственного аппарата. М.—Л., 1966; Первое Советское правительство. Окт. 1917 — июль 1918 / Науч. ред. А.П. Нароков. М., 1991.

¹²² Ленин В.И. Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 102.

¹²³ Ленин В.И. Ответы на записки. Там же. С. 306.

¹²⁴ Протоколы заседаний ВЦИК Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. М., 1918. С. 28.

¹²⁵ См. Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия / Под ред. П.А. Голуба и др. М., 1987. С. 110.

¹²⁶ Цит. по кн.: История политических партий в России. / Н.Г. Думова, Н.Д. Ерофеев, С.В. Тютюкин и др. М., 1994. С. 360.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 172.

¹²⁹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 148, 151.

¹³⁰ См. Спиринов Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968. С. 165.

¹³¹ Цит по кн.: История политических партий в России. / Думова Н.Г. и др. М., 1994. С. 363–365.

¹³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50, С. 114.

¹³³ См. Красная книга ВЧК. М., 1989. Т. 1. С. 294–295.

¹³⁴ «Родина», 1990, № 5. С. 38, 49–52.

¹³⁵ Ленин В.И. Самодержавие колеблется... Полн. собр. соч. Т. 7. С. 125. См. там же, т. 6. С. 210; т. 7. С. 329, 342.

¹³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 170.

¹³⁷ Там же. С. 351–352.

¹³⁸ Там же, т. 34. С. 240.

¹³⁹ Там же. Письмо членам ЦК. С. 436.

¹⁴⁰ Ленин В.И. Доклад о мире 26 октября. Там же, т. 35. С. 17.

¹⁴¹ Там же. К лозунгам демонстрации. С. 125.

¹⁴² Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании. Там же, С. 165.

¹⁴³ Там же. С. 166.

¹⁴⁴ Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 110–111.

¹⁴⁵ Учредительное собрание. Стенограф. отчет. Пг., 1918. С. 43–44.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Там же. С. 53–56.

¹⁴⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 227–228.

¹⁴⁹ Раскольников Ф. Рассказы мичмана Ильина. М., 1934. С. 21.

¹⁵⁰ См. Луначарский А.В. и др. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 81.

¹⁵¹ Ленин В.И. Новые времена, старые ошибки в новом виде. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 102.

¹⁵² Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения... Полн. собр. соч. Т. 39. С. 134.

¹⁵³ Ленин В.И. К истории вопроса о диктатуре пролетариата. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 383.

¹⁵⁴ Цит. по кн.: Арутюнов А.А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992. С. 26–31.

¹⁵⁵ «Известия», 1918 г., 19 января.

¹⁵⁶ Протоколы заседания ВЦИК... М., 1918. С. 4.

¹⁵⁷ Ленин В.И. Привет венгерским рабочим. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 388.

¹⁵⁸ Там же. С. 385.

¹⁵⁹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 27.

¹⁶⁰ Церковные ведомости. 1918, № 2. С. 11–12.

¹⁶¹ См. «Коммунист» (орган фракции левых коммунистов). 1918 г., 8 марта.

¹⁶² В июле 1918 г. СНК РСФСР состоял из наркоматов: по иностранным делам, военным, морским, внутренним, юстиции, труда, социального обеспечения, просвещения, почт и телеграфов, по делам национальностей, финансовым, путей сообщения, земледелия, торговли и промышленности, продовольствия, государственного контроля, здравоохранения, ВСНХ.

¹⁶³ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 45. Л. 385.

¹⁶⁴ Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 325–326.

¹⁶⁵ Ленин В.И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 350–351.

ОСНОВЫ ЖИЗНЕННОЙ ПРАКТИКИ

Определяя «Очередные задачи Советской власти» в апреле 1918 г., Ленин утверждал: «Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять»¹. Действительно, большевики сумели «убедить», точнее, обмануть, трудящихся желанными обещаниями, отобрали у богатых все, но не отдали средства производства рабочим, землю крестьянам, а главным методом государственного управления установили диктатуру власти. Однако, как показывала практика диктаторского командования, большевики все более и более противопоставляли себе различные слои населения. К тому же диктатура вела к более жестким методам социалистического строительства, дошедшим до официального введения «красного террора» как государственной политики. В связи с этим встают основные вопросы, определяющие силу ленинизма: какими методами большевики укреплялись во власти, на какие деньги существовали, как использовали огосударствленные партией финансы, что получили в итоге своего господства?

Утопия большевистского равноправия и неспособность экономического строительства социализма неминуемо вели к оформлению тоталитаризма, основой которого была ликвидация инакомыслящих.

Главный метод социалистического переустройства

5 сентября 1918 г. Совнарком принимает постановление о «красном терроре», решительным, хотя и формальным поводом для которого послужили события 30 августа, когда в Петрограде студентом Канегиссером был убит председатель петроградской ЧК М.С. Урицкий, а в Москве эсерка Фанни Каплан «стреляла в Ленина». В постановлении подчеркивалось: «Заслушав доклад председателя ЧК по борьбе с контрреволюцией о деятельности этой комиссии, ЧК находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности ВЧК и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обезопасить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежникам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»².

Таким образом, большевистское правительство официально объявляло террор как основной метод управления обществом и страной, хотя массовое насилие в различных сферах общественной жизни пришло в Россию вместе с большевистским вооруженным государственным переворотом.

В июне, за три месяца до принятия декрета «О красном терроре», на партийной конференции чекистов были приняты решения:

✓ «...2. Изъять из обращения видных и активных руководителей монархистов-кадетов, правых социал-революционеров и меньшевиков.

✓ 3. Взять на учет и установить слежку за генералами и офицерами, взять под наблюдение Красную армию, командный состав...

4. Применить меру расстрела по отношению видных и явно уличенных контрреволюционеров, спекулянтов, грабителей и взяточников...»³

Это решение не суда и не исполнительных органов, а партийного собрания, хотя позицию высшего законодательного органа выразил на пятом Всероссийском съезде Советов Я.М. Свердлов: «Смертные приговоры мы выносили десятками по всем городам: и в Петрограде, и в Москве, и в провинции»⁴. И это несмотря на то, что смертная казнь была отменена вторым Всероссийским съездом Советов, а восстановлена официально 6 июня 1918 г.

В ответ на убийство террористом Сергеевым члена президиума ВЦИК, редактора «Красной газеты», комиссара по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарского (Гольдштейна М.М.) «рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором, — пишет Ленин большевистскому руководству Петрограда 26 июня, упрекая в том, что они их удержали. — Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивное. Надо поощрять энергию и массовость террора контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает»⁵.

Введение массового террора как орудия политики правящей партии было обусловлено обострением вооруженной борьбы в ходе Гражданской войны, которую активно поддерживали бывшие союзники России. «Нашей политикой, — признавался в 30-е годы глава британской миссии при СНК Р. Локкарт, — мы содействовали усилению террора и увеличению кровопролития»⁶.

Исследуя причины, ход, последствия Гражданской войны в России, советские историки, исходя с классовых позиций, а точнее, официальной, партийной установки, считали, что основной ее причиной стало «сопро-

тивление эксплуататорских классов», в ходе ее «рабочие и крестьяне были на стороне Советской власти», последствие — торжество Советской власти. О терроре говорили как о мере вынужденной, хотя даже поверхностный анализ действий новой власти свидетельствует, что это была мера необходимая. Вместе с тем Ленин и его соратники, подчеркивая гуманность своих идей, на деле использовали самые жестокие и подлые формы незаконного и бессмысленного террора. Идеи Ленина о «светлом будущем» были выше человеческой жизни.

Кровожадным актом революционного терроризма явилось уничтожение царской семьи. И хотя уже вышли довольно подробные исследования этой позорной трагедии, в ней остались и тайны. Не вдаваясь в подробности, сообщим лишь основные факты.

13 июля 1918 г. в Перми был расстрелян брат царя Михаил.

18 июля в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге были расстреляны и «по-зверски» погребены останки императора Николая II, его жены, дочерей и сына Алексея.

19 июля в Алапаевской тюрьме, в 120 верстах от Екатеринбурга, были расстреляны 18 членов царской фамилии, их дети и слуги, среди них великие князья 34-летний Иван и 27-летний Игорь, сыновья Константина.

22 июля в Ташкенте расстреляли Николая Константиновича.

Трупы алапаевских жертв эксгумировали белогвардейцы, перевезли в Пекин и захоронили в православном соборе. «Мощи» великой княгини Елизаветы Федоровны, родной сестры царицы, возведенной Зарубежной православной церковью в сан «святой Елизаветы Великомученицы», были перевезены в Палестину, в православный храм Иерусалима и захоронены.

Акция по ликвидации дома Романовых продолжилась в Петропавловской крепости, где 28 января 1919 г. были расстреляны дядя царя Дмитрий Константинович — Главнокомандующий над казенным конезаводом и великий князь Николай Михайлович, известный историк,

за которого ходатайствовал Горький. Ленин категорически заявил: «Революции историки не нужны!» Тем более Ленин, без ведома которого не могли уничтожить помазанников божьих, прекрасно понимал опасность для революции всего Дома Романовых. Столь ярое зверство было результатом злобы и трусости.

Летом 1918 г. казалось, что власти большевиков подходит конец. Борьба шла не на жизнь, а на смерть. Отброшены были «красные идеологические принципы» и «белая демократия». Чтобы выжить и остаться у власти, большевики усиливали «диктатуру пролетариата», доводя ее чрезвычайными мерами до крайности — физической ликвидации инакомыслящих. Аппарат управления становился все более репрессивным, законодательные функции власти все более и более заменялись приказно-волевыми методами командования партийных комиссаров. Резолюция ВЦИК, принятая 29 июля, предписывала: «Советская власть должна обеспечить свой тыл, взяв под надзор буржуазию, проводя на практике массовый террор против нее»⁷. Получив известие о вспыхнувшем в Пензенской губернии восстании, Ленин телеграфировал указание губисполкому и губкому партии: «...провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационные лагеря вне города»⁸.

В ответ на индивидуальный террор эсеров, покушение на вождей большевиков — В. Володарского, М.С. Урицкого и В.И. Ленина, «Правда» 1 сентября сообщала: «Отныне наступил момент борьбы не на живот, а на смерть, когда все средства дозволены».

17 сентября известный ученый и революционер П.А. Кропоткин писал Ленину: «Озлобление, вызванное в рядах Ваших товарищей после покушения на Вас и убийства Урицкого, вполне понятно.

Но что понятно для массы, то непростительно для «вожаров» Вашей партии. Их призывы к массовому красному террору; их приказы брать заложников; массовые расстрелы людей, которых держали в тюрьмах специально

для этой цели — огульной мести... Это недостойно руководителей социальной революции»⁹.

Несколько позже, при личной встрече в мае 1919 г., Ленин, оправдываясь за действия своих товарищей, ссылаясь на некультурность, безграмотность и отсталость, заявил Кропоткину: «Никто не может приписывать нам, как партии, как государственной власти, то, что делается неправильного в аппаратах этой власти, тем более там, в глубине страны, в отдалении от центров.

— Но от этого, конечно, не легче всем тем, кто подвергается влиянию этой непросвещенной власти! — воскликнул П.А. Кропоткин...

— Но ничего не поделаешь... — прибавил Владимир Ильич, — в белых перчатках революцию не сделаешь»¹⁰.

18 октября газета «Правда» сообщала, что прежний лозунг — «Вся власть Советам» сменился новым — «Вся власть чрезвычайкам».

На красный террор с фактологическим анализом причин обострения Гражданской войны обращал внимание Патриарх Московский и всея Руси Тихон в послании Совету Народных Комиссаров 25 октября 1918 г.: «Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство.

Сначала (под именем «буржуев») грабили людей состоятельных, потом, под именем «кулаков», стали грабить более зажиточных и трудолюбивых крестьян, умножая, таким образом, нищих, хотя вы не можете не сознавать, что с разорением великого множества отдельных граждан уничтожается народное богатство и разоряется сама страна».

Нарком внутренних дел Г.И. Петровский издает приказ, в котором, указывая на «чрезвычайно ничтожное количество серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии», приказывает: «взять значительные количества заложников»¹¹.

Председатель ВЧК Ф.Э. Дзержинский в циркулярном письме предлагает: «Брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров... Чем они доро-

жат? Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находящихся при власти у них лиц и тому подобными». Дзержинский поясняет, что «никто не заступится и ничего не даст» за «какого-нибудь сельского учителя, лесника или мелкого лавочника»¹².

Председатель ЧК Восточного фронта М.И. Лацис (Судрабс Я.Ф.) инструктировал подчиненных: «Не ищите в деле обвинительных улик: восстал ли он против Советов с оружием или на словах. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия»¹³. И это была не отсебятина чекиста. Так, председатель Реввоенсовета республики Троцкий с нетерпением ожидал «законных» оснований уничтожения белогвардейского офицерства и дождался. 28 июля 1920 г. он получил телеграмму от И.В. Сталина: «Приказ о поголовном истреблении врангелевского комсостава намереваясь издать и распространить в момент нашего общего наступления». Вот так, без суда и следствия — истребление лишь по принадлежности к комсоставу (Большая рукопись. Переписка. С. 150).

Массовый террор применялся по любому поводу и даже против простых тружеников. Постановление Совета рабоче-крестьянской обороны от 15 февраля 1919 г. предписывало: «...взять заложников из крестьян с тем, что, если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны»¹⁴.

«В своей деятельности ВЧК, — гласила директива Дзержинского, — совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК»¹⁵.

Таким образом, от имени Советской власти в систему государственного управления вводится несправедливая, безжалостная мера наказания безвинных людей. Исходя из вседозволенности, чекисты захватывают заложников сотнями, многие из которых были расстреляны.

В циркулярном письме ЦК РКП(б) ко всем членам партии — комиссарам, командирам и красноармейцам осенью 1918 г. указывалось: «Нужно железной рукой заставить командный состав, высший и низший, выполнять боевые приказы ценою каких угодно средств... Красный террор сейчас обязательнее, чем где бы то ни было и когда бы то ни было... Командный состав должен быть поставлен перед единственным выбором: победа или смерть»¹⁶.

«— Без серьезных и опытных военных нам из этого хаоса не выбраться, — уверял Троцкий Ленина, на что следовало сомнение:

— Да как бы не предали...

— Приставим к каждому по комиссару, — предлагал наркомвоенмор.

— А то еще лучше двух, — соглашался председатель Совнаркома»¹⁷.

Получив от Ленина одобрение своим действиям, Троцкий телеграфирует: «Казань Реввоенсовет. Раскольникову.

...При сомнительных командирах поставьте твердых комиссаров с револьверами в руках...»¹⁸

Ленин — Троцкому: «Удивлен и встревожен замедлением операций против Казани... По-моему, нельзя жалеть города и откладывать дальше, ибо необходимо беспощадное истребление...»¹⁹

Одной из причин казанской катастрофы председатель Реввоенсовета республики считал «отсутствие револьверов». «Поддерживать дисциплину, не имея револьверов, нет возможностей»²⁰. Троцкий наводил «революционный порядок» в войсках пулеметами и пушками именного бронепоезда, в котором имел и «золотой» фонд партии — «рукастых коммунистов».

«...Нам необходимы крепкие заградительные отряды из коммунистов и вообще из боевиков, — уверял Троцкий Ленина. — Надо заставить сражаться. Если ждать, пока мужик расчухается, пожалуй, поздно будет.

— Конечно, это правильно, — отвечал Ленин, — только опасюсь, что и заградительные отряды не проявят

должной твердости. Добер русский человек; на решительные меры революционного террора его не хватает...»²¹

Хорош разговор руководителей Советской России, загородившихся отрядами «из коммунистов и вообще из боевиков» от русского народа, который «добер» и «на решительные меры революционного террора его не хватает». Большевистские вожди были правы, ибо русские никогда не были палачами, предпочитая быть освободителями.

Единодушие Ленина и Троцкого в разговоре о необходимости радикальных мер при взятии власти и ее удержанию стало основой их альянса. Троцкий не только рьяно претворял в жизнь ленинские идеи революционной борьбы, но и значительно их обогатил. В работе «Терроризм и коммунизм» Троцкий, еще недавно именуемый Лениным «каутсканцем», менторски отвечал К. Каутскому летом 1920 г. на его замечание в книге аналогичного названия о том, что оправдание террора соображениями «революционной целесообразности» — есть извращение марксизма²². «Революция требует от революционного класса, чтобы он добился своей цели всеми средствами, какие имеются в его распоряжении: если нужно — вооруженным восстанием, если потребуется — терроризмом. Террор вытекает из природы революции, — утверждал революционный практик, — цель (социализм) при известных условиях его оправдывает. Кто отказывается принципиально от терроризма, т.е. мер подавления и устрашения по отношению к ожесточенной и вооруженной контрреволюции, тот должен отказаться от революционной диктатуры... и ставит крест на социализме»²³.

Все это было ладно на словах, хотя и не соответствовало гуманным целям и лозунгам коммунистов. На деле же террор, объявленный официальной политикой правящей партией, не обеспеченный законодательной основой, проводимый против большинства населения России, был преступен. И никакого оправдания у юридически образованных вождей большевизма — Ленина и Троцкого не было. Политика ликвидации инакомыслящих, устрашение оставшихся в живых проводилась Лениным и его сорат-

никами сознательно. Необходимо было сломать волю личности, превратить народ в толпу, заставить его умирать за «новую Россию».

«Пугать террором и погромами людей, — считал Горький, — которые не желают участвовать в бешеной пляске г. Троцкого — над развалинами России, — это позорно и преступно. Все это не нужно и только усилит ненависть к рабочему классу. Он должен будет заплатить за ошибки и преступления своих вождей — тысячами жизней, потоками крови»²⁴.

«...Наши руки обгарены кровью», — признавался нарком просвещения А. Луначарский в ответ на жалобы писателя Короленко о терроре красных.

Наиболее показательным фактом безнравственности, беззакония и жестокости новой власти являлось расказачивание. На протяжении веков крупнейшее военное сословие России — казачество служило оплотом государственной власти, получая за свою верность землю и различные льготы. И все же чаяния и мечты их в основном были схожи с крестьянством. Они так же, как и все, устали от войны и стремились решать свои проблемы собственными силами. 10 января 1918 г. в станице Каменской собрался съезд представителей вернувшихся с фронта казаков. Прибыли делегаты от 21 казацкого полка, 5 батарей и 2 запасных полков. В работе съезда приняли участие прибывшие из Воронежа руководители Донского областного ВРК С. Сырцов, А. Френкель, представители Московского Совета и ВЦИК М. Янышев и А. Мандельштам. Съезд принял резолюцию, по которой власть в Донской области переходила к избранному делегатами съезда казачьему Военно-революционному комитету во главе с вахмистром Ф. Подтелковым и прапорщиком М. Кривошлыковым.

Таким образом на Дону возникло двоевластие, так как в Новочеркасске заседало Донское войсковое правительство во главе с атаманом А. Калединым.

Многие казачьи полки все более и более отходили от Каледина, признавая Каменский ВРК, который готов был

установить связь с командованием советских войск, блокировавших Донскую область. Казаки считали, что Советская власть не принесет им вреда и не затронет их обычаи и сословный уклад жизни. Не достигнув компромисса с Донским войсковым правительством, Каменский ВРК устами Ф. Подтелкова ультимативно заявил: «Мы требуем передачи власти нам, представителям трудящегося народа, и удаления всех буржуев из Новочеркасска и Добровольческой армии с Дона...»²⁵

Видя безысходность своего положения, атаман Каледин после очередной болтовни, от которой погибала Россия, застрелился. В предсмертном письме, адресованном генералу Алексееву, он писал: «Казачество идет за своими вождями до тех пор, пока вожди приносят ему лавры победы, а когда дело осложняется, то они видят в своем вожде не казака по духу и происхождению, а слабого предводителя своих интересов и отходят от него. Так случилось со мной и случится с Вами, если Вы не сумеете одолеть врага»²⁶.

Казалось, ничего не предвещало кровавой бойни на Дону. «Дон еще не проснулся, — писал активный участник Белого движения генерал А. Богаевский. — Роковой выстрел Каледина еще не разбудил его. Только немногие смелые люди пошли с нами или в Степной поход с генералом Поповым. Масса простого казачества, — утверждал он, — да и многие офицеры пока еще держали нейтралитет...»²⁷

«Ледяной поход» Добровольческой армии Корнилова, начатый 9(22) февраля в Ростове и закончившийся 31 марта под Екатеринодаром, и другие походы белых казачьих вождей кровавой пеленой покрыли Дон и Кубань. Один из его участников А. Богаевский писал, что бесконечно тяжким было сознание одиночества на своей родной земле... Но у многих «первопроходников» это горестное чувство лишь усиливало ненависть, стремление мстить «хамам»²⁸. Другой участник похода Р. Гуль рассказывал о расстрелах пленных, добивании раненых, порках до тех пор, пока «пленные не были в крови»²⁹.

В связи с обострением борьбы с казачеством оргбюро ЦК РКП(б) в составе Я.М. Свердлова, Н.Н. Крестинского, М.Ф. Владимирского и К.Т. Новгородцевой приняли 24 января 1919 г. «Циркулярное письмо ЦК об отношении к казакам». В нем «циркулярно, секретно» давались указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти: «...признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.

2. Конфисковать хлеб и заставляя ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.

3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.

4. Уравнять пришедших «иностранцев» к казакам в земельном и во всех других отношениях.

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.

6. Выдавать оружие только надежным элементам из иностранцев.

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.

8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разрабо-

тать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли.

Центральный Комитет РКП»³⁰.

Получив такую директиву, партийные и советские работники Дона применили репрессии не только к офицерам, казакам-кулакам, воевавшим против Советской власти, но и к обманутым или заблуждавшимся середнякам. Местные ревкомы стали широко проводить классовую, безжалостную политику «расказачивания». Станицы переименовывались в села, казакам запрещалось носить лампасы, из обращения изгонялось даже само слово «казак». Ответом на безумные репрессии явилось вспыхнувшее 11 марта 1919 г. восстание донского казачества, которое показало неверность установки оргбюро ЦК РКП(б) в отношении казачества в целом и сплочения трудового казачества вокруг Советской власти. На наш взгляд, нельзя всю вину по «расказачиванию» возлагать на Свердлова, хотя, по выражению Ленина, «...мы были вынуждены всецело полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения»³¹.

Подавлением восстания на Дону занимался лично Ленин. 20 апреля 1919 г. он с возмущением телеграфирует члену РВС Южного фронта Сокольникову: «Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось»³². 24 апреля он вновь настаивает: «Во что бы то ни стало надо ликвидировать, и до конца, восстание. От Цека послан Белобородов. Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгости, но если Вы абсолютно уверены, что нет сил для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно»³³. Другая депеша Раковскому, Антонову, Подвойскому и Каменеву ушла в Киев: «Во что бы то ни стало, изо всех сил и как можно быстрее помочь нам добить казаков и взять Ростов хотя бы ценой временного ослабления на западе Украины, ибо иначе грозит гибель»³⁴.

✓ Почему же так торопит Ленин соратников? Во-первых, нужен «хлеб с меньшими затратами и большими результатами»³⁵. Во-вторых, его утверждение, «что в глубине

Донецкого бассейна бродят казачьи шайки, которые беспощадно грабят местное население», не соответствовало действительности. В-третьих, казаки представляли реально-профессиональную военную силу, способную противостоятъ большевистскому беспределу, и нельзя было допустить их сплочения. В-четвертых, Ленин решил переселить на Дон миллионы жителей из Петроградской, Олонецкой, Вологодской, Череповецкой, Псковской и Новгородской губерний в соответствии с Циркулярным письмом ЦК о расказачивании и декретом Совнаркома РСФСР «Об организации переселения в производящие губернии и в Донскую область». Позже география переселенцев будет значительно расширена. Иногородцы должны были укрепить Советскую власть, распространить ленинские идеи «светлого будущего».

Таким образом, большевики продолжали грабительскую политику, политику натравливания друг на друга различных слоев населения России, а главное, уничтожалось наиболее самостоятельное, хозяйственно-независимое и военно-организованное сословие. Прельщенные высокоурожайной донской землей переселенцы становились крепостными Советской власти, согнанными в коммуны, совхозы, колхозы и другие сельскохозяйственные объединения.

Только в мае Ленин направил десятки телеграмм и писем своим подручным Троцкому, Каменеву, Белобородову, Серее, Луначарскому, Сокольникову, Колегаеву, Хвесину и другим, в которых настоятельно требовал ускорить переселение в Донскую область и беспощадное подавление казаков³⁶. 3 июня Ленин беседует с членами ревкома Котельниковского района — Колесниковым и Неклюдовым — о положении на Дону, хотя имел представление из докладов сотрудников ВЧК и РВС фронтов, один из которых, В.А. Трифонов, писал члену редакции «Правды» А. Сольцу: «На юге творились и творятся величайшие безобразия, о которых нужно во все горло кричать на площадях»³⁷. Представители Советской власти с Дона рассказали Ленину о бесчинствах и грабежах при

подавлении казачества, о своем бесправии. Председатель Совнаркома пообещал разобраться и помочь. В тот же день командованию Южного фронта Ленин телеграфировал: «Держите твердо курс в основных вопросах»³⁸. По вопросу «казачьей политики» на Дону, докладывая в ЦК РКП(б) в июле 1919 г., член Донревкома И.И. Рейнгольд утверждал: «Бесспорно, принципиальный наш взгляд на казаков как на элемент, чуждый коммунизму и Советской идее, правилен».

«Наш взгляд» — это политика ЦК партии большевиков, представляющих казаков как чуждый элемент, ибо они не хотели отдавать свое наработанное потом и кровью ради всеобщего благосостояния. Абсурдом являлось и то, что казак, трудившийся от зари до зари со своими домочадцами, «чуждый коммунизму и Советской идее». Ибо примитивным понятием ЦК РКП(б) под коммунизмом понимали все общее, а под Советской идеей — все совместное. А против не понимавших этот абсурд необходим был террор.

По мнению Рейнгольда, которое не расходилось с «линией» ЦК РКП(б): «Казаков, по крайней мере, огромную их часть надо будет рано или поздно истребить, просто уничтожить физически, но тут нужен огромный такт, величайшая осторожность и всяческое заигрывание с казачеством; ни на минуту нельзя упускать из виду того обстоятельства, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица — вооруженный лагерь, каждый хутор — крепость».

Кошунственно звучит сожаление о поголовном истреблении казаков, при котором «нужен огромный такт». Трусливость и «величайшая осторожность» звучат из доклада члена Донревкома, который ясно осознает, что казаки не простые мужики, а «воинственный народ», антибольшевистски настроенный. К тому же «в быте казаков и их историческом прошлом заложены начала независимости, обособленности, своей самостоятельности государственной жизни», — вынужден признать Рейнгольд.

«Только под вывеской Советского Донского Правительства мы должны проводить на Дону красный террор...»³⁹ — советует Рейнгольд, пытаясь придать видимость законности бесчеловечной акции.

Лицемерием Советской власти и вождя большевиков было Обращение ВЦИК и СНК к казакам Донского, Кубанского, Терского, Астраханского, Уральского, Оренбургского, Сибирского, Семиреченского, Забайкальского, Иркутского, Амурского и Уссурийского казачьих войск, принятое 14 августа 1919 г.:

«Казачи Дона, Кубани, Терека и других казачьих войск!

Второй год бывшие помещики, банкиры, фабриканты, купцы, царские генералы, полицейские и жандармы ведут в России жесткую внутреннюю войну против рабоче-крестьянской власти и в этой войне находят у вас поддержку...

Почему вы, казаки, помогаете вековым угнетателям народа? Разве новая рабоче-крестьянская власть стала притеснять вас или ваши родные места и веру? Ведь этого нет. Напротив, Рабоче-крестьянское правительство объявило свободу всем. Такую свободу дало оно и казакам. Оно не собирается никого расказачивать насильно, оно не идет против казачьего быта, оставляя трудовым казакам и их станицы и хутора, их земли, право носить какую хотят форму (например, лампасы)... Советское правительство одинаково заботится о казаке, крестьянине и рабочем. Оно защищает их общие интересы... За преступление против казаков, крестьян и рабочих Советское правительство строжайше наказывает, вплоть до расстрела...

М. Калинин, В. Ульянов (Ленин), В. Аванесов, М. Макаров, Ф. Степанов»⁴⁰.

Однако столь фальсифицированный документ, рассчитанный на обман широкой российской общественности, не подписали комиссар по казачьим делам М. Макаров и заведующий казачьим отделом ВЦИК Ф. Степанов, имена которых не найти ни в одной из советских энциклопедий⁴¹.

О реальной обстановке на Дону сообщали «Донские ведомости» 24 сентября 1919 г.: «Нет самого малого поселка, где бы не страдали казаки от большевиков... Небывалую, страшную эпоху голода, холода, разорения, эпидемии и смерти переживает весь Дон, а также наша станица (Константиновка. — В.П.), не к кому нам, казакам, обратиться за помощью. Некому поведать свои муки и горе».

Кошмаром существования 4,5-миллионного казачества как особого военного сословия стал декрет Совнаркома, подписанный Лениным 25 марта 1920 г. «О строительстве Советской власти в казачьих областях». В нем говорилось: «Учредить в казачьих областях общие органы Советской власти, предусмотренные Конституцией Российской Федеративной Социалистической Республики и положением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета о сельских Советах и волостных исполкомах... Отдельных Советов казачьих депутатов не должно быть создаваемо... Декрет от 1 июня 1918 г. об организации управления казачьими областями... отменить»⁴². Кровавые зачистки казачьих земель еще продолжались долго, но казачество не исчезло.

Введение всеобщей трудовой повинности было направлено прежде всего против нетрудящихся слоев населения. Однако в экстремальных условиях Гражданской войны принудительные меры распространились на рабочих и крестьян. Милитаризация труда закрепляла на фабриках и заводах рабочих как мобилизованных. Постановление СНК от 29 января 1920 г. конкретизировало проведение всеобщей трудовой повинности. Предусматривалось привлечение населения независимо от постоянной работы к единовременному или периодическому выполнению различных трудовых повинностей (топливной, сельскохозяйственной, дорожной, гужевой), использование рабочей силы частей Красной Армии, перераспределение наличных трудовых ресурсов⁴³. Конечно, принудительный труд явился следствием тяжелых условий военного положения. В то же время он лежал в основе принципиальной концепции построения социализма, которую создавали Ленин и его соратники.

Четко и ясно изложил систему принудительного труда Троцкий весной 1920 г. на IX съезде РКП(б). Он доказывал, что военные методы хозяйственного руководства присущи всему периоду строительства социализма. По его убеждению, милитаризация труда является универсальным и постоянным средством экономического развития города и деревни. Рабочие должны быть приписаны к заводам и фабрикам, они были обязаны выполнять государственный план. Крестьяне, прикрепленные к государственной земле, должны были не только интенсивно трудиться, сеять и выращивать по госзаказу, но и сдавать по госнорме и госрасценкам свою продукцию. За «трудовое дезертирство» наркомвоенмор, председатель РВС Советской России, член Политбюро ЦК РКП(б) Л.Д. Троцкий предлагал направлять в штрафные рабочие команды и концентрационные лагеря. На вопрос, будет ли эффективной эта система, Троцкий цинично ответил, что наш «социалистический» принудительный труд будет эффективным и производительным, ибо «мы» должны и «мы» можем сделать так, чтобы он воспринимался самим работником как свободный, добровольный и радостный⁴⁴. Система принудительного труда не была идеей Троцкого, а лишь толкованием теории одного из лидеров II Интернационала — Карла Каутского. «Гениальность» соратника Ленина в том, что он выражал мнение своих соподельников и желание внедрить рабский труд в Советской России.

Через полтора года после IX съезда, 17 октября 1921 г., под напором народного бунта Ленин вынужден будет признать, что после Брестского мира «мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению»⁴⁵.

Все это было не так, ибо «переход...» начался с октября 1917 г. Ну а далее его вывод точен: «...На экономическом фронте с попыткой перехода к коммунизму мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное»⁴⁶.

Открывая частично шлюзы свободного труда, Ленин подчеркнет, что это — «стратегическое отступление». НЭП, говорил он делегатам IX съезда РКП(б), — «серьез и надолго, но... не навсегда»⁴⁷. Так Ленин конспиративно давал понять, что развитие экономики в советской России зависит от политического курса ее руководителей, желавших, по мнению большевистского вождя, построить «единый государственный синдикат».

Начало мирного строительства «единого государственного синдиката» ознаменовалось новым витком политической борьбы за власть. Практического опыта у «прорабов-строителей» социализма не было, а идеи по формам и методам его возведения разнились. Обмен мнениями в РКП(б), о котором довольно подробно, хотя и не совсем объективно писали, действительно грозил расколоть партию, и Ленин на X съезде РКП(б) предложил принять решение «О единстве партии», которое означало введение террора большевистского большинства в своих рядах. Хотя до этого оппозиция не расценивалась как незаконное и враждебное явление, о чем свидетельствовал Г.Е. Зиновьев на VIII съезде партии. «Оппозиция, — констатировал он, — вещь законная. Никто против этого ничего не имеет. Съезд для того и созывается, чтобы каждая группа нашей партии сказала свое мнение»⁴⁸.

Решение съезда представлялось как спасительно-временное, необходимое для партии и Советской власти постановление. Запретив всякую фракционность, съезд дал ЦК полномочия исключать из партии за нарушения партийной дисциплины. В решении «О единстве партии» съезд определял фракционность как «возникновение групп с особой платформой и стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину»⁴⁹. В принципе решение не запрещало членам партии объединяться на основе отдельных платформ, если они действуют открыто и в рамках единой для партии дисциплины. Д.Б. Рязанов предложил поправку: «Осуждая самым решительным образом всякую фракционность, съезд в то же время высказывается также решительно против

выборов на съезд по платформам». Ленин говорил, что «пожелание т. Рязанова, как это ни жаль, неосуществимо. Лишать партию и членов ЦК права обращаться к партии, если вопрос коренной вызывает разногласия, мы не можем. Я не представляю себе, каким образом мы можем это сделать. Нынешний съезд не может связывать чем-либо выборы на будущий съезд, а если будет такой вопрос, как, скажем, заключение Брестского мира?.. Возможно, что тогда придется выбирать по платформам... Если же обстоятельства вызовут коренные разногласия, можно ли запретить вынесение их на суд всей партии? Нельзя! Это чрезмерное пожелание, которое невыполнимо и которое я предлагаю отвергнуть»⁵⁰.

Принимая решение «О единстве партии», съезд имел в виду ситуацию начала 1921 г., когда возникла опасность раскола партии. «Это — крайняя мера, — подчеркивал Ленин, — которая принимается специально в сознании опасности обстановки»⁵¹. Однако текст решения оставлял возможность толкования его расширительно и во времени, и в отношении требований меньшинства. К. Радек при обсуждении проекта резолюции многозначительно заметил: «Здесь устанавливается правило, которое неизвестно еще против кого может обернуться»⁵².

Значительно изменилось мнение Зиновьева: «Мы имеем «монополию легальности», мы отказали в политической свободе нашим противникам. Мы не даем легально существовать тем, кто претендует на соперничество с нами. Мы зажали рот меньшевикам и эсерам... Диктатура пролетариата, как говорит товарищ Ленин, есть очень жестокая вещь. Для того, чтобы обеспечить победу диктатуры пролетариата, нельзя обойтись без того, чтобы не переломить хребет всем противникам этой диктатуры... Никто не может указать то время, когда мы сможем пересмотреть наши взгляды в этом вопросе»⁵³.

Таким образом, опасность раскола, о котором говорили соратники Ленина, хотя и заявляли о допустимости различных мнений «товарищей», привела к открытому подавлению инакомыслия в партии и в обществе в целом.

Так было в 1921 г. в конфликте секретаря Петроградского губкома партии Н.А. Угланова и председателя Петроградского Совета Г.Е. Зиновьева. На собрании партийного актива Петрограда большинство поддержало Угланова. Тогда Зиновьев обвинил его в «уклоне», тем самым «ошельмовав» Угланова и его окружение.

Хотя с «рабочей оппозицией» было покончено, в руководстве партии оставалось немало противников монопольной политики Ленина. Проявлением недовольства явилось «Заявление 22-х», которое было направлено в Исполком Коминтерна. «...Наши руководящие центры ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры, — говорилось в нем. — Стремление приблизить пролетарские массы к государству объявляется «анархо-синдикализмом», а сторонники его подвергаются преследованиям и дискредитированию... Объединенные силы партийной и профессиональной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения наших съездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии»⁵⁴.

Еще более жесткую и непримиримую позицию занимали большевики в отношении меньшевиков и эсеров, расценивая даже их критические замечания в адрес РКП(б) и Советской власти как незаконные действия. В результате репрессий меньшевиков и эсеров все же наметилась тенденция к усилению их влияния среди рабочих и крестьян, что тревожило большевистское руководство. Оно негативно относилось к попыткам лидеров меньшевиков пойти на компромиссы. Так, осталось «незамеченным» обращение Ю. Мартова и Ф. Абрамовича (по поручению ЦК РСДРП и Бунда) с письмом к социалистическим партиям и профсоюзам всех стран с призывом к признанию Советской России и возобновлению торговли с ней⁵⁵. Давая показания о политике партии меньшевиков, член ее ЦК Ф.И. Дан на допросе 21 апреля 1921 г. в Петроградской ЧК заявил: «Для настоящего момента считаю необходи-

мым, в интересах трудящихся и особенно пролетариата, сохранение советской системы, но с тем, чтобы эта система была, согласно и теории ее, и Конституции, действительным свободным самоуправлением трудящихся, а не замаскированной формой партийной диктатуры...» Что касается крестьянских восстаний, то партия меньшевиков «не только не брала на себя инициативы таких восстаний или руководства ими, но решительно высказывалась против них». В отношении рабочих забастовок он показал, что партия признает право на забастовки, на практике неустанно старается удержать рабочие массы от пользования этим правом, от всякого забастовочного движения, считая, что в обстановке крайнего разрушения производительных сил, распыленности, дезорганизованности и социально-политического упадка пролетариата забастовки неизбежно будут для рабочего класса не только бесполезны, но и вредны, а также неизбежно будут использованы классовыми врагами пролетариата»⁵⁶.

Таким образом, партия меньшевиков придерживалась легальности и отказа от вооруженной борьбы. В конце ноября 1921 г. Бюро ЦК РСДРП приняло циркуляр о задачах партии и методах борьбы, подчеркивавший, что партия легальна, к попыткам уйти в подполье ЦК относится отрицательно. «Вы должны рассматривать себя как партию, стоящую на почве советской Конституции, партию легальной рабочей социалистической оппозиции, относящуюся совершенно отрицательно к методам вооруженной борьбы и вооруженным восстаниям, которые в настоящих условиях неизбежно повлекли бы к торжеству реакции»⁵⁷.

Меньшевики продолжали критиковать большевиков в проведении экономической политики, требовать отказа от диктатуры и расширения демократии, что воспринималось властями как опасность для их правления.

В отличие от меньшевиков правые эсеры допускали вооруженную борьбу. Многие из них принимали активное участие в организации антисоветских восстаний. Партия считала своей задачей готовиться к свержению большевистской власти и вооруженным путем. В августе 1921 г.

очередной (10-й) Совет партии сформулировал основную задачу: «Вопрос о революционном низвержении диктатуры Коммунистической партии со всей жизненной необходимостью становится в порядок дня, становится вопросом всего существования российской трудовой демократии»⁵⁸.

Исходя из оппозиционных настроений политических оппонентов большевиков, в плане ВЧК «работы по ликвидации белогвардейских организаций» основной упор сделан на «доликвидации» партий меньшевиков и эсеров. В день представления «плана» Ленину, 4 июня 1921 г., Политбюро дало директиву ВЧК усилить борьбу против меньшевиков «ввиду активизации их контрреволюционной деятельности»⁵⁹. Во второй половине 1921 г. участились случаи арестов меньшевиков и эсеров. 28 декабря 1921 г. по докладу Ф.Э. Дзержинского о меньшевиках и эсерах ЦК РКП(б) постановил: «а) Предрешить вопрос о предании суду Верховного трибунала ЦК партии социалистов-революционеров, б) Поручить комиссии в составе тт. Дзержинского, Каменева и Сталина определить момент опубликования»⁶⁰. В соответствии с постановлением ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г. готовился процесс над руководством правых эсеров. Верховный трибунал ВЦИК 8 июня — 7 августа рассматривал дела 11 членов Центрального Комитета и нескольких десятков активистов партии. Им были предъявлены обвинения в преступлениях, совершенных в ходе Гражданской войны: участие в вооруженной борьбе против Советской власти, изменнические сношения с иностранными государствами, организация убийств, вооруженных ограблений. Обвиняемым грозила смертная казнь, что вызвало бурю всеобщего возмущения. «Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством — это будет убийство с заранее обдуманым намерением, гнусное убийство, — писал Горький заместителю председателя Совнаркома А.И. Рыкову. — Я прошу Вас сообщить Л.Д. Троцкому и другим это мое мнение»⁶¹.

В письме в Политбюро 17 марта 1922 г. Ленин требовал «самой беспощадной борьбы» с меньшевиками и эсерами

и самого максимального недоверия к ним (как к опаснейшим фактическим пособникам белогвардейщины)⁶². К этой борьбе был привлечен и Исполком Коминтерна. 18 апреля 1922 г. Президиум ИККИ обсуждал вопрос «О литературной кампании против меньшевиков, эсеров и анархистов» и постановил признать «задачей первой необходимости издать целую серию брошюр и листовок с тем, чтобы этой работе отдать предпочтение перед всеми остальными»⁶³.

При обсуждении на 3-й сессии ВЦИК IX созыва (12–26 мая 1922 г.) проекта Уголовного кодекса РСФСР Ленин предлагал добавить к проекту УК статьи, суть которых состояла в расширении применения расстрела как высшей меры наказания с правом замены высылкой за границу «по решению Президиума ВЦИК (на срок или бессрочно)». Относилось это, в частности, «ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т.п.». Предлагалось «найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т.п.)»⁶⁴.

17 мая последовала вторая ленинская записка Д.И. Курскому: «Открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы», что «карается высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу» — «пропаганда или агитация, или участие в организации, или содействие организациям, действующие (пропаганда и агитация) в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами»⁶⁵.

В 1922 г. были произведены массовые аресты среди меньшевиков. Многие из них отправлены в отдаленные районы страны, видные меньшевики получили разреше-

ние эмигрировать. Волне возмущения в Западной Европе Президиум ИККИ противопоставил сфабрикованные материалы о терроре в отношении коммунистов в буржуазных странах. 6 мая 1922 г. он постановил: «Добиться того, чтобы каждый член ИККИ дал в письменном виде подробнейший материал о своей стране, указывающий на гонения коммунистов, аресты, убийства, проявления белого террора и главную роль социалистов 2 и 2 1/2 Интернационала во всем этом»⁶⁶. Трибунал ВЦИК 3 человек оправдал, 12 приговорил к расстрелу, остальных — к различным срокам заключения. Президиум ВЦИК 10 человек помиловал. 8 августа 1922 г. ВЦИК утвердил приговор, но отсрочил его исполнение. «Если партия социалистов-революционеров, — говорилось в декрете ВЦИК, — фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян, она тем самым освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее продолжать»⁶⁷.

Таким образом, большевики вынуждены были держать руководителей эсеровской партии в тюрьме, сохраняя им жизнь за отказ эсеров от антисоветской деятельности. «Перебежчики из лагеря самих эсеров раскрыли нам, — писал Л.Д. Троцкий, — что важнейшие террористические акты были организованы не одиночками, как мы склонны были думать сначала, а партией, хотя она и не решалась брать на себя официальную ответственность за совершавшиеся ею убийства. Смертный приговор со стороны трибунала был неизбежен. Но приведение его в исполнение означало бы неотвратимо ответную волну террора. Ограничиться тюрьмой, хотя бы и долголетней, значило просто поощрить террористов, ибо они меньше всего верили в долголетие Советской власти. Не оставалось другого выхода, как поставить выполнение приговора в зависимость от того, будет или не будет партия

продолжать террористическую борьбу. Другими словами, вождей партии превратить в заложников»⁶⁸.

ХII конференция РКП(б) (4–7 августа 1922 г.) ориентировала на продолжение репрессий против небольшевистских партий. Доклад об антисоветских партиях и течениях делал Г.Е. Зиновьев. Принятая в духе доклада резолюция утверждала, что эти «партии и течения частично меняют тактику: они пытаются использовать советскую легальность в своих контрреволюционных интересах и держат курс на «врастание» в советский режим, который они надеются постепенно изменить в духе буржуазной демократии и который, по их расчетам, сам идет к неизбежному буржуазному перерождению»⁶⁹. Резолюция ставила задачу в «сравнительно короткий срок окончательно ликвидировать партии эсеров и меньшевиков как политические факторы»⁷⁰. Постановления ВЦИК и Совнаркома о регистрации обществ и союзов, согласно которым объединения, «по своим целям и методам деятельности противоречащие Конституции РСФСР и ее законам, не подлежали регистрации»⁷¹, создавали юридическую базу для запрета антибольшевистских партий и организаций.

Убедившись в бесперспективности борьбы, правые эсеры в 1923 г. приняли решение о самороспуске своей партии в Советской Республике.

Во второй половине 1922 г. остатки партии меньшевиков переходят на нелегальное положение. Разочарование в партии и чувство бесперспективности ее деятельности охватили не только рядовых членов, но и ее лидеров. Меньшевик О.Е. Ерманский вспоминал: «Когда я, после отъезда Мартова, оглядывался на окружавших меня членов ЦК, меня поражало явное понижение его общего политического и морального уровня. Тут еще уехал Абрамович, изъят был Дан — уровень членов ЦК совсем измельчал. А крен вправо рос не по дням, а по часам»⁷². «К концу 1922 г. 10 из 24 членов ЦК, избранных в мае 1918 г., вышли из партии»⁷³.

Среди левых эсеров летом 1920 г. взял верх И.З. Штейнберг, высказавшийся за прекращение борьбы

с Советской властью. Его единомышленники обратились в ЦК РКП(б) с просьбой разрешить им легальное существование. В октябре просьба была удовлетворена⁷⁴. Но левозсеровские группы были немногочисленны, их деятельность была малозаметна. Не помогло и объединение с максималистами и др. Многие левые эсеры вступали в Коммунистическую партию. В августе 1923 г. Центральное бюро объединенных организаций левых эсеров и максималистов вынуждено было признать полную несостоятельность своих организаций.

Так сходили с политической арены социалистические партии. К середине 20-х гг. в Советской России осталась одна «стоявшая у власти» партия — Коммунистическая. «Мы все побеждены Советской властью, — констатировал один из наиболее непримиримых ее врагов, Б. Савинков. — Побеждены и белые, и зеленые, и беспартийные, и эсеры, и кадеты, и меньшевики. Побеждены в Москве, и в Белоруссии, и на Кавказе, и на Украине, и в Сибири. Побеждены в боях, в подпольной работе, в тайных заговорах и открытых восстаниях... Прошло семь лет. Мы распылены. Мы — живые трупы. А Советская власть крепнет с часу на час»⁷⁵.

В констатации Б. Савинкова — признание того, что не только репрессии привели к гибели небольшевистских партий. Результат репрессий стал возможен вследствие потери связей этих партий с массой, изоляции от нее. Колебания, смена тактических установок, попытки играть роль «третьей», промежуточной силы в обстановке ожесточенной классовой борьбы не спасали их.

«...В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные в тюрьме»⁷⁶, — так пророчески заявил в 1927 г. председатель ВЦСПС М.П. Томский, в дальнейшем ощутивший на личной судьбе мощь диктатуры партии.

Ликвидация небольшевистских партий означала ликвидацию возможности общественного контроля над вла-

стью, политического плюрализма, оформление партийно-государственного насилия.

Особое беспокойство у Ленина вызывала интеллигенция, та ее часть, которая не выступала с оружием в руках. Против нее открытый террор ВЧК—НКВД мог выглядеть государственным бандитизмом. Большевики сумели «прикормить» ряд известных деятелей культуры и науки — М. Горького, И. Павлова... других отправить за границу на лечение и почетные дипломатические должности, третьих запугать, а непокорных изгнать из Советской России.

В письме Ф.Э. Дзержинскому от 19 мая 1922 г. Ленин предлагал конкретные меры по составлению списка «кандидатов на высылку за границу». В качестве «законнейших кандидатов на высылку» он назвал сотрудников журнала «Экономист». «Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу». В письме, направленном в ГПУ 17 июля 1922 г., Ленин продолжал наставлять: «Решительно «искоренить» всех энесов? Пешехонова, Мякотина, Горнфельда, Петрищева и др.

По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее».

Далее в письме даны указания: «Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистить Россию надолго... все сотрудники «Экономиста» — враги самые беспощадные. Всех их — вон из России.

Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!»⁷⁷

Резолюция XII Всероссийской конференции РКП(б) (4–7 августа 1922 г.) «Об антисоветских партиях и течениях» гласила: «Нельзя отказаться от применения ре-

прессий не только по отношению к политиканствующим верхушкам мнимобеспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции...»⁷⁸ Оставалось подвести «правовую основу» для готовящейся акции. 10 августа ВЦИК принял декрет «Об административной высылке лиц, признаваемых социально опасными». При НКВД была создана особая комиссия, получившая право без суда заключать в лагеря принудительных работ «подобных лиц»⁷⁹.

Летом были произведены аресты намеченных деятелей науки и культуры. Было выслано около 200 человек. Среди них выдающиеся философы Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин; историки А.А. Кизеветтер, С.П. Мельгунов, А.В. Флоровский; социолог П.А. Сорокин, журналист М.А. Осоргин, экономист Б.Д. Бруцкус и др.

В декабре 1922 г. в сорока километрах от Архангельска на берегу Белого моря был учрежден специальный лагерь для политических заключенных. В 1923 г. лагерь «особого назначения» на Соловках («СЛОН») был открыт для сотен тысяч человек, неугодных Ленину и его окружению. Только в Москве с 1919 г., кроме 5 тюрем, действовало 9 концлагерей, 4 из которых в крупнейших монастырях. В Новоспасском содержались женщины. Конечно, монастыри с высокими толстыми стенами как нельзя лучше подходили для мест заключения. Вместе с тем это был еще один удар по всеильной и ненавистой Ленину Церкви. В статье «Об отношении рабочей партии к религии», написанной еще в мае 1909 г., он категорически настаивал: «Мы должны бороться с религией... Марксист должен быть материалистом, т.е. врагом религии...»⁸⁰

Таким образом, все верующие, составлявшие подавляющее большинство населения России, становились врагами небольшой кучки большевиков, из которых лишь единицы проповедовали марксизм. Вождь большевиков с негодованием указывает в декабре 1919 г.: «...надо поставить на ноги все чека, чтобы расстреливать не явившихся на работу из-за «Николы»⁸¹. В то же время Ленин понимал, что открытый красный террор не может быть офи-

циальной политикой Советской России в условиях мирного строительства социализма. Необходимо было принять юридические основы, ограничивающие государственный капитализм.

В решении XI Всероссийской конференции РКП(б) (19–22 декабря 1921 г.) подчеркивалась первоочередность задачи водворения «во всех областях жизни строгих начал революционной законности». «Новые формы отношения, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защиту в судебном порядке»⁸². Однако сложившееся в ходе Гражданской войны представление о «революционной законности» не претерпело изменения. Оно вытекало из ленинской идеи о диктатуре пролетариата, функционирующей не по общечеловеческим принципам, а в соответствии с «революционным правосознанием». Последнее же определялось тем, отвечают ли юридические акты идеологии партии и взгляду на юстицию как на классовую. «Значит ли, что изданием писаных законов революционное правосознание как база решений и приговоров сдается в архив?» — ставился вопрос в первом номере 1922 г. ежегодника советской юстиции, и здесь же давался ответ: «Отнюдь нет. Революцию в архив еще никто не сдал, и революционное правосознание должно проходить красной нитью в каждом приговоре или решении: оно лишь ограничено писаными нормами, но оно не упразднено»⁸³.

Ленин изложил свои соображения «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» в письме наркому юстиции Д.И. Курскому 20 февраля 1922 г., подчеркнув: «Прежде боевыми органами Советской власти были главным образом Наркомвоен и ВЧК. Теперь особенно боевая роль выпадает на долю НКЮста...»⁸⁴ Ленин довольно круто указывает: «Усиление репрессий против политических врагов Соввласти и агентов буржуазии (в особенности меньшевиков и эсеров); проведение этой репрессии ревтрибуналами и нарсудами в наиболее быстром и революционно-целесообразном порядке; обяза-

тельная постановка ряда образцовых (по быстроте и силе репрессий; по разъяснению народным массам, через суд и через печать, значения их) процессов в Москве, Питере, Харькове и нескольких других важнейших центрах; воздействие на нарсудей и членов ревтрибуналов через партию в смысле улучшения деятельности судов и усиления репрессий; все это, — настаивал Ленин, — должно вестись систематично, упорно, настойчиво, с обязательной отчетностью...»⁸⁵

И так Ленин, юрист по образованию, выступает с типично политическими требованиями, нарушая сознательно главный принцип законотворчества — независимость судов и судей, упорно требуя «усиления репрессий», отвергая презумпцию невиновности.

Особое внимание Ленин уделял кадрам Наркомата юстиции. «Каждого члена коллегии НКЮста, каждого деятеля этого ведомства, — считал он, — надо бы оценивать по послужному списку, после справки: скольких коммунистов ты закатал в тюрьму втрое строже, чем беспартийных за те же проступки? скольких бюрократов ты закатал в тюрьму за бюрократизм и волокиту? сколько купцов за злоупотребление нэпа ты подвел под расстрел или под другое, неигрушечное (как в Москве, под носом у НКЮста, обычно бывает) наказание? Не можешь ответить на этот вопрос — значит, ты шалопай, которого надо гнать из партии за «комболтовню» и за «комчванство»⁸⁶.

Однако «закатать» коммуниста в тюрьму было трудно, так как по циркулярному письму, разработанному комиссией Оргбюро ЦК РКП(б) в составе Бухарина, Дзержинского, Курского, Молотова и Соколова, утвержденному ЦК РКП(б) 16 июня 1921 г., в случае ареста коммунистов судебно-следственные учреждения должны об этом немедленно извещать партийные комитеты и давать им для ознакомления само дело подследственного; они обязаны освобождать коммунистов под поручительство партийных комитетов за персональным поручительством трех членов РКП(б), уполномоченных на то партийным комитетом: «Мнение комитета о направлении и судебном решении по

делу есть партийная директива работников-коммунистов судебно-следственного учреждения»⁸⁷.

Казалось бы, грозное требование Ленина спрашивать с коммунистов «второе строже», чем с беспартийных, нивелирует всех перед законом, но партийные указания были выше каких-либо законов. Постановление Оргбюро ЦК от 16 марта 1923 г. предусматривало особый порядок привлечения к судебной ответственности секретарей губкомов и обкомов: прежде чем дать делу ход, губернский прокурор обязан был направить материалы и свое заключение прокурору республики для согласования с ЦК РКП(б)⁸⁸.

Таким образом, партийное окружение Ленина становилось сильнее своего вождя, который своими решениями еще больше укреплял его функции.

Ленин поясняет членам Наркомюста, Политбюро, Президиума ВЦИК, своим заместителям по СНК и СТО А.Д. Цюрупе и А.И. Рыкову: «...мы признали и будем признавать лишь государственный капитализм, а государство, это — мы, мы сознательные рабочие, мы коммунисты. Поэтому ни к черту не годными коммунистами надо признать тех коммунистов, кои не поняли своей задачи ограничить, обуздать, контролировать, ловить на месте преступления, карать внушительно всякий капитализм, выходящий за рамки государственного капитализма, как мы понимаем понятие и задачи государства»⁸⁹.

Ленин, не имея на то полномочий, вопреки общепринятому законодательству, дает указания: «...расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые» отношения; расширить право государства отменять «частные» договоры; применять не *corpus juris romeni* (свод законов римского права. — В.П.) к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание; показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как это надо делать с умом и энергией; через партию шельмовать и выгонять тех членов ревтрибуналов и нарсудей, кои не учатся этому и не хотят понять этого»⁹⁰.

Вот так волюнтаристски признавался лишь государственный капитализм, который строил социализм, а под государством признавалась лишь небольшая часть его подданных, которые должны были управлять обществом не на основании правосудия, а исходя из революционного правосознания, т.е. политической конъюнктуры и, точнее, беззакония.

По мнению Ленина, Наркомюст должен «добиться того, чтобы у нас капитализм был «вышколенный», был «приличный»... и карать не позорно-глупым, «коммунистически-тупоумным» штрафом в 100–200 миллионов, а расстрелом...»⁹¹. Понимая, что это не просто «задачи Наркомюста», а политический наказ вождя РКП(б) и требования председателя СНК, Ленин после своей подписи сделал приписку: «Р. С. и малейшего упоминания в печати о моем письме быть не должно. Пусть, кто хочет, выступает за своей подписью, не упоминая меня, и побольше конкретных данных!»⁹² Что это — политическая дальновидность или просто трусость?

Ленин не мог найти выхода из кризисных моментов средствами и методами нормальных экономических отношений, общепринятыми законами. Главными методами социалистического строительства он продолжал считать диктатуру и террор, а основными орудиями — РКП(б) и ВЧК. Ленин предлагает ВЧК проект плана «работы по ликвидации белогвардейских организаций на вторую половину 1921 года и первую половину 1922 года». 21 апреля 1921 г. на имя Дзержинского была передана выписка из записки Ленина Молотову, в которой он требует включить в план ВЧК:

- «1. Ликвидация с-р и усиление надзора.
2. То же меньшевиков.
3. Чистка партии: долой нестойких коммунистов.
4. Чистка Саратова и Самарской губернии.
5. Отряды особого назначения.
6. Курсанты в провинции.
7. Чистка аппарата государственной власти в деревне...»⁹³

4 июня 1921 г. Ленину был представлен проект плана, адресованный также и членам Политбюро⁹⁴. Он предусматривал «доликвидацию» партий меньшевиков и эсеров. Тщательно, детально указано, как это будет сделано, намечен график проведения «массовых операций». Речь в нем также идет об операциях против остатков других партий, о мерах борьбы с «черносотенным духовенством», подавлении рабочих и крестьянских волнений, о «чистке» ответственных работников милиции, кооперации, аппарата государственной власти в деревне и аппарата управления экономикой. Даны рекомендации ЦК РКП(б), как подключить к проведению репрессивных мероприятий партийные органы.

Совместные действия ЧК и партийных организаций дискредитировали большевиков и Советскую власть в целом. Девятый Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 г. признал необходимым сузить круг деятельности ВЧК и ее органов. Последним большим процессом, организованным ВЧК, был процесс так называемой Петроградской боевой организации, по которому было арестовано свыше 200 человек, среди них крупные ученые и деятели культуры В.Н. Таганцев, М.М. Тихвинский, Д.И. Шаховский, Н.И. Лазаревский, талантливейший поэт Н. Гумилев и др. Дело было явно раздуто в политических целях.

6 февраля 1922 г. ВЦИК принял декрет «Об упразднении Всероссийской чрезвычайной комиссии и правилах производства обысков, выемок и арестов». На ее базе было создано Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД⁹⁵ (после образования СССР Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР). На местах его органами были политические отделы. В полномочия ГПУ не входили судебно-следственные функции, его задачи были ограничены областью «политической охраны» и охраны границ государства. Согласно декрету, любой человек, арестованный ГПУ, либо через два месяца должен быть освобожден, либо дело его передавалось в суд. Свыше двух месяцев без передачи в суд можно было держать под арестом только по особому раз-

решению Президиума ВЦИК. И хотя суженные полномочия ГПУ оставались еще обширными, все же появилась надежда, что с сокращением прерогатив власть «органов» не будет беспредельна. Однако уже в конце сентября Политбюро постановило расширить права ГПУ. 16 октября ВЦИК предоставил ГПУ право «внесудебной расправы вплоть до расстрела в отношении лиц, взятых с поличным на месте преступления при бандитских налетах и вооруженных ограблениях»⁹⁶. Тем самым ВЦИК снова отступил от принципа осуждения только через суд. Руководителем ГПУ оставался Ф.Э. Дзержинский. Имеются свидетельства, что осенью 1923 г. он сказал К. Радеку: «Святые или негодяи могут служить в ГПУ, но святые теперь уходят от меня, и я остаюсь с негодяями»⁹⁷.

Таким образом, была заменена лишь вывеска так необходимого РКП(б) карательного органа. Кадры и методы «работы» оставались прежними. Вседозволенность чекистов приводила ко все большей бесконтрольности, жестокости и изощренности их деятельности. Да и политическое руководство Советской России не отказалось от террора. 3 марта 1922 г. в письме Л.Б. Каменеву Ленин писал: «Величайшая ошибка думать, что НЭП положил конец террору. Мы еще вернемся к террору и к террору экономическому»⁹⁸. И это было не совсем верно, ибо террор экономический явно просматривался в финансовой базе большевиков.

Оценивая политическое состояние в России в начале 20-х гг., В.И. Вернадский, находясь в командировке от Российской Академии наук с целью прочтения лекций в Сорбонне, записал в дневнике 9 ноября 1922 г.: «Говорят о том, что сейчас реакция двинется «вправо», — но куда идти «вправо», идти дальше в существующей реакции, с точки зрения свободной научно творящей человеческой личности. Сейчас нет свободы слова и печати, нет свободы научного искания, нет самоуправления, нет не только политических, но даже и гражданских прав. Нет элементов уважения и обеспеченности личности»⁹⁹.

Действительно, «уважение» в советском обществе зависело от занимаемой должности и доходило до обоготворения вождей. Обеспеченность личности зависела не от трудолюбия и таланта, а от должности, ибо она определяла и финансовую обеспеченность партийной элиты.

Деньги вождя и партии

Самый естественный и самый загадочный вопрос проблемы борьбы за власть — финансовая деятельность большевиков. На протяжении всего периода существования Советского государства исследование этой темы было как бы неэтично, хотя и предпринимались попытки внести ясность по поводу «золота партии». Ленин представлялся простым бесребренником, живущим в бедности и нужде, готовым бескорыстно поделить последним, аскетически прожившим свою недолгую жизнь во имя благосостояния всех трудящихся. И все же Ленин сам ответил о своем благосостоянии накануне Октябрьской революции, заявив, что он никогда не испытывал нужды.

На какие же деньги жил В.И. Ульянов, вся жизнь которого — карьера профессионального революционера? Революционная деятельность Владимира Ульянова начиналась за счет личных средств его родителей, точнее, семейного фонда, который формировали:

Отец — Ульянов Илья Николаевич умер 12(24).01. 1886 г. в 54,5 года, заслужив в 1882 г. звание потомственного дворянина в связи с награждением орденом Св. Владимира 3-й степени. Его должность — директор народных училищ Симбирской губернии — приравнивалась к чину генерала и соответственно оплачивалась, на что он мог содержать жену и шестерых детей.

Мать — Мария Александровна, урожденная — Бланк, в качестве вдовы действительного статского советника получала пенсию 100 рублей в месяц. На ее полном иждивении находились четверо детей, из которых только Володя потратил 74 рубля с 9/IX по 9/X 1893 г. В письме к

матери в октябре 1893 г. он настаивает: «Попрошу прислать деньжонок: мои подходят к концу...» О финансовом состоянии Ленина тех лет можно судить по воспоминаниям его коллеги М.А. Сильвина, на вопрос которого, как идет юридическая практика, Владимир Ильич ответил: «Работы в сущности никакой нет». За год, если не считать обязательных выступлений в суде, он не заработал даже столько, сколько стоит помощнику присяжного поверенного выборка документов...»¹⁰⁰

Как же пополнялся «расход чрезмерный», почему сын требует отчета матери: «Напиши, в каком положении твои финансы: получила ли сколько-нибудь от тети? получила ли сентябрьскую аренду от Крушвица? много ли осталось от задатка (500 р.) после расходов на переезд и устройство?»¹⁰¹ Переезд, имеется в виду, семьи Ульяновых из Самары в Москву, на что использована часть средств от продажи дома в Самаре.

Тетя — Анна Александровна Веретенникова — была совладелицей казанского имения Ульяновых Кокушкино.

Крушвиц — арендатор хутора вблизи саратовской деревни Алакаевки, купленного Марией Александровной в декабре 1888 г. для ведения хозяйства Володей. В 1897 г. хутор был продан. Деньги положили в банк на проценты.

«Богатства, как видим, — констатировал хорошо знавший семью Ульяновых Н.В. Вольский (псевдоним Валентинов), — никогда не было, но в течение долгого времени был достаток, позволявший членам семьи Ульяновых многие годы не иметь заработка, производить траты вроде частых поездок за границу, которые были бы просто невозможны, если бы «вся семья жила на пенсию матери»¹⁰².

В 1895 г. Владимир Ильич выезжает за границу. За четыре месяца он посещает Швейцарию, Париж, Берлин, любуется Европой, совершенствует социалистические познания, устанавливает связи с плехановской группой «Освобождение труда», знакомится с единомышленниками и поправляет здоровье. «Живу я в этом курорте уже несколько дней и чувствую себя недурно, — пишет он матери в июле из Швейцарии, — пансион прекрасный

и лечение, видимо, дельное, так что надеюсь дня через 4–5 выбраться отсюда. Жизнь здесь обойдется, по всей видимости, очень дорого; лечение еще дороже, так что я уже вышел из своего бюджета и не надеюсь теперь обойтись своими ресурсами. Если можно, пошли мне еще рублей сто...»¹⁰³

С легкостью, присущей только хорошо отдыхающим, сын просит у матери всю ее месячную пенсию, хотя знает, что она со своими домочадцами недавно вернулась из путешествия по Волге¹⁰⁴.

Через три недели посланец социал-демократов Петербурга, Москвы, Киева и Вильно, которые еще в феврале 1895 г. решили послать В.И. Ульянова и Е.И. Спonti за границу для установления контактов со своими коллегами, вновь обращается к матери 29 августа: «...к великому моему ужасу, вижу, что с финансами опять у меня «затруднения»: «соблазн» на покупку книг и т.п. так велик, что деньги уходят черт их знает куда. Приходится опять обратиться за «вспомоществованием»: если можно, пришлите мне рублей 50–100»¹⁰⁵.

Возвратившись из-за границы в сентябре 1895 г., В.И. Ульянов приступил к созданию единого «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 9 декабря он был арестован, но и в тюрьме продолжал пользоваться семейным фондом. 12 января он пишет сестре Анне: «Получил вчера припасы от тебя, и как раз перед тобой еще кто-то принес мне всяких снедей, так что у меня собираются целые запасы.

...Все необходимое у меня теперь имеется, и даже сверх необходимого. Здоровье вполне удовлетворительно. Свою минеральную воду я получаю и здесь: мне приносят ее из аптеки в тот же день как закажу. Сплю я часов по десять в сутки и вижу во сне различные главы будущей своей книги»¹⁰⁶. Молодому революционному теоретику более светлой жизни подавали в камеру платный заказной обед и молоко. «Мать (приехавшая с Анной и Марией специально в Петербург. — В. П.) приготавливала и приносила ему три раза в неделю передачи, руководствуясь предпи-

санной ему указанным специалистом диетой...»¹⁰⁷ — вспоминала его сестра А.И. Ульянова-Елизарова. Не было недостатка у заключенного и в пище духовной. Книги из разных библиотек и из магазинов доставляла Анна тюками, чтобы он мог спокойно писать «Развитие капитализма в России», пытаясь доказать, «что в России назревает великая народная революция, во главе которой стоит пролетариат, имеющий мощного союзника — многомиллионное крестьянство; эта революция не может ограничиться свержением царизма — пролетариат пойдет дальше, к свержению капитализма, к победе социализма»¹⁰⁸.

Свой научный труд революционер-теоретик допишет в сибирской ссылке села Шушенского, куда будет доставлен не по этапу, с конвоем, а в спальном вагоне и теплых санях за счет матери. До того как полицейское начальство определило место его поселения, он более месяца пробыл в Красноярске. «Живу я здесь очень хорошо, — сообщает он хлопочущей за него матери 29 апреля, — устроился на квартиру удобно — тем более что живу на полном пансионе. Для занятий достал себе книг по статистике (как я уже писал, кажется), но занимаюсь мало, а больше шляюсь»¹⁰⁹.

В противоположном, незавидном положении находились соратники по революционной борьбе — Кржижановский, Мартов, Старков, Ванеев и др., прибывшие в Красноярск 16 апреля под конвоем в тюремных вагонах. «Глеб (Кржижановский. — В.П.) с Базилем (Старков. — В.П.), — сообщал сытый конспиратор родным, — высмотрят, говорят, очень плохо: бледны, желты, утомлены страшно»¹¹⁰.

Ссылка для В.И. Ульянова не была столь утомительной, как для его сотоварищей, которые, чтобы содержать себя и свою семью, вынуждены были работать, «без нее они не могли бы жить...»¹¹¹, ибо на содержание, одежду и квартиру царское правительство выдавало ссыльным 8 рублей в месяц. И все же лишние деньги не мешали даже в ссылке. «Финансы получил, дорогая мамочка, и первые и вторые (т.е. и от 16.XI и от 8.XII), — с радостью сообщал он в канун Нового года — 27 декабря

1897 г. — Теперь у нас и пособия получают правильно, так что дело в этом отношении вошло вполне в норму, и я думаю, что долго (сравнительно) не понадобятся никакие экстрадобавления»¹¹². У Владимира Ильича 10 дней гостит Кржижановский... Беседуют... Ходят на охоту... 8 марта 1898 г. он вновь просит мать: «С Надеждой Константиновной пришли мне, пожалуйста, побольше финансов... Расходы могут предстоять изрядные, особенно если придется обзаводиться своим хозяйством, так что я намерен прибегнуть к изрядному округлению своего долга и к повторному внутреннему займу...»¹¹³ Владимир Ильич рассчитывал на свои гонорары, но вновь и вновь был вынужден обращаться к матери, тем более к нему приехала невеста со своей мамой, которая была кстати, ибо получала после смерти мужа-офицера приличную пенсию. «Дешевизна в этом Шушенском была поразительная, — вспоминала Крупская. — Например, Владимир Ильич за свое «жалование» — восьмирублевое пособие — имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья, — и то считалось, что дорого платит. Правда, обед и ужин был простоват — одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест — покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю... В общем, ссылка прошла неплохо».

29 января (11 февраля) 1900 г. Ульянов покинул Шушенское. Следуя в Псков к указанному месту жительства, заехал в Уфу — к жене, в Петербург — к соратникам, в Подольск — к матери, а в июле выехал за границу. В 1900–1905 гг. жил в Мюнхене, Лондоне, Женеве. Но постоянно всем подчеркивал, что финансовые дела партии очень плохи. «Собирайте деньги, — писал он Дану 22 марта 1901 г. — Мы доведены теперь почти до нищенства, и для нас получение крупной суммы — вопрос жизни»¹¹⁴.

Он непримирим, сообщая П.Б. Аксельроду 20 марта 1901 г.: «...послать Теленку (псевдоним П.Б. Струве, которого называл также Иудой. — В.П.) и Другу (псевдоним

издателя философских книг Д. Журавского, которого именова́л также — «золотой клоп», «золотой мешок». — В.П.) ультиматум, что-де либо прочное финансирование нашего предприятия, либо мы отказываемся»¹¹⁵. В этом же письме Ульянов сообщает: «Касса у нас очень плоха».

24 мая он писал Н.Э. Бауману: «...Дела наши плоховаты. Финансы — вовсе швах, Россия не дает почти ничего». И здесь Ленин несколько передергивал. Действительно партийных денег поступало «почти ничего», но немалые средства шли от частных лиц. В целях сокрытия поступающих на его имя денег, он давал инструкции. «Я бы лично склонялся к тому, — писал он в ноябре 1902 г. Тетушке — А.М. Калмыковой, — что лучше пока всей суммы не объявлять никому (держат ее про себя), о возможности получить всю сразу — тоже абсолютно никому, ибо теперь «возможных» расходов, «возможных» предприятий тьма.

Обилие побегов ставит «в распоряжение» «Искры» кучу людей при условии содержания всех их, но если за это широко, легко и необдуманно взяться, то мы окажемся через 1/2 года-год «без ничего». Между тем, если быть «потуже», то довольно большое число периферических предприятий «обходится своими средствами...» Лучше ввиду этого поставить дело по-старому (т.е. перед всеми участниками дела говорить так): Вы можете давать довольно еще много, скажем, «свыше 10 тысяч», но, во-1-х, не сразу, а во-2-х, желаете давать лишь при крайней нужде, рекомендуя изыскивать самим регулярные источники текущих расходов. Повторяю, это пока мое личное мнение, о мнении же Виконта я еще не знаю. С Виконтом здесь мы хотели поднять вопрос о некотором «полюбовном», «дружественном» размежевании функций, исходя из того, что лучше же, наконец, воспользоваться миром для создания прочного *modus vivendi* (способа ужитья), чем откладывать опять до «случайного» конфликта. Но удастся ли еще, решим ли мы так, удобно ли будет поднять вопрос, — все это пока еще неизвестно.

Сейчас у нас совсем круто с деньгами, а есть неотложные расходы. Поэтому пришлите, пожалуйста, по возможности немедленно 2000 марок: что можете из них — тотчас, а что надо выписать, поскорее (и сообщите, когда придет). Но выписывать надо уже, по-моему, побольше: выпишите тысячи 3 рублей и держите у себя, чтобы можно было скоро от Вас получать. Иначе нам буквально не извернуться: мы и то задолжали уже 150 руб., на следующей неделе оттягиваем платеж 50 рублей. На отъезды (необходимые) надо около 300 руб., здешним — около 200 вскоре и т.д. Напишите поскорее, как Вы распорядились, когда и сколько будет Вами получено»¹¹⁶.

Первые взносы для издания «Искры» были сделаны А.М. Калмыковой — Теткой, давшей 2000 рублей, Потресовым, внесшим такую же сумму, а также знакомым Потресова 1000 рублей неким Жуковским (вероятно, Журавским. — В.П.). Владимир Ильич обещал, что взнос в субсидирование «Искры» сделает и его знакомый «волжский капиталист» (вероятно, Ерамасов). Перед отъездом за границу Потресов получил из Москвы для передачи В.И. Ульянову 500 рублей. Однако в фонд «Искры» они не поступили. Он заявил уверенно и просто, что они посланы матерью лично ему¹¹⁷. А на получение от матери в сентябре 35 рублей отписал ей: «...Насчет финансов у нас вообще дела ничего себе. Моя издательница прислала мне кое-что, и я надеюсь обойтись этим еще довольно долго, тем более что жить здесь своим хозяйством не очень дорого. Присылать не надо, merci»¹¹⁸. О какой «издательнице» упоминал Владимир Ильич и сколько было «кое-что», он не поведал матери, которой было и не важно, «сколько» и от кого, лишь бы за честный труд сын деньги получал. В декабре 1901 г. он впервые подписал одну из своих статей, напечатанных в «Искре», новым партийным псевдонимом — Ленин.

Крупская заметила: «Расписывают нашу жизнь как полную лишений. Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Разве так жили товарищи эмигранты? Бывали такие, которые по два года

ни заработка не имели, ни из России денег не получали, форменно голодали. У нас этого не было. Жили просто, это правда»¹¹⁹. На жизнь хватало, но нужны были большие деньги на партийные дела.

Фонд на поддержание «Искры», по выражению издателей «ведро», пришлось разделить между Мартовым и Лениным, к тому же приостановил выплаты таинственный и до настоящего времени «Калифорнийский золотой рудник». Возможно, имеется в виду материальная поддержка деятельности русских социал-демократов финансов американских банкиров-евреев, заинтересованных в политической дестабилизации России, исходя из: а) финансовой выгоды за счет России; б) прихода к власти еврейской диаспоры, стремящейся к социалистическо-экономической монополизации, что поставило бы Россию в прямую зависимость от западных промышленных технологий как сырьевую базу и рынок сбыта. Такой источник финансирования доказывает профессор США Э. Саттон в своей книге «Уолл-стрит и большевистская революция».

К тому же на конгрессе российских революционных партий 14 февраля 1916 г. в Нью-Йорке было заявлено, что отправка «нескольких сот агитаторов в Россию сопряжена с большими расходами», но нужная сумма, вне зависимости от ее величины, будет предоставлена людьми, сочувствующими революции в России. При этом упоминание имени Шиффа (главы финансового еврейского мира в Америке. — В.П.) вызвало бурю восторженных приветствий»¹²⁰. Сам Яков Шифф, «чрезвычайно разгневанный антисемитской политикой царского режима в России», не скрывал своей финансовой поддержки «группам самообороны русского еврейства», которые пытались устроить революцию в 1905–1907 гг.¹²¹

Американский профессор Энтони Саттон обнаружил в десятичном файле — 861.00/5339 Государственного департамента США документ, датированный 13 ноября 1918 г., озаглавленный «Большевизм и иудаизм», составленный русским служащим Министерства военной торговли США. В тексте, который носит форму отчета, гово-

рится о том, что революция в России была задумана «в феврале 1916 года. ...нижепоименованные лица и предприятия принимали участие в этом разрушительном деле:

- 1) Якоб Шифф, еврей;
 - 2) Кун, Леб и К°, еврейская фирма;
- Руководство: Якоб Шифф, еврей;
Феликс Варбург, еврей;
Отто Х. Кан, еврей;
Монтимер Л. Шифф еврей
Джером Дж. Хануэр, еврей».

Редакция издательства «Русская идея» считает, что «русский текст этого документа был напечатан (видимо, впервые) в выходявшей в Ростове-на-Дону при белых газете «В Москву!» (23. 9. 1919). Вопреки призывно-обобщающему стилю текст представлен как «документ, составленный высшим комиссаром французского правительства и послом при Федеральном правительстве в Вашингтоне»... Кроме приведенных Э. Саттоном имен, в документе также упоминаются Американский еврейский комитет, парижская фирма «Братья Лизер», банк Гинзбурга, сионистская организация «Поалей», а также 31 фамилия ведущих большевиков-евреев». В документе говорится, что в апреле 1917 г. «Якоб Шифф фактически сделал публичное заявление, что именно из-за его финансового влияния русская революция была успешно завершена, а весной 1917 г. Якоб Шифф начал финансировать Троцкого, еврея, для завершения социальной революции в России». Отчет содержит информацию о финансировании Троцкого Максом Варбургом, о роли Рейнско-Вестфальского синдиката и Олофа Ашберга из «Ниа Банкен» (Стокгольм) вместе с Животовским. К отчету прилагаются телеграммы Госдепартамента в Вашингтоне и посольства США в Лондоне. В одной из них говорится по поводу финансовой помощи большевистской революции «от видных американских евреев». «Нет доказательств касательно этого, но ведем расследование»¹²². Процесс расследования продвинулся, есть определенные результаты, и все же финансовая помощь

«международного еврейства» большевистской революции еще не выяснена до рубля.

Уйдя из «Искры», Ленин организует газету «Вперед», первый номер которой вышел 4 января 1905 г. (продолжал выходить до мая (18 номеров), когда появилась газета «Пролетарий»). 10 января 1905 г. Ленин пишет в Петербург А.А. Богданову: «Мы уверены, что дело пойдет хорошо, лишь бы не обанкротиться. Необходимо 400 frs (150 руб.) на номер, а у нас всего 1200 frs. Помощь в первые месяцы нужна дьявольски... тащите (особенно с Горького) хоть понемногу¹²³. Горький оказывал финансовую поддержку большевикам с конца 1902 г. На газету «Вперед» дал три тысячи рублей, т.е. на 20 номеров¹²⁴. «Тащили» не только с Горького. За деньгами на партийные дела Ленин обратился к сызранскому фабриканту А.И. Ерамову, с которым установил связь через братьев Елизаровых еще в 1895 г. «Наши партийные дела были весь год безобразны», — сообщает он доверительно из Женевы 23 декабря 1904 г. «лично Монаху». Коротко обрисовывает раскол, обвиняя во всем меньшинство, которое якобы сорвало второй и третий съезды РСДРП. «И теперь, когда громадное большинство, — уверял Ленин фабриканта, — высказывавшихся вообще комитетов решительно восстало против этой новой «Искры»... органом сплетни и дразни в борьбе... я начал здесь (с новыми литературными силами) издавать газету «Вперед»... Сообщите, как Вы отнеситесь и можно ли рассчитывать на Вашу поддержку, которая была бы для нас крайне важна»¹²⁵.

Конечно, получив такое «важное» личное письмо, чуть ли не отчет о деятельности партии, от которой, возможно, будет зависеть вся Россия и более того... Монах должен был бы немедленно прекратить подпольные, антисамодержавные связи или, проникнувшись чувством личной значимости в решении столь важных дел, открыть кошелек.

Через несколько дней «подогретому донору» Ленин посылает письмо-инструкцию: «Дорогой друг! Ваша помощь была для нас вообще и для меня в особенности крайне

ценна. Если я ни разу не обращался еще к Вам с специальной просьбой, то это потому, что крайности не было, а в Вашей поддержке, насколько это для Вас возможно, я был уверен. В настоящее время наступает момент крайности, момент до того серьезный, что я и не мог раньше предполагать ничего подобного. Наше дело грозит прямо-таки крахом, если мы не продержимся при помощи чрезвычайных ресурсов по крайней мере полгода. А чтобы продержаться, не сокращая дело, необходимы minimum две тысячи рублей в месяц: на редакцию, издание, перевозку, снаряжение необходимейших агентов. Вот почему я и обращаюсь теперь к Вам с настоятельной просьбой выручить нас и добыть нам эту поддержку...»¹²⁶

Каков стиль! Каков ступенчатый пафос. Точно от фабриканта Ерамасова зависело все «наше дело». Наступил «критический» момент, для разрешения которого требуется сущий пустяк — две тысячи рублей в месяц, вот только сколько месяцев нужно оплачивать и почему две тысячи, а не 500–600 рублей в месяц? Но, видимо, это мелочовка для фабриканта, который не только поддерживал «наше дело», но и лично главного закоперщика, высылая ему деньги на пропитание через мужа Анны, Марка Елизарова¹²⁷.

Итак, нам предельно ясно, что не скрывали и непосредственные участники «нашего дела», что «средства на большевистскую печать, — писал «прапорщик революции» Н. Вольский, — и на всю партию создавались не грошами из кармана пролетариев, а пожертвованиями, дарами из кошелька буржуазии и свободных профессий, шли из источников, подобных тем, что питали «Новую Жизнь» — первую легальную большевистскую газету в России»¹²⁸. Из аналогичных источников финансировались и другие издания различных политических течений и партий, «...большевики оказались великими мастерами извлекать, с помощью сочувствующих им литераторов, артистов, инженеров, адвокатов, деньги из буржуазных карманов во всех городах Российской империи. Большим ходоком по этой части был член большевистского Цен-

трального Комитета инженер Л.Б. Красин, и еще более замечательным ловцом купеческих и банковских бабочек, летевших на большевистский огонь, был М. Горький, умевший вытягивать деньги и на «Новую Жизнь», и на вооружение, и на всякие другие мероприятия. «Если бы какой-нибудь историк, — писал Н. Вольский, — хотя теперь это вряд ли возможно (время стерло людей и следы), захотел бы заняться исследованием, сколько на святой Руси было купеческих и банковских «Маякиных» и «Гордеевых», внесших деньги в большевистские кассы и какова в итоге общая сумма их субсидий, — получился бы документ большого социального интереса. Он был бы особенно интересен со стороны психологической и идейной: какого характера мотивы толкали на поддержку революции — в виде большевизма — этих будущих «смертников», дотла уничтоженных большевистской революцией»¹²⁹.

Итак, остановимся на судьбах и мотивах благотворительности некоторых из меценатов, которые даже не могли представить результаты своей помощи большевикам, получившим, по свидетельству Н. Крупской, «прочную материальную базу»¹³⁰.

О щедрости главы крупной купеческой династии в России Саввы Морозова ходили легенды, но доподлинно было известно о том, что он материально поддерживал не только русскую культуру и прогрессивные общественные начинания, но также либералов и социал-демократов. В 1901–1903 гг. он дает каждый месяц по две тысячи рублей на издание «Искры». Финансирует устройство нелегальных типографий. Помогает бежавшим из ссылки большевикам, иногда укрывая их в своем доме — в частности, Н. Баумана. Вносит большой денежный залог для освобождения в 1905 г. из-под стражи своего друга — Горького, который станет «мужем» его жены М.Ф. Андреевой... Психически неуравновешенный фабрикант, застраховав свою жизнь в 200 тысяч рублей на имя Андреевой, 26 мая в Каннах застрелился. Страховой полис был передан Красину, Ленину, Богданову. О «чистоте» этих денег

много говорилось на пятом (Лондонском) съезде РСДРП в 1907 г.

Существенный вклад в материальную базу большевиков поступил и от племянника Саввы Морозова Николая Шмита, женатого на дочери Викулы Елисеевича Морозова, одного из королей русской текстильной промышленности. К тому же и сам Шмит был владельцем одной из лучших в России мебельной фабрики на Пресне в Москве. Представленный своим дядей Горькому, юный студент был польщен вниманием известного писателя и не только прислушивался к его революционным рассуждениям, но и не мог отказать в финансовой поддержке для их реализации. Двадцатитрехлетний фабрикант принимал активное участие в декабрьском 1905 г. вооруженном восстании в Москве, за что и был арестован. В тюрьме был «обработан по всем статьям жандармского допроса». В чем-то проговорившись, а главное, сломавшись психически, чувствуя моральную обиду перед Богом и рабочими, горя ненавистью к самодержавию, огласив своим сестрам завещание в пользу большевиков, в феврале 1907 г. в тюремной больнице перерезал себе горло куском оконного стекла.

Имущество Н.П. Шмита унаследовали сестры Екатерина, несовершеннолетняя Елизавета и 15-летний брат, фактически обеспеченные еще отцом. Богатых девушек нежно опекали знакомые их покойного брата — стойкие большевики Андриканис и Таратута (Арон Шмуль Рефилов), кандидат в члены ЦК РСДРП(б). В 1909 г. Андриканис с женой Екатериной и Таратута с Елизаветой приехали в Париж. Андриканис отказался передать партии деньги. Ленин по этому поводу писал, что «одна из сестер, Екатерина Шмит (замужем за господином Андриканисом), оспорила деньги у большевиков. Возникший из-за этого конфликт был урегулирован третейским решением, которое было вынесено в Париже в 1908 году при участии членов партии социалистов-революционеров... Этим решением было поставлено передать деньги Шмита большевикам»¹³¹. Андриканис в конце концов согласился передать незначительную часть состояния. Когда решили Андри-

каниса (которого большевистский центр закодировал как лицо «z») судить партийным судом... он вышел из партии.

Несколько сложнее было вытянуть деньги у Елизаветы Шмит, ибо с Виктором Таратутой она не имела законного брака, так как кандидат в члены ЦК РСДРП жил на нелегальном положении, будучи то Вильяминовым, то Сергеевым, то Грибовым... Пытаясь хоть как-то юридически «привязать» деньги Шмита к партии, 21 февраля 1909 г. на заседании большевистского центра в Париже было внесено в протокол напоминание: «В январе 1908 года Елизавета Х. заявила большевистскому центру (расширенная редакция «Пролетария»), что, выполняя наиболее правильно волю покойного брата своего N, она считает себя нравственно обязанной передать Б. Ц-у переходящее по закону к ней имущество ее брата в одной половине. В той половине, которую она наследует по закону, заключается: восемьдесят три (83) акции Т-ва NN и приблизительно сорок семь (47) тысяч рублей наличным капиталом.

Подписи: Н. Ленин, Григорий (Г. Зиновьев), Марат (В. Шанцер), В. Сергеев (В. Таратута), Максимов (А. Богданов), Л. Каменев»¹³².

После реализации акций В. Таратута, прибыв с «женой» в Париж, передал Ленину более четверти миллиона франков, что равнялось более 80 тысяч рублей золотом, о чем и было зафиксировано в акте: «Согласно решению и расчетам исполнительной комиссии большевистского центра (расширенная редакция «Пролетария») в заседании 11 ноября 09 года принято мной от Е.Х. двести семьдесят пять тысяч девятьсот восемьдесят четыре (275 984) франка.

13.XI.09. Н. Ленин»¹³³.

А Елизавете Шмит и Виктору Таратуте выдали расписку:

«Тов-щам Е.Х. и В-ру.

Мы, нижеподписавшиеся, действующие в вопросе о деньгах, а также по доверенности тов. Вишневского, заканчивая дело, которое велось всей коллегией Б. Ц.,

и принимая остатки этих денег, берем на себя перед Вами обязательство: отвечать перед партией коллегиально за участь этих денег.

*Н. Ленин.
Гр. Зиновьев»¹³⁴.*

По-разному можно оценивать действия Таратуты, результат был однозначен — большевики обрели «прочную материальную базу», хотя «склока» из-за этих денег продолжалась при посредничестве германских социал-демократов Ф. Меринга, К. Каутского и К. Цеткин вплоть до Первой мировой войны.

Наследством Морозовых большевики будут пользоваться и без ведома хозяев. Ленин же до «гробовой доски» называл загородный дворец в Горках (по Каширскому шоссе 32 км), приобретенный и реставрированный в 1909–1914 гг. бывшей женой Саввы Морозова Зиновией, ставшей после его смерти женой московского градоначальника Рейбот, «нашей дачей».

Одним из существенных каналов пополнения партийной кассы российских социал-демократов были «эксы» — экспроприации посредством вооруженных захватов денег, то есть разбой. Разбоем промышляли не только большевики. Так, 20 марта 1906 г. максималисты, представлявшие левое крыло эсеров, «захватили» в банке Купеческого общества взаимного кредита 875 000 рублей. Грабили и меньшевики, пополнив партийную кассу своего ЦК экспропрированными в Квирильском казначействе на Кавказе 100 000 рублей весной 1906 г., хотя руководство меньшевиков осуждало разбой.

На четвертом (Объединительном) съезде развернулась борьба между большевиками и меньшевиками по вопросу об экспроприации денежных средств в интересах революции. В резолюции большевиков был тезис о допустимости вооруженных нападений с целью захвата денег. Меньшевики выступили против. С ведома большевистского центра экспроприации продолжались. Крупская, которая знала о «тайных операциях», откровенно писала: «...большеви-

ки считали допустимым захват царской казны, допускали экспроприацию». В центре разбойной организации стояли большевики — «бандиты чести» Джугашвили (Сталин) и Тер-Петросян (Камо). Общее руководство по добыванию денег для партийной кассы осуществлял Красин.

В октябре 1906 г., критикуя меньшевиков, Ленин писал в газете «Пролетарий», что называть «эксы», как некоторые меньшевики, «анархизмом, бланкизмом, терроризмом, грабежом, босячеством» — значит уподобиться либералам, а, по мнению Ленина, это уже крайний позор. Основным недостатком «эксов» Ленин считал их неорганизованность, беспорядочность, честное отчуждение экспроприированных денег на содержание «экспроприаторов». И все же весной 1907 г. пятый съезд РСДРП запретил «эксы» как метод пополнения партийной кассы.

В брошюре Л. Мартова «Спасители или упразднители (Кто и как разрушил РСДРП)», опубликованной в 1911 г. в Париже, утверждалось, что ко времени Лондонского съезда партии собранные большевистским центром большие денежные средства были приобретены «частью путем экспроприации». О количестве финансов у большевиков свидетельствовал Л.Б. Красин, заявивший сомневающемуся в наличии средств для покупки оружия профессору М.М. Тихвинскому: «Да совсем не в деньгах дело! У нас их столько, что я мог бы на них купить не жалкие револьверы, а самые настоящие пушки. Но как их доставить, где спрятать? Вот в чем дело»¹³⁵.

Разбойные деньги не всегда удавалось потратить, так, 341 000 рублей (или 170 500 долларов), доставшиеся боевикам С.А. Тер-Петросяна 26 июня 1907 г., оказались в основном в крупных купюрах. Н.К. Крупская вспоминала, что «пытавшиеся произвести размен были арестованы. В Стокгольме был арестован латыш (Страуян. — В. П.) — член цюрихской группы, в Мюнхене — Ольга Равич, член женевской группы, наша партийка, недавно вернувшаяся из России, Богдасарян и Ходжамирян.

В самой Женеве был арестован Семашко...

Швейцарские обыватели были перепуганы насмерть. Только и разговоров было, что о русских экспроприаторах...»¹³⁶

В Париже, точно тать, попался М. Литвинов.

И несмотря на решение пятого съезда РСДРП, разбой большевиков продолжался. Была взята касса на корабле «Николай I» в бакинском порту, организован «экс» в уральском Миассе, грабили почтовые отделения и вокзальные кассы. Формально большевистский центр стоял в стороне, а деньги поступали в него фактически, из которых получали «партийные жалованья» Ленин и его соратники по 350 франков, что было не менее среднего заработка европейского рабочего¹³⁷.

Выдавала деньги «хозяйственная комиссия большевистского центра», которой распоряжался Ленин. Многие расписки Ленина, Зиновьева, Каменева, Щанцера, Богданова, Ганецкого... на получение различных сумм безмолвствуют, на что они потрачены¹³⁸. Вероятно, по большей части просто «на прокорм профессиональных революционеров», даже не совсем согласных с Лениным.

«...иначе 25 сидим без хлеба, молока и мяса... Деньги я своевременно верну», — клятвенно обещает Троцкий.

«Дорогой Лев Борисович!

Обращаюсь к Вам с просьбой, которая не доставит Вам никакого удовольствия. Вы должны добыть из-под земли 100 руб. и выслать мне по телеграфу. Мы сейчас оказались в ужасающем положении, которое описывать не буду: достаточно сказать, что лавочнику, у которого все забираем, не заплачено за апрель, май, июнь...

20/VI-09. Ваш Л. Бронштейн».

Каменев на письме написал Ленину: «Прочтите. Это явно через меня к высоким коллегиям. Как думаете, не должен ли ЦО это сделать? На меня он рассчитывать не мог, конечно. Я за выдачу... Каменев»¹³⁹.

Странно и удивительно то, что у нищего Льва Давидовича Бронштейна, направлявшегося в Россию в апреле 1917 г., в Галифаксе канадские власти изъяли 10 000 дол-

ларов США. Джозеф Неведе в монографии «Троцкий и евреи», опубликованной Американской ассоциацией евреев, оценивал доход Троцкого в 1917 г. в 12 долларов в неделю и «еще какие-то гонорары за статьи в русскоязычном журнале «Новый мир» 144 доллара и, допустим, — считал Неведе, — было еще 100 долларов гонораров за лекции — итого 244 доллара. Из них Троцкий отдает 310 долларов друзьям, платит немалые деньги за квартиру, обеспечивает семью...»¹⁴⁰.

В 1909 г. Менжинский обвиняет Ленина в присвоении для личных нужд шести тысяч рублей, это деньги, присланные в Париж группой террористов Поволжья для закупки оружия. В 1910 г. Менжинский публикует в органе эсеров «Наше эхо» две статьи, в одной из которых говорилось: «Цель большевиков — власть, влияние на народ, желание обуздать пролетариат. А Ленин — политический иезуит, обращающийся с марксизмом по своему усмотрению и применяющий его к мимолетным целям; в настоящее время он окончательно сбился с пути...»

Ленинизм — это не политическая группировка, а цыганский крикливый заговор. Они любят размахивать кнутом, воображая, что их неотъемлемое право — стать погонщиком рабочего класса»¹⁴¹.

Деньги, поступавшие в партийную кассу, принадлежали не Ленину и даже не большевикам, а всей РСДРП. В условиях идейных споров их принадлежность и дележ становятся важнейшей проблемой, как бы «вторым фронтом», вплоть до начала Первой мировой войны, названной в народе Отечественной, когда отношения к ней меньшевиков и большевиков окончательно противопоставили их. И вполне понятно, что каждая фракция стала «питаться из своего котла», хотя спор из-за «общих», особенно за деньги Шмита, разгорелся яростный. Ленин даже не пощадил «самого замечательного последователя Маркса», своего учителя, одного из «держателей капитала Шмита» К. Каутского, занявшего принципиальную позицию, считая, что несправедливо передать все деньги только большевикам.

В начале мировой войны Ленин был арестован. Однако после ходатайства известного австрийского социал-демократа Фридриха Адлера, считавшего, что «Ульянов мог бы оказать большие услуги при настоящих условиях»¹⁴², был освобожден. Условия освобождения вождя большевиков были ясны, ибо ясно было их отношение к войне. 17 октября 1914 г. в письме А.Г. Шляпникову Ленин писал: «...для нас, русских, с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса России, не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что наименьшим злом было бы теперь и тотчас — поражение царизма в данной войне. Ибо царизм во сто раз хуже кайзеризма...»¹⁴³ Война способствовала падению царизма, но не сломила Россию. Временное буржуазное правительство заявило о верности союзническим обязательствам и намерении вести войну до победного конца. Большевики не могли открыто выступить против правительства, обладавшего поддержкой большинства населения, но позиции своей не изменили. «...кончить войну истинно демократическим, не насильническим миром нельзя без свержения капитала, — считал Ленин и требовал: — Никакой поддержки Временному правительству...»¹⁴⁴ Придерживаясь тактики вождя, большевики стояли за поражение России, надеясь на волне народного обнищания и возмущения прийти к власти.

Пораженческая позиция большевиков устраивала главных противников России Германию и Австро-Венгрию, которые всячески поддерживали как «мирную пропаганду», так и практические шаги Ленина и его соратников. В связи с этим встает вопрос: «Субсидировали или нет немцы Ленина?»

Исследованию данной проблемы посвятили свои труды многие историки и политики, писатели и публицисты, среди которых: Алданов М.А., Алексинский Г.А., Анисимов Н.Л., Аронсон Г.Я., Арутюнов А.А., Бегунов Ю.К., Бернштейн Э., Бунич И.Л., Буньян Д., Бурцев В., Волкогонов Д.А., Дэвис М., Земан З.А., Катков Г.В., Керенский А.Ф., Киннан Д., Кожевникова Е., Криворотов В., Кузнецов

В.И., Латышев А.Г., Ляндрес С., Мельгунов С.П., Мурхед А., Наумов С., Никитин Б., Николаевский Б.И., Олберг П., Персон М., Поссоны С., Семенов Е.П., Сиссон Э.Г., Солженицын А.И., Фатрелл М., Фельптинский Ю., Фишер Г., Фишер Ф., Хальвег В., Хереш Э., Шарлау В., Штурман Д., Шуб Д., Шипунов Ф.Я., Элькин Б. и др. Необходимо особо отметить мемуары участников денежных операций немецкого Генштаба генералов М. Гофмана и Э. Людендорфа. Новейшие исследования содержатся в Академическом сборнике. В статье С.С. Попова «Французская разведка ищет «германский след» на основе неизвестных архивных материалов раскрывается связь ленинского окружения с многочисленными немецкими агентами. Так, из документов следует, что 8 апреля 1917 г. Альберт Тома доставил в Петроград князю Г.Е. Львову донесение французской разведки о наличии связей между большевиками и германским Генштабом. В статье Ю.Н. Емельянова «Что мог знать С.П. Мельгунов о германском золоте» убедительно показано, что Мельгунов действительно одним из первых «докопался» до «немецких денег Ленина»¹⁴⁵. Это подтверждается и публикацией документов германского МИДа З.А. Земана¹⁴⁶. Германские руководители не скрывали своих намерений. Так, посланник в Копенгагене граф Брокдорф-Ранцау советует отдавать «предпочтение крайним элементам... через какие-нибудь три месяца в России, — считал он, — произойдет значительный развал и в результате нашего военного вмешательства будет обеспечено крушение русской мощи». Канцлер Вильгельм II в письме рейхс-канцлеру фон Бетман-Гольвегу пишет: «Я бы не стал возражать против просьбы эмигрантов из России... если бы в качестве ответной услуги они выступили за немедленное заключение мира». Да и Ленин не мог скрыть связи с немцами, хотя, как он писал в 1918 г. советскому полпреду в Скандинавских странах В. Воровскому: «...«помощи» никто у немцев не просил, а договорились о том, когда и как они, немцы, осуществят их план похода на Мурманск и Алексева. Это совпадение интересов. Не используя этого, мы были бы идиотами»¹⁴⁷.

Таким образом, и отказ от немецких денег был бы идиотизмом, как и признание их получения.

Основным каналом для поступления немецких денег большевикам, считают многие исследователи, служила фирма Александра Парвуса (А.И. Гельфанда), директором-распорядителем был Я.С. Ганецкий (Фюрстенберг), юрисконсульт — М.Ю. Козловский, одним из стокгольмских партнеров В.В. Боровский, а финансовым агентом в Петрограде Е.М. Суменсон, родственница Ганецкого. Однако ни следственная комиссия прокурора Петроградской судебной палаты, расследовавшая в июле—октябре 1917 г. «дело Ленина», ни историки, изучавшие документы немецких и австрийских архивов, не приводят неопровержимых доказательств, подтверждающих получение немецких денег большевиками через Парвуса. Тем не менее считаем необходимым привести отрывок из воспоминаний А.Ф. Керенского.

15 января 1915 г. германский посол в Константинополе Вагенгейм сообщил в Берлин о встрече с русским подданным, д-ром Александром Гельфандом, который ознакомил его с набросками плана революции в России. Гельфанда (он же Парвус) немедленно пригласили в Берлин. По прибытии туда 6 марта он был тотчас принят Ритулером, личным советником канцлера Бетман-Гольвега. После краткого предварительного разговора он вручил Бетман-Гольвегу записку, озаглавленную: «Подготовка к массовым политическим стачкам в России». Парвус предложил, во-первых, чтобы немцы передали ему значительную сумму денег на развитие сепаратистского движения в Финляндии и на Украине; во-вторых, чтобы они оказали финансовую помощь пораженческой фракции Российской социал-демократической партии — большевикам, руководители которых находились в то время в Швейцарии. Предложения Парвуса были приняты без малейших колебаний. По распоряжению самого кайзера Вильгельма ему было предоставлено германское гражданство и выдана сумма в 2 миллиона немецких марок.

В мае того же года Парвус отправился в Цюрих на встречу с Лениным. У них состоялся продолжительный разговор, краткий отчет о котором Парвус приводит в своем памфлете «Правда, которая колется», опубликованном в 1918 г. в Стокгольме.

«Я изложил ему свои взгляды на социальные и революционные последствия войны и в то же время предупредил его, что в этот период революция возможна только в России и только в результате победы Германии... После падения монархии германские социал-демократы делали все возможное, чтобы помочь русским эмигрантам возвратиться в Россию. Однако глава империалистического большинства в социал-демократической партии, член германского правительства Шейдеман со всей решительностью объяснил большевикам, что, пока идет война, революция в Германии *невозможна* (курсив Парвуса. — В.П.) и, более того, ни в коем случае не следует ставить в трудное положение Западный фронт. «Мы не сделаем этого, ибо победа стран Антанты будет означать не только крах Германии, но также и крах русской революции». И хотя, судя по всему, Ленин отказался дать прямой ответ Парвусу на его секретную связь через Фюрстенберга (Ганецкого). Ленин направил Ганецкого в Копенгаген, где он работал вместе с Парвусом.

15 августа того же года германский посол в Дании граф Брокдорф-Рантцау отправил в Берлин сенсационную депешу, в которой сообщал, что он в сотрудничестве с д-ром Гельфандом (Парвусом), которого охарактеризовал как одного из самых блестящих людей, «разработал замечательный план по организации в России революции», добавив в конце депеши: «Победа и, следовательно, мировое господство за нами, если вовремя удастся революционизировать Россию и тем самым развалить коалицию»¹⁴⁸.

Для практической реализации «замечательного плана» Гельфанд-Парвус дал расписку: «Получил 29 декабря 1915 г. от германского посольства в Копенгагене один миллион рублей в русских банкнотах для развития революционного движения в России».

Информация аналогичного содержания, полученная от контрразведки, была опубликована в газете «Общее дело» 5 июля 1917 г. по распоряжению министра юстиции П.Н. Переверзева. Несвоевременное обвинение помешало арестовать кого-либо из потенциальных мошенников. Ленин из подполья написал статью в большевистский «Листок Правды», в которой не только объявил политических противников клеветниками, но даже отрицал связь с Ганецким, Козловским, а позже и с Парвусом¹⁴⁹, организовавшим его проезд через Германию. «...Ганецкий и Козловский оба не большевики, — уверял он, — а члены польской с.-д. партии, что Ганецкий — член ее ЦК... Никаких денег ни от Ганецкого, ни от Козловского большевики не получали. Все это — ложь».

И все же, мягко говоря, Ленин передергивал, ибо Ганецкий вместе с Воровским и Радеком был членом Заграничного бюро ЦК РСДРП в Стокгольме и именно к нему обращался Ленин в письме от 17 марта 1917 г. с просьбой: «На отношения Питера с Стокгольмом не жалейте денег!» Именно Ганецкий встретил в Треллеборге 1 апреля возвращавшегося из Швейцарии через Германию Ленина и сопровождал его в Стокгольм. После большевистского переворота А. Ганецкий был принят на службу в Наркомат по иностранным делам, и не без ведома Ленина.

«Теперь клеветники ответят перед судом, — угрожающе писал Ленин. — С этой стороны дело просто и несложно». Однако никакого суда не было, а причины понятны и банальны. Ленин боялся огласки своих тайных дел.

Другим источником немецких денег были якобы личные займы члена кантонального парламента и правительства Швейцарии, старшего советника Карла Моора, которого Ленин знал как опытного адвоката, — старейшего швейцарского революционера-марксиста, деятеля международного социалистического движения. Рассматриваемой проблеме с использованием никогда не публиковавшихся документов посвятил ряд статей: «Ленин и «немецкое золото»» («Демократическая газета», 25, 27 декабря 1991 г.); «Немецкие деньги для Ленина» («Российская газета»,

29 сентября 1992 г.) историк Анатолий Латышев, автор книги «Рассекреченный Ленин».

И все же остается странным, как один «деятель» так вот запросто дает займы явно ненадежным финансово-кредитным «товарищам». Вместе с тем опубликованные документы неопровержимо свидетельствуют, что Карл Моор являлся секретным штатным агентом германской и австрийской разведок (агентурная кличка в немецких документах — Байер). Это имя стоит под многими донесениями о положении в России, о деятельности большевиков во главе с Лениным. Донесения эти были известны германскому канцлеру¹⁵⁰.

Ясность в связях Моора с большевиками вносят документы, опубликованные в журнале «Отечественная история» за 1993 г. «Ко мне явился Карл Моор, — писал 26 сентября 1925 г. бывший управляющий делами СНК Н. Горбунов, — и снова поставил вопрос о выдаче ему той суммы денег, которую он в июле—августе 1917 года одолжил партии. Его претензии сводятся к 35 000 долларов. Моор в 1921 г. был у тов. Ленина, свидания не получил, но Владимир Ильич прислал ему записку, в которой обласкал Моора и указал, чтобы по всем деловым вопросам он обратился ко мне. На основании личного указания Владимира Ильича я говорил тогда с Вами и тов. Радеком, передал мнение Владимира Ильича немедленно рассчитаться с Моором и направил К. Моора к Вам».

В пояснительной записке Управления делами и финансового отдела ЦК ВКП(б) на имя секретаря Центрального комитета С. Бубнова дано пояснение: «В 1917 г. и последующие сроки Заграничное Бюро ЦК одолжило разновременно у Моора Карла денежные суммы, именно тт. Ганецким, Воровским и Радеком, всего 32 837 долларов. Из представленного объяснения и расчета Моора видно, что об этом знал т. Ленин...» Приводится и перерасчет суммы долга Моору с выводом: «Осталось заплатить 35 079 долларов».

К записке приложена справка: «Здесь речь идет о суммах, которые Боровский и Ганецкий потребовали (!)

у М. и определенно назвали их ссудой, обещав, что ссуда эта будет ему возвращена сейчас же после завоевания политической власти. Тов. Ленин знал об этом и очень благодарил тов. М. за это. Это была помощь в самое тяжелое время 1917 года и требовалась для удовлетворения необходимейших потребностей. В начале 1919 года тов. Ленин предпринял шаги к возврату этой ссуды, но дело осталось лежать»¹⁵¹.

В письме от 16 июля 1917 г. после получения от К. Моора первых взносов К. Радек запрашивал Ленина: «Мы не получили еще от Вас ответа насчет распределения денег...» Ленин, как опытный конспиратор, начинает не с прямого ответа Заграничному Бюро ЦК 17/30 августа 1917 г., а с акцента на свое щепетильное и даже подсудное положение, благо, что еще находился в подполье: «Гнусная кампания клеветы, поднятая буржуазией по поводу будто бы шпионства или прикосновенности к нему Ганецкого, Коллонтай и многих других, является, конечно, подлым прикрытием похода на интернационалистов со стороны наших бравых «республиканцев»...» Ленин дает установку о подготовке документов, чтобы «опровергнуть клеветников», «издав поскорее финансовый отчет (Ганецкого. — В.П.) своей торговли и своих «дел» о Суменсон (что сие за особа? Первый раз услышал!)...

«Против этой гнусной дрейфусиады, против этого клеветничества, — подчеркивал Ленин, — надо бороться выпуском брошюры и поскорее, не жалея труда, хлопот, денег...» И как бы между прочим: «Кстати, не помню, кто то передавал, кажись, что в Стокгольме, после Гримма и независимо от него, появился Моор... Но что за человек Моор? Вполне ли и абсолютно ли доказано, что он честный человек? Что у него никогда и не было и нет ни прямого, ни косвенного снюхивания с немецкими социалимпералистами? Если правда, что Моор в Стокгольме и если Вы знакомы с ним, то я очень и очень просил бы, убедительно просил бы, настойчиво просил бы принять все меры для строжайшей и документальнейшей провер-

ки этого. Тут нет, т.е. не должно быть, места ни для тени подозрения, нареканий, слухов и т.п.»¹⁵²

Осторожность Ленина понятна, ибо Временное правительство завершило «Дело по обвинению Ленина, Зиновьева и других в государственной измене». А «дисциплинированный» Ленин с Зиновьевым «по решению ЦК» скрывались от ареста в Разливе.

Обстановка была столь напряженной, что когда на заседании ЦК РСДР(б) 24 сентября 1917 г. секретарь и казначей Заграничного Бюро ЦК партии Н. Семашко, встретившийся в Стокгольме с Моором, доложил, что тот решил передать полученное им крупное наследство большевикам, то партийное руководство категорически отклонило это предложение и постановило, поскольку невозможно было проверить источник этих средств, «истинные цели предложения Моора», — «всякие дальнейшие переговоры по этому поводу считать недопустимыми». Однако через 9 дней после большевистского переворота Боровский телеграфировал Моору: «Выполните, пожалуйста, немедленно Ваше обещание». Германский посланник в Швейцарии К. Ромберг телеграфировал в Берлин: «Байер дал мне знать, что это сообщение делает его поездку на север более необходимой»¹⁵³. Вероятно, Моор-Байер отправлялся в Петроград не только как специалист-социалист, как потенциальный банкир, но и как посредник большевиков с немцами.

Некогда спорными доказательствами связей большевиков с немцами являлись «документы Сиссона», опубликованные осенью 1918 г. Анатолий Латышев утверждает: «Я выявил стопроцентное доказательство получения большевиками во главе с Лениным немецких денег. Это — тот факт, что документ, идентичный давно известному документу из числа собранных В. Сиссоном и опубликованных в США, хранится в ленинском «секретном» фонде с пометкой вождя. Минимальное разночтение в их текстах объясняется тем, что «документ Сиссона» известен нам в двойном переводе — на английский язык и с английского. Я не причисляю себя к первым публикаторам этого до-

кумента, но утверждаю, что приводимое мной неоспоримое доказательство его подлинности снимает малейшие сомнения в получении Лениным немецких денег» (см. мою статью «Шел поезд через Европу», «Российская газета», 9 декабря 1993 г.).

Вот этот датированный 16 ноября 1917 г. документ на бланке Народного комиссара по иностранным делам с грифом «совершенно секретно»:

«Председателю Совета Народных Комиссаров.

Согласно резолюции, принятой на совещании народных комиссаров товарищей Ленина, Троцкого, Подвойского, Дыбенко и Володарского, мы произвели следующее:

1. В архиве министерства юстиции из дела об «измене» товарищей Ленина, Зиновьева, Козловского, Коллонтай и др. мы изъяли приказ германского имперского банка № 7433 от второго марта 1917 г. с разрешением платить деньги тт. Ленину, Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Суменсон, Козловскому и др. за пропаганду мира в России.

2. Были просмотрены все книги банка Ниа в Стокгольме, заключающие счета тт. Ленина, Троцкого, Зиновьева и др., открытые по приказу германского имперского банка за № 2754. Книги эти переданы Мюллеру, командированному из Берлина. Уполномоченный народным комиссаром по иностранным делам

*Е. Поливанов
Г. Залкинд*¹⁵⁴.

Таким образом, были изъяты и уничтожены основные документы «дела Ленина», хотя еще сохранилась 21 папка бумаг, собранных контрразведкой Временного правительства.

Ленин в ноябре 1918 г. на заседании ВЦИК заявил: «Меня часто обвиняют в том, что я нашу революцию произвел на немецкие деньги; я этого не оспариваю, но зато на русские деньги я сделаю такую же революцию в Германии»¹⁵⁵.

Один из главных противников большевистского вождя А.Ф. Керенский подвел итог «кайзеровским миллионам»

для Ленина: «Общая сумма денег, полученных большевиками от немцев до и после захвата ими власти, определена профессором Фритцем Фишером в 80 миллионов марок золотом»¹⁵⁶.

По оценкам на 30 января 1918 г., Германия к тому времени ассигновала и истратила из средств специального фонда на пропаганду и специальные цели (Sonderexpeditionen) 382 миллиона марок. 40 580 997 марок, истраченных на Россию, составляют около 10 процентов этих расходов. К 31 января 1918 г. «все еще» не были израсходованы 14,5 миллиона марок, однако к июлю 1918 г. ежемесячные расходы немцев на пропаганду в России уже достигли 3 миллионов марок. Незадолго до убийства посол граф Мирбах запросил дополнительно 40 миллионов марок, с тем чтобы конкурировать с соответствующими ассигнованиями из стран Антанты. Из этих 40 миллионов до конца войны только 6 миллионов, во всяком случае не более 9 миллионов, были высланы и использованы частями каждые два-три месяца»¹⁵⁷.

В то же время и Россия платила Германии. По подсчетам председателя Дойчебанка Мендельсона и незабвенного Парвуса, Россия заплатила Германии в качестве долга и в счет репараций по Брестскому миру до конца 1918 г. 2,5 миллиарда золотых рублей по курсу 1913 г.¹⁵⁸ Немцы также вывезли из России до ноября 1918 г. 2 миллиона пудов сахара, 9132 вагона хлеба, 841 вагон лесоматериалов, 2 миллиона пудов льноволокна, 1218 вагонов мяса, 294 вагона пушнины»¹⁵⁹.

Несмотря на катастрофическое положение в России, Ленин пишет 18 октября 1918 г. полпреду РСФСР в Германии Адольфу Абрамовичу Иоффе: «...Мы должны играть роль бюро для идейной работы интернационального характера... Деньги есть»¹⁶⁰. Вот так, на хлеб — денег нет, а на идейную работу — есть, да не простые рубли, а золотые.

Аналогичные указания Ленин дает и представителю Советской России в Швейцарии Я. Берзину, чтобы для написания пропагандистских брошюр он привлек «Кол-

нера или Шнейгера из Цюриха», Нубакера из Женевы, итальянцев из Лугано — платить им «за работу и поездки архищедро», а русским дуракам раздайте работу: посылать вырезки, а не случайные номера (как делали эти идиоты до сих пор). Назначьте поименно ответственных за это лиц, и мы их приструним...»¹⁶¹.

Ноябрьская революция в Германии свергла власть Вильгельма II. 13 ноября 1918 г. правительство Ленина аннулировало Брест-Литовский договор и отказалось от дальнейшей уплаты 6 миллионов марок в счет репараций.

Так создавался исходный капитал для социалистических преобразований большевиков. Однако в России разгоралась Гражданская война.

8 июня в Самаре создается Комитет членов Учредительного собрания (Комуч).

23 июня в Омске образуется Сибирское правительство.

2 августа в Архангельске Н. Чайковский становится главой правительства «Севера России».

23 августа Н. Авксентьев возглавил Уфимскую директорию.

14 ноября на Украине сформирована Директория во главе с С. Петлюрой.

18 ноября в Омске адмирал А. Колчак был объявлен Верховным правителем России...

Угроза возрастала, а новая власть еще была слаба. Ленин энергично организует оборону и с не меньшей энергией старается спрятать награбленный капитал. «Деникин под Тулой, — вспоминал Николай Бухарин, — мы укладывали чемоданы, в карманах уже лежали фальшивые паспорта и «пети-мети»¹⁶² (вероятно, то же самое, что и «тити-мити» — деньги. — В.П.).

Был готов к «революционному подполью» и второй человек в Советской России после Ленина и, по его определению, «бесспорно непререкаемый моральный авторитет, авторитет, почерпавший свою силу, конечно, не в отвлеченной морали, а в морали революционного борца, в морали рядов и шеренг революционных масс», «главнейший организатор» и вождь пролетарской револю-

ции»¹⁶³ — секретарь ЦК РСДРП(б), председатель ВЦИК Я.М. Свердлов. При вскрытии его сейфа органами НКВД летом 1935 г. было обнаружено:

«1. Золотых монет царской чеканки на сумму 108 525 руб.

2. Золотых изделий, многие из которых с драгоценными камнями, 705 предметов.

3. Семь чистых бланков паспортов царского образца.

4. Семь паспортов, заполненных на следующие имена:

а) Свердлова Якова Михайловича;

б) Гуревич Цецилин — Ольги;

в) Григорьевой Екатерины Сергеевны;

г) Барятинской Елены Михайловны — княгиня;

д) Ползикова Сергея Константиновича;

е) Романюк Анны Павловны;

ж) Клеточкина Ивана Григорьевича.

5. Годичный паспорт на имя Горена Адама Антоновича.

6. Немецкий паспорт на имя Сталь Елены.

Кроме того, обнаружено кредитных царских билетов на 750 000 рублей.

Подробная опись золотым изделиям производится со специалистами»¹⁶⁴.

«Нью-Йорк таймс» в апрельском номере 1921 г. сообщала, что на счет Ленина только в 1920 г. в швейцарский банк поступило 75 миллионов швейцарских франков (у Троцкого только в одном банке США хранилось 11 миллионов долларов, в швейцарском банке — 90 миллионов швейцарских франков, Зиновьева — 80 миллионов, Дзержинского — 80 миллионов, Ганецкого-Фюрстенберга — 60 миллионов и 10 миллионов долларов США). Ленин в секретной записке от 24.04.1921 г. к чекистам Уншлихту и Бокию требовал найти источник утечки информации.

Большевики готовили не только финансовую базу на случай бегства из России, но и всемирного наступления, приспособлявая для этого III Коммунистический Интернационал. «Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена»¹⁶⁵, — уверенно заявил при закрытии его Уч-

редительного конгресса Ленин. Однако для установления «диктатуры пролетариата», «демократии для трудящихся», основания «международной Советской республики» и, наконец, уничтожения «государственной власти» нужны были деньги, естественно в кредит, до полной экспроприации буржуазии. Конгрессом «было решено обратиться к Российской коммунистической партии с предложением временно взять на себя главное бремя материальных издержек по работе Исполнительного комитета Коминтерна». «Российская коммунистическая партия, — заверял ее вождь, — разумеется, сочла долгом чести для себя пойти навстречу этому предложению Исполнительного комитета».

Ему вторил председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев: «Российская коммунистическая партия считает долгом величайшей чести прийти на помощь братским партиям всем, чем она может». «Долг чести» большевиков дорого обошелся советскому народу. Деньги были потрачены безвозмездно и бесполезно, хотя нужда в них у россиян была огромной, народ пух от голода, несмотря на то что только золота в 1920 г. было добыто около 110 пудов (1760 кг)¹⁶⁶.

В феврале 1922 г. Ленин посылает записку Сталину и Каменеву по поводу бюджета партии, в которой предупреждал, что «всегда успеем взять говно в эксперты: сначала попытаем выделить нечто путное». Ленин требовал «подтянуть шваль и сволочь, не желающих представлять отчеты... Приучите этих говняков серьезно отвечать и давать полные точные цифры»¹⁶⁷.

Социализм по-ленински — прежде всего «учет и контроль». Ну, а что касается денег, то они всегда любят счет, но не всегда и не все их считают, тем более когда их много, они дармовые, а здоровья нет. Ленин разумно считал, что здоровье дороже денег, и особенно ценил его у тех, кто работал на «мировую революцию», точнее, на авторитет вождя, на него самого. В мае 1913 г. он писал Горькому: «Как здоровье? Отдохнули ли и отдохнете ли летом? Необходимо, ей-ей, Вам отдохнуть хорошенько!»

Ильич не против отдохнуть и сам. «У меня невзгоды, — жалуется он Алексею Максимовичу. — Жена заболела базедовой болезнью. Нервы! У меня тоже нервы малость шалят. Уехали на лето в деревню Поронин, около Закопане (Австрия. — В.П.)... Места хорошие. Здоровые. Высота около 700 метров... известный климатический курорт»¹⁶⁸.

«...Хворать и подрывать свою работоспособность — вещь недопустимая во всех отношениях, — писал он Горькому 30 сентября 1913 г., — а запускать (болезнь. — В.П.) — прямо безбожно и преступно»¹⁶⁹. Со знанием дела Ленин советует: «У немцев есть превосходные санатории (напр., в St. Blasien, около Швейцарии), где лечат и излечивают вполне легочные недомогания, добиваются полного зарубцевания, откармливают, затем приучают систематически к холоду, закаляют от простуды и выпускают годных, работоспособных людей... Право, съездите-ка Вы к первоклассному врачу в Швейцарии или Германии, — позаймитесь месяца 2 серьезным лечением в хорошем санатории...»

А узнав, что Горького лечит от туберкулеза какой-то русский врач Манухин, Ленин писал: «...Известие о том, что Вас лечит новым способом «большевик», хотя и бывший, меня, ей-ей, обеспокоило. Упаси боже от врачей-товарищей вообще, врачей-большевиков в частности! Право же, в 99 случаях из 100 врачи-товарищи «ослы», как мне раз сказал один хороший врач. Уверяю Вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо только у первоклассных знаменитостей. Пробовать на себе изобретение большевиков — это ужасно!»¹⁷⁰

Ленин хаял не только «врачей-товарищей», но и саму российскую природу. Узнав «со слов д-ра Рамонова», что заместитель наркома Рабоче-крестьянской инспекции В. Аванесов (С.К. Мартirosян) собирается в Крым, срочно извещает его: «Умоляю этого не делать. Знаю Крым со слов брата (и сестра была там летом). Не лечение, а мученье. Здоровый заболеет. Это верх безумия. Перестаньте нервничать и колебаться. Немцы, и только они, вылечат верно, надежно и быстрее всех других»¹⁷¹.

Главным лечащим врачом Ленина был германский невропатолог О. Ферстер, получавший огромные гонорары за лечение вождя. В письме И. Сталина полпреду РСФСР в Берлине Н. Крестинскому от 3 июня 1922 г., т.е. вскоре после первого тяжелого приступа Ленина, указано: «Немедля выдать Ферстеру пять тысяч фунтов стерлингов (50 000 руб.) как плату за оказанную услугу...»

Крестинский писал Сталину, Троцкому и Молотову: «Ферстер получил уже у нас два раза хороший гонорар; он не сомневается, конечно, что и эти три поездки будут хорошо оплачены...»

А вот выдержки из отчета советского полпредства в Германии: «2. Согласно запискам тт. Карахана и Сталина от 3.6.22 г. выдано профессору Ферстеру 5000 фунтов (первая поездка). 3. По постановлению ЦК согласно телеграмме от 20.9.22 г. выдано профессору Ферстеру 2500 фунтов (вторая поездка)». И на следующий год: «Согласно записке тов. Карахана от 30.4.23 выдано проф. Ферстеру 4400 фунтов стерлингов...» По этой же записке германскому психиатру профессору О. Бумке было выдано 19 500 долларов, а за месяц до этого — еще 9500 долларов. 9500 долларов было выдано невропатологу и терапевту из Германии А. Штрюмпелю. Здесь же бумаги, разрешающие выдать профессору С. Геншену 25 000 шведских крон¹⁷².

О реальной стоимости услуг за лечение Ленина свидетельствует сын Геншера Фольке: «Когда определилось время нашего отъезда, появился представитель Наркомата финансов и поинтересовался, какие гонорары мы хотели бы получить. После короткого обмена мнениями было решено, что каждый получит по 25 тысяч золотых марок. Представитель ушел, но вскоре вернулся и сказал, что европейские медики должны получить больше. Тогда решили просить его по 30 тысяч марок. Эти суммы были выплачены. Как их использовали, я не очень-то знаю. Известно только, что Брумке сразу купил своей жене Ге-хеймрат очень дорогую соболью шубу»¹⁷³.

Вождя лечили около десяти специалистов «по нервным болезням». К тому же 21 марта 1922 г. телеграфировал из

Горюк управделами Совнаркома Н.В. Горбунову и секретарю РКП(б) В.М. Молотову: «Ввиду выезда Крестинского 18/III в Москву с немецкими специалистами по нервным болезням для осмотра группы крупных работников — предложить секретариату ЦК поручить тому врачу, который состоит для проверки ответственных работников (а если такового врача нет вопреки многочисленным постановлениям ЦК, то надо назначить на это непременно особого врача, поручить составить список товарищей, подлежащих осмотру, и принять все меры для того, чтобы они были своевременно приезжим врачом осмотрены с опросом, если это надобно, тех русских врачей, которые до сих пор этих товарищей лечили). В список этот, очевидно, должны будут войти тт. Чичерин, Осинский, Троцкий, Каменев, Сталин, Брюханов и несомненно целый ряд других. Ленин»¹⁷⁴.

Содержание письма изложено в биографической хронике Ленина, однако не сказано, что речь идет о «специалистах по нервным болезням». Действительно, «дело Ленина» было на грани сумасшествия. По мнению вождя, сумасшествие заключалось в весьма нормальных явлениях, так, в письме Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) 24 января 1922 г. Ленин возмущался по поводу того, что нарком иностранных дел Г.В. Чичерин «ставит вопрос о том, что не следует ли за приличную компенсацию согласиться на маленькие изменения нашей Конституции, именно представительство паразитических элементов в Советах. Сделать это в угоду американцам.

Это предложение Чичерина показывает, по-моему, что его надо 1) немедленно отправить в санаторий, всякое попустительство в этом отношении, допущение отсрочки и т.п. будет, по-моему, величайшей угрозой для всех переговоров...

...Это и следующее письмо Чичерина (как и предыдущее. — В.П. См. Полн. собр. соч., т. 54. С. 118) явно доказывают, что он болен, и сильно. Мы будем дураками, если тотчас и насильно не сошлем его в санаторий»¹⁷⁵.

Действительно, самое дорогое для вождя большевиков были соратники. «Мне рассказывали, — вспоминала

М.И. Ульянова, — что, узнав о болезни Мартова, В.И. (Ленин. — В.П.) просил Сталина (еще до лета 1922 г. — В.П.) послать ему денег. «Чтобы я стал тратить деньги на врага рабочего дела! Ищите себе для этого другого секретаря», — сказал ему Сталин. В.И. был очень расстроен этим, очень рассержен на Сталина»¹⁷⁶.

Интересно, вспоминал ли Ленин тех, кто действительно нуждался не только в лечении и отдыхе, но просто в куске хлеба, которого можно было купить вдоволь на дармовые деньги, растрачиваемые «сердобольной» партийной элитой», лично на себя и на мифические идеи мировой революции.

Важнейшим аспектом изучения финансовой базы вождя и партии в контексте настоящего исследования является плата большевиков за власть как внутри страны, так и за ее рубежами. Откупались щедро награбленными деньгами, государственным золотым запасом, бесценными народными сокровищами под благовидным предлогом успешного строительства коммунизма.

Французская газета «Интернасьональ» сообщала в начале 1921 г. о поставках из Советской России 200 ящиков золота стоимостью более 50 миллионов долларов. Высказывалось мнение, что Франция стала перевалочной базой для поставок советского золота в Швейцарию и Англию. 30 апреля 1921 г. «Нью-Йорк таймс» сообщает о прибытии в Париж «советского золота» на 10 миллионов долларов — «первой из нескольких партий согласно контракту, подписанному в Москве французской делегацией». 23 и 24 августа «Нью-Йорк таймс» резюмировала, что за восемь месяцев 1921 г. США импортировали золота на 460 миллионов долларов, из них 102,9 миллиона приходилось на фирму, основанную Шиффом, — «Кун, Леб и К°». И это была не единственная фирма Шиффа, «работавшая» с ленинским Совнаркомом. Из большевистской России — «величайшего трофея, который когда-либо знал мир», — поток золота был самым мощным, даже несмотря на преграды дипломатического непризнания США Советской России, ибо золото переплавлялось на швед-

ском Монетном дворе и декларировалось как привозимое из Швеции, Франции, Голландии и других стран. К тому же советское золото, по расценкам международной биржи, занижалось в 7 раз.

13 ноября 1922 г. И.В. Сталин направил В.И. Ленину, копию Каменеву, письмо с грифом «совершенно секретно», в котором выражал недоумение и озабоченность «о необходимости (по уверению Каменева и ходатайству некого Свердлова, «человек более чем ненадежный». — В.П.) утвердить договор с французскими купцами об организации смешанного общества по продаже нашей платины, причем мы должны предоставить не менее 60 пуд(ов) (это 1080 кг. — В.П.) платины для продажи за границу этому обществу, а сами отказываемся выступать на внешний рынок со своей платиной. Так как в этом проекте договора нет никаких элементов «смешанности» (платина вся наша, у французов нет никакой платины, они просто комиссионеры по продаже платины, причем надо полагать, что, так как платина является почти монопольным товаром, они, французы, постараются продать минимум платины для того, чтобы угодить американским продавцам платины и дать им возможность продать американскую платину втридорога), а, наоборот, весь договор представляет сплошное издевательство над Россией...»¹⁷⁷.

18 января 1923 г. по предложению Сталина Политбюро признало вопрос о платине исчерпанным, возможно, и в прямом смысле этого слова. Тайна русской платины ждет своего исследователя, факт разбазаривания народных богатств большевистским руководством «налицо». За границы России переправлялись бесценная живопись, предметы антиквариата, уникальные иконы, церковные чаши и даже кресты.

Таким образом, не только демократические страны, но и Католическая Церковь — в нарушение собственных законов и уважения права частной собственности — соучаствовали с интернационалистами-большевиками в ограблении России.

Оформление «самой настоящей олигархии»

2 сентября 1918 г. ВЦИК провозгласил Советскую республику военным лагерем¹⁷⁸. 30 ноября ВЦИК и СНК приняли постановление об образовании Совета рабочей и крестьянской обороны во главе с Лениным в связи с возрастающей опасностью «вторжения соединенных полчищ мирового империализма». Учитывая, что республика находится на положении военного лагеря, в постановлении отмечалось: во всех отраслях хозяйственной деятельности и государственного управления, всюду «должен быть установлен военный режим». Совету Обороны предоставлялась вся полнота прав в деле мобилизации сил и средств в интересах обороны. Его распоряжения были обязательными для всех ведомств и учреждений, для всех граждан¹⁷⁹.

В соответствии с режимом «военного лагеря» приводилась и система властного управления. В районах, оказавшихся под непосредственной угрозой противника, приостанавливались полномочия Советов и вводились чрезвычайные органы власти — революционные комитеты. Назначаемые ревкомы сосредотачивали неограниченную гражданскую и военную власть. В прифронтовых областях власть осуществляло армейское командование. На местах вся власть была сосредоточена в уездных и губернских Советах. «Никаких ведомственных учреждений, независимых от местных Советов и их исполкомов, подчиненных только центру, Советский строй, определенный Конституцией, не знает»¹⁸⁰, — сообщал нарком внутренних дел Г.И. Петровский в Наркомат юстиции 1 декабря 1918 г. В экстремальных условиях Советы подменялись исполкомами, а зачастую большевистскими руководителями, что фактически укрепляло режим личной власти.

Однако, несмотря на войну, развернувшуюся по всей России, со второй половины 1918 г. и до конца 1920 г. было проведено четыре всероссийских съезда Советов (V—VIII), по одному-два в год в каждой губернии и каждом

уезде¹⁸¹. На них обсуждались вопросы общегосударственной и местной жизни, военные и сугубо гражданские, отчитывались исполкомы и другие советские учреждения, сталкивались различные, порой диаметрально противоположные точки зрения, звучала безжалостная критика, принимались бескомпромиссные решения. И все же съезды готовили заранее ответственные работники РКП(б), решения писались в соответствии с партийными установками, исходящими из ленинских идей. Успех большевиков был предрешен абсолютным их преобладанием, жесткой партийной дисциплиной, популистской идеологией.

Весной 1918 г. «левые коммунисты» предупреждали, что «форма государственного управления развивается в сторону бюрократической централизации, господства различных комиссаров, лишения местных Советов самостоятельности и фактического отказа от типа управляющего с низов государства-коммуны». Н. Осинский прямо заявил: «Мы строим не тот, не настоящий социализм»¹⁸².

Таким образом, политическая основа как фундамент Советского государства все более и более не соответствовала лозунгам большевиков, провозглашающих чаяния трудящихся о демократическом централизме и власти Советов. Преобладание военно-мобилизационных методов управления, возрастающая централизация государственного руководства, партийно-классовый подход к подбору и расстановке кадров приводят к формированию командно-административной системы власти.

«Ленин и Троцкий на место вышедших из всеобщих народных выборов учреждений создали Советы, — писала осенью 1918 г. симпатизирующая большевикам Роза Люксембург, — как единственное истинное представительство трудящихся масс. Но с подавлением политической жизни по всей стране должна все более умирать жизнь и в Советах. Без всеобщих выборов, неограниченной свободы прессы и собраний, свободной борьбы мнений умирает жизнь в каждом общественном учреждении. Она становится призрачной жизнью, и одна бюрократия остается активным элементом... Общественная жизнь по-

степенно засыпает, несколько дюжин партийных вождей с неисчерпаемой энергией и безграничным идеализмом направляют и управляют... а избранная часть рабочего класса время от времени приглашается на собрания, чтобы аплодировать речам вождей и единогласно одобрить предложенные резолюции — то есть в сущности господство клики»¹⁸³.

Ленин критически отмечал на VIII съезде партии 19 марта 1919 г.: «...до сих пор мы не достигли того, чтобы трудящиеся массы могли участвовать в управлении, — кроме закона, есть еще культурный уровень, который никакому закону не подчинишь. Этот низкий культурный уровень, — оправдывался Ленин, — делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовой слой пролетариата, но не через трудящиеся массы»¹⁸⁴. Точнее, через его авангард — партию.

«Государство — это мы» — так внушали большевистские вожди «хозяевам производства», которые имели самые массовые, организованные по производственному принципу профессиональные союзы. И несмотря на сокращение численности рабочих, уменьшение их концентрации на промышленных предприятиях, число профсоюзов росло за счет экономического сплочения таких социальных слоев, как служащие, кустари, ремесленники. Если в первой половине 1918 г. профсоюзы насчитывали 946 тыс. членов, то к началу 1921 г. их было 7,5 млн человек¹⁸⁵. Промышленные рабочие составляли лишь 23%. В руках профсоюзов находились рычаги производства и всего необходимого для общественной жизни. От них во многом зависела и политическая власть в Советской России, что обостряло борьбу за влияние на них и за руководство ими, а в условиях диктатуры партии большевиков — за их место и роль в системе государственного управления.

С первых шагов Советской власти, установления «диктатуры пролетариата» начинается процесс огосударст-

вления профсоюзов. Этому способствовало и отсутствие законодательства о профсоюзах, их взаимоотношениях с политическими партиями, Советами и другими общественными и государственными организациями. В письме Президиума ВЦСПС, направленном в декабре 1918 г. профсоюзам, констатировалось, что «повсеместно комячейки в ультимативной форме диктуют свои решения правлениям профсоюзов и общим собраниям членов профобъединений, отменяют их решения, навязывают своих кандидатов в руководящие профсоюзные органы»¹⁸⁶. Однако это не была самостоятельность низовых комячеек, а это была установка ЦК РКП(б), идеологом которого был Ленин.

В ноябре 1918 г. были опубликованы тезисы руководителя ВЦСПС М.П. Томского (Ефремова) «Задачи партии в профессиональном движении», в которых подчеркивалась главная задача партии — овладение профсоюзами: «Лучшим методом подчинения всего профессионального движения Коммунистической партии (является) проведение через руководящие центры профессионального движения строжайшей союзной дисциплины и укрепления авторитета и силы находящихся в наших руках центров профессионального движения»¹⁸⁷.

Аппарат профсоюзов дублировал государственные функции. «Если спросить, что делали в эти первые тяжелые годы нашей революции профессиональные союзы, — вспоминал М.П. Томский, — на это пришлось бы ответить: все делали. Трудно сказать, чего они не делали, так как делали они действительно все: боролись с голодом, организовывали продовольственные отряды, снимали с фабрик ответственных работников и посылали их на фронт, боролись с эпидемиями, организовывали комиссариаты, управляли производством, продолжали свою организационную работу внутри рабочего класса, одновременно ведя неутомимую повседневную борьбу с реформизмом, со всеми его проявлениями»¹⁸⁸.

Можно еще добавить такие важные дела профсоюзов, как мобилизационная работа, организация коммунистических субботников, трудовая повинность. Согласно приня-

тому СНК 14 ноября 1919 г. «Положению о рабочих дисциплинарных товарищеских судах», одобренному ВЦСПС, при профкомах создавались «тройки» из представителей администрации предприятия, профкома и общего собрания. Решения товарищеских судов носили по существу карательные меры и приравнивались к официальным законам. Нарушители трудовой дисциплины могли быть отправлены на тяжелые или унижительные общественные работы, а в случаях «упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине» подвергались «как нетрудовой элемент увольнению с предприятий с передачей в концентрационный лагерь»¹⁸⁹. Выполняя функции различных государственных учреждений, профсоюзы теряли специфику своей деятельности, а в конфликтах рабочих с государством партийно-большевистская элита профсоюзов защищала администрацию.

Тяжелое материальное положение рабочих, бездействие бюрократившейся администрации и руководства профсоюзов, «приземленная» пропаганда и агитация меньшевиков приводили к рабочим забастовкам. Для пресечения роста забастовочного движения использовались ЧК и партийно-правительственные авторитеты. Так, в апреле 1919 г. для подавления забастовок на тульских оружейном и патронном заводах было арестовано 200 человек, хотя Н. Осинский из Тулы просил согласия у Ленина на арест всех (более 900) забастовщиков только на оружейном заводе, учреждение ревтрибунала, осуждение главарей, «при этом все же отказ от расстрелов, — считал, хорошо знавший крутого Ленина его политический оппонент, — т. к. предшествующая политика по улучшению положения массы и решительные меры сейчас — стачечное движение вырвут с корнем, преувеличения же создадут нам затруднения в будущем»¹⁹⁰.

Из Тулы Ленину докладывал и член коллегии НКВД В.П. Антонов, который предлагал меры по нормализации обстановки в городе: «регулярно выдавать рабочим зарплату, улучшить продовольственное снабжение, провести «чистку» рабочего коллектива, «арестованные ко-

митеты меньшевиков и эсеров вывезти в Москву, остальных ненужных остро в производстве удалить за пределы Тульской губернии»¹⁹¹. На заводах были созданы революционные комитеты с чрезвычайными полномочиями, чрезвычайные следственные комиссии и чрезвычайный революционный трибунал. Наиболее активные забастовщики были арестованы, многие отправлены в штрафные роты¹⁹².

Так методы террора применялись и против рабочих, требовавших заработанное, но не вписывавшихся в партийно-государственные стереотипы «диктатуры пролетариата», от имени которой выступали большевики, представлявшие производственно-профсоюзное руководство.

Справедливости ради необходимо отметить то, что среди большевистского руководства велись дискуссии и споры о роли и задачах профсоюзов. Предлагалось: слить профсоюзы с государством, превратив их в аппарат управления народным хозяйством (зам. наркома труда В.А. Радус-Зенькевич); профсоюзы сохранить по форме, резко разграничить функции профсоюзов и государства, профсоюзы должны выполнять специфические профессиональные задачи (М.П. Томский); сохранить политическую самостоятельность профсоюзов и независимость от государства (Л. Мартов)¹⁹³; повысить функции профсоюзов в организации производства (Д.Б. Рязанов-Гондельдах)¹⁹⁴.

«Нет ни одной массовой организации, — утверждал Н.И. Бухарин в работе «Теория пролетарской диктатуры» в 1919 г., — которая не являлась бы в то же время органом власти. Профессиональные союзы рабочих — важнейшие органы экономической диктатуры, управляющие производством и распределением, устанавливающие условия труда, играющие крупнейшую роль в центральном учреждении — Высшем совете народного хозяйства, фактически ведущие работу Комиссариата труда, фабрично-заводские комитеты — нижние ячейки государственного регулирования...»¹⁹⁵ Однако, какие бы решения они ни принимали, их должен был утвердить ВЦИК или СНК.

Н.Н. Бухарину вторил Г.Е. Зиновьев: «...современные профессиональные союзы постепенно входят составной частью в общий механизм государственной власти, становятся одним из органов пролетарской государственности, подчиняясь Советам как исторически данной форме диктатуры пролетариата»¹⁹⁶.

Вопрос о профсоюзах рассматривался на пленуме ЦК 20 ноября 1919 г. и на IX съезде РКП(б). От имени «рабочей оппозиции», возникшей на базе недовольства политикой «военного коммунизма», диктатом РКП(б) и бюрократизацией государственного аппарата, А.Г. Шляпников представил тезисы «К вопросу о взаимоотношениях РКП, Советов и производственных союзов», в которых предлагал, чтобы партия и Советское государство занимались политикой, а профсоюзы — экономикой. «Самая опасная сторона бюрократизма, — считал Шляпников, — заключается в фетишизме аппаратов государственной власти»¹⁹⁷.

Программа «рабочей оппозиции» (представленной А.Г. Шляпниковым, С.П. Медведевым, Ю.Х. Лутовиновым, А.С. Киселевым и А.М. Коллонтай) была направлена против централизованного экономического и политического руководства партийно-государственного аппарата промышленными предприятиями. По мнению ее лидеров, на каждом предприятии руководство должны были осуществлять рабочие комитеты, подчиняющиеся вышестоящему свободно избранному профсоюзному органу.

К «рабочей оппозиции» близка была группа «демократического централизма» (децистов) (Т.В. Сапронов, Н. Осинский, М. Максимовский, А.С. Бубнов и др.). Они выступали за перестройку профсоюзных организаций на основе демократического централизма и рабочей демократии, предлагали отказаться от «назначенства» с тем, чтобы все руководящие хозяйственные органы выбирались на профсоюзных конференциях, ввести подотчетность органов управления экономикой профсоюзам.

Оппозиционеры не покушались на государственную собственность и формы власти. Они настаивали на том,

чтобы сами трудовые коллективы были распорядителями имущества на предприятиях, отвечали за его рациональное использование и сохранность¹⁹⁸. Именно в этом они видели возможность более рационального управления экономикой, развития хозяйственной самостоятельности рабочих. И все же по концепции лидеров «рабочей оппозиции», несмотря на ее радикализм, профсоюзы подлежали огосударствлению, ибо превращались в государственные органы управления, переставая быть общественными организациями.

Ленин и его соратники обвинили «рабочую оппозицию» и «децистов» в тред-юнионизме и анархо-синдикализме. Резолюция IX съезда РКП(б) говорила о профсоюзах как инструменте партии: оставаясь формально непартийными, они становятся коммунистическими по существу и проводят ее политику¹⁹⁹. О том, что профсоюзы лишь формально беспартийные организации, Ленин писал в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»: «Фактически все руководящие учреждения громадного большинства союзов и в первую очередь, конечно, общепрофессионального всероссийского центра или бюро (ВЦСПС — Всероссийский центральный совет профессиональных союзов) состоят из коммунистов и проводят все директивы партии»²⁰⁰. В тезисах к 3-му съезду профсоюзов (1920 г.) — «Задачи профессиональных союзов и взаимоотношение партии, союзов и Советов» — он конкретизировал: «Будучи формально непартийными объединениями трудящихся, независимо от их политических и религиозных (взглядов), профсоюзы в целом, стоя на платформе осуществления коммунизма через диктатуру пролетариата, в своей практической деятельности фактически проводили чисто коммунистическую линию, являясь проводником политики гегемона пролетарской революции РКП»²⁰¹.

Г.Е. Зиновьев писал: «Партия занимается и экономикой, и всем хозяйством, и всем земельным делом, и образованием, и целым рядом других вопросов... Партия поэтому должна руководить всеми остальными функциями

всех остальных рабочих организаций. И в этом смысле не может быть речи о равноценности, о равноправии договаривающихся сторон». Такой же была позиция Ленина. Профсоюзам он отводил роль «помощников» партии, «звена», связывающего партию с трудовой массой, «ремня», связывающего ЦК партии с членами профсоюзов²⁰².

Все эти «платформы» имели много общего, поскольку их авторы, даже те, которые требовали серьезных перемен, все же не видели естественной связи критикуемых пороков взаимоотношений профсоюзов, государства и правящей партии со сложившейся «военно-коммунистической» административно-командной политической системой, не ставили вопроса об отказе от нее. Различия в основном касались путей и форм огосударствления, методов управления.

В противовес большевистской позиции огосударствления профсоюзов на III съезде профсоюзов Ф.И. Дан (Гурвич) привел убедительные доводы: «защита экономических интересов рабочего класса должна остаться функцией профсоюзов, превращение рабоче-крестьянского государства в нанимателя ничего не меняет — наемный труд все равно остается;

— Россия — часть мирового рынка. Советская власть вынуждена расширять переговоры о заключении концессий, экспортно-импортных связей, рано или поздно придется признать товарно-денежные отношения. Все это обязывает профсоюзы защищать рабочий класс от государства. Профсоюзы, — подчеркивал Дан, — должны действовать как особый специфический орган, не подчиняющийся влиянию государственной власти, в особенности партийной диктатуре»²⁰³.

Троцкий отстаивал принцип «производственной демократии», суть которого заключалась в том, чтобы увеличить прослойку рабочей аристократии, подконтрольную партии, и через нее крепить рабочую дисциплину, управлять рабочим движением. В поощрение рабочей аристократии и рядовым коммунистам давалась возможность продвижения по службе. Реальным воплощением этих

идей стало создание по предложению Троцкого в августе 1920 г. вместо независимого профсоюза железнодорожников Центральной транспортной организации — Цектран.

Политическая дискуссия о формах и методах хозяйственного строительства в мирных условиях была продолжена на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г. Тезис Ленина «Перейти к государственному принуждению, чтобы крестьянское хозяйство поднять» был подвергнут резкой критике представителями эсеров и меньшевиков. «Продовольственная политика, основанная на насилии, — отмечал Дан, — обанкротилась...»

Ленин обозначил роль профсоюзов как инструмента осуществления партией диктатуры 30 декабря 1920 г.: «Получается такая вещь, что партия, так сказать, вбирает в себя авангард пролетариата, и этот авангард осуществляет диктатуру пролетариата, и, не имея такого фундамента, как профсоюзы, нельзя осуществлять диктатуру, нельзя выполнять государственные функции. Осуществлять же их приходится через ряд особых учреждений опять-таки нового какого-то типа, именно через советский аппарат»²⁰⁴. «Профсоюзы, — говорил Ленин, — по месту их в системе диктатуры пролетариата, стоят, если можно так выразиться, между партией и государственной властью»²⁰⁵.

Таким образом, по-ленински, выходило, что профсоюзы как бы посредничали между фактической и номинальной властью. «Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, — пояснял Ленин, — это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйствования, школа коммунизма...» И добавил: «Профсоюзы — «резервуар» государственной власти»²⁰⁶.

Необходимо учесть, что все эти дифирамбы Ленин проносил на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов РКП(б). В отличие от прежних утверждений Ленин признал невозможность непосредственного управления обществом рабочим классом. В конце января 1921 г. на II Всероссий-

ском съезде горнорабочих он скажет: «Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практически люди знают, что это сказки». Кто управлял из рабочих? Несколько тысяч на всю Россию, и только. Если мы скажем, что не партия проводит кандидатуры и управляет, а профессиональные союзы сами, то это будет звучать очень демократично, на этом, может быть, можно поймать голоса, но недолго»²⁰⁷.

Для окончательного решения вопроса о профсоюзах, по которому широко развернувшаяся дискуссия фактически раскалывала РКП(б), накануне X съезда партии была создана специальная комиссия Центрального комитета по профдвижению, которая в середине января 1921 г. закончила подготовку «Проекта постановления X съезда РКП по вопросу о роли и задачах профсоюзов». Под проектом стояли 10 подписей, из них 9 членов ЦК — В.И. Ленина, Г.Е. Зиновьева, И.В. Сталина, М.П. Томского, Я.Э. Рудзутака, М.И. Калинина, Л.Б. Каменева, Г.И. Петровского, Ф.А. Артема (Сергеева) — и члена профкомиссии С.А. Лозовского. «Платформа десяти» представляла собой компромисс, учитывающий взгляды по вопросу о задачах профсоюзов с сохранением сути решений партийных съездов. Сохранялась идея огосударствления, но как перспектива профсоюзов подтверждалась необходимость участия профсоюзов в осуществлении трудовых мобилизаций, борьбе с трудовым дезертирством. Вместе с тем подчеркивалось, что профсоюзы — беспартийные массовые организации, «в которые свободно входят рабочие различных политических взглядов и настроений, партийные и беспартийные, грамотные и неграмотные, религиозные и нерелигиозные и т.п.»²⁰⁸. Профобъединения участвуют в управлении народным хозяйством, а не управляют им, с хозяйственными органами у них должны устанавливаться партнерские взаимоотношения. Профсоюзы как школа коммунизма «должны обслуживать все стороны повседневной жизни трудящихся масс, постепенно вовлекая самые широкие слои трудящихся в дело государственного строительства, всегда освещая им путь

идеями нашей программы...»²⁰⁹. «Платформа десяти» исходила из «военно-коммунистической» практики. Хотя проблема и прояснялась, все же еще нечетко вырисовывалась концепция роли и места профсоюзов в советской политической системе.

Л.Д. Троцкий и Н.И. Бухарин подготовили свой проект резолюции «О роли и задачах профсоюзов», по которому их позиция была однозначна — профсоюзы должны в конечном счете превратиться в государственные организации, постепенно срачиваясь с советскими органами²¹⁰.

8 марта 1921 г. в Москве открылся X съезд РКП(б). Вниманию делегатов съезда был представлен план перехода к новой экономической политике, главным стержнем которой должна была стать замена продразверстки продналогом. «...Вопрос о замене разверстки налогом, — подчеркивал Ленин, — является прежде всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству...» По всем двенадцати вопросам, вынесенным на съезд, которые можно объединить в три блока политических, экономических проблем партийного руководства и внешней политики ЦК в Коминтерне и Межсовпрофе, разгорелась острая политическая дискуссия.

В резолюции X съезда РКП(б) подтверждалось решение IX съезда партии, в котором говорилось, что «задачи профессиональных союзов лежат, главным образом, в области организационно-хозяйственной и воспитательной. Эти задачи профессиональные союзы должны выполнять не в качестве самодовлеющей организационно-изолированной силы, а в качестве одного из основных аппаратов Советского государства, руководимого Коммунистической партией». X съезд партии предложил: «Так как Советская власть является наиболее широкой организацией, концентрирующей всю социальную мощь пролетариата, ясно, что профессиональные союзы, по мере развития коммунистического сознания и творческой роли масс, должны постепенно превращаться во вспомогательные органы пролетарского государства, а не наоборот»²¹¹. Съезд при-

нял подготовленные Лениным тезисы «О роли и задачах профсоюзов», фактически закрепив ленинскую идею о профсоюзах как приводных ремнях от партии к массам.

Под «передовым слоем пролетариата» Ленин подразумевал членов РКП(б). Однако партийное членство не намного поднимало культурный уровень человека и все не заменяло специального профессионального образования, зачастую рождало лишь амбиции неоспоримой правоты и всезнательства, формировало «коммунистическое чванство» и партийный бюрократизм.

Крайняя централизация, ставшая характерной чертой советской политической системы, приводила к концентрации власти в руках руководителей аппаратных структур, способствовала карьеристам, рвавшимся к власти. Главным критерием кадрового отбора стала политическая благонадежность, приверженность коммунистическим идеям. Знания и деловые качества считались вторичными и учитывались «по возможности». Большевистские выдвиженцы в основном были некомпетентны, а посему легко заменимы, что позволяло держать их в строгости партийной дисциплины, беспрекословном выполнении самых абсурдных указаний. Чтобы удержаться в должности, необходимо было угодничать перед начальством, подчеркивать всячески чинопочитание. Принципы декларативной партийной демократии уступали практической авторитарности. Складывался тип руководителей с антидемократическими наклонностями, безынициативных, но уверенных в том, что цель оправдывает средства, основным из которых становилось насилие.

Конечно, среди рядовых большевиков и советских руководителей было немало инициативных и деловых людей, с определенным запасом знаний, практического опыта, способных учиться «на лету». Однако все их благородные потуги разбивались о неприступную, монолитную систему партийной серости. Некоторые из них предупреждали, что партийно-централизованный режим приведет к перерождению партии большевиков. Так, лидер оппозиционной группы «Демократического централизма»,

образованной в 1919 г. из недовольных «пролетарским единовластием» и безграничным влиянием Ленина, Т.В. Сапронов на IX съезде РКП(б) назвал ЦК «маленькой кучкой партолигархии». А. Яковлев парировал, заявив, что Сапронов хочет заменить существующую олигархию другой олигархией — «только головой пониже... мы предпочитаем гениальную олигархию — посредственной олигархии»²¹². Такой ответ соответствовал духу чиновничества партийного вождизма.

Ленин в своем выступлении назвал демократический централизм, который проповедовали Сапронов и его единомышленники, «допотопным и устарелым». Он высказался за беспрекословное повиновение «воле советского руководства, диктатора...». «И теперь, — говорил Ленин, — нас тащит назад по вопросу давно решенному, вопросу, который ВЦИК утвержден и разъяснен, а именно, что советский социалистический демократизм единоначалию и диктатуре нисколько не противоречит, что волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим»²¹³.

Другой лидер «децистов» Н. Осинский заявил, что видит в постановке вопроса Лениным весьма опасную тенденцию. «Диктатуру пролетариата мы превратили в единоличную власть диктатора»²¹⁴.

Таким образом, выяснились две противоположные позиции в отношении диктатуры. Главное заключалось в том, за кем пойдет большинство, хотя, несомненно, приоритет и сила были за стоящими у власти, мнение которых было «в официальной резолюции ВЦИК одобрено»²¹⁵, т.е. законодательно закреплено.

Вседозволенность магистров «ордена меченосцев», расширение их привилегий вызывало недовольство рядовых, бескорыстных, глубоко идейных большевиков, которые все настойчивее говорили о разлагающем влиянии партийного барства на единство РКП(б). «Нам надо добиться того, — говорил на IX партийной конференции в сентябре 1920 г. А.И. Рыков, — чтобы каждый коммунист знал, что мы также по тому же суду отвечаем за свои

злоупотребления, даже больше, чем спецы. Если каждый из наркомов вроде меня, членов ВЦИК будет знать, что также подсуден общим судом и также может быть посажен в концентрационный лагерь... то эта болезнь будет изжита на долгое время»²¹⁶. И это заявлял член Оргбюро ЦК РКП(б). Что же ему мешало поставить этот вопрос на обсуждение высшего партийного руководства, требовавшего, к примеру, перед Пасхой от тамбовских губернских продотрядов «послать в Москву в адрес ЦК РКП(б) вагон гусей. Приказ был исполнен. Тамбовский комитет поступил точно так же, и члены партии и их родственники получили 30 пудов гусей»²¹⁷.

Остро критиковали неравноправие в партийных рядах Т.В. Сапронов, Е.Н. Игнатов и др. Делегаты приняли решение о создании комиссии для обследования «кремлевских привилегий». Партийная конференция приняла специальные решения, направленные на оздоровление партии: создать специальные органы печати для широкой публикации критики обюрократившихся парткомов; не допускать каких бы то ни было репрессий против инакомыслящих; прикрепить к первичным парторганизациям ответственных работников ЦК и ЦКК; предусмотреть ротацию партийных кадров; устранить неравенство в условиях жизни руководящих работников и рядовых трудящихся²¹⁸.

Через полгода X съезд РКП(б) констатировал: централизация развивала тенденцию к бюрократизации партии и отрыву ее от масс; партия действовала по системе боевых приказов, привилегии становились почвой для злоупотреблений разного рода, выявились симптомы бытового разложения. Все это «привело к внутреннему партийному кризису»²¹⁹. В то же время ежегодно собирались партийные съезды и конференции. Выборы в ЦК проводились на альтернативной основе. На съездах и конференциях в бурных дискуссиях обсуждались основные вопросы политики партии. Но все эти споры и критические предложения не влияли на принимаемые решения, большинством голосов неизменно одобрялась политика ленинского руководства.

Монополия РКП(б) на власть, сращивание партийных и государственных органов вели к партийной диктатуре, отождествлению ее с «диктатурой пролетариата». Идея «диктатуры пролетариата» предполагала, что субъектом власти является рабочий класс. Однако он даже не влиял на избрание партийных органов, особенно центральных, и не мог контролировать их деятельность. На X съезде РКП(б) Ленин прямо заявил: «Мы после двух с половиной лет Советской власти перед всем миром выступили и сказали в Коммунистическом Интернационале, что диктатура пролетариата невозможна иначе, как через Коммунистическую партию»²²⁰. Более точно Ленин выражался ранее, в апреле 1906 г., повторив свое мнение и в октябре 1920 г.: «Диктатура означает... неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон власть»²²¹. Ленин говорил о необходимости диктатуры большинства трудящихся над меньшинством буржуазии, что было явным парадоксом, попыткой скрыть основной метод ленинского партийного руководства.

Превращение партии в государственную структуру привело Ленина к изменению первоначальных взглядов на Советы. В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» уже не Советы являются основой политической системы, а Коммунистическая партия. Советы же лишь «рычаг» партии для управления государством. По существу это был отказ от программного лозунга большевиков «Вся власть Советам!», с которым победила революция. Большевики привели Советы к власти — они же лишали их реальной власти.

Об этом напоминал П.А. Кропоткин в письме Ленину 4 марта 1920 г.: «Россия уже стала советской республикой лишь по имени. Наплыв и верховодство людей «партии»... уничтожили влияние и строительскую силу этого многообещающего учреждения — Советов. Теперь правят в России не Советы, а партийные комитеты»²²².

Диктатура класса, трансформировавшаяся в диктатуру партии, на практике сводилась к власти узкого круга ее «верхов». Наверху партийной пирамиды Политбю-

ро, Центральный Комитет определяли политику партии, принимали решения по множеству вопросов жизни страны и направляли их партийным комитетам. На местах решения и указания партийных комитетов подлежали исполнению государственными органами. «И сколько бы ни говорили об избирательном праве, о диктатуре пролетариата, о стремлении ЦК к диктатуре партии, — говорил Т.В. Сапронов на IX съезде РКП(б), — на самом деле это приводит к диктатуре партийного чиновничества. Это факт»²²³.

Фактом было и то, что диктатура партии приводила не только к «диктатуре партийного чиновничества», но и к диктатуре «отдельных лиц». Это не противоречило официальной позиции большевистского вождя. «...Никакого принципиального противоречия между советским (т.е. социалистическим) демократизмом, — писал Ленин еще в 1918 г., — и применением диктаторской власти отдельных лиц нет»²²⁴.

Так в условиях Гражданской войны внедрялась командно-административная система партийно-государственного управления номинально Советской России. Сама революция формировала тип руководителей, воспитывала их на культе силы, среди которых, по мнению Л.Б. Красина, господствовали «всезнательство и презрение к какому-либо вообще знанию и в еще большей степени специальному умению». Они привыкли к тому, что их бросали на любой участок, на какие угодно должности, при этом критерий оценки их деятельности был один: «рассуждать некогда, как сделаешь, так и ладно». Отсюда постоянно крепнувшее чувство всесильности и вседозволенности. Для таких руководителей становилась приемлемой только такая модель управления, при которой главной являлась «роль каких-то генеральных установщиков и инструкторов, по дудке которых должны плясать все производственные органы и отдельные министерства»²²⁵. Классовая приверженность, партийный диктат и незаконное насилие становились определяющей чертой мировоззрения ставших у власти сверху донизу.

В 1919 г. Троцкий заявил, что в лице наших комиссаров «мы получили новый коммунистический орден самураев»²²⁶. Через два года Сталин, заимствуя эту идею, охристианизирует ее, многозначительно подчеркнув: «Компартия — своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность»²²⁷.

Подводя итог формированию командно-административной системы государственного управления в годы Гражданской войны, Ленин писал в 1920 г.: «Соотношение вождей — партии — класса — масс... представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит Коммунистическая партия большевиков, имеющая, по данным последнего партийного съезда (IV. 1920), 611 тыс. членов. Число членов колебалось и до Октябрьской революции, и после нее очень сильно и прежде было значительно меньше, даже в 1918 и 1919 годах. Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать... Партией, собирающей ежегодные съезды (последний: 1 делегат от 1000 человек), — подчеркивал Ленин, — руководит выбранный на съезде Центральный комитет из 19 человек, причем текущую работу в Москве приходится вести еще более узкими коллегиями, именно так называемым «Оргбюро» (Организационному бюро) и «Политбюро» (Политическому бюро), которые избираются на пленарных заседаниях Цека в составе пяти членов Цека в каждое бюро. Выходит, следовательно, — отмечал вождь большевиков, — самая настоящая «олигархия». Ни один важнейший политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний Цека партии»²²⁸.

Политбюро, избранное на пленуме ЦК РКП(б) 25 марта 1919 г. (VIII съезд РКП(б): Л.Б. Каменев, Н.Н. Крестинский, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий и кандида-

ты в члены: Н.И. Бухарин, Г.Е. Зиновьев, М.И. Калинин) фактически сосредоточило в своих руках всю власть в Советской России.

Первое заседание Политбюро, состоявшееся 16 апреля, на котором присутствовали лишь четверо — Ленин, Каменев, Крестинский и Калинин, рассмотрело вопросы экономического положения рабочих, о возможности преподавания Закона Божия во внеурочное время, о пополнении коллегии Наркомзема, о поездке Калинина на агитпоезде «Октябрьская революция», о предании суду антисоветских групп. Итак, высший партийный орган свою практическую работу начинал с государственных дел. Пленум ЦК РКП(б), избранный IX съездом РКП(б) 5 апреля 1920 г., не изменил состав партийно-государственного руководства страны.

Таким образом, по мнению известного исследователя проблемы Г.А. Трукана: «Рождавшаяся новая система постепенно переплавляла основные кадры революционеров, включенных в партийно-государственный аппарат, в огромную армию бюрократов. Нетерпимость к идейному и политическому плюрализму превращала их в заложников устаревших догм и схем, в упрощенно мыслящих людей»²²⁹.

В 1920 г. Сталин уточнил: «...страной управляют на деле не те, которые выбирают своих делегатов... нет. Страной управляют фактически те, которые овладели на деле исполнительными аппаратами, которые руководят этими аппаратами».

Таким образом, зарождалась особая категория управленцев, партийно-государственная каста руководителей, способная, по мнению Ленина, «держат в повиновении одному классу прочие подчиненные классы», а точнее, подчинить всех партийной диктатуре, ибо ленинизм отождествлял революционную партию и пролетарское государство²³⁰.

«Партия, стоящая у власти», не была однородна. По мнению английского философа Бертрانا Рассела, побывавшего в Советской России в мае—июне 1920 г.: «Вну-

три Коммунистической партии, конечно, есть, как в любом правящем слое, различные фракции, хотя до сих пор внешнее давление удерживало ее от раскола. Мне показалось, что весь правящий слой можно разделить на три группы. Это, во-первых, старая гвардия революционеров, испытанных годами преследований. Эти люди занимают большую часть самых высоких постов. Тюрьмы и ссылки сделали их нестигаемыми и фанатичными и до некоторой степени оторвали их от собственной страны. Это честнейшие люди с глубочайшей верой в то, что коммунизм возродит этот мир. Они считают себя совершенно свободными от сантиментов, но фактически они сентиментальны во всем, что касается коммунизма и того режима, который ими создан; они не могут уяснить того, что создаваемое ими не является полным коммунизмом и что коммунизм — это проклятие для крестьян, желающих собственной земли, и ничего больше. Они безжалостны, преследуя коррупцию или пьянство, когда подобные вещи случаются среди чиновников, но они создали систему, при которой соблазн мелкой коррупции огромен, и их собственная материалистическая теория должна бы убедить их в том, что при такой системе коррупция должна быть безудержной.

Вторая группа правящего слоя, к которой можно отнести людей, занимающих политические посты непосредственно ниже верхушки пирамиды, состоит из карьеристов, ставших ревностными большевиками по причине материального успеха большевизма. Сюда можно отнести армию полицейских, шпионов, секретных агентов... С этой стороны большевизм представлен Чрезвычайной комиссией, органом практически независимым от правительства, обладающим своими собственными вооруженными формированиями, снабженными продовольствием лучше, чем Красная армия. Этот орган правомочен заключать в тюрьму без предварительного следствия любого человека по обвинению в спекуляции или контрреволюционной деятельности... У ВЧК везде шпионы, и обыкновенные смертные испытывают ужас по отношению к ней.

Третья группа правящей бюрократии, — утверждал Бертран Рассел, — состоит из людей, не являющихся ревностными коммунистами, но которые сплотились вокруг правительства, поскольку оно оказалось стабильным...»²³¹

Конечно, до стабильности Советскому правительству еще было далеко как по внутреннему положению в России, так и фактом ее международной изоляции. Несомненным было лишь то, что большевики господствовали и управляли, хотя в начале 20-х гг. при переходе от войны к миру в партии наметился кризис.

Фактический переход от войны к мирному строительству социализма наметился в ходе Гражданской войны на VIII съезде РКП(б), который проходил в марте 1919 г. На съезде присутствовали 430 делегатов, представляющих 315 тыс. членов партии, 15 национальностей: 190 русских, 49 евреев, 21 латыш, 10 поляков, 5 литовцев, 4 армянина и др. Съезд принял вторую Программу партии — программу на период перехода от капитализма к социализму. Съезд решил: отныне ЦК не будет больше единственным руководящим органом партии, из своего состава он должен выделить Политбюро и Оргбюро — каждое не более 5 человек плюс секретариат.

Делегаты обсудили актуальные вопросы: об отношении к крестьянству; об организации Красной армии, о создании Коминтерна и др. Считая крестьян союзниками рабочих, на съезде решили не трогать кулака, лояльно относящегося к Советской власти. В то же время Ленин отмечал: «Прекрасная вещь революционное насилие и диктатура, если они применяются, когда следует и против кого следует. Но в области организации их применять нельзя»²³². Ленин лукаво уверял делегатов съезда: «После революции 25 октября (7 ноября) 1917г. мы не закрыли даже буржуазных газет, и о терроре не было и речи».

В решениях съезда подчеркивалось, что РКП(б) стоит у власти и держит в своих руках весь советский аппарат. В то же время в постановлении съезда говорилось: «Партия старается руководить деятельностью Советов, но не

заменять их». Так как в отношении к советским республикам был принят федеративный принцип, выдвигались предложения и организации РКП(б) на основе федерации самостоятельных коммунистических партий. Съезд высказался за централизованную партию с монолитным ЦК, руководящим всей работой в целом. Все решения РКП(б) и ее руководящих учреждений безусловно обязательны для всех членов партии независимо от их национальности. ЦК коммунистов национальных республик пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчиняются ЦК РКП(б).

Ленин выразил главную суть политики партии: «Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически»²³³. В программе партии было записано, что «социалистический способ производства может быть упрочен на основе товарищеской дисциплины трудящихся, максимальной их самостоятельности, сознания ответственности и строжайшего взаимного контроля над продуктивностью труда». На съезде была обоснована суть «военного коммунизма» и необходимость его введения, продиктованная экстремальными условиями того времени: «крайней нуждой, разорением и войной», — отмечал Ленин.

Особую остроту дискуссии на съезде вызвало обсуждение вопроса об организации Красной армии. Гражданская война и военная интервенция показали, что прежние теоретические и политические представления о вооруженных силах пролетарского государства с милиционной системой, добровольчеством, выборностью командиров, децентрализацией, революционной партизанщиной изжили себя. В новых условиях необходима мобильная, массовая (в полтора миллиона человек) классовая армия, формируемая путем мобилизаций, со строгой военной дисциплиной, централизованным управлением, с привлечением в нее офицеров старой армии. В то же время в армии действовал партийно-политический аппарат, руководимый военными комиссарами, которые контролировали военных специалистов.

За усиление политического контроля, предоставление большей самостоятельности революционным массам выступила «военная оппозиция». «Мы не можем отдать армию военным» был главный тезис «оппозиции», «...единоличного командования не может быть», — заявил член реввоенсовета 5-й армии В.М. Смирнов.

Съезд одобрил военную политику ЦК. В дальнейшем методы военного руководства некоторые члены ЦК пытались навязать экономике даже в условиях мирного времени, что непременно привело к новому витку Гражданской войны.

Экономическое состояние бывшей Российской империи к 20-м годам было катастрофическим. Погибли миллионы людей, были разорены и разграблены сотни городов, сел и деревень, были разрушены и сожжены тысячи промышленных предприятий, рудники и шахты затоплены. Выплавка чугуна составляла 2,4% довоенного уровня. Производство крупной промышленности сократилось в 7 раз. Почти пропали из обихода предметы первой необходимости — мыло, соль, сахар, спички... Валовая продукция сельского хозяйства уменьшилась почти в 2 раза. Размер посевных площадей сократился на четверть, посев технических культур — более чем в 3 раза. Остро ощущалась нехватка хлеба и продовольствия. Чтобы как-то прокормиться, многие рабочие уходили в деревню, подрабатывали кустарным ремеслом. Страна жила на базе натурального хозяйства. Рыночные отношения продолжали добивать командно-административные меры «военного коммунизма». Продолжение политики продразверстки, за счет которой государство обеспечивалось на 80%, что в два раза превышало земельные налоги и выплаты 1913 г., было не только обременительно, но и вызывало открытый протест крестьян. И если в разгар Гражданской войны крестьянские бунты против красных и белых не вызывали особых беспокойств, хотя общее настроение крестьян определяло весь ход войны, то в период разгрома основных сил контрреволюции, пытавшихся вернуть землю помещикам, крестьянское возмущение против грабитель-

ской политики большевиков стало перерастать в вооруженные восстания.

В мае 1920 г. крестьянский губернский съезд в Тамбове принял программу, включавшую свержение Коммунистической партии, созыв Учредительного собрания, создание широко представительного правительства, прекращение продразверстки, отмену деления народа «на классы и партии». Лидером крестьянского восстания, начавшегося в августе 1920 г. в Тамбовской и Воронежской губерниях, стал эсер А.С. Антонов. В подавлении восстания участвовали 32,5 тыс. бойцов, около 8 тыс. кавалеристов Красной армии при 63 орудиях, 463 пулеметах, усиленные специальными отрядами ВЧК, ВОХР и ЧОН с использованием бронетехники и авиации, а также «удушающих газов».

С весны—лета 1920 г. против Советской власти в южных районах России и на Украине выступила крестьянская армия анархиста Н.И. Махно, насчитывающая более 30 тыс. человек. «Мы за большевиков, но против коммунистов», — уверял Махно.

В 1920-м — начале 1921 года крестьянские восстания бушевали на Дону и Кубани, в Поволжье и на Урале. Численность западносибирских мятежников только в Ишимовском уезде достигала 60 тысяч. В январе 1921 г. был сокращен хлебный паек рабочим.

Восставших крестьян поддерживали в конце февраля 1921 г. моряки Кронштадта — «краса и гордость революции». Основной программы Временного революционного комитета стала резолюция, принятая экипажем броненосца «Петропавловск». Основными требованиями были: переизбрание Советов тайным голосованием и предварительной свободной агитацией; «свободу собраний и профессиональных союзов и крестьянских объединений», а «также анархистов и левых социалистов»; освобождение всех политзаключенных; «упразднить всякие политотделы, так как ни одна партия не может пользоваться привилегиями для пропаганды своих идей и получать от государства средства для этой цели»; прекращение насильственных конфискаций; «уравнять паек для всех трудящихся, за

исключением вредных цехов»; свободный труд ремесленников и крестьян «при условии, что они не применяют наемную рабочую силу»²³⁴.

Понимая опасность восстания моряков главной базы Балтийского флота, в Кронштадт прибыл председатель ВЦИК съезда Советов М.И. Калинин. Его выпроводили от туда под свист и улюлюкание свыше 12 тыс. моряков, среди которых были и большевики. Восстание кронштадтцев, как и другие восстания против проводимой диктаторской политики большевиков, было объявлено как контрреволюционный мятеж против Советской власти, направляемый международной буржуазией, руководимый царскими генералами и поддерживаемый кадетами, меньшевиками и эсерами. «...Мы натолкнулись на большой, — говорил Ленин, — я полагаю, на самый большой, — на внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис, — вынужден был признать Ленин, — обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих»²³⁵. 15 марта 1921 г. Ленин признался: «Мы едва удержались у власти».

Таким образом, страх и инстинкт самосохранения подтолкнули большевиков к нэпу, который был осуществлен под жестким давлением всеобщего недовольства крестьянства, а не в результате пересмотра политико-идеологических основ правящей партии. Они остались прежними: «диктатура пролетариата», «руководящая роль партии», «государство — главный инструмент строительства социализма». Продолжая курс на социализм, новая экономическая политика была рассчитана на то, чтобы путем лавирования, социального компромисса с мелкобуржуазным большинством населения двигаться к намеченной цели.

С начала 1921 г. резко усилилось наступление РКП(б) против остававшихся на легальном положении небольшевистских партий. Руководство Коммунистической партии боялось усиления влияния социалистических партий, когда недовольство рабочих и крестьян «военным коммунизмом» достигло критической степени и вело их к участию в вос-

станиях под лозунгами «Советы без коммунистов». Ленин еще более возненавидел эти партии, так как они трактовали нэп как реставрацию капитализма. Эсеры и меньшевики предлагали изменить политическую систему, отказаться от «диктатуры пролетариата», расширить демократию. Их высказывания воспринимались партийным и советским руководством как угроза большевистской власти, перерождения в условиях нэпа «государства диктатуры пролетариата». Все это, по мнению Ленина, требовало не ослабления, а укрепления диктатуры. А понимание законности как классовой категории, подчиненной интересам «классовой борьбы пролетариата», оправдывало преследования небольшевистских партий. Более того. «Чтобы закрепить победу пролетариата, — отмечалось в решениях XI съезда РКП(б), — и отстоять в обостренной гражданской войне диктатуру его, пролетарскому авангарду пришлось лишить свободы организации все те политические группировки, которые были враждебны Советской власти. Российская коммунистическая партия осталась единственной легальной политической партией в стране».

Такое роковое, но единственно верное решение, по мнению Ленина, было крайне необходимо, ибо «весенние события 1921 года, — утверждал Ленин, — показали еще раз роль эсеров и меньшевиков: они помогают колеблющейся мелкобуржуазной стихии отшатнуться от большевиков, совершить «передвижку власти» в пользу капиталистов и помещиков». И далее более цинично: «Мы будем держать меньшевиков и эсеров, все равно как открытых, так и перекрашенных в «беспартийных», в тюрьме»²³⁶. Вождя поддержал К. Радек на X партийной конференции (май 1921 г.): партии эсеров и меньшевиков, «оформляя движение мелкобуржуазных масс», «сумеют настолько ослабить Советскую власть, что она свалится в самой России», «по отношению к меньшевикам и эсерам есть одна тактика — тактика беспощадной борьбы»²³⁷.

Таким образом, большевики явно уступали более приземленной тактике эсеров и меньшевиков в борьбе за массы. И дабы не упустить власть, усиливается диктату-

ра большевиков, что, несомненно, вело к бюрократизации партийного аппарата, диктату партийного вождя.

Однако не все в руководящих кругах разделяли мнение, что в условиях нэпа борьбу с оппозиционными партиями следует вести только репрессивными методами. Работник агитпрома ЦК и уполномоченный, референт ВЧК И.В. Вардин (Мгеладзе) еще в начале 1919 г. в «Правде» констатировал, что «Советская власть внутренне больна... Болезнь власти... коммунисты начинают отрываться от масс». В докладной записке в ЦК РКП(б) и исполнительную комиссию МК РКП(б) 11 апреля 1921 г. в связи с выборами в Московский Совет он писал: «По моему мнению, крайне важно, чтобы в выборах в Совет участвовали «все партии», а не «одна партия». В Советах нам необходима оппозиция. Когда беспартийный рабочий протестует против партийной диктатуры, он имеет в виду отсутствие в Советах тех партий, которые часто отражают не классовые, а его профессиональные и бытовые интересы и нужды».

Предоставление меньшевикам и эсерам некоторых «свобод», считал И.В. Вардин, в интересах Советской власти: «Свободные выборы», «Конституция», когда мы это проводим в жизнь, это усиливает нашу позицию, это ослабляет шансы нового Кронштадта». К тому же «оппозиция нам нужна для того, чтобы усилить тенденции расколов и расхождений в рядах враждебных нам партий»²³⁸.

Ознакомившись с предложениями И.В. Вардина, Ленин написал: «Молотову для Политбюро: «По-моему, автор не прав. Он формалистичен. Если бы были брошюры «левее Мартова», мы бы посмотрели. А теперь предложение автора не годится. Он не вник в дело как следует»²³⁹.

Фактически являясь «верховой властью», Политбюро ЦК манипулировало государственными структурами вплоть до высших, не только определяя их государственную политику, но и регламентируя повседневную работу. Так, 2 февраля 1922 г. Политбюро постановило, что наркомы могут передавать дела во ВЦИК лишь после предшествующего решения ЦК «для того, чтобы ВЦИКу не

приходилось менять своих решений». 15 марта Политбюро приняло постановление, установившее порядок прохождения законопроектов через Президиум ВЦИК и Совнарком²⁴⁰. Народные комиссариаты давали ЦК отчеты о своей деятельности²⁴¹.

В апреле 1921 г. Ленин признал особую опасность бюрократизма, о которой было публично заявлено еще на VIII съезде партии в марте 1919 г. при принятии новой программы партии. «...Не боясь признать зло, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, — подчеркивал Ленин, — мы говорим о «частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя». Но тогда Ленин приписывал это методам кустарного производства и торговли, вызванным Гражданской войной. Однако Ленин заблуждался, ибо бюрократизм исходил от диктатуры большевистской партии.

В то же время, как отмечал на XI съезде партии секретарь Сибирского бюро ЦК РКП(б) В.В. Косиор, «система управления нашей партией осталась той же бюрократической, той же приказной и до известной степени военной, какой она была во время периода войны»²⁴². Во взаимоотношениях партии и государства ничего не менялось, хотя XI съезд РКП(б) в своей резолюции записал: «Становится возможным и необходимым разгрузить партию от ряда вопросов чисто советского характера, которые ей приходилось брать на себя в предшествующий период. Сохраняя за собой общее руководство и направление всей политики Советского государства, партия должна провести гораздо более отчетливо разграничение между своей текущей работой и работой советских органов, между своим аппаратом и аппаратом Советов...»²⁴³ И все же диктат партийных структур в советских органах нарастал. Бесконтрольность партаппарата, его монополизм вызывали параллелизм и трения в работе, лишали советские учреждения инициативы и самостоятельности.

Вопреки ранее принятым решениям РКП(б) использовала государственный аппарат для наделения «вер-

хов» новыми преимуществами и привилегиями. В августе 1922 г. XII партийная конференция предусмотрела принятие мер по улучшению материального положения «активных парработников», к числу которых были отнесены руководители различных звеньев центральных, областных, губернских, уездных партийных учреждений и секретари местных ячеек — всего 15 325 человек. Предлагалось обеспечить их «в жилищном отношении (через местные исполкомы), в отношении медицинской помощи (через Наркомздрав), в отношении воспитания и образования (через Наркомпрос)»²⁴⁴. Ответственные партийные работники получали пайки, обмундирование, их направляли в санатории Крыма и даже за границу на лечение. Все это было важным стимулом устремления карьеристских элементов на руководящие посты, а в дальнейшем одной из причин коррумпирования и разложения номенклатуры. Партийные привилегии, особенно номенклатуры, становились отличительной чертой политической системы и фактором поддержания ее устойчивости.

Такое положение устраивало большинство партийных руководителей и даже «идейных оппонентов». Так, лидер группы «демократического централизма» Т.В. Сапронов, понимая, к чему может привести нэп, не мог смириться даже с частичной потерей власти РКП(б). Свои соображения он изложил в письме Ленину, написанному 2 декабря 1921 г. «Если нэп всерьез и надолго, — писал Сапронов, — то необходимо приспособить советскую систему «к новому курсу», привлекая больше крестьян в органы власти. Ведь ни для кого не секрет, что с новой экономической политикой мужичок крепнет. И в случае два-три года хорошего урожая (даже один год поднимет мужичка) мужик как следует встанет на ноги и неизбежно будет требовать свои права в вопросах государственного строительства, постепенно будет пытаться захватить Советы в свои руки или же будет выдвигать лозунг Учредилки... Каковы бы ни были наши экономические уступки, до тех пор пока наша партия будет у власти, советская система должна быть незыблемой. А раз так, то необходимо совет-

ский аппарат сделать таким гибким, чтобы он при всяких уступках был бы незыблемо в наших руках». Далее автор разъясняет, как он понимает «уступки»: «В экономическом вопросе мы сделали реальные уступки, в политике мы этой роскоши позволить не можем, но видимость уступок создать необходимо. Эти уступки могут выразиться в игре (если хотите) (ремарка Ленина: «не хочу». — В.П.) в парламентаризм, куда должна быть допущена мелкая буржуазия, не в лице, конечно, меньшевиков и эсеров (это хорошая была бы для них трибуна), но десяток-другой, а может быть, и три десятка... бородатых мужиков мы бы могли посадить во ВЦИК». По паре-тройке «бородачей» посадить и в губисполкомы. «Это и было бы представительство мелкой буржуазии, деревни». Но даже игра в уступки, считает автор, небезопасна. Мужик, «вкусивши сладкого, будет дальше лезть. Но это не страшно, если ЦК создаст руководящую коллегию во ВЦИК... с целью овладения всем советским аппаратом»²⁴⁵.

Ленинское подчеркивание и пометки по тексту свидетельствуют о его серьезном внимании к политической стороне экономических преобразований, даже несмотря на циничную форму изложения аферистических предложений.

«Если не закрывать себе глаза на действительность, — писал Ленин 26 марта 1922 г., — то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией»²⁴⁶.

Не менее откровенно выскажется и соратник Ленина Г.Е. Зиновьев на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г.: «ЦК на то и ЦК, что он и для Советов, и для профсоюзов, и для кооперативов, и для губисполкомов, и для всего рабочего класса есть ЦК. В этом заключается его руководящая роль, в этом и выражается диктатура партии»²⁴⁷.

По мере увеличения сфер влияния, объема руководства государственным аппаратом и общественными организациями становится необходимой роль партийного дис-

петчера, который бы координировал работу центральных учреждений партии. 3 апреля 1922 г. на первом пленуме ЦК, избранном XI съездом РКП(б), наряду с избранием двух секретарей ЦК, кандидата в члены Политбюро ЦК В.М. Молотова (Скрябина) и члена Оргбюро ЦК В.В. Куйбышева, по предложению Ленина, был избран генеральным секретарем член Политбюро и Оргбюро И.В. Сталин, несмотря на возмущение Е.А. Преображенского на съезде партии в отношении Сталина: «Мыслимо ли, чтобы человек был в состоянии отвечать за работу двух комиссариатов (Наркомата по делам национальностей и Наркомата Рабоче-крестьянской инспекции. — В.П.) и десятка цекистских комиссий?»²⁴⁸ Учитывая замечание Преображенского, пленум ЦК постановил: «Тов. Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях...»²⁴⁹

Несмотря на введение должности генерального секретаря ЦК РКП(б) и общепризнанный авторитет Ленина, был подтвержден «единогласно установившийся обычай, заключающийся в том, что ЦК не имеет председателя. Единственными должностными лицами ЦК являются секретари, председатель же избирается на каждом данном заседании»²⁵⁰. В отсутствие Ленина, как правило, председательствовал Л.Б. Каменев, занимавший с марта 1918 г. пост председателя Московского Совета, а с 1922 г. заместителя председателя СНК и СТО.

26 мая 1922 г. у Ленина произошел первый приступ болезни. «Общая характеристика ее, — писал профессор-невропатолог В. Крамер, лечивший Ленина, — таила в себе такие признаки, что все невропатологи, как русские, так и заграничные, останавливались на ней как на чем-то, что не соответствовало трафаретным заболеваниям нервной системы»²⁵¹. После этого работал он лишь эпизодически.

13 декабря 1922 г. Ленин в письме своим заместителям предлагал при распределении дел учесть, что для пред-

седательства, контроля за правильностью формулировок документов и т.д. «больше подходит т. Каменев, тогда как функции чисто административные свойственны Цюрупе и Рыкову»²⁵². Таким образом, и в руководстве правительства наметилась коллегиальность, хотя все советские руководители были членами Коммунистической партии, которая определяла жизненный курс всего советского общества.

Большинство советских исследователей интерпретировали разделение сфер в руководстве Совнаркома как проявление Лениным демократичности. Истина проста, Ленин физически не мог выполнять обязанности председателя правительства. В ночь с 15 на 16 декабря его самочувствие резко ухудшилось, а в ночь на 23 декабря наступает паралич правой руки и правой ноги. Критически оценивая свое состояние, он в ультимативной форме с угрозой отказа лечиться просит врачей разрешить ему диктовку стенографистке 5–10 минут ежедневно²⁵³. Немецкий профессор О. Ферстер, руководивший лечением Ленина, считал: «Работа для него была жизнью, бездеятельность означала смерть»²⁵⁴.

Свое утасаживающее внимание Ленин сконцентрировал на основных проблемах строительства социализма. Рассчитывая с помощью передовой надстройки подтянуть остальные материальное производство и культуру России, Ленин предлагает предпринять «ряд перемен в нашем политическом строе». Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, создала огромную бюрократию, охватывающую, как паутина, всю страну и все себе подчиняющую. «Бюрократы, — писал Ленин, — имеются у нас не только в советских, но и в партийных учреждениях»²⁵⁵. По мнению Ленина, «наш аппарат из рук вон плох»²⁵⁶, поэтому необходимо немедленно начать в нем перемены с его партийных звеньев, прежде всего с ЦК, ЦКК и Рабкрин. Ленин предлагает «XII партийному съезду принять следующий план»²⁵⁷, в основе которого лежали два принципа: 1) увеличение руководящих партийно-государственных органов за счет рабочих, «стоя-

щих ниже того слоя, который выдвинулся у нас, — отмечал Ленин, — за пять лет в число советских служащих и принадлежащих ближе к числу рабочих и крестьян»²⁵⁸; 2) «а с другой стороны — должны быть высоко квалифицированы, особо проверены, особо надежны, с высоким жалованием... на основании строжайшего испытания... тройной проверки...»²⁵⁹.

На наш взгляд, это была лишь чистка бюрократившегося партийно-советского аппарата, ибо причины, его порождавшие, не уничтожались. Оформившаяся партийно-государственная олигархия не могла противостоять в открытой дискуссии критике проводимого социально-экономического курса и использовала силовые методы государственных структур.

В мае 1923 г. за резкую критику руководства большевиков был арестован ветеран партии Гаврил Иванович Мясников, один из руководителей партийной организации Мотовилихи (Пермская губерния). Г.И. Мясников был выслан в Берлин, а его сторонники — «Рабочая группа», более 20 человек, были арестованы. За границей Мясников, вступив в контакт с «левыми» германской Компартии, продолжал критику советско-большевистского руководства. 7 сентября 1923 г. Дзержинский направил полпреду СССР в Германии Крестинскому письмо, в котором просил «лично вызвать Мясникова к себе и объявить ему об отмене высылки и разрешении ему вернуться в пределы СССР. Отмена высылки, — пояснял руководитель ОГПУ своему соратнику, — совершена ввиду того, что пребывание Мясникова в Германии является нежелательным вследствие развитой им антипартийной и антисоветской работы и установления им контакта с левым крылом германской Компартии. Необходимость немедленного возвращения Мясникова в СССР признана руководящими кругами. Просьба к Вам: принять все меры к тому, чтобы Мясников выехал немедленно обратно в Совроссию. Из беседы с Вами у Мясникова должно сложиться впечатление, будто вопрос о репрессиях против него отпал...». Как только Мясников обманным путем возвратился в Москву,

Дзержинский 19 ноября 1923 г. запросил санкции у партийного начальства. «Считаю пребывание Мясникова на свободе, — писал он секретарю ЦК Молотову, — сугубо опасным. Во-первых, для всех это непонятно и является доводом, что ЦК боится его или чувствует свою неправоту в отношении «Раб(очей) группы», ибо Мясников абсолютно не изменил своих взглядов и этого не скрывает. Затем Мясников, вернувшись сюда и не находя того, за чем сюда приехал (переговоров и договора с ЦК), теряет всякую почву и, будучи психически неуравновешенным, может выкинуть непоправимые вещи, о чем говорил в свое время Рязенов. Поэтому я думаю, что Мясников должен быть арестован. О дальнейшем необходимо решить после ареста. Думаю, что надо будет его выслать так, чтобы трудно было ему бежать...»²⁶⁰

Вот так, мало того, что за инакомыслие выслали без согласия, человека обманули реабилитацией, но по решению ЦК РКП(б) Мясников был арестован и приговорен к тюремному заключению. Так можно было посадить в тюрьму даже психически больного. К тому же боязнь Мясникова большевистским руководством объяснялась и тем, что он — участник расстрела царской семьи и «может выкинуть непоправимые вещи»²⁶¹.

«Эта организация нам представлялась, — вспоминал А.Н. Потресов ленинскую организацию «профессиональных революционеров», — и вот в этом заключался наш грех, — нормальной организацией социал-демократической партии, лишь приноровленной к условиям подпольного существования в царской России. На самом же деле это уже был эмбрион того коммунистического аппарата, при помощи которого только что освободившаяся от царизма Россия была связана по рукам и ногам новой не лучшей, а может быть, и худшей, чем царская, независимой от народных масс, безответственной бюрократической иерархией»²⁶².

Считая одним из главных условий успешного строительства социализма единство партии, Ленин особое внимание уделил личностным характеристикам наиболее

выдающихся ее деятелей, предполагаемым своим преемникам. Исходя из объективного положения и классовых интересов, отмечая, что политика должна иметь дело с глубинными толщами, с миллионами, он подчеркивал роль личности в обществе, особо учитывая ее положение в системе механизма власти. Характеристики, данные Лениным соратникам, точны и весьма критичны. «Я имею в виду устойчивость как гарантию от раскола на ближайшее время, — пишет Ленин в письме к XII съезду РКП(б). — ...Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут...

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий... самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»²⁶³.

Как быстро Ленин изменит взгляды и фактически окажется от ближайших соратников. Всего 8 месяцев тому назад Ленин был уверен в Сталине, организуя «под него» должность генерального секретаря ЦК, и с какой опасностью он замечает о «необъятной власти», которая уходит из его рук.

24 декабря Ленин продиктует более конкретно: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места...»²⁶⁴

Причиной столь резкого высказывания послужило то, что Сталин по телефону обругал Н.К. Крупскую за то, что она якобы вопреки запрещению врачей 21 декабря записала под диктовку Ленина письмо Троцкому по вопросу о монополии внешней торговли. Крупская 23 декабря об-

ратилась к Каменеву: «Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича о разрешении врачей, Сталин позволил себе вчера по отношению ко мне грубейшую выходку. Я в партии не один день. За все 30 лет я не слышала ни от одного товарища ни одного грубого слова, интересы партии и Ильича мне не менее дороги, чем Сталину. Сейчас мне нужен максимум самообладания. О чем можно и о чем нельзя говорить с Ильичем, я знаю лучше всякого врача, т. к. знаю, что его волнует, что нет и во всяком случае лучше Сталина...» Крупская просила оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз», не втягивать ее в «глупую склоку»²⁶⁵.

Действительно Сталин угрожал Крупской Контрольной комиссией, ссылаясь на решения пленума ЦК от 18 декабря, который возложил на него персональную ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина. Конечно, Сталин прекрасно знал о разрешении врачей диктовки мыслей Лениным и все же решил показать свою власть по соблюдению постановлений ЦК даже женой вождя.

Ленин с возмущением отреагировал: «Товарищу Сталину. Строго секретно.

Лично.

Копия тт. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего говорить, что сделано против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас известить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

*С уважением, Ленин.
5-го марта 23 года»²⁶⁶.*

По воспоминаниям стенографистки Ленина М.А. Володичевой: «Сталин прочел письмо стоя, лицо его оставалось спокойным. Отчеканивая каждое слово, он сказал: «Это говорит не Ленин, это говорит его болезнь».

Марии Акимовне было уже знакомо это обыкновение Сталина ссылаться на болезненное состояние Владимира Ильича в тех случаях, когда Ленин высказывал неприятные или неприемлемые для него вещи.

Тут же Сталин продиктовал короткий ответ Ленину: «Если бы моя жена поступила неправильно и Вы должны были бы ее наказать, то я не считал бы себя вправе вмешиваться. Но поскольку Вы настаиваете, — я готов извиниться перед Надеждой Константиновной»²⁶⁷.

Сталин, писала позднее М.И. Ульянова, на президиуме июльского (1926 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), на котором одним из лидеров «новой оппозиции» Зиновьевым был поднят этот вопрос, извинился²⁶⁸.

Почему же раньше «этот вопрос» не был поднят Зиновьевым, который говорил делегатам XII съезда РКП(б), что Сталин груб только к врагам революции? Это объясняется тем, что содержание «строго секретного» ленинского «Письма к съезду» было известно ранее Сталину, Каменеву и Зиновьеву, в котором говорилось, «что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как меньшевизм Троцкому»²⁶⁹.

В своем письме Ленин охарактеризовал и «молодых членов ЦК» — Н.И. Бухарина и Г.Л. Пятакова. «Это, по моему, — писал Ленин, — самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал диалектики)»²⁷⁰. Последнюю фразу о Бухарине, которого Троцкий в 1928 г. назовет «Коленькой Балаболкиным...»²⁷¹, можно отнести и к самому Ленину.

«Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, — писал Ленин, — но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе»²⁷².

Итак, Ленин не назвал своего преемника. В то же время соратники его боготворили, ибо являлись соучастниками общего дела.

Вопросы, выносимые на Политбюро, были самые разнообразные и решались по мере необходимости. В феврале 1923 г. Зиновьев внес предложение (уже с обязательным грифом «совершенно секретно») о разделении сфер влияния членов Политбюро, т. к. такие «крупные отрасли работы», как Президиум ВЦИК, Реввоенсовет Республики, Коминтерн, ВЦСПС, Наркоминдел, Наркомвнешторг, кооперация, ВСНХ и другие, требуют руководящего участия членов Политбюро²⁷³. По предложению Зиновьева и Куйбышева Политбюро 14 июня, принимая план работы на три месяца, постановляет:

«1. Подготовку материалов по вопросам НКВД возложить на тов. Зиновьева.

2. Подготовку материалов по вопросам НКВД и Главконцесскома, а также по вопросам, связанным с борьбой с меньшевиками и эсерами, возложить на т. Троцкого.

3. Подготовку материалов по всем общехозяйственным вопросам возложить на тт. Каменева и Рыкова.

4. Подготовку материалов в области национального вопроса, а также в области Наркомата просвещения возложить на тов. Сталина.

5. То же по молодежи, прессе и Госиздату — на тов. Бухарина.

6. То же по кооперации — на тов. Рудзутака.

7. То же по вопросам внутрипартийной жизни — на тов. Молотова.

8. Общее наблюдение за положением дел в деревне, настроением крестьянства возложить на тов. Калинина.

9. Общее наблюдение за положением рабочих, за их нуждами, настроениями, течениями... на тов. Томского»²⁷⁴.

Отныне члены высшего партийного органа Политбюро ЦК стали осуществлять не общее коллективное руководство социалистическим строительством, а «курировать» определенную область деятельности советского общества. От их мнения зависели судьбоносные решения и жизни многих людей.

В важнейшем постановлении Политбюро, подписанном Сталиным, нет упоминания имени Ленина. С одной стороны, это странно, ибо Ленин продолжал оставаться председателем СНК и членом Политбюро, с другой, можно объяснить его болезнью.

27 января 1923 г. во все губкомы и обкомы партии под грифом «совершенно секретно» было направлено письмо Политбюро и Оргбюро ЦК РКП, в котором по поводу последних ленинских заветов и, в частности, статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин», разъяснялось, что Ленин болен, и весьма тяжело, «что тов. Ленин не принимает участия в заседаниях Политбюро и ему даже не посылаются — опять-таки в строгом соответствии с предписанием врачей — протоколы заседаний Политбюро и Оргбюро». Ему запрещено даже читать газеты, т.е. он не имеет даже примитивной политинформации. Но по его ультимативному требованию врачи разрешили ему надиктовать особо навязчивые мысли, фрагменты которых, по его настоянию, публикуются в печати. Исходя из этого, записки Ленина — это мысли больного человека, и в действиях партийных организаций необходимо руководствоваться указаниями «ЦЕКА».

Циркуляр подписали «наличные члены Политбюро и Оргбюро» ЦК РКП: Андреев, Бухарин, Дзержинский, Калинин, Каменев, Куйбышев, Молотов, Рыков, Сталин, Томский, Троцкий²⁷⁵. Нет двенадцатого «апостола» — Зиновьева, полностью разделявшего взгляды партийных единоверцев, фарисейски утверждавших, что во внутренней работе ЦЕКА совершенно нет таких обстоятельств, которые давали бы какие бы то ни было основания для опасений «раскола».

Ленин уже не мог противостоять политическим оппонентам, но их неминуемо раздавит его огненная колесница террора.

Для народа партийные вожди, несмотря на абсолютную немощь Ленина, у которого 10 марта усиливается паралич правой стороны и пропадает речь, избирают его на пленуме ЦК РКП(б) 26 апреля членом Политбюро ЦК, с 6 июля ВЦИК утверждает главой правительства огромной державы — СССР.

15 октября 1923 г. в Политбюро ЦК РКП(б) поступило «Заявление 46-ти», подписанное видными партийными и государственными деятелями: Е.А. Преображенским, Л.П. Серебряковым, С.В. Бреславом, А.Г. Белобородовым, А.П. Розенгольцем, В.А. Антоновым-Овсеенко, И.Н. Смирновым, Г.Л. Пятаковым, В.В. Оболенским (Осинским), Н.И. Мураловым, Т.В. Сапроновым, Л.С. Сосновским и др. В нем говорилось: «Под внешней формой официального единства мы на деле имеем односторонний, приспособляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направление действий. В результате искаженного такими узкими расчетами партийного руководства партия в значительной степени перестает быть тем живым самостоятельным коллективом, который чутко улавливает живую действительность, будучи тысячами нитей связанным с этой действительностью. Вместо этого мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и «мирян», на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни... свободная дискуссия внутри партии фактически исчезла, партийное общественное мнение заглохло... Режим, установившийся в партии, совершенно нетерпим; он убивает самостоятельность партии, подменяя партию подобранным чиновничьим аппаратом...»²⁷⁶

Таким образом, после перехода к нэпу в политике и деятельности партийного и советского руководства, государственных и партийных органов всех уровней боролись

две противостоящие друг другу тенденции: одна — к либерализации политической системы, другая — к сохранению ее административно-бюрократических основ. Возможности большевистского реформизма были ограничены, они не выходили за рамки «диктатуры пролетариата» и монопольной власти Коммунистической партии. На основы сложившейся политической системы реформы не посягали, и она продолжала функционировать методами Гражданской войны.

«Сработал «закон системности», — считает известный российский исследователь Е.Г. Гимпельсон, — согласно которому всякая система, получившая известную замкнутость, не поддается частичному реформированию. Попытки такого реформирования не предотвращают возвращения общества на круги своя. Так получилось в 20-х годах: незавершенность, неадекватность политических реформ экономическим составляли возможность возврата к тому, что нэп отрицал»²⁷⁷.

Фактически блокировав разлагающегося вождя в подмосковных Горках, его соподельники изготовились к неминуемой борьбе за политическое лидерство, за нового вождя, наделенного неограниченной властью, ибо их дело без диктатуры было мертво.

21 января 1924 г. «бешеный революционер — великий разрушитель»²⁷⁸ Владимир Ильич Ульянов-Ленин скончался. «Но его физическая смерть не есть смерть его дела, — говорилось в обращении экстренного пленума ЦК РКП(б) «К партии. Ко всем трудящимся». — Ленин живет в сердце каждого честного рабочего. Ленин живет в сердце каждого крестьянина-бедняка. Ленин живет среди миллионов колониальных рабов. Ленин живет в ненависти к ленинизму, коммунизму, большевизму в стане наших врагов...»²⁷⁹ Несомненно, Ленин останется в истории. А помнить и судить будут по делам его.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложив представленные во введении задачи и дав логически завершенное исследование с научно обоснованными личностными выводами, автор не испытывает полного удовлетворения от проделанной работы, ибо много фактического, хотя и дублирующего в который раз, материала осталось неиспользованным. Подводя итоги, необходимо отметить наиболее значимое.

Не оспаривая заслуг К. Маркса и Ф. Энгельса в области социально-экономического анализа капиталистического развития наиболее развитых стран Западной Европы, необходимо подчеркнуть, что их теория революционной борьбы пролетариата для России не подходила. Да и для развитых капиталистических государств приход к власти коммунистов был бы преждевременным, ибо, по мнению Маркса, «после прихода к власти нас станут считать чудовищами, на что нам, конечно, наплевать»²⁸⁰. Маркс считал, что насилие в революции должно играть роль «повивальной бабки», когда старое общество беременно революцией и роды неизбежны. Революционеры могут лишь помочь родам и принять младенца. Революции, по Марксу, — «локомотивы истории», так как борьба классов является движущей силой общественного развития.

Действительно, борьба противоположностей является совершенствованием и развитием жизни, но совершенно необязательно использовать в этой борьбе «локомотивы»,

искусственная скорость которых сбивает естественный ход событий, что приводит к общественным катаклизмам.

По мнению Маркса и Энгельса, классовая борьба, являвшаяся неизменным элементом капиталистических отношений, должна была стимулировать процессы общественной жизни. На основе капиталистических отношений, выразившихся в формуле «товар—деньги—товар», зарождался социально-политический плюрализм, подкреплявший различные формы экономического развития. Таким образом формировались элементы демократического управления обществом. Его совершенствование должно было «созреть» в процессе естественно-исторического развития производительных сил и производственных отношений.

✓ Вместе с тем марксизм противоречил сам себе, заявляя о возможности победы мировой социалистической революции одновременно во всех странах. Это было невозможно, ибо экономическое равенство различных стран даже немыслимо, да и различны моменты социально-национальной ситуации. ✓

Полемизируя с Плехановым и Лениным — страстными почитателями Маркса, их коллега и оппонент А.А. Богданов еще в 1913 г. заявит: «Если марксизм истина, то за эти годы он должен был дать поколение новых истин. Если, как вы думаете, он не способен к этому, то он уже — ложь»²⁸¹.

Зарождение рабочего класса, социал-демократического движения в России явилось естественным процессом формирования капиталистических отношений. Российские социал-демократы пытались приспособить марксизм в своей аграрно-общинной стране, что было невозможно без диктатуры пролетариата, которая должна была ускорить, по их мнению, общественно-экономическое развитие страны. Вместе с тем Плеханов и его соратники считали, что для социалистической революции Россия еще не готова и необходимо время, а главное, момент общенационального кризиса. По мнению Ленина, важна была не только и не столько революционная ситуация, сколько

организация революционеров, т.е. политическая партия, нацеленная на революцию. «Дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию», — утверждал он в книге «Что делать?». Исходя из претензий на власть и государственное социалистическое переустройство, создание партии проходило в конспиративных условиях и в жесткой политической борьбе за формы и методы революционной деятельности.

Ленинская партия «нового типа» — с первых дней своего существования не скрывала истинных целей по захвату власти, что привело к вооруженному государственному перевороту. Главное же заключалось в том, что большевики выдвинули привлекательные идеи, имели волевого лидера и организованный его соратниками народ, низведенный до уровня толпы. Разработка идей проводилась в соответствии с жизненными потребностями, толкование их велось общедоступно, внедрение энергично и жестко. Увлеченность народа популярными идеями и лозунгами большевиков свидетельствовала не о готовности перехода к социалистическому строительству, а, наоборот, о политической незрелости российского народа, поддавшегося на революционный бунт, еще более дестабилизировавший страну.

Марксистская доктрина, провозглашавшая значение рабочего движения в революционной борьбе и общественной жизни, фактически выдвигала роль личности вождя, культивируя ее до обожествления. Культ вождя партии формировался вместе с его творчеством. Ленин не терпел ни соперников, ни оппонентов. Он их безжалостно критиковал, высмеивал, оскорблял, отстранял от дел, высылал... Даже Г.В. Плеханова, которого он рассматривал как интеллектуального вождя и руководителя российских социал-демократов, называя «первым марксистом России», низверг с партийного Олимпа. «Плеханов — борзая, — говорили искровцы. — Он потреплет, потреплет и бросит, а Ульянов бульдог: у него мертвая хватка». В характере Ленина проявилась способность сочетать абстрактные теоретические принципы политики с тщательно детализи-

рованной практической деятельностью с учетом реальных условий жизни. Заслуга Ленина в том, что вождь, всегда находившийся при партийно-государственном штабе, сумел подобрать беспрекословных и энергичных соратников.

Явным противоречием марксизма являлся призыв к насильственной ликвидации буржуазии и «крепкого» крестьянства. Более того — к установлению диктатуры пролетариата, которая «сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»²⁸².

Дополняя марксизм, Ленин, в подтверждение правильности введения чрезвычайных мер в борьбе за социалистические преобразования, писал в декабре 1917 г.: «...социализм нельзя «ввести», он вырастает в ходе самой напряженной, самой острой, до бешенства, до отчаяния острой классовой борьбы и гражданской войны...»²⁸³ Ленин был уверен, что гражданская война при большевистских преобразованиях неизбежна и лишь при окончательном подавлении эксплуататорских классов возможно строительство нового общества. «...Между капитализмом и социализмом, — утверждал он, — лежит долгий период «родовых мук», — что насилие всегда бывает повивальной бабкой старого общества... (т.е. особая система организованного насилия над известным классом), именно: диктатура пролетариата»²⁸⁴.

Большевики не развили демократию, добытую революционными усилиями в 1905–1917 гг., а ликвидировали ее. По мнению Каутского, это мотивируется двумя причинами.

Во-первых, говорят нам, экономическое могущество капитала так велико, что социалисты никогда не смогут получить большинства в государстве. Поэтому невозможно добиться власти демократическим путем — постановлением большинства. Социалисты могут прийти к власти только как меньшинство, другими словами, путем насилия над большинством, путем уничтожения демократии.

Вторая причина такова: как только буржуазия заметит, что демократия направляется против нее и что создается возможность социалистического большинства, она

отменит демократию. Это опять-таки приведет нас к необходимости обратиться к недемократическим методам и прибегнуть к насилию над буржуазией.

Из этих двух аргументов один исключает другой, — заключает К. Каутский, — но это не мешает коммунистам пользоваться ими одновременно для вещего посрамления демократии.

Большевистское насилие было predeterminedено ленинской теорией социалистических преобразований. Теория и практика диктатуры пролетариата не явилась адекватной формой государственного управления Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и даже РКП(б), а свелась к авторитарному командованию Ленина и его соратников. Прodeklарированные политические привилегии рабочего класса перешли к чиновникам, над которыми стояли номенклатурные партийные руководители. Таким образом формировалась партийно-административная элита во главе со своими вождями, опирающимися на военно-репрессивный аппарат. Все это разделяло общество на противостоящие друг другу части — трудящихся и номенклатуру.

Таким образом, диктатура пролетариата стала диктатурой большевистской номенклатуры, которая культивировала культ своего вождя. По мнению Е.Г. Гимпельсона, «отождествление «диктатуры пролетариата» с диктатурой РКП(б), а затем с личностью Ленина входило в массовое сознание, стало одним из постулатов партийных теоретиков и руководителей. Фактическая диктатура Коммунистической партии составила важнейшую особенность советской политической системы и во многом определила характер функционирования государственного механизма и общественных организаций»²⁸⁵.

На наш взгляд, Ефим Гилевич не совсем объективен, ибо большевики открыто не заявляли о своей диктатуре, а Ленин постоянно на словах подчеркивал демократичность партийно-государственного управления. А главное, фактическая диктатура Коммунистической партии была закономерностью захвата власти большевиками, так как

иная форма их правления неизбежно привела бы к изменению общественно-экономической формы государственного управления и политическому краху идейно непримиримых большевиков. Ленин не просто критиковал политических оппонентов, он их уничтожал, что повлекло «красный террор», ставший основным методом государственного управления. Ни о какой демократии не могло быть и речи. Во-первых, власть захватила партия большевиков, не представлявшая даже большинства промышленных рабочих. Во-вторых, большинство населения страны — крестьян большевики считали мелкобуржуазным элементом, склонным к частнособственническому образу жизни, который необходимо было пролетаризировать. В-третьих, была утверждена власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в форме диктатуры пролетариата. Учредительное собрание как форма всеобщего государственного управления была незаконно отторгнута. Революционная теория марксизма-ленинизма была возведена в ранг государственного закона. Устав партии был выше Конституции.

С первых шагов большевистское правительство начинает политику подавления элементарных прав человека, натравливания друг на друга различных социальных слоев населения.

Провозглашая односторонний мир, большевики не только бросали союзников, но и соотечественников. К тому же они и не собирались соблюдать заключенные с классовыми врагами какие-либо соглашения. В связи с революцией в Германии Брест-Литовский договор был аннулирован 11 ноября 1918 г., до этого было уплачено по контрибуции 94 тонны золота.

Большевики объявили «врагами народа» и «золотопогонной сволочью» русских офицеров, не щадящих своих жизней на фронтах Отечественной войны.

«Врагами народа» были объявлены казаки, верой и правдой служившие Отечеству.

Отделив Церковь от государства, большевики не оставили ее в покое, поставив вне закона и всех ее прихожан.

Ну, а чем помешали большевикам российские интеллигенты? Все тем же, своими думами, не схожими с идеями ленинизма. Часть из них бежала от красного террора, часть погибла в ЧК, часть была насильно изгнана, а часть приспособилась. Главное было сделано — старая интеллигенция России была развеяна по миру в полном и переносном смысле. На авансцену выходила новая элита на фоне всеобщей охлократии, основу которой составили не родовитые и богатые, не знатные и одаренные, а псевдоидейные революционеры, партийные выдвиженцы, чекисты и др., стоящие у власти и вершившие без суда и следствия судьбы людей.

На чем же держалась новая власть? Догматические, красивые идеи подкреплялись обещаниями желанного, демагогическим обманом и кровавым насилием. Разжигание гражданской войны являлось для большевиков выражением непримиримости, ибо «всего сильнее возмущают, — по словам Ленина, — подобные любители золотой середины»²⁸⁶.

Поразительнейшая убежденность, влияние на массы, подавление соперников, идейная убежденность и организаторский талант Ленина, а главное, его окружение возвысили его авторитет до уровня общепризнанного и безупречного народного вождя. Разрушать его ореол было трудно и опасно, ибо разрушалась не только личность, но и вся система, его породившая и нуждающаяся в вожде. Ленинизм стал идейным фоном новой общественно-государственной формации. Необходимо было лишь использовать отсветы этого фона и развивать свои идеи, постепенно вытесняющие ушедшего и формирующие очередного вождя, клянущегося в верности ленинизму.

Новый вождь был органически заинтересован в дальнейшем обоготворении Ленина, ибо его восхождение зависело от того, к чему призывал и вел живой Ленин, во что всегда верило большинство народа и стремилось за любым проповедником в царство божье, олицетворенное в коммунизм. Чтобы поддерживать идеалистически-утопическую мечту народа, начинается активная проповедь

ленинизма с поклонения его «мощам» в специальном мавзолее в центре Красной площади Москвы, где проходили в древности лишь судилища и казни.

Неограниченная власть большевиков и диктат партийного руководства, являясь естественным воплощением идей ленинизма, определяли дальнейший ход государственного развития.

▽ Анализируя историю ленинизма, корни политики большевиков, исследователь невольно сталкивается с особенностью российской социал-демократии, проявившейся в активнейшем участии евреев в революционной борьбе и партийно-государственном руководстве. Некоторые исследователи утверждают о наличии и международного еврейского заговора по захвату власти, в том числе и в России. К этому был склонен и Уинстон Черчилль, в феврале 1920 г. изложив свои доводы в статье для «Лондон иллюстриред санди геральд» — «Сионизм против большевизма»/ Winston Churchill. Zionism Versus Bolshevism// London Illustrated Sunday Herald. Febr. 1920/. Разделяя евреев на «международных» и «национальных», он, констатируя то, что «международные и главным образом атеистически настроенные евреи «играли» весьма большую» роль в создании большевизма и социалистической революции, делает вывод: «Этот всемирный заговор для свержения цивилизации и перестройки общества на основе остановленного развития, завистливой злобы и невозможного равенства постоянно ширится».

Вместе с тем он призывал «национальных евреев» к тому, «чтобы евреи в каждой стране, которые лояльны к принявшей их земле, стремились к выдвижению при каждом удобном случае... и играли видную роль в каждом мероприятии для борьбы с заговором большевиков».

Черчилль подчеркивал, что сионизм и большевизм конкурируют в борьбе за душу еврейского народа.

Не вдаваясь в полемику вопроса, требующего специального научного исследования, представим лишь свое фактологическое резюме.

Во-первых, евреи участвовали не только в создании большевистской партии, но и стояли на более лояльных позициях революционной борьбы, что привело «несломленных меньшевиков» к фактической гибели.

Во-вторых, обилие евреев в партийно-государственном руководстве Советской России объяснялось, на наш взгляд, не только их революционной активностью, но и более высоким общеобразовательным уровнем. Бесспорно и то, что национальные меньшинства, а евреи особенно, протекционируют друг другу²⁸⁷. «Умников мало у нас, — говорил Ленин Горькому. — Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови», — вероятно, имея в виду себя²⁸⁸.

Таким образом, евреи-большевики — «умники» более, чем кто-либо, устраивали вождя большевиков и председателя СНК РСФСР, формировавшего стержень партийно-государственного руководства. Такие «умники», отошедшие от национальных еврейских традиций и не приобщившиеся к русской культуре, с легкостью в душе и жестко на деле интернационализировали все национальное — от религии до финансов. В сознании большинства взрослого населения Советская власть ассоциировалась с властью евреев. Аналогичное мнение выражали и сами евреи. В обращении «К евреям всех стран!», опубликованном в 1923 г. в Берлине в сборнике «Россия и евреи», говорилось: «Советская власть отождествляется с еврейской властью, и лютая ненависть к большевикам обращается в такую же ненависть к евреям»²⁸⁹. Авторы сборника считали евреев-большевиков предателями интересов России и еврейства. Предупреждающими были слова: «Непомерно рьяное участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России — грех, который в самом себе носит возмездие»²⁹⁰. Пророчески звучало, что за это «евреи неминуемо должны... в будущем жестоко поплатиться... за попытку в ложно понятых собственных интересах способствовать сохранению строя, оказавшегося таким губительным для России»²⁹¹.

Слабо доказательным, но не менее интересным научно-исследовательским аспектом проблемы исторических корней политики большевиков является масонство, посредством которого осуществлялась международная связь близких по духу людей, связанных смертной клятвой и обязательствами установления масонских принципов. Весьма проблематичным является и предположение того, что в советской эмблематике активно использовалась масонская символика: «Пятиконечная звезда» — пентаграмма, которая якобы имеет связь с традициями каббалы и «восходит к Печати Соломона», который отметил краеугольный камень своего храма» и «Молот» — инструмент построения Храма Соломона — своеобразного «рая на земле», символа власти мастера, кузнеца «светлого будущего», за которое боролись и большевики.

По мысли Н.А. Бердяева, большевизм, как и большевистская революция, являлись оригинальным, чисто русским явлением, «своеобразием русского исторического процесса и единственностью русской интеллигенции», вся история которой «подготавливала коммунизм». Либерализм, либеральные идеи «оказались в России утопическими». Большевизм же был «наиболее реалистическим, наиболее желанным отражением исконных русских традиций, вечных исканий русскими универсального социального равенства, справедливости и правды. Бердяев был уверен, что большевизм с его коммунистической идеологией «оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа»²⁹².

Независимо от Бердяева в начале 20-х гг. XX века к аналогичному заключению пришел и другой русский философ Н.В. Устрялов, считавший, что русский народ не должен снимать с себя «полную ответственность за нынешний кризис... ни за темный, ни за светлый его лики». «Он — наш, — уверял Устрялов, — он подлинно русский, он весь в нашей психологии, в нашем прошлом, — и ничего подобного не может быть и не будет на Западе... И если даже окажется математически доказанным, как это не совсем удачно доказывается подчас, что девяносто про-

центов русских революционеров — инородцы, главным образом евреи, это отнюдь не опровергает чисто русского характера явления. Если к нему и приклеиваются «чужие» руки, душа у него, «нутро» его, худо ли, хорошо ли, все же исконно русское — интеллигентское, преломленное сквозь психику народа»²⁹³.

Однако все это не означало, что русскому народу был исторически присущ «коммунизм» и что большевизм и социалистическая революция возможны были только в России. Справедливо заметил М. Вишняк, что, хотя русский большевизм был обусловлен многими сторонами политического прошлого российской истории, он «не имманентен ей», он «не продукт специфической русской души, славянской мистики или разгула». По его мнению, «дух бессмысленного разрушения веет, где хочет, не справляясь ни с расой, ни с исповеданием»²⁹⁴, и таких примеров во всемирной истории предостаточно.

По утверждению В. Варшавского, при внимательном рассмотрении нельзя не увидеть, что «дух русской революции», о котором говорят некоторые авторитеты философии, удивительно «напоминает эгалитарно-коммунистические движения европейского Средневековья»²⁹⁵. Не только теория научного коммунизма Маркса, но и учение Платона о государстве, исключающее понятие личности как самоцели и самоценности, равно как и социальные утопии Томаса Мора и Кампанеллы с их апофеозом государства и всеобщей регламентацией жизни, проповедь революции Руссо и многое другое всецело возникло в Западной Европе. В этом плане коммунизм большевиков не создал новых, оригинальных научных теорий, основы которых были созданы до ленинской теории. Не выдерживает критики и то, что первопричиной тоталитаризма в Советской России стала привычка русских к повиновению. Наоборот, вся история России — это борьба за волю, начиная от «военной демократии» у восточных славян, новгородско-псковского вече, чередой междоусобных войн, крестьянских восстаний и т.д. до Гражданской войны.

Таким образом, даже принимая во внимание, что в России были какие-то элементы и целые социальные слои, воспринимающие ленинскую теорию революционной борьбы, нельзя утверждать, что большевизм и социалистическая революция вытекали из русской истории с безусловной необходимостью, не были predetermined политическими, национально-религиозными и другими основами жизни русского народа. Социально-экономическое состояние российского общества определяло его политическое развитие и формы государственной власти. Исходя из этого, мы видим: самодержавие было обречено, а предоставленные демократические свободы привели к созданию политических партий, обостривших борьбу за власть и разобщивших российское общество.

И все же, на наш взгляд, основой для прорастания корней большевизма явился «его величество русский народ», нетерпеливый в распутывании многочисленных, естественных социальных узлов и решительный в их разрубании сплеча, что умело культивировалось ленинизмом. Народное желание жить лучше, но непонятное требование предоставить ему лучшую жизнь не приведут к позитивным переменам, ибо в основе желания должны лежать разумное действие и интенсивный труд. Предостерегающе должен звучать незыблемый постулат ленинизма: «Переход от капитализма к коммунизму, конечно, не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: диктатура пролетариата»²⁹⁶. Вынужденное законодательное оформление насильственных методов введения социализма свидетельствовало о его искусственном строительстве, его бесперспективности, смертности дела Ленина и созданной им партии.

Ленинизм, став государственной идеологией, навязывал мировоззрение миллионам граждан, диктовал им определенное политическое поведение, отступление от которого не только осуждалось, но и каралось статьями Уголовно-процессуального кодекса СССР.

Ленин не открыл кардинальных законов бытия, но во время, умело используя историческую ситуацию, применил основные элементы концепции благосостояния масс, разработанные талантливейшими мыслителями многих народов во все времена предыдущей истории человечества. Герберт Уэллс в беседе с советским послом в Лондоне И.М. Майским вспоминал о встрече с Лениным: «Если жизнь требовала, Ленин менял те или иные звенья теории, истолковывая привычные положения и формулы в таком духе, чтобы они не мешали, а содействовали движению вперед. Он был живой, очень живой человек! В нем была бездна творческого духа! Он был хозяином теории, а не ее рабом!»²⁹⁷

Хозяин умер, образ его обожествили, а ленинизм стал идеологическим ошейником для его рабов. «Он, — считал А.А. Богданов, хорошо знавший Ленина и ленинизм, — преобразовал политическую экономию, историю, всю область общественных наук; он дал новую душу философии»²⁹⁸.

Несомненно так, но о наследстве Ленина — «идея, организация, образ жизни» — судит народ, исходя из неизменности исторических фактов, судит душой и разумом. Однозначность ответа зависит от исходного начала.

Несомненно и другое: противоречие — двигатель прогресса человечества, и, познав ленинизм на практике, мы не должны обмануться впредь.

Примечания

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1962. С. 172–173.

² Еженедельник ВЧК. 1918. №1. С. 11.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 194. Л. 3-Зоб.

⁴ Свердлов Я.М. Избранные произведения. М., 1959. С. 242.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 106.

⁶ Локкарт Р. Буря над Россией. Рига, 1932. С. 227.

⁷ Пятый созыв ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казацких и красноармейских депутатов. М., 1919. С. 9.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 143–144.

⁹ Цит по ст.: *Пирумова Н.* Письма и встречи. «Родина», 1989, № 1. С. 27.

¹⁰ Воспоминания В.Д. Бонч-Бруевича... Там же. С. 28; Еженедельник ВЧК. 1918. № 1. С. 11.

¹¹ Еженедельник ВЧК. 1918. № 1. С. 11.

¹² См. *Лацис М.* (Судрабс). ЧК в борьбе с контрреволюцией. ГИЗ., 1921. С. 54.

¹³ Там же.

¹⁴ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 627.

¹⁵ Еженедельник ВЧК. 1918. № 2. С. 11.

¹⁶ В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 108–109.

¹⁷ *Троцкий Л.Д.* О Ленине. Материалы для биографии. М., 1924. С. 106.

¹⁸ ЦГАСА, Ф. 33987. Оп. 1. Д. 11. Л. 229.

¹⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 178.

²⁰ ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 7. Л. 11.

²¹ *Троцкий Л.Д.* О Ленине... С. 121.

²² *Kautsky K.* Terrorismus und Kommunismus: Ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution/ — В /? 1919/.

²³ *Троцкий Л.Д.* Терроризм и коммунизм. Пг., 1920. С. 23.

²⁴ «Литературное обозрение», 1988, № 10. С. 106.

²⁵ Цит. по кн.: *Иоффе Г.* Семнадцатый год... С. 222.

²⁶ Там же. С. 223–224.

²⁷ Белое дело. Ледяной поход М., 1993. С. 35.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Известия ЦК КПСС, 1989. № 6. С. 177–178; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 7. Л. 5.

³¹ *Ленин В.И.* Отчет ЦК 18 марта. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 146.

³² Там же, т. 50. С. 283.

³³ Там же. С. 289–290.

³⁴ Там же. С. 290.

³⁵ Там же, т. 35. С. 36.

³⁶ Там же, т. 50. С. 313, 314, 321; ЦГАСА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 100. Л. 135.

³⁷ *Трифонов Ю.* Отблеск костра. М., 1988. С. 167.

³⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 387.

³⁹ Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927. Сборник документов / Сост. Квашонкин А.В. и др. М., 1996. С. 108–109.

⁴⁰ Декреты Советской власти. Т. 6. С. 25–26.

- ⁴¹ См. Большая советская энциклопедия. Т. 15, 24(1); Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983; Великая Октябрьская социалистическая революция. М., 1987.
- ⁴² Декреты Советской власти. Т. 7. С. 391–392.
- ⁴³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1920. № 8. Ст. 49.
- ⁴⁴ Десятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 93–99, 537.
- ⁴⁵ Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 157.
- ⁴⁶ Там же. С. 159, 158.
- ⁴⁷ Там же, т. 40. С. 254.
- ⁴⁸ Восьмой съезд РКП(б), март 1919 г. Протоколы. М., 1959. С. 325.
- ⁴⁹ Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1963. С. 539.
- ⁵⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 112.
- ⁵¹ Там же. С. 108.
- ⁵² Десятый съезд РКП(б)... С. 533.
- ⁵³ Одиннадцатый съезд РКП(б). Стеногр. отчет. М., 1961. С. 681.
- ⁵⁴ Там же. С. 749 (примечание).
- ⁵⁵ Цит по кн.: Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. М., 1995. С. 190.
- ⁵⁶ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24530. Л. 3–5.
- ⁵⁷ Гимпельсон Е.Г. С. 190.
- ⁵⁸ «Революционная Россия», 1921, № 11. С. 3.
- ⁵⁹ В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 469.
- ⁶⁰ Там же. С. 546.
- ⁶¹ См. «Соц. вести», 1922, № 3 (14). С. 12.
- ⁶² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 50.
- ⁶³ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23887. Л. 61.
- ⁶⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 189.
- ⁶⁵ Там же. С. 190.
- ⁶⁶ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23887. Л. 64–65.
- ⁶⁷ Процесс ПСР. Речи государственных обвинителей. М., 1922. С. 243–244.
- ⁶⁸ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1991. С. 451.
- ⁶⁹ КПСС в резолюциях... М., 1983. Т. 2. С. 588.
- ⁷⁰ Там же. С. 591.
- ⁷¹ СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 447; Ст. 662, 623, 624.
- ⁷² Ерманский О.Е. Из пережитого. 1887–1921. М.–Л., 1927. С. 199.

- ⁷³ *Спирин Л.М.* Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968. С. 394.
- ⁷⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 124.
- ⁷⁵ Дело Бориса Савинкова. М., 1924. С. 28.
- ⁷⁶ Первая Ленинградская областная конференция ВКП(б), 15–19 ноября 1927 г. Стеногр. отчет. Л., 1927. С. 28.
- ⁷⁷ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1338. Л. 1–2.
- ⁷⁸ КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов. М., 1983. С. 593.
- ⁷⁹ СУ РСФСР. 1922. № 65. Ст. 844.
- ⁸⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 421.
- ⁸¹ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12176.
- ⁸² КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов. М., 1983. Т. 2. С. 471–472.
- ⁸³ Ежегодник советской юстиции. 1922. № 1. С. 7.
- ⁸⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 396.
- ⁸⁵ Там же. С. 396–397.
- ⁸⁶ Там же. С. 398.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 335. Л. 23.
- ⁸⁸ См. *Павлов И.В.* Сталинизм: тайна власти // Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). Новосибирск, 1991. № 5. С. 149.
- ⁸⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 397.
- ⁹⁰ Там же. С. 398.
- ⁹¹ Там же. С. 400.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25915.
- ⁹⁴ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 641.
- ⁹⁵ СУ РСФСР. 1922. № 16. Ст. 160.
- ⁹⁶ Там же. № 65. Ст. 844.
- ⁹⁷ *Конквист Р.* Большой террор. Рига., 1990. Т. 2. С. 385.
- ⁹⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 428.
- ⁹⁹ Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 108.
- ¹⁰⁰ См. Ленин, о Ленине и ленинизме. Сб. ст. М., 1925.
- ¹⁰¹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 1,2.
- ¹⁰² *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. / Сост. Н. Канищева, О. Лежнева. М., 1993. С. 247.
- ¹⁰³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 10.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 12.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 17–18.

¹⁰⁷ *Елизарова А.И.* Владимир Ильич в тюрьме. «Пролетарская революция». 1924, № 3. С. 112.

¹⁰⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. XV.

¹⁰⁹ Там же, т. 55. С. 31.

¹¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹¹ Там же. С. 56.

¹¹² Там же. С. 84.

¹¹³ Там же. С. 84.

¹¹⁴ Там же. т. 46. С. 92.

Ленин, как и другие редакторы «Искры» — Плеханов, Мартов, Засулич, получал жалованье от партии. Потресов и Аксельрод от редакторского жалованья отказались.

¹¹⁵ Там же. С. 90–91.

А.М. Калмыкова, жена важного петербургского чиновника, в семье которых воспитывался П. Струве, сотрудничая в благотворительном Комитете грамотности, открыла в Петербурге книжный магазин, который стал своего рода нелегальной штаб-квартирой социал-демократов.

¹¹⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 288–229.

¹¹⁷ *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... М., 1993. С. 279.

¹¹⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 55. С. 215.

¹¹⁹ Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 589.

¹²⁰ *Назаров М.* За кулисами русской революции. В кн. *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998. С. 321; *Лодыженский А.* Русская революция // «Вече», Мюнхен, 1983, № 11. С. 156; *Шульгин В.* Что НАМ в НИХ не нравится... СПб., 1992. С. 227–228.

¹²¹ Там же. С. 266–268.

¹²² См.: *Саттон Э.* Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998. С. 223–225.

¹²³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 5–6.

¹²⁴ *Горький А.М.* Письма, воспоминания, документы. М., 1961. С. 360–361.

¹²⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 46. С. 428.

¹²⁶ Там же. С. 433.

¹²⁷ См. Переписка семьи Ульяновых... М., 1969. С. 342.

«После революции А.И. Ерамасов, — сообщали Д.И. и М.И. Ульяновы, — был некоторое время в партии, но вышел из нее по болезни (туберкулез легких и почек), короткое время работал в Музее народного образования, но вынужден был оставить работу по той же причине. Не имея заработка, он находился в стесненных материальных условиях, но сам ни разу не написал

об этом ни Владимиру Ильичу, ни кому-либо другому из членов нашей семьи — так велика была его скромность, — пока мы сами не разыскали его и не выхлопотали ему пенсию. После этого А.И. Ерамасов прожил недолго и весной 1927 г. умер в Сызрани». — Воспоминания о В.И. Ленине. Т. 1. С. 147–148.

¹²⁸ *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... М., 1993. С. 284. «Новая Жизнь» выходила в октябре—декабре 1905 г. в Петербурге, являясь фактически центральным органом РСДРП. Официальным редактором числился философ Минский, издателем — М.Ф. Андреева, гражданская жена М. Горького.

¹²⁹ *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... С. 285–286.

¹³⁰ См. Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т. 1. С. 328.

¹³¹ Ленинский сборник. Т. XXXVIII. М., 1970. С. 66.

¹³² РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6. Л. 2.

¹³³ Там же. Д. 9. Л. 1.

¹³⁴ Там же. Д. 12. Л. 1; См. *Волкогонов Д.* Ленин... Кн. 1. С. 108.

¹³⁵ Цит. по кн.: *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... С. 287.

¹³⁶ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1989. Т. 2. С. 113.

¹³⁷ См. *Валентинов Н.* Недорисованный портрет... С. 312.

¹³⁸ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22, 550, 2413–2419.

¹³⁹ Там же. Д. 7. Л. 1.

¹⁴⁰ *Joseph Nevada.* Trotsky and Jews. Philadelphia Jewish Publication Society of America, 1972. С. 163.

¹⁴¹ Цит. по: «Совершенно секретно», 1992, № 2. С. 7.

¹⁴² Ленинский сборник. М., 1924. С. 183.

¹⁴³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 49. С. 14.

¹⁴⁴ *Ленин В.И.* Апрельские тезисы. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 114.

¹⁴⁵ См. Первая мировая война: дискус. проблемы: М., 1994. С. 264–272, 273–279.

¹⁴⁶ Германия и революция в России (1915–1918). Документы из архивов Министерства иностранных дел. Лондон, 1958.

¹⁴⁷ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 122.

¹⁴⁸ *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 213–214.

¹⁴⁹ Парвус умер в Берлине в общественной изоляции из-за слухов о его обогащении на войне и распутных оргиях в его доме. Сыновья Парвуса в 1930-е годы служили советскими дипломатами: Лев Гельфанд был посланником СССР в Риме, откуда в 1940 г. бежал в США. Евгений Гнедин работал пресс-атташе в первые годы гитлеровского режима. Репрессирован.

- ¹⁵⁰ См. Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 г. Сборник документов МИД Германии. М., 1990.
- ¹⁵¹ «Отечественная история», 1993, № 2.
- ¹⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 445–447.
- ¹⁵³ «Отечественная история», 1993, № 2.
- ¹⁵⁴ Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 94–95.
- ¹⁵⁵ Россия. М., 1991. № 3(11). 18–24. 01.
- ¹⁵⁶ Fisher Fritz. Griff nach der Weltmacht — Die Kriegszielpolitik des Keizerlichen. Dusseldorf, 1961. S. 176.
- ¹⁵⁷ Керенский А.Ф. Мемуары... С. 215.
- ¹⁵⁸ Бунич И. Золото партии. СПб., 1993. С. 40.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 48.
- ¹⁶⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 194–195.
- ¹⁶¹ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 125.
- ¹⁶² Цит. по кн.: Бунич И. Золото партии. С. 8.
- ¹⁶³ Ленин В.И. Речь памяти Я.М. Свердлова. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 77, 127, 75.
- ¹⁶⁴ «Источник», 1994, №1. С. 3–4.
- ¹⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 511.
- ¹⁶⁶ См. Жуков Ю.Н. Операция «Эрмитаж». М., 1993. С. 8.
- ¹⁶⁷ Цит. по кн.: Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. С. 91.
- ¹⁶⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 180.
- ¹⁶⁹ Там же. С. 211.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 224.
- ¹⁷¹ Ленинский сборник. XXXVII. М., 1970. С. 360.
- ¹⁷² Цит. по кн.: Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. С. 35.
- ¹⁷³ Там же. С. 36; Волкогонов Д. Ленин. Т. 2. С. 344.
- ¹⁷⁴ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22960.
- ¹⁷⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 136–137.
- ¹⁷⁶ См. Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 187.
- ¹⁷⁷ Большевицкое руководство. Переписка... С. 267–268.
- ¹⁷⁸ Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 268.
- ¹⁷⁹ Там же. Т. 4. С. 92–94.
- ¹⁸⁰ ГАРФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 28. Л. 128.
- ¹⁸¹ Гимпельсон Е.Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968. С. 490, 492.
- ¹⁸² «Коммунист». 1918, № 1. С. 8, 15, 16.
- ¹⁸³ Люксембург Р. Русская революция. // Вопросы истории. 1990. № 2. С. 29.

¹⁸⁴ Ленин В.И. Доклад о партийной программе. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170.

¹⁸⁵ Андреев А.А. Профсоюзы за 4 года пролетарской революции. // Вестник труда. 1921. № 10/11. С. 8.

¹⁸⁶ Цит. по кн.: Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917–1929 гг.). М., 1991. С. 80.

¹⁸⁷ РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 330. Л. 9.

¹⁸⁸ Томский М.П. Избранные статьи и речи. М., 1928. С. 448.

¹⁸⁹ Декреты Советской власти. Т. 7. С. 274.

¹⁹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24385. Л. 3.

¹⁹¹ Там же. Д. 24095. Л. 5–12.

¹⁹² История Тульского оружейного завода. 1712–1972. М., 1973. С. 154.

¹⁹³ Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов. 16–25 января 1919 г. Стенограф. отчет. М., 1921. С. 22–59.

¹⁹⁴ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С. 112.

¹⁹⁵ Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 21.

¹⁹⁶ Зиновьев Г.Е. Партия и профсоюзы. М., 1929. С. 308.

¹⁹⁷ Дискуссия о профсоюзах: Материалы и документы, 1920–1921 гг. М., 1927. С. 185.

¹⁹⁸ Десятый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1921. С. 362–363.

¹⁹⁹ КПСС в резолюциях... М., 1983. Т. 2. С. 255.

²⁰⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 31.

²⁰¹ ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 4. Д. 2. Л. 14.

²⁰² Зиновьев Г. Сочинения. М., 1929. Т. 6. С. 317.

²⁰³ Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов, 6–13 апреля 1920 г. Стеногр. отчет. М., 1921. С. 65–67.

²⁰⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 203–204.

²⁰⁵ Там же. С. 203.

²⁰⁶ Там же. С. 204.

²⁰⁷ Там же. С. 263.

²⁰⁸ Десятый съезд РКП(б)... С. 665.

²⁰⁹ Там же. С. 665–666.

²¹⁰ Там же. С. 355.

²¹¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 7. М., 1954. Ч. 1. С. 535–536.

²¹² Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 57.

²¹³ Ленин В.И. Речь о хозяйственном строительстве 31 марта. Там же, т. 40. С. 272.

²¹⁴ Девятый съезд РКП(б)... С. 60.

- ²¹⁵ Ленин В.И. Там же, т. 40. С. 472.
- ²¹⁶ Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1972. С. 149.
- ²¹⁷ Цит. по кн.: Капустин М. Конец утопии? / Прошлое и будущее социализма. М., 1990. С. 134.
- ²¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. ЦК. М., 1983. Т. 2. С. 299, 301, 302.
- ²¹⁹ Там же. С. 325.
- ²²⁰ Ленин В.И. Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б). Полн. собр. соч. Т. 43. С. 42.
- ²²¹ Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 288; Ленин В.И. К истории вопроса о диктатуре. Там же, т. 41. С. 376.
- ²²² «Звезда», 1930, № 6. С. 187.
- ²²³ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 51.
- ²²⁴ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 199.
- ²²⁵ Красин Л.Б. Контроль над производством (по поводу статьи тов. Ленина «Лучше меньше, да лучше». // «Правда», 1923 г., 24 марта.
- ²²⁶ Троцкий Л.Д. Соч., т. 17. С. 326.
- ²²⁷ Сталин И.В. Соч., т. 5. С. 71.
- ²²⁸ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 30–31.
- ²²⁹ Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг. М., 1994. С. 67.
- ²³⁰ В.И. Ленин. О государстве. ПСС, т. 39. С. 402.
- ²³¹ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 44–45.
- ²³² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 149.
- ²³³ Там же. С. 179.
- ²³⁴ См. Сборник российских политических программ. 1917–1955 гг. // Составитель А.Н. Артемов. Клайпеда, 1989. С. 30–31.
- ²³⁵ Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 282.
- ²³⁶ Ленин В.И. О продовольственном налоге. Там же. Т. 43. С. 241, 242.
- ²³⁷ Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП(б). М., 1933. С. 78, 79.
- ²³⁸ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 177. Л. 1–2.
- ²³⁹ Ленинский сборник XXXVII. М., 1970. С. 289.
- ²⁴⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 54. Л. 7.

²⁴¹ Там же. Ф. 393. Оп. 1. Д. 43; Отчеты НКВД ЦК РКП(б), август—декабрь 1922 г.

²⁴² Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1961. С. 126.

²⁴³ Там же. Оп. 31. Д. 335. Л. 23.

²⁴⁴ Там же. С. 525.

²⁴⁵ РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22425. Л. 1–2.

²⁴⁶ *Ленин В.И.* Об условиях приема новых членов в партию. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 20.

²⁴⁷ Двенадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1968. С. 228.

²⁴⁸ Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1961. С. 85.

²⁴⁹ *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет. Кн. 2. С. 97.

²⁵⁰ Там же. С. 99.

²⁵¹ Там же. С. 324; АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 307. Л. 135.

²⁵² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 331.

²⁵³ Там же. С. 591.

²⁵⁴ Цит. по кн.: Владимир Ильич Ленин. Биография. 1917–1924. М., 1985. Т. 2. С. 236.

²⁵⁵ *Ленин В.И.* Лучше меньше, да лучше. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 398.

²⁵⁶ *Ленин В.И.* Письмо к съезду. Там же. С. 347.

²⁵⁷ *Ленин В.И.* Как нам реорганизовать Рабкрин. Там же. С. 383–384.

²⁵⁸ Там же. С. 347.

²⁵⁹ Там же. С. 385, 393.

²⁶⁰ РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 162. л. 14, 17.

²⁶¹ Подробнее см.: *Мясников Г.* Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова (публикация Беленкина Б.И. и Виноградова В.К.) Минувшее. Исторический альманах. 18. М., СПб., 1995. С. 7–194.

²⁶² *Потресов А.Н.* Ленин. «Источник», 1993, № 4. С. 25.

²⁶³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344–345.

²⁶⁴ Там же. С. 346.

²⁶⁵ Цит. по кн.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 674–675.

²⁶⁶ Там же. С. 329–330.

²⁶⁷ См. *Волков Г.* Стенографистка Ильича. «Советская культура», 1989 г., 21 января.

²⁶⁸ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 607–608.

²⁶⁹ Там же. С. 345.

- ²⁷⁰ Там же.
- ²⁷¹ Троцкий Л.Д. Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986. С. 31.
- ²⁷² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
- ²⁷³ Волкогонов Д. Ленин... Кн. 2. С. 98–99.
- ²⁷⁴ Там же.
- ²⁷⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 179–180.
- ²⁷⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 190.
- ²⁷⁷ Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 г. М., 1995. С. 183.
- ²⁷⁸ Бухарин Н.И. Ленинизм и проблема культурной революции. Избр. произв. М., 1988. С. 374.
- ²⁷⁹ КПСС в резолюциях и решениях... М., 1954. Т. 1. С. 804.
- ²⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 35. С. 187.
- ²⁸¹ Неизвестный Богданов. В 3 кн. Кн. 1. Статьи, доклады, письма и воспоминания. 1901–1928. М., 1995. С. 23.
- ²⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28. С. 427.
- ²⁸³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 192.
- ²⁸⁴ Там же.
- ²⁸⁵ Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы. 1917–1923 гг. М., 1995. С. 113.
- ²⁸⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 16.
- ²⁸⁷ Подробно см.: Иванов А. Логика кошмара. М., 1993.
- ²⁸⁸ Горький М. Владимир Ленин // Русский современник. 1924. № 1. С. 241.
- ²⁸⁹ Штейн М. Ульяновы и тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997.
- ²⁹⁰ Россия и евреи. Берлин, 1923. С. 6.
- ²⁹¹ Там же. С. 6, 134–135.
- ²⁹² Бердяев Н.А. История и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 93.
- ²⁹³ Устрялов Н.В. Patriotica. / Смена век. Прага, 1921. С. 54.
- ²⁹⁴ Вишняк М. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж, 1931. С. 283.
- ²⁹⁵ Варшавский В. «Чевенгур» и «Новый град». / Новый журнал. 1976. № 122. С. 195.
- ²⁹⁶ В.И. Ленин. Государство и революция. ПСС, т. 33. С. 35.
- ²⁹⁷ Майский И., Шок Б. и другие. Воспоминания. М., 1967. С. 75.
- ²⁹⁸ Неизвестный Богданов. В 3 кн. Кн. 3. Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904–1914). М., 1995. С. 28.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Алфавитный указатель произведений, вошедших в Полное собрание сочинений В.И. Ленина. М., 1966; Справочный том к Полному собранию сочинений, ч. 1. М., 1969; ч. 2. М., 1970.

Андреев А.А. Профсоюзы за 4 года пролетарской революции. // Вестник труда. 1921. № 10/11.

Антонов-Овсеенко В.А. Октябрьская буря. Пг., 1919.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 22. Д. 307. Л. 135.

Арутюнов А.А. Феномен Владимира Ульянова (Ленина). М., 1992.

Арутюнов А.А. Досье Ленина без ретуши. М., 1999.

Архив МБ. Н-15318. Д. 21790. Т. 1. Л. 281.

Архив русской революции. Изд. 2-е. Т. 1-10. М., 1991-1993.

Бакунин М.А. Государственность и монархия. Собр. соч. и писем, т. 1-4. М., 1934-1935.

Бегунов Ю.К. Тайные силы в истории России. Сб. статей и документов. СПб., 1996.

Безансон А. Интеллектуальные истоки ленинизма. М., 1998.

Белое дело. Ледяной поход. М., 1993.

Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: субъективные заметки. М., 1992.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

Богданов А.А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990.

Бойков М.В. Классики о классиках (Исправление по Марксу). М., 1997.

Большая советская энциклопедия. Т. 15, 24(1).

Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. Сборник документов. / Сост. Квашонкин А.В. и др. М., 1996.

Бразоль Б.Л. Царствование императора Николая II, 1894-1917 гг. в цифрах и фактах. Нью-Йорк., 1968.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и следствие революционного насилия. М., 1997.

Бунич И. Золото партии. СПб., 1992.

Бухарин Н.И. Ленинизм и проблема культурной революции. Избр. произв. М., 1988.

Бухарин Н.Н. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

Был ли Ленин немецким агентом? Документы. СПб., 1994.

Былое. 1918, № 12. Кн. 6.

В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975.

Валентинов Н. Недорисованный портрет. / Сост. Н. Канищева, О. Лежнева. М., 1993.

Варшавский В. «Чевенгур» и «Новый град». / Новый журнал, 1976. № 122.

Великая Октябрьская социалистическая революция: Энциклопедия / Под ред. П.А. Голуба и др. М., 1987.

Вишняк М. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж, 1931.

Вишняк М.В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.

Владимир Ильич Ленин. Биография. 1917–1924. М., 1985.

Вождь: / Ленин, которого мы не знали/. / Сост. Г.П. Сидоровнин. Саратов, 1991.

Волков Г. Стенографистка Ильича. «Советская культура», 1989, 21 января.

Волкогонов Д. Ленин — политический портрет. В 2 кн. М., 1994.

Волкогонов Д. Семь вождей. Галерея лидеров СССР. В 2 кн. М., 1995.

Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. М., 1992.

Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. В 2 кн. М., 1992.

Воспоминания В.Д. Бонч-Бруевича. Вопросы истории КПСС. 1991, № 2.

Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т. 1. М., 1989. Т. 2.

Восьмой съезд РКП(б), март 1919 г.: Протоколы. М., 1959; Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов. 16–25 января 1919 г. Стенограф. отчет. М., 1921. Ч. 1.

Второй Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. М., 1928.

ГАРФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 54. Л. 7.

ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 500. Л. 43.

ГАРФ. Ф. 339. Оп. 1. Д. 28. Л. 128.

ГАРФ. Ф. 393. Оп. 1. Д. 43. Отчеты НКВД ЦК РКП(б) о деятельности в августе — декабре 1922 г.

ГАРФ. Ф. 393. Оп. 2. Д. 45. Л. 385.

ГАРФ. Ф. 393. Оп. 31. Д. 335. Л. 23.

ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 4. Д. 2. Л. 14.

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти... Кн. 1. М., 1995.

Герасименко Г.А. Трансформация власти в России в 1917 году. «Отечественные записки», 1997, № 1.

Германия и революция в России (1915–1918). Документы из архивов Министерства иностранных дел. Лондон, 1958.

Гимпельсон Е.Г. Советы в годы иностранной интервенции и гражданской войны. М., 1968.

Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973.

Гимпельсон Е.Г. Рабочий класс в управлении Советским государством. М., 1982.

Гимпельсон Е.Г. Путь к однопартийной диктатуре. «Отечественные записки», 1994, № 4–5.

Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы: 1917–1923 гг. М., 1995.

Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы 1917–1920 гг. М., 1998.

Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / Отв. ред. А.К. Соколов. М., 1997.

Горький А.М. Письма, воспоминания, документы. М., 1961.

Горький М. Владимир Ленин // «Русский современник», 1924, № 1.

Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990.

Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства 1917–1918 гг. М., 1968.

Государственное совещание. Стенограф. отчет. М.—Л. 1930.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.

Дамье В.В. Либеральный социализм или экологическая катастрофа? «Кентавр», 1993, № 1.

Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства. Летопись революции, т. 1. Берлин, 1923.

Двенадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1968.

Девятая конференция РКП(б). Протоколы. М., 1972.

Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960.

Декреты Советской власти. М., 1957–1968. Т.1–12.

Дело Бориса Савинкова. М., 1924. С. 28.

- «Дело народа», 1917 г., 25, 27, 28 октября.
Десятый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1963.
Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 1.
Дискуссия о профсоюзах. Материалы и документы, 1920–1921 гг. М., 1927.
Дробкина Ф. Всероссийское совещание большевиков в марте 1917 г. / Вопросы истории, 1956, № 9. С. 10.
Ежегодник советской юстиции. 1922. № 1.
Еженедельник ВЧК. 1918. № 1–2.
Елизарова А.И. Владимир Ильич в тюрьме. «Пролетарская революция», 1924. № 3.
Ерманский О.А. Из пережитого. 1887–1921. М.—Л., 1927.
Жарков М.Г. Против буржуазных фальсификаций истории Октября. Минск, 1975.
Жуков Ю.Н. Операция Эрмитаж. М., 1993.
Журавлев В.В. Учит ли нас исторический опыт. «Кентавр», 1993, № 5.
«За рубежом», 1992, № 18.
«Звезда», 1930, № 6.
Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917–1924 гг.
Зиновьев Г.Е. Ленин. М., 1924.
Зиновьев Г. Сочинения. М., 1929. Т. 1–6.
Иванов А. Логика кошмара. М., 1993.
Из истории ВЧК. 1917–1921. Сборник документов. М., 1958.
Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, 22 июля.
Известия ЦК КПСС. 1919–1989.
«Известия», 1917 г., 25 октября.
«Известия», 1918 г., 19 января.
Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1988.
Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.
Ирошников М.П. Создание Советского центрального государственного аппарата. М.—Л., 1966.
Исторический архив, 1960. № 6; 1965. № 7; 1996. № 5–6.
Историческое исследование в России: тенденции последних лет./Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 1996.

История Отечества в документах. 1917–1993. Часть 1–4., М., 1994–1995.

История Отечества. XX век: Документы. Материалы. Комментарии. В 3-х кн. Пермь, 1993.

История политических партий в России. / Думова Н.Г. и др. М., 1994.

История Тульского оружейного завода. 1712–1972. М., 1973.

Калинин М.И. Избранные произведения. В 4-х томах. М., 1960.

Каменев Л.Б. 8 лет Октябрьской революции. М.—Л., 1925.

Каменев Л.Б. Великий мятежник. О В.И. Ленине. Харьков, 1925.

Каменев Л.Б. Диктатура пролетариата. Тифлис, 1921.

Каменев Л.Б. Партия и троцкизм. Уроки партийной истории. М., 1924.

Капустин М. Конец утопии? / Прошлое и будущее социализма. М., 1990.

Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Большевицкая революция. 1917–1923. М., 1990.

Каторга и ссылка. 1932, № 11–12.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993.

Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917–1929 гг.). М., 1991.

«Коммунист» (орган фракции левых коммунистов), 1918 г., 8 марта.

«Коммунист», 1918, № 1.

«Комсомольская правда», 1990 г., 31 января.

Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993.

Конквист Р. Большой террор. Рига, 1990. Т. 2.

Корниловские дни. Пг., 1917.

Короленко В.Г. Письма к Луначарскому. Париж, 1922.

Котеленец Е.А. В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1–2. Изд. 7. М., 1954–1983.

Красин Л.Б. Контроль над производством (по поводу статьи тов. Ленина «Лучше меньше, да лучше»). // «Правда», 1923 г., 24 марта.

Красная книга ВЦК. М., 1989.

Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966.

Курашвили Б.П. Куда же идет Россия? М., 1994.

Курашвили Б.П. Новый социализм. К возрождению после катастрофы. М., 1997.

Курашвили Б.П. Страна на распутье. М., 1990.

Латышев А. Рассекреченный Ленин. М., 1996.

Лацис М. (Судрабс). ЧК в борьбе с контрреволюцией. ГИЗ, 1921.

Ленин В.И. и ВЧК. Сб. док. (1917–1922 гг.). М., 1975.

Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч. Т. 1.

Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч. Т. 3.

Ленин В.И. Наша программа. Полн. собр. соч. Т. 4.

Ленин В.И. Насущные задачи нашего движения. Полн. собр. соч. Т. 4.

Ленин В.И. Протест российских социал-демократов. Полн. собр. соч. Т. 4.

Ленин В.И. Проект программы нашей партии. Полн. собр. соч. Т. 4.

Ленин В.И. Что делать? Полн. собр. соч. Т. 6.

Ленин В.И. Самодержавие колеблется... Полн. собр. соч. Т. 7.

Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад. Полн. собр. соч. Т. 8.

Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полн. собр. соч. Т. 11.

Ленин В.И. Наши задачи и Совет рабочих депутатов. Полн. собр. соч. Т. 12.

Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полн. собр. соч. Т. 12.

Ленин В.И. Первая победа революции. Полн. собр. соч. Т. 12.

Ленин В.И. Социализм и религия. Полн. собр. соч. Т. 12.

Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полн. собр. соч. Т. 12.

Ленин В.И. Уроки Московского восстания. Полн. собр. соч. Т. 13.

Ленин В.И. Ликвидация ликвидаторства. Полн. собр. соч. Т. 19.

Ленин В.И. Доклад о революции 1905 года. Полн. собр. соч. Т. 30.

Ленин В.И. Апрельские тезисы. Полн. собр. соч. Т. 31.

Ленин В.И. Революция в России и задачи рабочих всех стран. Полн. собр. соч. Т. 31.

Ленин В.И. Как запугивают народ капиталисты? Полн. собр. соч. Т. 32.

Ленин В.И. Исчезло ли двоевластие? Полн. собр. соч. Т. 32.

Ленин В.И. На переломе. Полн. собр. соч. Т. 32.

Ленин В.И. Противоречивая позиция. Полн. собр. соч. Т. 32.

Ленин В.И. Политическое положение. Полн. собр. соч. Т. 34.

Ленин В.И. Марксизм и восстание. Полн. собр. соч. Т. 34.

Ленин В.И. Кризис назрел. Полн. собр. соч. Т. 34.

Ленин В.И. Заседание ЦК РСДРП(б) 10(23) октября 1917 г. Доклад. Протокольная запись. Полн. собр. соч. Т. 34.

Ленин В.И. Большевики должны взять власть. Полн. собр. соч. Т. 34.

Ленин В.И. Слухи о заговоре. Полн. собр. соч. Т. 34.

Ленин В.И. Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд. Полн. собр. соч. Т. 34.

Ленин В.И. Тезисы об Учредительном собрании. Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. Доклад о мире 26 октября. Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о мире. Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. Доклад о земле. Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. Доклад о текущем моменте. Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. К лозунгам демонстрации. Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. Союз рабочих с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами. Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. Ответы на записки. Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. Речь на заседании съезда земельных комитетов и крестьянской секции III съезда Советов 28 января (10 февраля) 1918 г. Полн. собр. соч. Т. 35.

Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч. Т. 36.

Ленин В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности. Полн. собр. соч. Т. 36.

Ленин В.И. Доклад Совета Народных Комиссаров 5 июля. Полн. собр. соч. Т. 36

Ленин В.И. Доклад о партийной программе. Полн. собр. соч. Т. 38.

Ленин В.И. Речь памяти Я.М. Свердлова. Полн. собр. соч. Т. 38.

Ленин В.И. Отчет ЦК 18 марта. Полн. собр. соч. Т. 38.

Ленин В.И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая. Полн. собр. соч. Т. 38.

Ленин В.И. Привет венгерским рабочим. Полн. собр. соч. Т. 38.

Ленин В.И. Великий почин. Полн. собр. соч. Т. 39.

Ленин В.И. Доклад ВЦИК и Совнарком. 5.12.1919. Полн. собр. соч. Т. 39.

Ленин В.И. Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения. Полн. собр. соч. Т. 39.

Ленин В.И. Речь о хозяйственном строительстве 31 марта. Полн. собр. соч. Т. 40.

Ленин В.И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. Полн. собр. соч. Т. 40.

Ленин В.И. Речь на 1-м Всероссийском съезде горнорабочих. Полн. собр. соч. Т. 40.

Ленин В.И. Речь на 3-м Всероссийском съезде профсоюзов. Полн. собр. соч. Т. 40.

Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Полн. собр. соч. Т. 41.

Ленин В.И. К истории вопроса о диктатуре пролетариата. Полн. собр. соч. Т. 41.

Ленин В.И. К истории вопроса о диктатуре. Полн. собр. соч. Т. 41.

Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Полн. собр. соч. Т. 44.

Ленин В.И. Заключительное слово по отчету ЦК РКП(б). Полн. собр. соч. Т. 43.

Ленин В.И. О продовольственном налоге. Полн. собр. соч. Т. 43.

Ленин В.И. Об условиях приема новых членов в партию. Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше. Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. Как нам реорганизовать Рабкрин. Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. Письмо к съезду. Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. Дополнения к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР и письма Д.И. Курскому. Полн. собр. соч. Т. 45.

Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.

Ленин, о котором спорят сегодня/ А.С. Абрамов и др. М., 1991.

Ленинский сборник. М., 1924–1988. 1–40.

Леонов С.В. Рождение советской империи: государство и идеология. 1917–1922 гг. М., 1997.

Леонов С.В. Создание советской государственности: теория и практика (1917–1922 гг.). Автореферат. М., 1998.

Леонов С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917–1920 годы). Вопросы истории, 1990, № 12.

Лисичкин Г.С. К. Маркс — злейший враг российских большевиков. Размышления о причинах кризиса в России. М., 1993.

«Литературное обозрение», 1988, № 10.

Лодыженский А. Русская революция // «Вече». Мюнхен, 1983. № 11.

Локкарт Р. Буря над Россией. Рига, 1932.

Ломов Г. В дни бури и натиска. // «Пролетарская революция», 1927, № 10 (69).

Луначарский А.В. и др. Силуэты: политические портреты. М., 1991.

Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1989.

Люксембург Р. Русская революция. // Вопросы истории. 1990. № 2.

Манухин И. Воспоминания о 1917–1918 гг. // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. Т. 54.

Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 19, 28, 35.

Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. Об историческом опыте и его уроках. М., 1989.

Мартовское партийное совещание... М., 1917.

Миллюков П.Н. Воспоминания (1859–1919). Нью-Йорк, 1955. Т. 2.

Марушкин Б.И., Иоффе Г.З., Романовский Н.В. Три революции в России и буржуазная историография. М., 1977.

Миллюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921–1924. Т. 1, вып. 2.

Меньшевики. Документы и материалы. М., 1986.

Минц И.И. Год 1918-й. М., 1982.

Минц И.И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1968.

Молчанов И. «Он ниспроверг себя...» 11 тезисов к годовщине смерти Ленина. «Независимая газета». 1994 г., 22 января.

Мухина Г.З. Социалистическая революция и государство. М., 1975.

«Мысль»: Альманах. (Пг.), 1918. № 1.

Мясников Г. Философия убийства, или Почему и как я убил Михаила Романова (публикация Беленкина Б.И. и Виноградова В.К.). Минувшее. Исторический альманах. 18. М.—СПб., 1995.

Невский В.И. Историческое заседание Петербургского комитета РСДРП(б) накануне Октябрьского восстания // Красная летопись. 1922. № 2–3.

Недорисованный портрет. 1920 год: 50-летие В.И. Ленина в речах, статьях, приветствиях (материалы публикуются впервые после 1924 года). Сборник / Сост. К.И. Буков и др. М., 1990.

Неизвестная Россия. XX век. Кн. 1–4. М., 1992–1994.

Ненароков А. 1917. Великий Октябрь: документы, фотографии. М., 1977.

Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М., 1995.

«Новая жизнь», 1917 г., 19 ноября; 1918 г., 25–26 января.

Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенограф. отчет. М., 1961.

Октябрь 1917: величайшее событие или социальная катастрофа? М., 1991.

Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. Научно-практическая конференция 5 ноября 1994 года. М., 1994.

Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1967.

Омельченко Н.А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности (историко-политический анализ). СПб., 1996.

Отечественная история. 1993. № 2.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Документы. Л., 1927.

Павлов И.В. Сталинизм: тайна власти // Экономика и организация промышленного производства (ЭКО). Новосибирск, 1991. № 5.

Пайнс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. Он же. Русская революция: В 2-х книгах. М., 1994. Он же. Россия при большевиках. М., 1997.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.

Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 1996.

Первая Ленинградская областная конференция ВКП(б), 15–19 ноября 1927 г. Стеногр. отчет. Л., 1927.

Первая мировая война: дискус. проблемы. М., 1994.

Первое Советское правительство. Окт. 1917 — июль 1918 гг./ Науч. ред. А.П. Ненароков. М., 1991.

Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стеногр. отчет. М.—Л., 1930.

Первый съезд РСДРП, март 1898 года. Документы и материалы. М., 1958.

Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными организациями (январь — март 1919 г.). Сборник документов, М., 1971.

Переписка семьи Ульяновых. 1883–1897. М., 1969.

Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 2 т. М., 1966.

Пирумова Н. Письма и встречи. «Родина», 1989, № 1.

Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1997.

Плеханов Г.В. Соч., т. I—XIII. М.—Л., 1925.

Подвойский Н.И. Год 1917. М., 1958.

Политическая история России. Хрестоматия. / Сост. Коваленко А.Ф. и др. М., 1989.

Потресов А.Н. Ленин. «Источник», 1993, № 4.

Поцелуев В.А. О периодизации истории советского общества / Роль лидеров/. В сб. научных трудов: Историография, Источниковедение отечественной истории. М., 1993.

Поцелуев В.А. Некоторые проблемы кратологии в истории России. В кн.: Россия и мировая цивилизация. М., 1996.

Поцелуев В.А. Исторические корни политики большевиков. М., 1998.

Поцелуев В.А. И это все о них (Советские вожди в мемуарах). Библиография. 2000. № 6.

«Правда», 1917 г., 4 июля, 29 октября; 1917 г.; 1918, 21 января.

«Известия», 1917 г., 10 ноября.

«Пролетарская революция», 1922, № 10.

Протокол Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958.

Протоколы десятой Всероссийской конференции РКП(б). М., 1933.

Протоколы заседаний ВЦИК рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II созыва. М., 1918.

Протоколы заседаний ВЦИК рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов II—V созывов. М., 1918.

Протоколы заседаний ВЦИК Советов р., с., кр. и каз. депутатов II созыва. М., 1918.

Протоколы и резолюции Бюро ЦК РСДРП (б) (март 1917 г.)// Вопросы истории КПСС. 1962. № 3.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958.

Процесс ПСР: Речи государственных обвинителей. М., 1922. С. 243–244.

Пятницкий Л.М. От Февраля до Октября 1917 года. М., 1994.

Пятый созыв ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. М., 1919.

Рабинович А. Большевики приходят к власти. М., 1989.

«Рабочий путь», 1917 г., 24, 25 октября.

Раскольников Ф. Рассказы мичмана Ильина. М., 1934.

Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991.

«Речь», 1917 г., 24 октября.

РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 478., Оп. 16. Ед. хр. 50, ЛЛ. 39–40, 73.

РГАЭ. Ф. 476. Оп. 1. Ед. хр. 98. Л. 118.

«Революционная Россия», 1921, № 11.

Революция 1905–1907 гг. в России./Документы и материалы. Под ред. А.М. Панкратовой. Т.н. Кн. 1. М., 1961.

Революция 1917 года. Рим, 1971.

Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1987.

«Родина», 1990, № 5.

«Родина», 1990, № 4.

Россия и евреи. Берлин, 1923.

Россия. М., 1991. № 3(11).

Русская православная церковь и коммунистическое государство. / Отв. ред. Шапов Я.Н. Отв. сост. Васильева О.Ю. М., 1996.

Русь. 1918 г., 18 января.

РЦХИДНИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 546. Л. 122–123.

РЦХИДНИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 12. Л. 66–67.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 194. Л. 3—3об.

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 7. Л. 5.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12176.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22, 550, 2413–2419.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22425. Л. 1–2.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22960.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24095. Л. 5–12.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24385. Л. 3.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24530. Л. 3–5.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25830. Л. 235.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25830. Л. 237.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25830. Л. 238.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25915.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4629. Л. 1–2.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 122.

РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 125.

- РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1338. Л. 1–2.
РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 177. Л. 1–2.
РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 6. Л. 2.
РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 641.
РЦХИДНИ. Ф. 362. (Ю.О. Мартов). Оп. 1. Д. 51. Л. 153–154.
РЦХИДНИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 76, 80. Л. 1–9.
РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 330. Л. 9.
РЦХИДНИ. Ф. 362 (Мартов Ю.О.). Оп. 1. Д. 51. Л. 127.
РЦХИДНИ...; Троцкий Л.... С. 116.
РЦХИДНИ...; Троцкий Л.... С. 125.
РЦХИДНИ...; Троцкий Л.... С. 127.
РЦХИДНИ...; Троцкий Л.... С. 128.
РЦХИДНИ...; Троцкий Л.... С. 129.
РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23887. Л. 64–65.
РЦХИДНИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 162. л. 14, 17.
РЦХИДНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 23887. Л. 61.
Рыков А.И. Избранные произведения. М., 1990.
Рябинский К. Революция 1917. Хроника событий. М.—Л., 1926.
Саттон Э. Уолл-стрит и большевистская революция. М., 1998.
Сборник российских политических программ. 1917–1955 гг./
Составитель А.Н. Артемов. Клайпеда, 1989.
Свердлов Я.М. Избранные произведения. М., 1959.
Собрание Указов и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917–1924 гг.
«Совершенно секретно», 1992, № 2. С. 7.
«Солдатская правда», 1917 г., 5 июля.
Соловьев В. Статьи о еврействе. Иерусалим, 1979.
Солоухин В. При свете дня. М., 1992.
«Социалистические вести», 1922, № 3.
Спирин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968.
Сталин И.В. Сочинения. В 14 томах. М., 1953–1954.
Станкевич В.Б. Воспоминания. / Февральская революция. Мемуары. М.—Л., 1926.
Стецовский Ю.И. История советских репрессий. М., 1997. Кн. 1.
Страницы истории КПСС. Факты. Проблемы. Уроки. Сост.: В.К. Горев, В.Н. Донченко, С.А. Степанов. Под ред. В.И. Купцова. М., 1988.
Струве П.Б. Вехи. Вып. 1. М., 1909.
Стучка П. Государство и революция. М., 1922.

- СУ РСФСР. 1922. № 16. Ст. 160.
СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 447; Ст. 662, 623, 624.
СУ РСФСР. 1922. № 65. Ст. 844.
Суханов Н. Записки революционера. М., 1993. Кн. 1–3.
Томский М.П. Избранные статьи и речи. М., 1928.
Третий Всероссийский съезд профессиональных союзов, 6–13 апреля 1920 г. Стеногр. отчет. М., 1921.
Трифонов Ю. Отблеск костра. М., 1988.
Трофимов Ж.А. Волкогоновский Ленин (Критический анализ книги Д.А. Волкогонова «Ленин»). М., 1997.
Троцкий Л. История русской революции. Берлин, 1931.
Троцкий Л. Моя жизнь. Берлин, 1930.
Троцкий Л. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990.
Троцкий Л.Д. Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986.
Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1991.
Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографии. М., 1924.
Троцкий Л.Д. Сочинения. М.—Л., 1924–1927.
Троцкий Л.Д. Тайна сталинских фальсификаций. М., 1990.
Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. Пг., 1920.
Трукан Г.А. Была ли альтернатива большевистской власти? «Кентавр», 1993, № 5.
Трукан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг. М., 1994.
Трушков В.В. Читая Ленина сегодня. М., 1988.
Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997.
Устрялов Н.В. Patriotica. / /Смена век. Прага, 1921.
Учредительное собрание. Стенограф. отчет. Пг., 1918.
Фишер Л. Жизнь Ленина. В 2-х томах. М., 1997.
Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 г. Сборник документов МИД Германии. М., 1990.
Хесин С.С. Становление пролетарской диктатуры. М., 1975.
Хрестоматия по истории России. 1917–1940.; ВЧК-ГПУ. Документы и материалы. / Ред.-сост. Фелынтинский Ю.М., 1993.
Хрестоматия по истории России первой половины XX века./ Сост. Хромов И.С. М., 1995.
Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945). / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М., 1996.
Хрестоматия по отечественной истории (1946–1995). / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М., 1996.
ЦГАСА, Ф. 33987. Оп. 1. Д. 11. Л. 229.

ЦГАСА. Ф. 100. Оп. 3. Д. 100. Л. 135.

ЦГАСА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 7. Л. 11.

Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж. 1963. Кн. 1–2.

Церковные ведомости. 1918. № 2.

Ципко А.С. Насилие лжи, или Как заблудился призрак. М., 1991.

Чебыкин В.А. Фальсификация ленинского образа. Астрахань, 1995.

Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР. Советский период. М., 1967.

Шингарев А. Как это было. М., 1918.

Шишкина И.М. Правда истории и домыслы советологов. Л., 1977.

Шляпников А. Семнадцатый год. М.—Л., 1927. Кн. 1.

Штейн М. Ульяновы и тайны родословной и псевдонима. СПб., 1997.

Штурман Д. О вождах российского коммунизма. В 2 кн. Париж—Москва, 1993.

Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990.

Шульгин В. Что НАМ в НИХ не нравится... Об антисемитизме в России. СПб., 1992.

Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М., 1991.

Яковлев А.Н. Горькая чаша. Большевизм и Реформация России. Ярославль, 1994.

Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1995.

Яковлев А.Н. Крестосев. М., 1999.

Fisher Fritz/ Griff nach der Weltmacht — Die Kriegszielpolitik des Keizerlichen/. Dusseldorf, 1961. S. 176

Getzler J. Martov: A Political Biography a Russian Social Democrat. Melbourne. 1967. С. 168 Joseph Nevada. Trotsky and Jews (Philadelphia Jewish Publication Society of America, 1972. С. 163. Kautsky K. Terrorismus and Kommunismus: Ein Beitzag zur Naturgeschichte der Revolution/ — В /? 1919/

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
----------------	---

ИЗВЕСТНОЕ, ПРИДУМАННОЕ, ТАЙНОЕ

Перо, разящее, как штык	17
О времени и о себе	40
Идеи и директивы	48

ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ В. УЛЬЯНОВА

Создание «ленинской секты»	65
Разрешение «кардинального вопроса»	135

«ТРИУМФАЛЬНОЕ ШЕСТВИЕ...»

Популизм ленинизма-большевизма	203
«Грабь награбленное»	233
Битва за хлеб	258

ОСНОВЫ ЖИЗНЕННОЙ ПРАКТИКИ

Главный метод социалистического переустройства	329
Деньги вождя и партии	363
Оформление «самой настоящей олигархии»	399
Закключение	440
Использованная литература и архивные материалы	463

Научно-популярное издание

ГЕНИИ ВЛАСТИ

Владимир Поцелуев

ВЕЛИКИЙ ЛЕНИН

«Вечно живой»

Ответственный редактор *А. Иванов*
Художественный редактор *Ю. Щербаков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *Т. Павлова*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15.
Для корреспонденции: 123308, Москва, ул. Зорге, д. 1.
Тел.: 8 (495) 745-58-23.

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о
техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 29.07.2014. Формат 60×90^{1/16}.
Гарнитура «Журнальная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0.
Тираж 1200 экз. Заказ 5369.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-74860-0

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.

Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru/

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

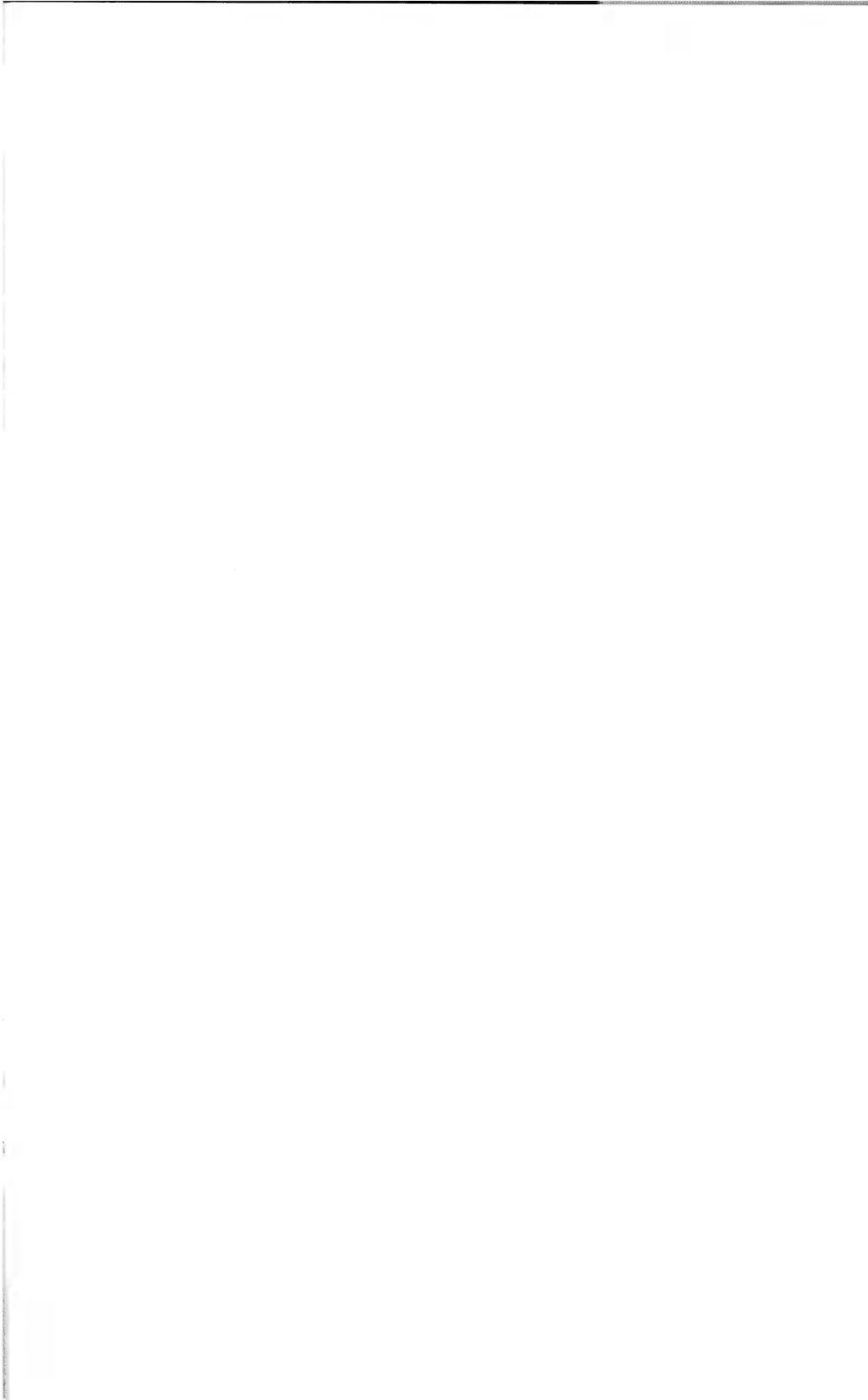
Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

2800

Лисаковская ЦБС

2 100200 195433

20061100010

ГЕНИИ
ВЛАСТИ

ВЕЛИКИЙ ЛЕНИН

«Если предложить хорошую цену, капиталисты продадут нам веревку, на которой мы их повесим», «Богатые и жулики – две стороны одной медали», «Интеллигенция – не мозг, а г... нации!», «Мы пойдем другим путем!» – так говорил В. И. Ленин. Хотя после его смерти прошло уже 90 лет, ожесточенные споры о «Вожде мирового пролетариата» и его роли в истории не стихают до сих пор. Ленина проклинают как «тирана и дилача», «залившего кровью всю Россию». Его прославляют как гениального политика, отца-основателя СССР и великого пророка, чьи идеи особенно актуальны сегодня: ведь еще сто лет назад он предупреждал и о зверином оскале финансового капитализма, и о бесплодности «экономики по производству денег», этого «самопожирающего монстра», обрекающего мир на глобальные кризисы...

И в чем бы ни обвиняли Ленина заклятые враги, даже они вынуждены признать очевидный факт: он был великим политиком, ГЕНИЕМ ВЛАСТИ, оставившим неизгладимый след в истории не только России, но и всего мира!

ISBN 978-5-699-74860-0

9 785699 748600 >

ВЛАДИМИР ПУТИН

ГЕНИИ
ВЛАСТИ